

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

НЕКРАСОВСКИЙ СБОРНИК

VIII

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

1983

Редакционная коллегия:

Б. В. МЕЛЫГУНОВ, Ф. Я. ПРИЙМА (ответственный редактор),
В. А. СМЕРНОВ

Рецензенты:

Г. Я. ГАЛАГАН, В. С. МАСЛОВ

НЕКРАСОВСКИЙ СБОРНИК, т. VIII

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы (Пушкинский Дом)
Академии наук СССР*

Редактор издательства *Н. А. Храмцова*. Технический редактор *Н. Ф. Соколова*
Корректоры *Н. Э. Петрова, С. И. Семиглазова* и *Е. В. Шестакова*

ИБ № 20739

Сдано в набор 03.01.83. Подписано к печати 14.10.83. М-41184. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага
типографская № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 18.90. Усл. кр.-отт.
19.90. Уч.-изд. л. 19.87. Тираж 6550. Тип. зак. 2114. Цена 1 р. 70 к.

Издательство «Наука». Ленинградское отделение. 199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

Н 4603010101-735
042 (02)-83 403-83-П

© Издательство «Наука», 1983 г.

И. СТАТЬИ

Ф. Я. Прийма

ТЕМА ТРУДА В ТВОРЧЕСТВЕ НЕКРАСОВА

В сентябре 1927 г. А. М. Горький писал С. Н. Сергееву-Ценскому из Сорренто о романе Ф. В. Гладкова: «„Цемент“ и я похвалил, потому что в нем взята дорогая мне тема — труд. Наша литература эту тему не любит, не трогала, м^{ожет} б^{ыть}, потому, что она требует пафоса, а где уж он у нас, пафос? Но — нужен. Необходим».¹

Немало внимания, как известно, уделил Горький этой теме и в своем докладе на Первом съезде советских писателей в августе 1934 г.: «Основным героем наших книг мы должны избрать труд, то есть человека, организуемого процессами труда, который у нас вооружен всей мощью современной техники, — человека, в свою очередь организующего труд более легким, продуктивным, возводя его на степень искусства».²

Поднятая основоположником социалистического реализма на уровень «вечных» тем литературы тема труда стала одной из магистральных тем в творчестве советских художников слова. Не говоря уж о произведениях нашей прозы, которая лишь в исключительных случаях обходится без отображения городских или сельских производственных будней, русская советская поэзия последних десятилетий в лице А. Т. Твардовского, А. А. Прокофьева, Я. В. Смелякова, Б. А. Ручьева, В. Д. Федорова, Е. А. Исаева и других мастеров создала немало впечатляющих картин вдохновенного и свободного труда граждан социалистического общества.

Намного хуже обстояло и обстоит по сию пору дело с освещением названной темы в критике и литературоведении. Когда же возникла в русской литературе тема труда, какие этапы развития она совершила и, наконец, как преломлялась и преломляется она в творчестве тех или иных писателей — на подобные вопросы, вследствие их неизученности, наша наука не дает сколько-нибудь авторитетных ответов.

Правда, еще в 1924 г. в г. Иваново вышла в свет обстоятельная монография И. Н. Кубикова «Рабочий класс в русской литературе», представлявшая собой попытку взглянуть на вопрос с историко-литературной точки зрения. В 1934 г. была опубликована также статья А. Г. Фомина «Рабочий класс в русской литературе до Октябрьской революции».³ Несмотря на свойственный названным работам налет вульгарного социологизма и на присущую им тенденцию искусственного обособления фабрично-заводской тематики от темы труда в целом, работы эти не утратили своей научной ценности до настоящего времени. К сожалению, полезный почин И. Н. Кубикова и А. Г. Фомина в советской литературной науке серьезного продолжения не получил. Вместе с тем тезис о том, что освоение темы труда в советской литературе опиралось и опирается на классические традиции, в частности на традиции А. В. Кольцова и Н. А. Некрасова, давно уже и не без оснований стал аксиомой для специалистов.

¹ Горький М. Собр. соч. в 30-ти т., т. 30. М., 1956, с. 33.

² Там же, т. 27, с. 320.

³ Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934, с. 497—506.

Известная детская писательница Е. Н. Водовозова, общественные взгляды которой формировались под заметным воздействием ее старших современников Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова и К. Д. Ушинского, в одной из своих поздних статей вспоминала: «Что наиболее возвращало целые поколения в дореформенной России — это тогдашний взгляд на труд, как на настоящий позор. Только бурная волна демократических идеалов освободительного периода подняла труд и трудящихся на небывалую до тех пор нравственную высоту».⁴

Верное в своей основе мнение Е. Н. Водовозовой нуждается, однако, в уточнении. Подобно тому как это было и в странах Западной Европы, передовая русская общественная мысль и литература уже в эпоху петровских преобразований начинает постепенно освобождаться от пренебрежительного отношения к людям труда и результатам их деятельности. Для выяснения объективной роли трудовых масс в историческом развитии нации и национальной культуры немало ценного было сделано представителями русского Просвещения.

К подобным проявлениям русской просветительской мысли можно, например, отнести лучшие сатиры Антиоха Кантемира. Так, в сатире 5-й (1731) автор дал проникновенно-сочувственное изображение крепостного крестьянина:

Пахарь, соху ведучи иль оброк считая,
 Не однажды вздыхает, слезы отирая:
 «За что-де меня творец не сделал солдатом?
 Не ходил бы в серяке, но в платье богатом,
 Знал бы лишь ружье свое да своего капрала,
 На правее бы нога моя не стояла,
 Для меня б свинья моя только поросилась,
 С коровы мне ж молоко, мне б кура носилась;
 А то все приказчице, стрипчице, княгине
 Понеси в поклон, а сам жирей на мякине».⁵

Но вот приходит рекрутский набор и пахаря берут в армию; хлебнув солдатской жизни с ее бесправием и невыносимой муштрой, он начинает проклипать свое новое состояние с такой же силой, с какой раньше проклинал участь закрепощенного земледельца.

С любовью созданный писателем образ крепостного труженика, ставшего солдатом, открывал собою крестьянскую тему в новой русской литературе.

Прославлению неусыпных трудов Петра I посвятил целый ряд своих од и незавершенную поэму «Петр Великий» М. В. Ломоносов. Он выступал певцом труда, организованного в государственных масштабах, труда, проникающего к богатствам земных недр и укрощающего природные стихии. Сам беспримерный труженик, Ломоносов призывал властителей страны быть достойными преемниками гениального реформатора:

В моря, в леса, в земное недро
 Прострите ваш усердный труд,
 Повсюду награжду вас щедро
 Плодами, паствой, блеском руд.⁶

В панораме мирной трудовой деятельности всего народа, которая рисовалась воображению Ломоносова, образы отдельных тружеников не выдвигались на первый план, но они в ней присутствовали как слившиеся воедино ее слагаемые. Недаром же, мечтая о народном счастье, поэт выражал пожелание:

И земледелец безмятежно
 Столичный плод да соберет.⁷

⁴ Водовозова Е. Н. Среди петербургской молодежи шестидесятых годов. — Современник, 1911, № 6, с. 368.

⁵ Кантемир Антиох. Собр. стихотворений. Л., 1956 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 137.

⁶ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч., т. VIII. М.—Л., 1959, с. 637.

⁷ Там же, с. 216.

В тех же сравнительно редких случаях, когда поглощенное обобщением, генерализацией увиденного воображение Ломоносова останавливалось на конкретном и единичном, читатель убеждается в глубине авторского проникновения во внутренний мир человека труда. Таков, например, приводимый ниже фрагмент из «Оды на восшествие на престол Петра III»:

Когда по глубине неверной
К неведомым брегам пловец
Спит по дальности безмерной,
И не является конец,
Прилежно смотрит птиц полеты,
В воде и воздухе приметы, —
И как уж томную главу
На брег желанный полагает,
В слезах от радости лобзает
Песок и мягкую траву.⁸

Следует полагать, что только крайняя ограниченность времени, уделяемого Ломоносовым поэтической деятельности, и безвременная его кончина помешали ему реализовать в полной мере свои возможности в сфере отображения жизни современного ему героя труда, взятого из среды простонародья.

Разработка темы трудовой деятельности человека в русской литературе второй половины XVIII в. в гораздо большей мере, чем ранее, сближается с оппозиционной по отношению к официальной идеологии мыслью. Осуждая погрязающее в разврате и других пороках дворянство, А. П. Сумароков пытался порою внушить читателю сочувствие к горькой доле обливающегося трудовым потом мужика.

В притче «Жуки и пчелы» (1768) писатель вкладывает в уста Аполлону смелую сентенцию:

Они работают, а вы их труд ядите.⁹

Эту же мысль развивал Сумароков и в сатире «О благородстве» (1771—1772):

На то ль дворяне мы, чтоб люди работали,
А мы бы их труды по знатности глотали?¹⁰

Подобного рода антикрепостнические инвективы, свидетельствуя о восприимчивости писателя к достижениям передовой мысли эпохи, не выражали, однако, ведущих тенденций его творчества. Последовательным борцом против крепостничества Сумароков не стал. В его сатирах наряду с антикрепостническими мотивами можно найти и другие, противоположные черты — подобоострастное отношение к сильным мира сего, угодничество и идеологическую беспринципность.

Критикуя взяточничество и бюрократизм, жестокосердие душевладельцев и воровство откупщиков, Сумароков никогда не возвышался до отрицания основ самодержавно-крепостнического строя. Вместе с тем заслуги Сумарокова в деле пропаганды просветительских идей бесспорны. Их признавали и «первый русский революционер» А. Н. Радищев, и представитель радикального крыла русского просветительства XVIII в. Н. И. Новиков. Примечательно, что последний, издавая журнал «Трутенъ», снабдил это наименование своеобразным подзаголовком или девизом, состоявшим из приведенного выше сумароковского стиха: «Они работают, а вы их труд ядите». Главной причиной кратковременного существования этого журнала (с 1 мая 1769 по 27 апреля 1770 г.) была его сатирическая острота. Не исключено, однако, что печать неблагона-

⁸ Там же, т. VIII, с. 757—758.

⁹ Сумароков А. П. Полн. собр. всех сочинений в стихах и прозе. Изд. 2-е. Ч. VII. М., 1787, с. 49.

¹⁰ Там же, с. 360—363.

дежности накладывал на это издание также и его сумароковский «подзаголовок».

Неоценимый вклад в освоение русской литературой темы труда внес А. Н. Радищев. Эстетический аспект этой темы в сочинениях писателя был подчинен, как правило, аспекту социально-политическому, хотя и не растворялся в последнем. Так, например, в радищевском «Описании моего владения» мы найдем восторженное изображение сбора урожая: «Селяне оставляют дома свои и, вышед, яко сильное ополчение, из-за оград жилищ своих, распростираются по нивам своим, где согбенны до земли и в поте лица своего подсекают волнующуюся жатву; несут ее воедино и возводят из нее, да сохранится от стихий и непогоды, сии готического зодчества здания, сии заостренные конусы».¹¹ Но подобного рода мажорных зарисовок трудовой деятельности простых земледельцев мы не встретим в главном произведении писателя — «Путешествии из Петербурга в Москву». Правда, известным исключением может служить глава «Едрово». Автор, изображая толпу пожилых и молодых крестьянок, внушает читателю мысль, что труд, воспринимаемый деревенскими жителями как естественная человеческая потребность, и общение с природой обеспечивают им физическое здоровье и нравственную неиспорченность. Образы деревенской красавицы Анюты и ее добронравной матери Радищев ставит как бы вне досягаемости царящего вокруг зла, так как они воплощают в себе этический и эстетический идеал автора.

Уже в одной из начальных глав книги («Любань»), описывая свою встречу с идущим за сохой крестьянином, автор вкладывает в его уста многозначительную фразу: «Небось, барин, не захочешь в мою кожу?». «Разговор сего земледельца, — пишет далее Радищев, — возбудил во мне множество мыслей».¹² Автор был всецело поглощен думами о судьбах трудовых масс, без благополучия которых он не мыслил благоденствия всей России. «Земледелец! — восклицал он. — Кормилец нашея тощеты, насытителъ нашего глада; тот, кто дает нам здравие, кто житие наше продолжает, не имея права распоряжати ни тем, что обрабатывает, ни тем, что производит».¹³ К активным размышлениям на волновавшие его темы призывал Радищев и читателя. «Бурлак, идущий в кабак, повеся голову, и возвращающийся обгаренный кровию от оплеух, — писал он в главе «София», — многое может решить доселе гадательное в истории Российской».¹⁴ Об ассоциациях, возникавших у автора «Путешествия» при виде бурлака, можно составить известное представление по словам, которые в книге непосредственно предшествуют процитированному нами месту и в которых дается авторская характеристика простого русского человека: «Если захочет повеселиться, то идет в кабак. В веселии своем порывист, отважен, сварлив. Если что-либо случится не по нем, то скоро начинает спор или битву».¹⁵

Возвращаясь в 1797 г. из Сибири, Радищев, прибыв в Казань, наблюдал с горы Услон проплывавшие по Волге и Казанке суда и вскоре занес в свой дневник следующие строки: «Нижний самый берег наполнен был работниками (читай: бурлаками, — Ф. П.) с двадцать или более судов, кои с места, где мы были, казались пигмеями, токмо слышен был шум скопившейся толпы пред домом радости и плача, пред кабаком».¹⁶

Повышенный интерес Радищева к бурлакам, как категории социальной, понять нетрудно. Возникшая еще в XVII в. в связи с развитием судоходства по Волге и Оке, по Каме и Северной Двине социальная прослойка бурлаков возрастала стремительно. Состоявшая из наиболее обез-

¹¹ Радищев А. Н. Полн. собр. соч., т. II. М.—Л., 1941, с. 171.

¹² Там же, т. I, с. 233.

¹³ Там же, с. 314.

¹⁴ Там же, с. 230.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, т. III, с. 294.

доленного крепостного крестьянства, из-за малоземелья и голода покидавшего родные места и вступавшего в ряды судорабочих, громада бурлаков страдала от кабальных договоров, эксплуатации судовладельцев и эпидемических заболеваний. Ужасающие материально-бытовые и правовые условия, в которых находились бурлаки, с неотразимой убедительностью свидетельствовали об антинародной сущности самодержавно-крепостнического строя. Не исключена возможность, что Радищев полагал также, что бурлак в особых случаях, когда «что-либо случится не по нем», может превратиться и в грозную силу освободительной борьбы.

Только революционный натиск народных масс, по мысли Радищева, может смести с лица земли циклопические нагромождения социального зла. «О! если бы рабы, тяжкими узами отягченные, яряся в отчаянии своем, разбили железом <...> главы бесчеловечных своих господ и кровию нашу обогрили нивы свои! Что бы тем потеряло государство? Скоро бы из среды их исторгнулись великие мужи для заступления избитого племени; но были бы они других о себе мыслей и права угнетения лишены. Не мечта сие <...> Я зрю сквозь целое столетие».¹⁷

Из сказанного выше следует, что истолкование темы труда писателем-революционером определялось прежде всего его мировоззренческими позициями, а затем уже запасом собственных жизненных впечатлений, литературными традициями и т. п. В этой области творчества автор «Путешествия из Петербурга в Москву» был истинным новатором. Никто из общественных деятелей и писателей до Радищева не ставил с такой остротой, как он, вопрос о бесправии людей труда и необходимости справедливого устройства социальных, семейных и человеческих взаимоотношений. Взгляды Радищева, отстаивавшего принципы последовательного (революционного) демократизма, оказали огромное воздействие на развитие русской общественной мысли и литературы, несмотря на то что не только «Путешествие из Петербурга в Москву», но и самое имя его автора свыше столетия находилось под запретом. Из отпечатанного Радищевым тиража книги (650 экземпляров), подлежавшего конфискации, лишь считанные экземпляры, разошедшиеся между ценителями запретной литературы, оказались уцелевшими и послужили источником для изготовления рукописных копий. В 1858 г. «Путешествие» Радищева было издано за границей А. И. Герценом.

Отзвуки идей «первенца русской свободы» мы найдем у Пушкина («Деревня» и др.), в творчестве писателей-декабристов и даже в сочинениях иных писателей и публицистов, для которых эти идеи могли уже и не сопрягаться с именем их «первооткрывателя».

Утверждению темы труда в русской литературе немало способствовало творчество И. А. Крылова, глубокого знатока жизни, интересов, психологии и языка простого труженика. Несмотря на ограниченность изобразительных возможностей жанра басни, Крылову-баснописцу удалось создать пространную галерею образов, выхваченных из гущи народной жизни, замечательных своей национальной и социальной приуроченностью, правдивых в психологическом отношении и нередко показанных в самом процессе их трудовой деятельности. См., например, басню «Крестьянин и Смерть»:

Набрав валежнику, порой холодной, зимной,
Старик, иссохший весь от нужды и трудов,
Тащился медленно к своей лачужке дымной,
Кряхтя и окая под тяжелой ношей дров.
Нес, нес он их и утомился,
Остановился,
На землю с плеч спустил дрова долой,
Присел на них, вздохнул и думал сам с собой:
«Куда я беден, боже мой!»¹⁸

¹⁷ Там же, т. I, с. 368.

¹⁸ Крылов И. А. Стихотворения. Л., 1954 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 216.

Можно назвать ряд других крыловских басен («Обоз», «Обезьяна», «Три мужика» и т. д.), в которых люди труда изображены с таким же блеском писательского мастерства.

Тема труда в истолковании Крылова способствовала освобождению жанра басни от умозрительного и риторического элементов и сближению ее с жизнью действительной. В «высокие» жанры тема труда проникала нередко под воздействием басенного жанра. Но этим далеко еще не ограничивается историко-литературная функция крыловских басен. Они обращали внимание писателей на неиссякаемые изобразительные ресурсы просторечия — его лексика, синтаксиса, образности и «мимики».

Сочувственное по отношению к народным массам и вместе с тем свободное от сентименталистской приторности басенное творчество Крылова способствовало формированию в литературе реалистического метода.

Новую струю в развитие интересующего нас вопроса внесло творчество А. В. Кольцова. Г. И. Успенский назвал ее «поэзией земледельческого труда».¹⁹ Поэзию в труде крестьянина, как уже отмечено выше, находил А. Н. Радищев; зародыши ее можно разыскать и у Крылова («Огородник и философ» и др.), хотя басня, как жанр дидактический, была мало пригодна для изъяснения чувств, порождаемых трудовой деятельностью. Последние естественнее всего могли быть выражены в жанре песни. Разновидность песни, выражающей радость труженика-земледельца, встречающего на результаты своего труда, открыл Кольцов. Подобного рода песни не знала книжная поэзия, не было ее, как особого жанра, и в народно-поэтическом творчестве, хотя в различных жанрах фольклора, особенно в весенней обрядовой лирике, уже существовали элементы, которые были синтезированы Кольцовым в таких его песнях, как «Песня пахаря», «Размышления поселянина», «Сельская пирушка», «Косарь», «Урожай» и некоторые другие.

Следует заметить, что поэзия Кольцова отнюдь не ограничивается циклом стихотворений, воспевающих радость земледельческого труда. Среди героев песен Кольцова немало и таких, о которых поэт говорил, что им «поля — не друг, коса — мачеха» («Удалец»), и которые мечтают «вольной волей жить» и в «темных лесах», не подвластных ни государственным чиновникам, ни общинным старостам, ни повелениям господ. Стихотворений, воспевающих «оседлого» земледельца, его привязанность к земле, его довольство плодами собственных трудов, у Кольцова действительно немного, но именно они поражали современников своим новаторством. В статье 1856 г. М. Е. Салтыков-Щедрин, приведя полностью кольцовскую «Песню пахаря», писал: «В целой русской литературе едва ли найдется что-либо, даже издали подходящее к этой песне, производящее на душу столь могучее впечатление».²⁰ С точки зрения автора «Губернских очерков», именно кольцовский цикл стихов о тружениках земли позволяет говорить о нем как о поэте, «давшем нашей поэзии новую и чрезвычайно плодотворную точку опоры».²¹

Правомерность нашего затянутаго экскурса в историю темы труда в русской литературе конца XVIII—начала XIX в. обусловлена уже тем обстоятельством, что в освоении этой темы Некрасов ощущал преемственную связь собственных поисков с тем, что было сделано в этом отношении его предшественниками.

Для героя некрасовской поэмы «Несчастные» (1856), Крота, внушавшего каторжникам уважение к «трудолюбцу» Петру I, была вполне естественной также и популяризация среди ссыльных творчества Крылова и Кольцова:

¹⁹ Успенский Г. И. Полн. собр. соч., т. VII. М.—Л., 1950, с. 29—40.

²⁰ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч., т. V. М., 1966, с. 23.

²¹ Там же, с. 31.

Слышали мы в тюрьме своей
И басни хитрые Крылова,
И песни вестие Кольцова,
Узнали мы таких людей,
Перед которыми поздней
Слепой народ восторг почует...²²

Цитируемому отрывку поэмы вовсе не случайно предшествует воспоминание рассказчика о летнем и осеннем циклах крестьянского труда:

Домой идут с работы жницы,
Въезжая на гору, скрипит
Снопами полная телега...
и т. д.

и

Хозяйка старших разбудила —
Блеснули в ригах огоньки
И застучали молотила.
Бог-помочь, братья мужики!
и т. д.

(II, 31—32)

Осваивая опыт своих предшественников, Некрасов внес в разработку темы труда ряд новых аспектов и акцентов. В русской литературе XVIII—XIX вв. нет писателя, в творчестве которого бы тема труда занимала такое почетное место, как у Некрасова. Следует при этом учесть, что у многих писателей, особенно поэтов, тема эта полностью отсутствует, в то время как у Некрасова трудно найти произведение, которое бы прямо или же опосредованно не соприкасалось с нею. Она, так сказать, внутренне ему присуща. Подобно тому как это мы видели на примере Радищева, Крылова и Кольцова, тема труда проникала в творчество Некрасова не в качестве темы абстрактно-теоретической, наперед заданной; она вставала перед ним как неотъемлемая часть темы человека-труженика, продиктованной интересом поэта к народной массе, к создателям материальных благ, лишенных возможностей пользоваться ими наравне с хозяевами жизни. Окончательное утверждение Некрасова на позициях революционного демократизма совершилось лишь к началу 1860-х годов, но уже ко времени первого приезда его в Петербург в 1838 г. он безусловно имел представление о социальных противоречиях, о том, что есть Россия крепостная и противостоящая ей Россия самодержавно-помещичья.

Уже в стихотворении «Жизнь» (1839), вошедшем в сборник «Мечты и звуки» (1840), мы находим расплывчатую мечту о трудовой деятельности как возможной основе общественного благоденствия, достигнуть которого мешают лишь страсти и порочные склонности человека.

В стихотворении «Весна» из того же сборника поражает своей свободной от всякой умозрительности свежестью образ «засеянных нив» («Через засеянные нивы Течет прозрачная река» и т. д. — I, 281), свидетельствующий о внимании юного автора не к ландшафту как таковому, а к природе, преобразованной человеческим трудом.

Не только в поименованных выше, но и в некоторых других стихотворениях сборника, несмотря на их подражательный характер, таились зерна общественно-эстетических деклараций зрелого Некрасова.

В 1840 г. был написан Некрасовым стихотворный фельетон «Провинциальный подьячий в Петербурге». Это своеобразная биография вышедшего из социальных низов чиновника, рассказанная им самим. По-своему трудолюбивый, но лишенный твердых нравственных устоев, поскольку они отсутствовали и в среде, его сформировавшей, он путем угождения и пресмыкательства обращает на себя внимание начальника, при-

²² Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем, т. II. М., ГИХЛ, 1948. Далее на протяжении всего сборника ссылки на это издание (т. I—XII, 1948—1953) даются в тексте, с указанием тома (римской цифрой) и страницы (арабской цифрой).

обретает собственный дом и «выходит в люди». За взятки он «замораживал» на неопределенный срок крестьянские жалобы на помещичий произвол. Его отдают под суд, увольняют со службы, но в силу своей изворотливости и обходительности с судейскими чинами он получает вскоре новую должность получше прежней.

Фигура вышедшего из трудовой среды чиновника, притесняемого столпами бюрократической корпорации и в свою очередь притесняющего беззащитных тружеников, привлекала не раз внимание поэта и в дальнейшем («Говорун», «Чиновник», «Отрывок» («Родился я в губернии»), «Секрет» и др.).

Стихотворением «В дороге» (1845) открывался новый период в разработке Некрасовым темы труда. Героем стихотворения, от лица которого ведется рассказ, выступает ямщик, представитель многомиллионного класса крепостного крестьянства. Автор с сочувствием относится к своему герою, так как все в нем, даже его недостатки, ограниченность понятий, невежество, предрасположенность к «зеленому змию», детерминировано историей его поработченного сословия.

Ямщику выпало на долю жениться на крепостной крестьянке, долгое время проходившей вместе с господской дочерью обучение «разным наукам», а затем с приходом нового барина лишённой прежних привилегий. Ее отдают замуж за неграмотного мужика, и этот неравный брак крепостного с «белоручкой» не мог не привести к драматизму семейной жизни. «Белоручка» умирает медленной смертью не только от помещичьего самодурства, но и от непредумышленных грубостей и выхонок мужа. В русской поэзии 1840-х годов трудно назвать произведение, которое бы в такой степени, как некрасовское «В дороге», было насыщено не искусственной, а подлинной «поэзией мысли». По словам Ап. Григорьева, оно «совместило, сжало в одну поэтическую форму целую эпоху прошедшего» и, более того, «как всякое могучее произведение, забрасывало сети и в будущее».²³

В стихотворении «В дороге» нет непосредственного описания крестьянского труда. Тем не менее рассказ главного героя, пересыпанный такими словами и понятиями, как «барщина», «оброк», «тягло», «ходить за коровой» и т. п., знакомил читателя с заботами тружеников крепостной деревни.

Нечто подобное можно сказать и о стихотворении «Огородник» (1846):

Я в немецком саду работал по весне.
Вот однажды сгребаю сучки да пою,
Глядь, хозяйская дочка стоит в стороне,
Смотрит в оба да слушает песню мою.

(I, 23)

Только два первых стиха из процитированной второй строфы (всего в поэме 64 строки) посвящены описанию производственного процесса, точнее, характеристике социального облика героя. Выполняя функцию вступления к рассказу, они объясняют и развязку последнего. Трагизм любви огородника к дворянской дочери предрешен полной незащищенностью простого труженика перед лицом законов и морали крепостнического общества:

И красу с головы острой бритвой снесли,
И железный убор на ногах зазвенел.

(I, 25)

В стихотворении «Псовая охота» (1846) также нет непосредственного изображения трудового процесса как такового, но именно к нему восходит кульминационный эпизод повествования. Собачьей сворой помещика

²³ Григорьев Ап. Стихотворения Н. Некрасова. — Время, 1862, № 7, отд. II, с. 16.

нанесен ущерб крестьянскому стаду, другими словами, — результатам трудовых забот простых земледельцев:

Ревмя-ревет злополучный пастух,
За лесом кто-то ругается вслух.

Барин кричит: «Замолчи, животное!»
Не унимается бойкий детина.

Барин арапником злобно махнул —
Гаркнул буян: «Караул, караул!»

Долго преследовал парень побитый
Барина бранью своей ядовитой.

«Мы-ста тебя взбутетеним дубьем,
Вместе с горластым твоим холуем!»

(I, 37)

Некрасов исследует самый процесс зарождения социального протеста. Рев пастуха вполне естествен, и, наоборот, противоестественна реакция распоясавшегося барина, его зверская расправа с рабом, дерзнувшим зареветь. Ядовитая брань мужика — это всего лишь следствие вопиющей бесчеловечности барина-крепостника. Такова логика художественного исследования, предпринятого автором «Псовой охоты».

Историю мужицкой расправы с барином-насилъником («в куски живого изрубил один мужик» — I, 96) рассказывают титулованному путешественнику крестьяне в стихотворении «Отрывки из путевых записок графа Гаранского» (1853). Герой этого сатирического произведения граф Гаранский, вззирающий на мир предубежденными глазами крепостника, не может понять даже того, что «излишество в работе» русских крестьян, их беременных жен и малолетних ребят объясняется не «корыстию» последних, а теми немилосердными тяготами, которые налагает на них система барщины. Варварскую сущность этой системы и разоблачает в своем произведении Некрасов, мастерски нейтрализуя бестолковые суждения сиятельного графа. Апеллируя к чувству элементарной человечности читателя, поэт приходит к оправданию любых форм протеста против крепостнического деспотизма, в том числе и такой (в случае необходимости), как протест с оружием в руках.

Начиная со стихотворения «В дороге» тема труда становится ведущей в творчестве Некрасова. В итоговый сборник «Стихотворений», изданных в 1856 г., помимо нами уже упомянутых, вошли такие стихотворения, как «Тройка», «Родина», «В неведомой глуши», «Вчерашний день, часу в шестом», «В деревне», «Несжатая полоса», «На родине», «Забывшая деревня», «Влас», «Извозчик» и др., полностью или частично посвященные этой теме.

В своем пристальном писательском внимании к жизни народа, и прежде всего крестьянства, Некрасов не был одинок. В области прозы темой этой интенсивно занимались в 1840-е годы Д. В. Григорович и И. С. Тургенев. В поэзии первое место в этом отношении принадлежало Некрасову. В ту пору литературное движение России с особой остротой ощущало потребность в сближении с общественной мыслью. Вопросы, связанные с проектами освобождения крестьянства, реорганизации судопроизводства и т. д., становились предметом оживленных споров в оппозиционных слоях русского общества. И Белинский, и петрашевцы, и вся прогрессивная журналистика присматривались к опыту освободительной борьбы в странах Западной Европы, усваивали учение Шарля Фурье и других представителей утопического социализма. И процесс этот находил живой отклик в творчестве Некрасова.

Приверженность к теме народной жизни становится ведущим пунктом эстетической программы Некрасова. Называя в 1851 г. свою Музу

Печальной спутницей печальных бедняков,
Рожденных для труда, страданья и оков,

(I, 61)

поэт, разумеется, имел в виду тот принудительный труд, плоды которого, по выражению Пушкина («Деревня»), «неумолимый владелец» присваивал себе «насильственной лозой». Об отупляющем действии нескончаемого труда, выполняемого по принуждению душевладельца, а нередко в силу семейного деспотизма, говорит Некрасов в ряде других произведений, в частности в стихотворении «Тройка»:

От работы, и черной и трудной,
Отцветешь, не успевши расцвести
И в лице твоём, полном движенья,
Полном жизни, появится вдруг
Выраженье тупого терпенья
И бессмысленный, вечный испуг.

(I, 27)

Но некрасовское творчество намного бы обеднело, если бы оно ограничивалось лишь воспроизведением картин труда, изнуряющего человека физически и духовно.

В поэме «Несчастные», как уже сказано, поэт в кольцовском духе показал светлую сторону трудовых свершений крестьянства. Не менее впечатляющую картину благотворного воздействия на человека земледельческого труда создал Некрасов в поэме «Саша» (1855):

Весело видеть семью поселян,
В землю бросающих горсти семян;
Дорого-любо, кормилица-нива,
Видеть, как ты колосишься красиво.
.....
Но веселей нет поры обмолота:
Легкая дружно спорится работа.
.....
А на гумне только руки мелькают
Да высоко молотила взлетают.

(I, 115—116)

Можно было бы привести и другие примеры, свидетельствующие о том, что чувство радости, возбуждаемое в человеке его непринужденной трудовой деятельностью, Некрасов мог изображать с неподражаемым мастерством. Но удельный вес картин радостного труда в поэтическом наследии поэта в общем невелик, поскольку ими была бедна реальная действительность.

Нередко предметом изображения поэта становился интеллектуальный труд. Дворянин по происхождению и разночинец по общественному положению, Некрасов в молодые годы постоянно пребывал под гнетом забот о куске хлеба, раздумий о завтрашнем дне, под грузом журнальной поденщины, не оставлявшей досуга для творческого труда. Тоска о свободном умственном труде звучала в таких случаях у поэта особенно сильно.

Праздник жизни, молодости годы,
Я убил под тяжестью труда
И поэтом, баловнем свободы,
Другом лени — не был никогда, —

(I, 107)

писал он в 1855 г., не без гордости противопоставляя себя поэтам, воспитанным в атмосфере безразличного отношения к регулярной трудовой деятельности. Прокламируемое избранной дворянской молодежью 1820-х годов *dolce far niente* («сладостное ничегонеделание») в качестве девиза личной независимости и, более того, оппозиционности существующему

правопорядку уже в то время вызывало недовольство современников. Ведь неслучайно Н. М. Карамзин в письме к К. Н. Батюшкову от 20 октября 1819 г. писал: «Сохрани вас бог еще хвалить лень, хотя бы прекрасными стихами».²⁴

С точки зрения Некрасова, судьба литературно-журнального поденщика, на которую он сам себя обрек надолго, доставляла последнему кроме горестных переживаний также и известное удовлетворение. В 1845 г., оглядываясь на первые семь лет своего творческого пути, Некрасов скажет:

«Избранники небес», мы пели, пели
И песнями пересоздать умы,
Перевернуть действительность хотели,
И мнилось нам, что труд наш не пустой,
Не детский бред, что с нами сам всевышний,
И близок час блаженно-роковой,
Когда наш труд благословит наш ближний!

(I, 200)

Ни слабая отзывчивость читательской аудитории, ни строгости цензуры, навязывавшей свое посредничество между писателем и читателем, ничто не охлаждало творческий пыл Некрасова. В стихотворении «Русскому писателю» (1855), вменяя последнему в обязанность вести публику за собой, а не «поблажать» ей, поэт писал:

Ее ты знаешь: не угодник
Полезен ей. Пришла пора!
Ей нужен труженик-работник
На почве Мысли и Добра.

(I, 401)

Обстоятельный и недвусмысленный образ труженика подобного типа Некрасов дал в своем общественно-эстетическом манифесте «Поэт и Гражданин», предпосланном сборнику стихотворений 1856 г. Перед читателем возникал образ поэта-гражданина, ненавистника философии общественного квиетизма, уподобленный труженику-каменотесу (II, 11). Появившийся в печати в момент резкого обострения социальных противоречий и явственно обозначившегося сползания либералов на охранительные позиции, манифест Некрасова призывал читателя переходить из стана «безвредных» в стан «полезных» (II, 11), в лагерь активных борцов с самодержавно-крепостническим строем.

Тружеником «на почве Мысли и Добра» оставался сам Некрасов до последних дней жизни. Уже находясь на смертном одре, обращаясь к жене, он скажет:

Помогай же мне трудиться, Зина!
Труд всегда меня животворил.

(II, 424)

Но как бы высоко ни ценил Некрасов усилия творцов духовных ценностей, с его точки зрения, труд этот будет лишен смысла, не будучи поставлен на служение запросам тех,

Кто все терпит во имя Христа,
Чьи не плачут суровые очи,
Чьи не ропщут немые уста,
Чьи работают грубые руки,
Предоставив почтительно нам
Погружаться в искусства, науки,
Предаваться мечтам и страстям.

(II, 59)

Второй период художественного отображения темы труда намечается в творчестве Некрасова в годы первой революционной ситуации в России и продолжается до конца его жизни.

²⁴ Карамзин Н. М. Соч., т. III. СПб., 1848, с. 701.

В двух произведениях 1857 г., в стихотворении «В столицах шум, гремят витии» и в поэме «Тишина», выплеснулось наружу страстное ожидание Некрасовым больших перемен в социально-политическом облике страны:

Над всею Русью тишина,
Но не предшественница сна:
Ей солнце правды в очи блещет
И думу думает она.

(II, 45)

На риторический вопрос, обращенный в «Размышлениях у парадного подъезда» (1858) к народу: «Ты проснешься ль, исполненный сил?» (II, 55), поэт был готов дать положительный ответ. И суровые слова лирического героя из «Песни Еремушке» (1858) об отсутствии у нас «под кровлею отеческой» «плодотворного зерна» (II, 57) мы вправе оценить как полемическое преувеличение, поскольку уже в 1840-е годы отечественная прогрессивная мысль в лице Белинского указала на необоснованность подобного рода скептицизма. «Русское племя, — писал великий критик, — носит в себе плодотворное зерно субстанциональной жизни».²⁵ К тому же упреки лирического героя «Песни Еремушке» были адресованы не столько народу, сколько витийствующей, но бездействующей образованной прослойке». Стремлением пробудить социальное сознание народных масс, а не желанием осудить их, был продиктован также и некрасовский вопрос, обращенный к бурлаку в отрывках из поэмы «На Волге» (1860):

Чем был бы хуже твой удел,
Когда б ты менее терпел?

(II, 90)

Печать вековой забитости лежит на лицах деревенских тружеников, изображенных в стихотворениях «Знахарка» (1860) и «Деревенские новости» (1860). И вместе с тем в этом мире патриархальной тишины возникают первые признаки долгожданного оживления:

Сходится в хате моей —
Больше да больше народу:
«Ну, говори поскорей,
Что ты слыхал про свободу?»

(II, 101)

«Освобождение» крестьян в 1861 г. оставило их без земли и не улучшило их положения. «Но падение крепостного права, — писал В. И. Ленин, — встряхнуло весь народ, разбудило его от векового сна, научило его самого искать выхода, самого вести борьбу за полную свободу».²⁶

Активизация крестьянского движения явилась главным стимулом для написания Некрасовым поэмы «Коробейники» (1861), первого его большого полотна из народной жизни.

Сюжет и поэтика «Коробейников» во многом традиционны. Главные герои поэмы — не коренные крестьяне, но наблюдаемая ими действительность достаточно полно отражает жизнь трудовой России. Только при описании забот Катеринушки поэт прибегает к непосредственному изображению трудового процесса:

Изо всей-то силы-моченьки
Молотила по утрам,
Лен стлала до темной ноченьки
По росистым по дугам
и т. д.

(II, 133)

²⁵ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. V. М., 1954, с. 649.

²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 41.

Однако в поэме есть немало мест, в которых «жизнь труда» дана опосредованно, в рассказах героев и в умозаключениях самого автора. Мы видим это, например, в рассказе Тихоньча о сбежавшей по наущению соблазнителя из дому жене Титушки-ткача:

Тит домой. Поля не ораны,
Дом растаскан на клочки,
Продала косули, бороны,
И одежду, и станки
и т. д.

(II, 139)

Опосредованно и с огромной силой обобщения представлена изнемогающая от нищеты, голода и трудов крестьянская Россия в том фрагменте поэмы, который назван автором «Песней убогого странника».

Во второй период большее, чем ранее, значение приобретают для поэта изображение внутреннего мира людей труда, создание народных типов и продиктованное этим заданием совершенствование изобразительных средств, работа над языком персонажей. Показательно в этом отношении написанное в 1860 г. стихотворение «На царне»:

Ты, старина, здесь живешь, как в аду,
Воля придет — чай, бежишь без оглядки?
— Нашто мне воля? Куда я пойду?
Нету ни батьки, ни матки,
Нету никем никого,
Хлеб добывать не умею,
Только и знаю кричать: «го-го-го!»
Горе косому злодею!..»

(II, 91)

В стихотворении всего лишь восемь строк, но перед нами созданный способом речевой характеристики полнокровный, запоминающийся навсегда образ. При этом в стихотворении дана глубокая постановка большой социально-демографической проблемы. Оно написано в предвидение предстоящей реформы и посвящено будущей судьбе довольно многочисленного слоя «дворовых людей», которые после отмены крепостного права действительно оказались «не у дел». К этой теме Некрасов возвратится в 1867 г. в стихотворении «Эй, Иван», которое цензура сочла «возмутительным». Эта же тема не переставала волновать поэта и позднее; в последней части эпопеи «Кому на Руси жить хорошо» он вывел прелюбопытнейший тип дворового человека, Викентия Александровича, «прыгнувшего» «с запяток в хлебопашество» (III, 351).

В 1840—1850-е годы в русской публицистике и литературе с каждым годом все с большей настойчивостью начинала заявлять о себе тема фабричного труда, сначала труда крепостного (вотчинного), а затем и вольнонаемного. В рассказах «Льгов» (1847) и «Бежин луг» (1851) вопроса об ужасающих условиях крепостного, и в частности детского, труда на бумажных фабриках коснулся И. С. Тургенев. В 1851 г. Д. В. Григорович в романе «Рыбаки» изобразил фабрику как силу, развращающую идеализируемый им патриархальный крестьянский быт. С охранительных позиций освещал эту тему Ф. В. Булгарин. «В Западной Европе, — писал он в 1855 г., — <...> усиленная промышленность произвела *новое сословие*, названное рабочим сословием (*classe ouvrière*), составленное из людей бездомных (пролетариев), между которыми честолюбцы распространили правила социализма, выроodka английского хартизма (*chartisme*). Это правила Картуша и Ваньки Каина, состоящие в том, чтоб человек прилежный, трудолюбивый и бережливый разделил свое приобретение или приобретение его предков между людьми ленивыми и беспутными».²⁷

Для апологета капиталистических (равно как и помещичьих) форм эксплуатации Булгарина предприниматель — воплощение трудолюбия и

²⁷ Северная пчела, 1855, № 155, 16 июля, с. 813 (подпись: Ф. Б.)

честности, в то время как рабочий — это всего лишь беспутный лентяй. Уже одно то обстоятельство, что ретроградные взгляды на труд рабочего пропагандировались с трибуны влиятельного органа прессы, побуждало передовую общественно-научную мысль к утверждению собственных на сей счет воззрений. Своеобразным откликом на эту тему явился и Некрасовский «Плач детей» (1860). Многие комментаторы поэта ограничиваются указанием на то, что «Плач детей» — это сокращенный перевод аналогичного стихотворения английской писательницы Элизабет Баррет Браунинг, не считая нужным сказать, что Некрасов сократил английский текст в четыре раза (156 строк оригинала были доведены в некрасовском стихотворении до объема 40 строк). Итак, Некрасов в данном случае был озабочен созданием не столько перевода, сколько стихотворения, ставившего большие вопросы отечественной жизни. Заметим, что в конце 1840-х годов только в одном Шуйском уезде Владимирской губернии в деревнях на фабрикантов работало 20 000 ткачей и 1200 ткачей работало на фабриках, где широко применялся и детский труд.²⁸ О том, что тема капиталистического фабричного труда, физически и нравственно калечившего человека с детских лет, воспринималась Некрасовым как русская тема, свидетельствует опубликованный им еще в 1859 г. цикл «О погоде». Изображая «смерд и копоть» рабочей окраины Петербурга, поэт поднимал голос в защиту детства, обрекаемого в жертву ненасытному Молоху капиталистической наживы:

Пеужели душе молодой
Уж знакомы нужда и неволя?
Ах, уйдите, уйдите со мной
В тишину деревенского поля!

(II, 72)

Если в цикле «О погоде» заключение детей в «душные ограды» фабрик выступало в виде надвигающегося призрака, то в стихотворении «Плач детей» оно становится уже страшной реальностью.

Но Некрасов отнюдь не являлся приверженцем искусственного отстранения детей от трудовой деятельности взрослых. И его взгляды по этому вопросу развивались в унисон с русской прогрессивной педагогической мыслью, занятой в ту пору проблемой политехнического школьного образования, гармонического сочетания труда умственного с физическим. Идею такого обучения выдвинул в 1860 г. в статье «Труд в его психическом и воспитательном значении» выдающийся русский педагог К. Д. Ушинский. Некрасов в стихотворении «Крестьянские дети» (1860) также отстаивал идею постепенного вовлечения ребенка в трудовую деятельность, которая сначала должна обернуться к нему своей «нарядной стороной». На крестьянского ребенка благотворно воздействует окружающая среда; он видит,

как поле отец удобряет,
Как в рыхлую землю бросает зерно;
Как поле потом зеленеть начинает,
Как колос растет, наливают зерно.

(II, 112)

Важные законы природы и целесообразность трудовой деятельности человека постигаются таким ребенком без всяких усилий. У него есть чему поучиться даже «балованным деткам» привилегированных сословий. К сожалению, с «нарядной стороной» труда крестьянский ребенок соприкасается редко; преждевременно взваливает на него семья бремя непосильных трудовых забот. «Мужичок с ноготок», лишенный условий

²⁸ См.: Кубиков И. Н. Рабочий класс в русской литературе. Иваново-Вознесенск, 1924, с. 9.

для гармонического развития заложенных в нем природой возможностей, вселяет в сознание поэта тягостные мысли, —

Те честные мысли, которым нет воли,
Которым нет смерти, — дави не дави,
В которых так много и злобы и боли,
В которых так много любви!

(II, 114)

Среди некрасовских поэтических набросков 1861 г. сохранилось начало следующего незавершенного стихотворения:

Приятно встретиться в столице шумной с другом
Зимой,
Но друга увидеть, идущего за плугом
В деревне в летний зной, —
Стократ приятнее.

На автографе этого отрывка спустя некоторое время после его написания поэт сделал такую запись: «Кругом зелень, поля, природа — и доброе лицо с печатью благородного честного труда» (II, 504).

В приведенных стихах с предельной искренностью выразил Некрасов свое восхищение труженическими свершениями народных масс, и это чувство проходит через все его произведения.

«Он поэт труда, — писал о Некрасове в 1902 г. Е. А. Соловьев-Андриевич. — В этом его мировое значение. Мы еще не рассматривали Некрасова с этой точки зрения. Мы его любим больше всего как поэта-гражданина, который обращался к общественной совести каждого из нас, будил ее, возбуждал ее жажду деятельности и покаяние. Некрасов больше всякого другого привил нашему сознанию ответственную мысль о том, что каждый из нас гражданин прежде всего и что страдания народа — наш грех, наша вина, что мы не имеем права быть счастливыми лично, пока возле нас есть несчастные.

Но это только часть Некрасова и не большая. Гражданские мотивы его поэзии не составляют всей ее сущности.

Он, Некрасов, первый заговорил о труде как основе жизни, первый дал нам полную картину его печали и радостей на русской почве. Он понял, что „жизнь труда“ это целая поэма, исполненная трагизма. Он показал нам интеллигентного пролетария на улицах столиц, мужика и бабу в деревенскую страду, семью, постигнутую страшным горем — смертью единственного работника и кормильца, он первый расслышал своеобразную, пугающую музыку в стуче фабричных колес. Он рассказал нам о том, как пишется и печатается газета, как ткут миткаль, как добывается хлеб и мужицкое „довольство“».²⁹

Трагическую сторону крестьянского труда Некрасов глубоко раскрыл в «многометражном» полотне из народной жизни, в поэме «Мороз, Красный нос» (1863).

В отличие от «Коробейников» с их широтой географического охвата русской жизни действие новой поэмы Некрасова ограничивается границами одного крестьянского двора. Жестокая правительственная реакция и усилившиеся придирки к «Современнику» заставили поэта устранить из произведения обсуждение политических вопросов. Но ослабляя внешнюю тенденциозность, Некрасов предусмотрительно переносил бунтарский пафос поэмы из ее текста в подтекст.

Все взрослые члены изображаемой в «Морозе, Красном носе» семьи — неутомимые труженики. Посильное участие в трудовых заботах семьи принимают дети. Изюм всех сил трудится для блага семьи даже козл Савраска. Главную героиню поэмы Дарью мы видим в качестве жницы, пряхи, дровосека, не говоря уже о множестве других ее забот и хлопот. Тружеником без упрека был и Прокл Севастьяныч: «Лето он жил рабо-

²⁹ Одесские новости. 1902, № 5842, 25 декабря, с. 2.

таючи, Зиму не видел детей» (II, 189). И даже в гробу Прокл сохраняет облик великого труженика:

Большие, с мозолями руки,
Подъявшие много труда,
Красивое, чуждое муки
Лицо — и до рук борода...

(II, 174)

Что же свело в преждевременную могилу этого богатыря?

Случилось в глубоком сугробе
Полсуток ему простоять,
Потом то в жару, то в ознобе
Три дня за подводой шагать.

(II, 178)

Это одна из причин смерти, но вряд ли главная.

Спускали родимого в пролубь,
Под куричий клали насест...

(II, 178)

И это могло ускорить кончину Прокла, но вряд ли могло быть ее первопричиной. Гибель его имеет более глубокие корни:

Жил честно, а главное: в сроки, —
Уж как тебя бог выручал, —
Платил господину оброки
И подать царю представлял.

(II, 180)

Легко ли доставалось Проклу это звание исправного плательщика оброков и податей? Об этом мы узнаем из молитвы Дарьи:

Милостив буди к крестьянину бедному,
Господи! все отдаем,
Что по копейке, по грошику медному
Мы сколотили трудом!

(II, 190)

Итак, не прихоть и не собственнический инстинкт «зашибить лишнюю деньгу», а тяжесть возложенных на него помещиком и государством обязательств гнали крестьянина невесть куда на заработки, заставляли простаивать ночами в сугробах и на каждой горочке «припрягаться к возу», — все это в конечном счете и привело Прокла к преждевременному трагическому концу. Сходными причинами была обусловлена и не менее трагическая смерть Дарьи. Только в сновидениях обретала эта «гордая славянка» право на скромную мечту о мало-мальски сносной жизни.

В поэме «Мороз, Красный нос» Некрасов выступил как художник-новатор, опровергший бытовавшее в литературной среде мнение, что герой, взятый из трудовой среды, не может стать в центре крупного литературного произведения. Чудом поэтического искусства является ряд картин поэмы, в особенности изображение первого и второго сновидения Дарьи. Некрасову принадлежит заслуга раскрытия внутреннего мира женщины-труженицы — богатства ее чувств, высоты ее нравственных понятий.

Непревзойденное знание народного быта, глубокое постижение психологии народных типов, смелое сочетание непосредственно реалистических форм изображения с фантастикой, фольклорных форм с приемами художественной условности — все это сообщило поэме «Мороз, Красный нос» непреходящую художественную ценность.

Нет ни малейших сомнений в том, что постоянство, которое проявлял Некрасов в освоении темы труда, встречало поддержку Н. Г. Чернышевского, как литератора и как ученого-экономиста. В одной из своих работ начала 1860-х годов, оценивая экономическую теорию Адама Смита, Чер-

нышевский писал: «Отдельный человек, или какая-нибудь малочисленная шайка людей, может богатеть чужим трудом; но целая нация может поддерживать и увеличивать свое благосостояние только собственным трудом; всякое обстоятельство, отвлекающее нацию от этого единственного источника ее жизни, разоряет нацию».³⁰ Применительно к России «немногочисленной шайкой людей», богатеей «чужим трудом», было для Чернышевского прежде всего сословие землевладельцев. В данном случае криминальная фраза автора, будучи включенной в характеристику испанских событий XVI в., становилась неподсудной. Что же касается Н. А. Добролюбова, то он высказывал подобного рода мысли со всей прямолинейностью. В статье «Черты для характеристики русского простонародья» (1860) критик недвусмысленно заявлял, что только класс землевладельцев обладает «привилегией дармоедства и ничегонеделания».³¹ Придавая этому тезису важное значение, в той же статье Добролюбов вернулся к нему еще раз. «... в простом классе, — писал он, — несравненно развитее, нежели в сословиях, обеспеченных постоянным доходом, — сознание, что надо жить своим трудом и не дармоедствовать».³²

Работы Чернышевского и Добролюбова, печатавшиеся в «Современнике», непосредственное общение с ними бесспорно служили для Некрасова как певца труда дополнительным и ободряющим стимулом.

В 1864 г. Некрасов написал знаменитую «Железную дорогу», используя при этом массу реальных фактов и конкретных наблюдений, относящихся к постройке Николаевской железной дороги (1846—1851). Но не меньшая роль при создании произведения принадлежала обобщению всего этого огромного материала; «Железная дорога» — это одна из вершин социологической, политической и художественной мысли поэта. «В своем рассказе об истинных строителях дороги, — писал В. Е. Евгеньев-Максимов, — он проявил себя глубоким мыслителем, превосходно разбирающимся в социально-экономической структуре современного общества».³³

Значительная часть крестьянства «с Волхова, с матушки Волги, с Оки» (II, 204), «освобожденная» начисто реформой 1861 г. от земельных наделов, устремилась в крупные промышленные центры в поисках заработка. Армия строителей железных дорог, сформировавшаяся из этих бездомных полупролетариев, подвергалась неслыханным эксплуатации и притеснениям со стороны откупщиков, подрядчиков и начальства. Смертность среди этих полупролетариев превышала во много раз обычную:

Мы надрывались под зноем, под холодом,
С вечно согнутой спиной,
Жили в землянках, боролись с голодом,
Мерзли и мокли, болели цынгой.

(II, 203)

Наделенная благородной «привычкой к труду» и другими достоинствами, масса строителей не обладала, к сожалению, ни сознанием своих потенциальных сил, ни волей для борьбы с притеснителями. Портрет изможденного белоруса, который

тупо молчит
И механически ржавой лопатой
Мерзлую землю долбит,

(II, 204)

символизировал инертность и покорность массы этих тружеников. Символическа в этом же отношении и картина завершения работ. Бочкой

³⁰ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IX. М., 1949, с. 92.

³¹ Добролюбов Н. А. Собр. соч., т. VI. М.—Л., 1953, с. 249.

³² Там же, с. 268.

³³ Евгеньев-Максимов В. Е. Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова, т. III. М., 1952, с. 369.

вина, которую подрядчик бесплатно выставляет толпе, он усыпляет не только ее классовые инстинкты, но и элементарное чувство собственного достоинства:

Выпряг народ лошадей — и купчину
С криком «ура!» по дороге помчал...

(II, 206)

Но эти скорбные картины не могли погасить веру поэта в конечное (хотя и отодвинутое в далекое будущее) пробуждение забытых народных масс. Многострадальная история русского народа утверждала его в этой вере:

Вынес достаточно русский народ,
Вынес и эту дорогу железную —
Вынесет все, что господь ни пошлет!

(II, 205)

По своему воздействию на читателя «Железная дорога» Некрасова была близка к революционным прокламациям. Призывы поэта, обращенные к Ване, а в его лице и ко всем мыслящим читателям, находили благодатную почву. О «сильнейшем впечатлении», которое производила на учащуюся молодежь появившаяся в 1865 г. на страницах «Современника» «Железная дорога», оставил свои воспоминания Г. В. Плеханов.³⁴ Участники «хождения в народ» пользовались этим стихотворением как агитационным документом. «Железная дорога» явилась весомым вкладом великого поэта в развитие русского освободительного движения.

Итоговое творение Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», над которым поэт работал последние 15 лет своей жизни и оставил его не доведенным до полного завершения, посвящено в основном судьбам трудовых масс России, вступившей в стадию подготовки буржуазно-демократической революции. Даже в тех случаях, когда логика развития сюжета заставляла Некрасова обращаться к жизни нетрудовых слоев населения, он оценивал ее глазами труженика. Гаврила Афанасьевич Оболт-Оболдуев чувствовал себя глубоко оскорбленным, прочитывая журнальные статьи, призывавшие русское дворянство к трудовой деятельности:

Я божиею милостью
Российский дворянин!
Скажу я вам не хвастая,
Живу почти безвыездно
В деревне сорок лет,
А от ржаного колоса
Не отличу ячменного,
А мне поют: «Грудись!»

(III, 234—235)

Средствами сатиры и гротеска развенчивает поэт претензии на душевное благородство и умственный гегемонизм дворян вроде Оболта-Оболдуева и князя Утятина, не занимающих никакого места в производстве материальных и духовных ценностей и паразитирующих на теле нации. Отсутствие привычки к труду развращающим образом действует и на дворовых, чем потрясены были семь странников, зашедших поглядеть на помещичью усадьбу, владелец которой, поручив все дела по имени хворому управляющему, надолго уехал за границу:

В усадьбе той слонялись
Голодные дворовые,
Покинутые бариним
На произвол судьбы.

(III, 239)

Отвыкшие от полезного труда дворовые изыскивают иждивенческие способы для «прожития»:

³⁴ Плеханов Г. В. Соч., т. X. М.—Л., 1925, с. 389.

Один дворовый мучился
У двери: ручки медные
Отвинчивал; другой
Нес изразцы какие-то.
«Наковырлял, Егорушка?» —
Окликнули с пруда.

(III, 240)

Но как одухотворяюще действует на тех же странников вид трудом взлелеянного (пусть даже и не собственного) поля, ждущего жатвы:

«Ой поле многохлебное!
Теперь и не подумаешь,
Как много люди божии
Побились над тобой...
Не столько росы теплые,
Как пот с лица крестьянского
Увлажили тебя!..»

(III, 236—237)

В черновых вариантах приведенного фрагмента у поэта были не менее выразительные слова:

И шли как дети радости,
Горды как победители...

(III, 532)

С неподражаемой художественной силою радость земледельческого труда передана Некрасовым и в главе «Последыш», в картине мирского крестьянского сенокоса:

Остановились странники...
Размахи сенокосные
Идут чредою правильной:
Все разом занесенные
Сверкнули косы, звякнули
И пали, прошумев!

(III, 308)

Этот захватывающий, радостный трудовой праздник, в котором косцами выступают не только мужчины, но и женщины, не мог не втянуть в себя и странников:

Семь баб им косы отдали.
Проснулась, разгорелася
Привычка позабытая
К труду! Как зубы с голоду,
Работает у каждого
Проворная рука.

(III, 308)

Если не радость, то удовлетворение трудовой деятельностью испытывают в некрасовской эпопее не только крестьяне, но и работники вроде «каменотеса-олончанина», еще не растратившего по молодости своих физических сил и счастливого тем, что он с женой и матерью не знал еще нужды:

«А вот гляди (и молотом,
Как перышком, махнул):
Коли проснусь до солнышка
Да разогнусь о полночи,
Так гору сокрушу!
Случалось, не похвастаю,
Щебенки наколачивать
В день на пять серебром!»

(III, 202)

Однако труд, доставляющий радость, хотя бы и мимолетную, появляется в некрасовской эпопее лишь в виде исключения. Рухнуло крепостное право, и только выживший из ума князь Утятин продолжает считать себя

душевлладельцем. И тем не менее сыновья князя не уступают крестьянам ни пяди из их наследственных владений:

А за луга поемные
Наследники с крестьянами
Тягаются доднесь.

(III, 342)

Таким образом, экономическая зависимость крестьянина от помещика остается в силе. Возрастает к тому же зависимость мужика от купца «прасола-выжиги» (III, 368) и других представителей капиталистических форм эксплуатации. Остается в силе также и система государственных податей.

Все это делало крестьянский труд и в новых условиях столь же нерадостным, как и «во времена досюльные» (III, 264). Яким Нагой имел все основания заявлять:

Работаешь один,
А чуть работа кончена,
Гляди, стоят три дольщика:
Бог, царь и господин!

Мужик беды не меряет,
Со всякою справляется,
Какая ни приди.
Мужик, трудясь, не думает,
Что силы надорвет...

(III, 194)

Не обойденными в некрасовском творчестве 1860—1870-х годов оказались и трудовые массы города. Красноречивый защитник крестьянского мира Яким Нагой не один раз отправлялся на отхожие промыслы в город. Знакомы с городским бытом и каменотес-олончанин, и муж Матрены Тимофеевны, и другие персонажи эпопеи. Рабочее движение в России при жизни Некрасова политически еще не определилось, и поэтому намеченные им в «Кому на Руси жить хорошо» типы рабочих не отличаются сколько-нибудь заметно от толпы крестьян. Некоторым исключением является здесь лишь образ «фабричного из Бурмакина» (III, 481), который, согласно черновому варианту рукописи, произносил программную речь, впоследствии вложенную автором в уста Яким Нагого.

Галерея крестьянских образов, создание которой было начато Некрасовым в середине 1840-х годов, пополнилась в «Кому на Руси жить хорошо» множеством самых разнообразных народных типов, иногда обрисованных обстоятельно (Савелий-богатырь, Ермил Гирин, Матрена Тимофеевна), а иногда, как например образ «сеченого» Калинушки, вмещающихся в рамки нескольких строк, но всегда живых и запоминающихся. Уже одной этой галереи было бы вполне достаточно для того, чтобы обесмертить имя ее творца.

Галерея народных типов в «Кому на Руси жить хорошо» завершается образом бурлака. К нему в одном из черновых вариантов к эпопее относятся следующие строки: «А вот и он саратовский» и «А вот и он царьцынский» (III, 566, 567). В другом черновом варианте о бурлаках, которые приходят на заработки и возвращаются обратно из-за «застоя судов», Некрасов оставил запись: «Мрут массами» (III, 569). Однако образ бурлака, вошедшего в окончательный текст «Пира на весь мир», плохо согласуется с указанными черновыми записями. Не согласуется он и с тем, что сказано поэтом о бурлаках в «Размышлениях у парадного подъезда» (1858) и в отрывках из поэмы «На Волге» (1860). В Грише Добросклонове Некрасов задался целью изобразить «бурлака довольного» (III, 388). Не исключена возможность, что в авторском замысле эпопеи, который, как известно, был реализован далеко не полностью, намечались и другие представители этого социального слоя. К бедственному положе-

нию бурлаков, как свидетельствовал об этом Н. Г. Чернышевский, внимание Некрасова было приковано еще в детские годы.³⁵ В период работы над «Кому на Руси жить хорошо» поэт бесспорно сумел ознакомиться и с образом радищевского бурлака. После того как «Путешествие» Радищева было издано в 1858 г. Герценом, а в 1868 г. с дозволения цензуры, хотя и в урезанном виде, было переиздано в Петербурге И. А. Шигиным, восторженные упоминания о первом русском революционере стали появляться в легальной русской печати, в частности и в работах Чернышевского и Добролюбова. Образ радищевского бурлака не мог не заинтересовать и Некрасова, поскольку в 1870-е годы проблема бурлачества интересовала поэта как неотъемлемая часть проблемы отходничества, которой мы уже коснулись выше. Ортодоксальная народническая публицистика, отождествлявшая отходничество с процессом «вываривания мужика в котле капитализма», относила этот процесс к числу факторов отрицательных, разлагающим образом действующих на патриархальную крестьянскую нравственность. По-иному оценивал отходничество Некрасов. Изображая соприкоснувшегося с городской цивилизацией Клима Лавина, поэт увидел в нем как отрицательные, так и положительные черты, причем первенствующее значение он придавал последним. И приобретший фабричную закалку Яким Нагой, и возвращающиеся в «родные деревни» (III, 354) рабочие из стихотворения «Накануне светлого праздника» (1873) — это положительные типы, созревшие для восприятия идей о необходимости полного переустройства жизни на началах добра и справедливости. К этим же типам, по-видимому, относил Некрасов и бурлака из «Пира на весь мир».

Полдненный зной его палил
И пот с него ручьями лил,
И падал он, и вновь вставал,
Хрипя, «дубинушку» стонал...
(III, 389)

Эти стихи еще не разрушают того представления о бурлаке, которое сложилось у Некрасова ранее. Но описание в целом создает совершенно иной облик. Перед Гришей Добросклоновым проходит бурлак праздничной походкой, в чистой одежде, с медью в кармане и надежно зашитыми в пояс тремя рублями:

Подумал миг, зашел в кабак
И молча кинул на верстак
Трудом добытые гроши
И, выпив, крякнул от души...
.....
Он бодро шел, жевал калач,
В подарок нес жене кумач,
Сестре платок, а для детей
В сусальном золоте коней.
(III, 389)

Подобно бурлаку Радищева, некрасовский бурлак, завершив многодневный трудовой поход, забегает на минуту-другую в кабак, но выходит оттуда, в отличие от радищевского бурлака, не утратив человеческого облика. И вид этого собранного и целеустремленного бурлака вселяет в сознание народного заступника не беспочвенную надежду...

С бурлака мысли Гришины
Ко всей Руси загадочной,
К народу перешли.
(III, 389)

Если образ бурлака в «Пире на весь мир» лишь отчасти напоминает аналогичный радищевский образ, то раздумья, внушенные им Радищеву,

³⁵ См.: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. I, с. 753—754.

с одной стороны, и Грише Добросклонову — с другой, поразительно близки друг к другу. Бурлак стимулировал размышления Гриши над будущей судьбой России. Но ведь и Радищев имел в виду будущее, когда писал: «Бурлак <...> многое может решить гадательное в Истории Российской», так как «гадать» можно было об истории предстоящей, а не прошедшей.

В эпоху Радищева понятие «бурлак» в обывательском сознании вызвало далеко не лестные ассоциации. В авторитетном лексикографическом труде 1789 г. слова «бурлаченье, бурлачество» сопровождались следующим комментарием: «похабность, забяченье, дерзость, наглые поступки».³⁶ Радищевское истолкование этих понятий было полемичным по отношению к господствующим взглядам. В эпоху Некрасова даже официальная идеология воспринимала «бурлачество» с известной терпимостью; что же касается демократической общественности, то она относилась к нему вполне сочувственно. Возникает, однако, вопрос, почему Некрасов, подчеркивавший на протяжении всей своей эпопеи уважительное отношение к коренному крестьянству, решил завершить и «увенчать» ее образом бурлака? Во второй половине 1870-х годов, как следует полагать, общественно-политические взгляды поэта претерпевают известную эволюцию; это сказалось, в частности, в нарастании симпатий к выдавшемуся всякие виды мужику, вырвавшемуся из заколдованного круга патриархальной замкнутости и ограниченности. В образе бурлака из «Пира на весь мир» наиболее зримо проявились также в связи Некрасова с идейно-эстетическими традициями Радищева.

Революционная пропаганда Гриши Добросклонова находит искомый отзыв в среде простых деревенских тружеников:

Крестьянки Гришу встретили
Его любимой песнею.

(III, 387)

Но это лишь предвестие долгожданных сдвигов в сознании народной массы, в пробуждении которой бурлаку будет принадлежать немаловажная роль. Под воздействием встречи с бурлаком в творческом сознании Гриши слагаются слова его новой песни:

Рать подымается
Неисчислимая,
Сила в ней скажется
Несокрушимая!

(III, 390)

«Он бодро шел...» (III, 389). И твердая поступь этого бурлака символизировала вполне осмысленную готовность народных масс к нелегкой борьбе за светлое будущее...

«Встреча» Гриши Добросклонова с бурлаком содержит ценнейший материал как для понимания системы образов «Кому на Руси жить хорошо», так и для уяснения ряда сложных вопросов идейно-эстетических позиций позднего Некрасова.

³⁶ Словарь Академии Российской, ч. I. СПб., 1789, с. 386.

Н. Н. Мостовская

ГОГОЛЬ В ВОСПРИЯТИИ НЕКРАСОВА

Гоголь и Некрасов — писатели, формировавшиеся в разной исторической обстановке, тяготевшие к противоположным литературно-общественным лагерям и вместе с тем имеющие много родственных черт в природе художественного дарования. Близость принципов художественного мышления этих писателей, их естественное историческое родство обусловили пристальный интерес Некрасова к творчеству своего великого современника.

История литературных взаимоотношений Некрасова и Гоголя не раз привлекала внимание исследователей.¹ Но можно с полной уверенностью сказать, что до сих пор остается не вполне выясненной та роль, какую сыграли произведения Гоголя в формировании поэзии Некрасова. Еще не выявлены мотивы и принципы творческого освоения Некрасовым гоголевской поэтики, не проанализированы некоторые кардинальные суждения Некрасова о Гоголе, свидетельствующие о его глубоком и целостном понимании личности художника. Изучение темы под таким углом зрения позволяет внести уточнения в существующие традиционные представления о творческих связях Некрасова с Гоголем и вместе с тем полнее охарактеризовать особенности художественного мышления поэта — революционного демократа. В этой связи обратимся к отдельным художественным произведениям Некрасова 1840—1850-х годов (прежде всего к роману о Тихоне Тростникове, стихотворениям «Блажен незлобивый поэт», «Филантроп» и др.) и его литературно-критическим суждениям о Гоголе этого периода, как наиболее «гоголевского» в биографии и творчестве поэта, с одной стороны, и в историко-литературном процессе прошлого века — с другой.

Если собрать и рассмотреть все высказывания Некрасова о Гоголе, разбросанные в его критических статьях, рецензиях, письмах, учесть идейно-тематическую соотнесенность и переклички в творчестве двух художников, все гоголевские образы и стилиевые обороты, органически усвоенные поэтом, то некрасовская концепция личности и творчества Гоголя представляется глубоко последовательной, цельной и необычайно современной. Ее существо особенно раскрывается в сопоставлении с суждениями о Гоголе многих писателей и критиков самых различных идеологических ориентаций: Белинского, Чернышевского, Тургенева, Дружинина, Писемского и др.

¹ Проблемой «Некрасов и Гоголь» в разной мере занимались многие некрасоведы: В. Е. Евгеньев-Максимов, К. И. Чуковский, М. М. Гин, А. М. Гаркави, Б. Я. Бухштаб, А. Ф. Крошкин и др. В исследовательской литературе освещены аспекты, намеченные еще Белинским, а затем Чернышевским: Некрасов как продолжатель гоголевской школы; Некрасов в борьбе за Гоголя против реакционной и славянофильской критики. См. об этом: Чуковский К. И. 1) Гоголь и Некрасов. М., 1952; 2) Мастерство Некрасова. М., 1974, с. 73—164; Гин М. М. 1) Некрасов — литературный критик. Петрозаводск, 1957, с. 50—51, 133—152; 2) Литература и время. Петрозаводск, 1969, с. 3—136.

Годы 1842—начало 1843 (выход в свет четырехтомного Собрания сочинений Гоголя) — годы основательного знакомства Некрасова со многими «истинно прекрасными» произведениями автора «Мертвых душ» — совпали со временем сближения поэта с Белинским. Известно, что это обстоятельство плодотворно сказалось как на формировании мировоззрения молодого писателя, так и на становлении его литературных вкусов. Во второй рецензии Некрасова на книгу Ф. В. Булгарина «Очерки русских нравов, или Лицевая сторона и изнанка рода человеческого» (вып. IV—VI. СПб., 1843), напечатанной в № 5 «Отечественных записок» за 1843 г., содержится высказывание, близкое к суждению Белинского. «Теперь уже публика очень скоро и верно умеет отличить хорошее от дурного, особенно в отношении к произведениям „юмористическим“, — писал рецензент. — Из сочинений Гоголя она ознакомилась уже столько с истинным юмором, художественным воспроизведением действительности, с живою и одушевленной речью, что тотчас распознает подделку под эти достоинства» (IX, 93—94). Этой оценке Некрасов остался верен до конца жизни, лишь углубляя и дополняя ее. Для Некрасова, так же как и для Белинского, Гоголь самый «даровитый из современных писателей» (IX, 157), глава реалистического направления в литературе, значение его творений сравнивалось с «освежительной молнией».

Вместе с тем у Некрасова складывается свое понимание художественного дарования Гоголя. Оно опутимо уже в первом большом самостоятельном произведении — не завершено и не опубликовано при жизни автора романе «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» (1843—1848), явившемся для него своеобразной литературной школой. Анализ черновых рукописей, многочисленных вариантов, набросков романа позволяет утверждать, что молодому писателю были глубоко созвучны как социальная направленность творчества Гоголя, многие его темы, сатирические образы, так и их стилистическое выражение. Некрасов одним из первых почувствовал и высоко оценил новаторство Гоголя-художника, ярко проявившееся в его стиле и поэтике. Творческое восприятие поэтом Гоголя в этом аспекте прослеживается на многих страницах романа и даже в принципах его построения, хотя о последнем можно говорить лишь условно, так как роман незавершен.

В некрасоведческой литературе отмечалась «мозаика» некоторых гоголевских слов в романе. С влиянием Гоголя ассоциировались поэтическое отступление о Петербурге с его резкими социальными контрастами, лирический настрой, тесно переплетающийся с сатирическими и юмористическими зарисовками. Думается, что лиризм и сатира в их единстве здесь не столько от Гоголя, сколько приметы дарования самого Некрасова, близкого по своей природе к гоголевскому.

Сложный и незавершенный процесс работы над «Тихоном Тростниковым» свидетельствует о том, что этот роман нельзя рассматривать как следствие только ученичества. В нем, как позднее во многих зрелых творениях, писатель обращался к гоголевским произведениям как к источникам, необходимым для развития своих тем и мотивов. В самом характере использования приемов гоголевской поэтики и стиля ощущаются оценочность, творческое усвоение, а иногда и полемика.

Остановимся на ряде примеров, не привлекавших внимания исследователей.

Сюжетное повествование в «Мертвых душах» насыщено обращениями к читателю, полемикой с ним, авторскими разъяснениями, оправданиями, лирическими раздумьями. В результате лирическое вдохновение органически сочетается в поэме с сатирическими обобщениями, бытовыми и гротескными зарисовками. Этот принцип гоголевской поэтики, один из сложнейших, близок и Некрасову.

В начале романа о Тростникове содержится патетическое обращение

к юношам исполнить свой гражданский долг при выборе жизненного поприща, призыв осознать высокое назначение поэзии, не совершать преступления против искусства: «О юноши! О вы, недавние гости мира, принимающие необузданное кипение крови в молодых жилах ваших за вдохновение, <...> упражняйте в чем угодно ваши молодые силы, но ради неба, ради искусства вечного и святого — оставьте поэзию, оставьте и не касайтесь ее до той поры, пока сознаете в себе силу понимать ее высокое и святое значение! <...> Человек, однажды осквернивши искусство, или навсегда лишается способности понимать его, или боится к нему приблизиться, чувствуя себя недостойным его» (VI, 66).

С этим некрасовским суждением (оно еще не развернуто, но тема искусства в нем обозначена) соотносится лирическое отступление в шестой главе «Мертвых душ» — проникнутое элегическим настроением обращение к юношеству: «Забирайте же с собою в путь <...> в суровое ожесточающее мужество, забирайте с собою все человеческие движения, не оставляйте их на дороге: не подымете потом!»² Правда, гоголевскую тему трагического омертвения старости Некрасов оставляет здесь в стороне (позднее, в 1874 г., она прозвучит в его стихотворении «Уныние»).

В еще большей степени некрасовское лирическое обращение обнаруживает сходство с рассуждениями Гоголя о высоком назначении поэта-художника, о его подвижничестве во имя служения искусству в повести «Портрет». «Талант есть драгоценнейший дар бога — не погуби его! — писал Гоголь. — <...> выше всего, что ни есть на свете, высокое создание искусства». Здесь же сформулирована гоголевская литературно-эстетическая программа, к художественной реализации которой приближался в романе Некрасов: «В ничтожном художник-создатель так же велик, как и в великом; в презренном у него уже нет презренного» (Г., III, 136).

В главах романа, посвященных русской журналистике, тема искусства раскрывается в процессе поисков героем жизненного поприща, писательской «карьеры» (мечта Тростникова о литературной славе) и в связи с характеристикой противоборствующих литературно-журнальных партий 1840-х годов. Эти главы (V—VIII главы второй части, «Похождения русского Жил Блаза») включают в себя размышления автора о литературном творчестве как общественном служении. В дальнейшем проблема искусства и действительности будет разяснена емко и выразительно всем творческим опытом Некрасова, в особенности в его поэтических декларациях: «Станешь ли служить искусству — послужишь и обществу, и наоборот, станешь служить обществу — послужишь и искусству» (X, 247).

Содержание другого лирического отступления в романе о Тростникове (в первой главе условно названной нами части третьей, так как на рукописи есть помета «Тростников, ч. III») ³ полемично. «... того только и требуете от книги! — пишет Некрасов. — Забвения подавляющей действительности, обмана хотите вы, но его-то, предупреждаю вас, и не найдете в моей правдивой истории. Киньте же ее поскорее, читатель деликатный и благовоспитанный!» (VI, 241). Далее следует описание «доби и мелочи» — жителей тех же «петербургских углов» (известных по первой части), тематически и стилистически близкое к описанию «несчастливого осадка человечества», «пепельного люда» Коломны в гоголевской повести «Портрет».

Опираясь на высказывания Белинского в статье «Взгляд на русскую литературу 1847 г.», Некрасов выступил в защиту натуральной школы

² Гоголь Н. В. Полн. собр. соч., т. VI. Л., 1951, с. 127. Далее ссылки на это издание даются в тексте сокращенно: Г., том (римская цифра), страница (арабская цифра).

³ См.: ГБЛ, ф. 195, карт. I, ед. хр. 2, л. 1.

от ее «деликатных и благовоспитанных» порицателей.⁴ Это положение дополняется и углубляется сравнением с гоголевским обращением к читателю, которым открывается второй том «Мертвых душ». Первая глава второго тома поэмы Гоголя Некрасову стала известна значительно позднее, лишь в 1853 г. Тем замечательнее тематическая соотнесенность, смысловое и стилистическое сходство лирических раздумий двух художников.

У Гоголя читаем: «Зачем же изображать бедность, да бедность, да несовершенство нашей жизни, выкапывая людей из глуши, из отдаленных закоулков государства? Что же делать, если уж такого свойства сочинитель и, заболев собственным несовершенством, уже и не может изображать он ничего другого, как только бедность, да бедность, да несовершенство нашей жизни» (Г., VII, 7). Poleмичность этого лирического зачина и сходство с некрасовским очевидны, направлен он также в защиту «низкого» и «презренного» как предмета изображения в искусстве, хотя у Гоголя он осложнен мотивами, связанными с его нравственными исканиями.

Действительность 1840-х годов, социальные контрасты Петербурга — темы, ставшие ведущими в творчестве зрелого поэта-демократа, художественно воплощены в романе о Тростникове в гоголевских стилистических формулах (черта, присущая и молодому Достоевскому).⁵ Поэтическое отступление в последней, незавершенной части романа о «Петербурге, городе великолепном и обширном», и Петербурге, городе «нищеты, несчастья и преступлений», завершается афористической фразой: «Есть несчастливцы, которым нет места даже на чердаках и подвалах, потому что есть счастливыцы, которым тесны целые дома» (VI, 262). Переключаясь с описанием Петербурга в «Бедных людях» Достоевского, это обращение к читателю имеет поэтический аналог, а возможно и прямой источник в «Записках сумасшедшего». Имеется в виду исполненный социального протеста гоголевский афоризм: «Все, что есть лучшего на свете, все достается или камер-юнкерам, или генералам» (Г., III, 205).

Гуманистический призыв в защиту поправленного человеческого достоинства, которым проникнуты «Шинель» и «Записки сумасшедшего», отчетливо звучит на многих страницах некрасовского романа — и в «Петербургских углах», и в последней, незавершенной части. В описании злоключений крестьянки Агаши, попавшей в участок, содержится лирическое отступление, имеющее смысловую и стилистическую параллель в «Записках сумасшедшего». В духе Гоголя написаны строки Некрасова: «Где ты теперь, моя матушка? Видишь ли ты меня, матушка? Видишь ли, что они со мной делают?» (VI, 270). Таким же горестным восклицанием завершаются «Записки сумасшедшего»: «Матушка, спаси твоего бедного сына! <...> посмотри, как мучат они его <...> ему нет места на свете! его гонят! Матушка! пожалей о своем больном дитятке!» (Г., III, 214). Ср. с «проникающими словами» Башмачкина: «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?» (Г., III, 143—144).

Гоголевская «одушевленная речь» звучит и в исполненном боли и сострадания авторском раздумье о судьбе униженной и бесприютной женщины (в третьей части романа): «Грустно делается мне <...>» (VI, 245—246). В черновом автографе далее следует вариант: «Тоска на меня нападает смертельная, и не знаю я, как от нее отмолиться».⁶ При всем родстве этих строк с гоголевской тональностью в них намечена самостоя-

⁴ См.: Ги н М. М. Новонайденная рецензия Некрасова. — Науч. бюлл. Ленингр. ун-та, 1947. № 16—17, с. 19—23.

⁵ См.: Бочаров С. Г. Переход от Гоголя к Достоевскому. — В кн.: Смена литературных стилей. На материале русской литературы XIX—XX веков. М., 1974, с. 42—45.

⁶ ГБЛ, М. 5788. 2/6.

тельная некрасовская тема, ставшая ведущей в творчестве поэта-демократа.

Характерен даже частный эпизод осмысления Некрасовым гоголевских литературных приемов. Известная метонимия в главе о «Петербургских углах»: «... в комнату вошел полуштоф, заткнутый человеческой головой вместо пробки» (VI, 115) (так Некрасов характеризует духовное оскудение бывшего учителя словесности) — перекликается с сатирическим тропом в «Записках сумасшедшего»: «Он пробка, а не директор. Пробка обыкновенная, простая пробка, больше ничего. Вот которую закупоривают бутылки» (Г., III, 209).

Число примеров, свидетельствующих как о прямом заимствовании из Гоголя (от последнего в процессе работы Некрасов часто отказывался⁷), так и о творческом усвоении гоголевского стиля и отдельных приемов его поэтики, можно было бы легко увеличить. В «Тихоне Тростникове» делаются еще первые самостоятельные писательские шаги. Но уже в принципах работы с литературными источниками (творчество Гоголя явилось для Некрасова одним из важнейших) проявились и литературно-эстетический вкус, и мастерство.

В самой тесной близости к Гоголю складывалась и творческая самобытность молодого Некрасова. Она отчетливо проявилась в обостренной социальности, публицистичности и лиризме, которыми проникнут его первый большой прозаический опыт, в экспрессивности его стиля — приметах творческой индивидуальности будущего зрелого художника. В процессе прочтения, усвоения, понимания Гоголя формировались и демократические убеждения поэта.

Таким образом, ко времени личного знакомства с Гоголем, которое состоялось в конце сентября—начале октября 1848 г. в Петербурге на вечере у А. А. Комарова, Некрасов основательно знал все написанное Гоголем, вплоть до «Выбранных мест из переписки с друзьями».

Мы не располагаем документальными данными о том, когда именно поэтом были прочитаны «Мертвые души», «Записки сумасшедшего», «Портрет», «Шинель» и другие произведения Гоголя. Но по идейно-тематической соотнесенности романа о Тростникове с рядом гоголевских творений и по многочисленным литературным реминисценциям в нем вполне можно судить о том, что в 1843—1848 гг. Гоголь прочно вошел в круг литературных интересов и в творческое сознание Некрасова.⁸

Если исходить из разноречивых свидетельств мемуаристов (П. В. Анненкова, А. С. Суворина, И. И. Панаева), встреча с Гоголем, на которой присутствовали кроме Некрасова Панаев, Дружинин, Григорович, Гончаров, носила почти комический характер. По воспоминаниям А. С. Суворина, «Гоголь принял молодых писателей как начальник принимает чиновников».⁹ Из мемуаров Панаева явствует, что Гоголь «говорил с каждым из них об их произведениях, хотя было очень заметно, что не читал их».¹⁰

⁷ В рецензии 1849 г. на комедию Тургенева «Холостяк» Некрасов возражал против прямого подражания Гоголю, критически оценив две начальные сцены в комедии Тургенева, которые «произвели неприятное впечатление, напомнив Осипа (в «Ревизоре»)» (IX, 543).

⁸ В библиотеке поэта хранились «Мертвые души» (Изд. 2-е. М., 1846), «Сто рисунков из сочинения Н. В. Гоголя „Мертвые души“», выполненные А. Агиным (СПб., 1846), «Сочинения и письма» Н. В. Гоголя в шести томах, изд. П. А. Кулиша (СПб., 1857). См.: А п у к и н Н. Библиотека Некрасова. — Литературное наследство, т. 53—54. М., 1949, с. 359—432. В задуманном Некрасовым «Иллюстрированном альманахе» (запрещен секретным бутурлинским комитетом в 1848 г.) вместо предисловия должны были быть опубликованы три иллюстрации А. Агина к «Повести о капитане Копейкине».

⁹ Суворин А. С. Из «Недельных очерков и картинок». — В кн.: Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников. М., 1971, с. 343.

¹⁰ П а н а е в И. И. Литературные воспоминания. М., 1950, с. 305.

В действительности же к 1848 г. Гоголю было известно, что Некрасов — один из соредакторов «Современника», автор «Петербургских углов», организатор альманаха «Физиология Петербурга» («которую очень хвалят») и «Петербургского сборника». Об этом можно судить по письмам Гоголя к А. О. Смирновой от 4 июня н. ст. 1845 г., к П. А. Плетневу от 8 декабря н. ст. 1846 г. (Г., XII, 491; XIII, 153).¹¹ Возможно, Гоголь имел в виду и Некрасова, когда писал в статье «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» о молодых поэтах, откликающихся на «вопросы, которые дотоле не раздавались»: «Уже явились и теперь люди не без талантов» (Г., VIII, 401).¹² К этому времени Некрасов был автором «Родины» (это стихотворение он читал на вечере у А. А. Комарова), «В дороге» и других зрелых стихотворений, опубликованных в «Современнике», за которым Гоголь внимательно следил.

Существенно и другое. Знакомство Некрасова с Гоголем состоялось в период, когда автор «Мертвых душ» болезненно переживал «страшную бурю», вызванную опубликованием «Выбранных мест из переписки с друзьями» (сам Гоголь называл их «несчастной книгой»), и окончательное расхождение с Белинским. В беседе с молодыми писателями он, по свидетельству И. И. Панаева, признавался, что «Выбранные места» «писаны им в болезненном состоянии, что их не следовало издавать <...>, он очень сожалеет, что они изданы»,¹³ повторяя, по существу, обращенный к нему призыв Белинского «с искренним смирением отречься» от «Переписки».¹⁴

Для Некрасова это было тем более важно, что он оказался причастным к творческой истории знаменитого «зальцбруннского письма» Белинского. Письмо Гоголя к Белинскому (около 20 июня н. ст. 1847 г.) по поводу статьи критика в «Современнике», в которой «Выбранные места» расценивались как «падение Гоголя», было послано в Петербург вместе с письмом к Н. Я. Прокоповичу (от 20 июня 1847 г.) и затем переслано Белинскому Некрасовым (XIV, 12—13). Ответом на него и явилось историческое письмо Белинского.

Никаких документов, свидетельствующих о реакции Некрасова на «Выбранные места», не сохранилось, кроме одного косвенного высказывания в письме к Тургеневу (от 12 августа 1855 г.): «Как ни озлобляет против Гоголя все, что нам известно из закулисного и даже кое-что из его печатного, а все-таки в результате это благородная и в русском мире самая гуманная личность» (X, 232—233).

Возможно, Некрасов не выступил в печати по поводу «Выбранных мест» в целях сохранения чистоты имени Гоголя, «как одного из великих вождей» русской литературы «на пути сознания, развития и прогресса».¹⁵ Молчание Некрасова можно расценивать и как признание права писателя на публичную исповедь. Именно таким жанром явилась для Гоголя «Переписка».¹⁶ Кстати, «непривычность» публичного самоотречения, исповедальность «Выбранных мест», особенно возмущавшая читателей самых противоборствующих лагерей, отмечалась и в дневниковой записи молодого Чернышевского за 1848 г.: «„Переписка“, — писал он, — не доказывает тщеславия, мелочности, притворства и кривля-

¹¹ Обращаясь к А. О. Смирновой с просьбой прислать первую часть «Физиологии Петербурга», о которой он слышал самые хвалебные отклики, Гоголь назвал ее «Петербургскими стенами» Некрасова (Г., XII, 491). «Петербургский сборник» Некрасова рекомендовал Гоголю Н. М. Языков (см. письмо Н. М. Языкова к Гоголю от 16 февраля 1846 г.: Русская старина, 1896, № 12, с. 640).

¹² Статья помечена 1846 г., но писалась она значительно раньше, в частности в период работы над «Мертвыми душами» («в три эпохи мои писал», — сообщал Гоголь П. А. Плетневу, см.: Г., XIII, 110).

¹³ Панаев И. И. Литературные воспоминания, с. 305.

¹⁴ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. X. М., 1956, с. 220.

¹⁵ Там же, с. 212.

¹⁶ О «Выбранных местах из переписки с друзьями» см.: Золотусский И. Гоголь. М., 1979, с. 366—410.

ния, а, напротив, только смелость <...> Гоголь первый высказал публично то, что думает каждый в глубине души». ¹⁷

Вопрос об отношении Чернышевского к «Переписке» требует специального исследования, в значительной мере он разъяснен и углублен позднее в его же статьях о Гоголе (в статьях, посвященных «Мертвым душам», в «Очерках гоголевского периода русской литературы», в рецензии на изданные в 1857 г. Ш. А. Кулишом «Сочинения и письма Гоголя»), опубликованных в «Современнике» 1850-х годов. Заметим лишь, что вряд ли можно согласиться с К. И. Чуковским, согласно которому представители передовой публицистики, в том числе и Некрасов, игнорировали «Выбранные места», «объявив их фактом не общественной, а личной биографии Гоголя». ¹⁸ Этому положению противоречит весь пафос письма Белинского. И в восприятии поэта-демократа, несмотря на то что он не разделял многих утопических построений моралиста, отраженных в «Переписке», Гоголь оставался самым «честным сыном своей земли» (X, 232).

О глубоком понимании Некрасовым личности и творчества Гоголя свидетельствовало его стихотворение «Блажен незлобивый поэт» (1852). Написанное на смерть Гоголя, воспринятое современниками как трагическое событие, почти как самоубийство, оно явилось вместе с тем одним из первых манифестов гражданского «гоголевского» направления в литературе. Острой журнальной полемике вокруг стихотворения, раскрытию прототипов (Пушкин—Гоголь, Жуковский—Гоголь), уяснению литературно-эстетических проблем, связанных с борьбой «пушкинского» и «гоголевского» направлений в литературе, посвящены специальные исследования.

Известно, что стихотворение написано по мотивам лирического зачина седьмой главы первого тома «Мертвых душ». К его прямым источникам, творчески учтенным Некрасовым, можно отнести и ряд статей из «Выбранных мест», в которых проблема назначения поэта была ведущей. Имеются в виду статьи «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность», которая писалась, по словам Гоголя, в три «эпохи», до выхода в свет «Переписки», хотя датирована 1846 г., а также «Предметы для лирического поэта в нынешнее время» (1844) и «Четыре письма к разным лицам по поводу „Мертвых душ“» (1846).

О поэте — двигателе народного сознания пишет здесь Гоголь: «... в существе своем поэт — это чуткое создание, на все откликающееся в мире» (Г., VIII, 384). «Стыдно тратить лирическую силу в виде холостых выстрелов на воздух, тогда как она дана тебе на то, чтобы взрывать камни и ворочать утесы» (Г., VIII, 279) — один из тезисов статьи «Предметы для лирического поэта...», перекликающийся со строками Некрасова о «незлобивом поэте» с его «миролюбивой лирой». Здесь же содержится гоголевский призыв к поэту «гневом и любовью» пробудить «дремлющего человека», «дремлющую удаль», «решимость и отвагу на дело», «крепость и силу», «поразить сон других» (Г., VIII, 281).

В литературе о Некрасове стало почти аксиомой, что ни формулы — «любви-ненависти», ни «карающей лиры» с ее «пафосом обличения» у Гоголя нет. ¹⁹ Действительно, они отсутствуют в лирическом отступлении седьмой главы «Мертвых душ». Между тем некрасовские строки о поэте-обличителе — «и как любил он ненавидя», — по поводу которых неоднократно иронизировал Дружинин, ²⁰ прямо восходят к страстному

¹⁷ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. I. М., 1939, с. 54.

¹⁸ См.: Чуковский К. Гоголь и Некрасов, с. 31.

¹⁹ См.: Гин М. М. От факта к образу и сюжету. О поэзии Н. А. Некрасова. М., 1971, с. 170.

²⁰ В «Заметках и увеселительных очерках петербургского туриста» Дружинин писал, метя в Некрасова, а, по существу, задевая и Гоголя: «Когда-то литераторы очень много говорили про любовь к ближнему и даже советовали нам любить — ненавидя! При всем нашем добросовестном старании мы с вами ни разу не попро-

гоголевскому обращению к поэту: «На колени перед богом, и проси у него Гнева и Любви! Гнева — противу того, что губит человека, любви — к бедной душе человека, которую губят со всех сторон и которую губит он сам» (Г., VIII, 281). Моралистический контекст, в котором звучит призыв Гоголя к поэту просить у бога «Гнева и Любви», объясняется его просветительским пониманием назначения поэта — пробудить омертвевшего человека, взывать к его духовному возрождению, тем самым исправлять и общество в целом.

Источником четверостишия:

И веря и не веря вновь
Мечте высокого призванья,
Он проповедует любовь
Враждебным словом отрицанья —
(I, 66)

могло быть творчески переосмысленное Некрасовым автопризнание Гоголя в статье «В чем же наконец существо русской поэзии...»: «Сатирические наши писатели, нося в душе своей, хотя еще и неясно, идеал уже лучшего русского человека, видели ясней все дурное и низкое» (Г., VIII, 404). Аналогичным источником является и гоголевский автокомментарий из «Четвертого письма по поводу „Мертвых душ“»: «Нет, бывает время, когда нельзя иначе устремить общество или даже все поколение к прекрасному, пока не покажешь всю глубину его настоящей мерзости» (Г., VIII, 298).

Поиски параллелей из Гоголя к стихотворению Некрасова можно было продолжить.²¹ По своей проблематике оно неисчерпаемо и не может быть интерпретировано однозначно. Обращаясь к гоголевской экспрессии, поэт не только формулировал в нем эстетическую программу революционной демократии, созвучную и родственную гоголевскому манифесту русской реалистической литературы.²² Центральным ее тезисом (по Некрасову) было гражданственное служение поэта обществу. В общественно-эстетические убеждения Гоголя включалась вера в духовное развитие и нравственное совершенствование человека. Не называя имени Гоголя, Некрасов одним из первых сказал в полный голос о сложности личности и творчества великого писателя в их единстве, противоречивости и цельности. «Блажен незлобивый поэт» — свидетельство глубокого понимания Некрасовым нравственных исканий и особенностей дарования Гоголя конца 1840-х годов, для которого обличительство сочеталось с морализированием, а обличение являлось средством исправления общества. Думается, что это обстоятельство также служило поводом для горячих споров вокруг некрасовского стихотворения в последующие годы.

бовали любить ненавидя или ненавидеть любя» (Дружинин А. В. Собр. соч., т. VIII. СПб., 1867, с. 468). «Довольно неудачное выражение одного писателя» — «любить ненавидя» — не без насмешки упомянуто в его же статье «Повести и рассказы И. С. Тургенева. СПб., 1856» (там же, т. VII, с. 293—294).

²¹ Гоголевская интонация и фразеология прослеживаются и в других стихотворениях Некрасова. Например, в посвященном Чернышевскому «Пророке» (1874) строки: «Его послал бог Гнева и Печали Рабам земли напомнить о Христе» — перекликаются с гоголевским призывом к поэту просить у бога «Гнева и Любви», чтобы пробудить «дремлющего человека». В стихотворении «Поэту» (1874) близки Гоголю по духу, строю и мысли строки: «О, кто ж теперь напомнит человеку Высокое призвание его?..». Гоголевский мотив звучит и в обращении к народу в «Унынии» (1874): «Но где герой, кто выведет из тьмы Тебя на свет?..». Ср. с проникнутым гражданской болью лирическим раздумьем о судьбах России во втором томе «Мертвых душ»: «Где же тот, кто бы на родном языке русской души нашей умел бы нам сказать это всемогущее слово *вперед?*» (Г., VII, 23).

²² О близости эстетических принципов Гоголя и эстетики революционных демократов см.: Смирнова Е. А. Общественная и эстетическая позиция Гоголя в последнее десятилетие. — В кн.: Освободительное движение в России, вып. 4. Саратов, 1975, с. 46, 49.

В 1853 г. Некрасов знакомится с пятью главами второго тома «Мертвых душ». 20 марта их читает в редакции «Современника» Д. А. Оболенский (см.: X, 190), которому, по свидетельству мемуаристов, были известны многие подробности из не дошедшего до нас второго тома.²³

Прямой отклик на один из сатирических эпизодов третьей главы (Чичиков у полковника Кошкарёва), которую Тургенев назвал «совершенством», «гениальной карикатурой» на «бестолковщину» государственного аппарата Российской империи, находим в стихотворении Некрасова «Филантроп» (написано в это же время, в ноябре 1853 г.). В исследовательской литературе уже отмечалась связь «Филантропа» с гоголевской традицией: некоторое сюжетное сходство с «Повестью о капитане Копейкине» (Копейкин у генерал-аншефа), с «Шинелью» (Акакий Акакиевич у «значительного лица»)²⁴. Гоголевская атмосфера стихотворения подтверждается и иным материалом, до сих пор не замеченным. Строки некрасовской сатиры, направленной против либеральной филантропии:

О народном просвещении,
Соревнуя, генерал
В популярном изложении
Восемь томов написал.
Продавал в большом количестве
Их дешевле пятака,
Вразумить об электричестве
В них стараясь мужика.
Словно с равными беседуя,
Он и с нищими учтив,
Нам терпенье проповедуя,
Как Сократ красноречив —

(I, 91)

перекликаются и соотносятся с сатирическим образом полковника Кошкарёва и описанием его либеральной деятельности в целях развития «народного просвещения», а возможно, и восходят к гоголевскому эпизоду.

У Гоголя читаем: «По виду он был предобрый, преобходительный человек <...> с соболезнованием жаловался, как трудно дать понять мужику, что есть высшие побуждения, которые доставляет человеку просвещенная роскошь, искусство и художество, что баб он до сих <пор> не мог заставить ходить в корсете <...> что, однако же, несмотря на все упорство со стороны невежества, он непременно достигнет того, что мужик его деревни, идя за плугом, будет в то же время читать книгу о громовых отводах Франклина, или Виргилиевы Георгики, или Химическое исследование почв» (Г., VII, 63). Далее Гоголь иронизирует по поводу красноречия Кошкарёва и его рассуждений о том, «как привести людей к благополучию»: «Он ручался головой, что если только одеть половину русских мужиков в немецкие штаны — науки возвысятся, торговля подымется и золотой век настанет в России» (Г., VII, 63).

Возможно, что в некрасовском «благородном генерале» воплотились не только некоторые черты деятельности В. Ф. Одоевского, председателя петербургского благотворительного Общества посещения бедных,²⁵ или В. И. Даля (сходство с ними усматривалось современниками, и Некрасову приходилось объясняться по этому поводу с Одоевским в письме от 10 января 1860 г., см.: X, 412). Одним из источников стихотворения мог явиться и упомянутый выше сатирический эпизод из третьей главы второго тома «Мертвых душ», звучащий в 1850-е годы необычайно акту-

²³ См.: Оболенский Д. А. О первом издании посмертных сочинений Гоголя. Воспоминания. — Русская старина, 1873, № 12, с. 940—953; Арнольди Л. И. Мое знакомство с Гоголем. — Русский вестник, 1862, № 1, с. 54—95.

²⁴ См.: Чуковский И. Р. Мастерство Некрасова. М., 1971, с. 136.

²⁵ См.: Бухштаб Б. Я. Некрасов и петербургские филантропы. — Учен. зап. Горьковск. ун-та, 1964, вып. 72. Серия ист.-филолог., с. 331.

ально, творчески переосмысленный и трансформированный поэтом. Во всяком случае в «Филантропе» явственно прослеживаются скрытые цитаты из второго тома поэмы Гоголя и своеобразный отклик на нее.

Даже этот частный пример служит подтверждением того, что в восприятии поэта автор второго тома «Мертвых душ» оставался непревзойденным мастером сатиры и гражданином земли своей, размышлявшим о самых злободневных проблемах ее переустройства.

В июле 1855 г., до выхода в свет сохранившихся глав второго тома «Мертвых душ», Некрасов ведет переговоры с племянником Гоголя Н. П. Трушковским, занятым подготовкой издания «Сочинений» Гоголя, по поводу публикации одной из глав второго тома поэмы в «Современнике» (X, 227—228). Связанный с враждебно настроенными к журналу М. П. Погодиным, К. С. Аксаковым, П. А. Вяземским, С. П. Шевыревым, принимавшими активное участие в издании Гоголя, Н. П. Трушковский ответил отказом.²⁶ Тем не менее Некрасов пристально следит за посмертным изданием «Сочинений» Гоголя, охотно публикуя в «Современнике» в числе первых отклики на них и новые материалы об авторе «Мертвых душ».

В августовском номере «Современника» за 1855 г. в фельетоне «Петербургские известия» появилась заметка Некрасова «Новое издание Сочинений Гоголя». В ней сообщалось о выходе в свет трех томов «Сочинений» Гоголя, подготовленных Н. П. Трушковским, и о публикации в самое ближайшее время четвертого тома вместе с пятью главами второго тома «Мертвых душ» и «Авторской исповедью». В рекламном объявлении содержалась доброжелательная характеристика Н. П. Трушковского («человек молодой, образованный, свято чтущий память своего славного родственника») и выражалась заинтересованность в письмах Гоголя, собранных и подготовленных им. Здесь же в составе заметки издателя публиковался небольшой отрывок незавершенного предисловия Гоголя к пятому тому, содержание которого не могло не заинтересовать Некрасова. «Книга „Переписка с друзьями“, — писал Гоголь, — произвела большие толки вкрявь и вкось <...> я решился воспользоваться всяким замечанием. Вновь пересмотрел все, в одних умерил неприличный тон, другие вовсе оставил и несколько прибавил, к этому присоединил несколько статей из „Арабесок“ и кое-какие доселе неизданные, так что пятый том составил в себе почти все мои теоретические понятия, какие я имел о литературе и об искусстве и о том, что должно двигать литературу нашу».²⁷ Оставляя без комментариев в рекламном объявлении приведенный отрывок, Некрасов безусловно обратил внимание на его заключительную часть, так как высоко ценил Гоголя — художника и мыслителя, а издание его «Сочинений» воспринимал как событие огромной важности в литературной и общественной жизни России.

Развернутая оценка лучших страниц второго тома «Мертвых душ», как и всего творчества Гоголя в целом, заключена в статье Некрасова «Заметки о журналах за октябрь 1855 г.» (Современник, 1855, № 11), в которой, кстати, предвосхищены многие суждения Чернышевского о Гоголе, высказанные в «Очерках гоголевского периода...» (начали публиковаться с № 12 «Современника») и в статье «Сочинения и письма Гоголя, изд. П. А. Кулиша, шесть томов...» (Современник, 1857, № 8).

Содержание этой статьи далеко выходит за рамки литературных споров с Писемским о значении творчества автора «Мертвых душ» и «Ревизора». В ней изложена некрасовская концепция дарования и личности Гоголя в их нераздельности и единстве. Отмечая лиризм, неразрывно

²⁶ См. письма Н. П. Трушковского к К. С. Аксакову 1854—1855 гг. (ИРЛИ, ф. 3, оп. 9, № 69, 82, 83), письмо Н. П. Трушковского к П. А. Плетневу от 28 февраля 1856 г. (ИРЛИ, ф. 234, оп. 3, № 662).

²⁷ См.: Гин М. М. Заметка Н. А. Некрасова о первом посмертном издании Сочинений Гоголя. — Русская литература, 1960, № 3, с. 199—201.

связанный с сатирой, как самую сильную сторону писателя, Некрасов, по существу, писал о Гоголе-мыслителе, о его нравственных исканиях: «... в суждениях наших о недостатках и ошибках Гоголя не забудем, что он был не только художник, но и пронизательный, строгий критик своих произведений» (IX, 343).

С этой оценкой корреспондирует высказывание Некрасова в письме к Тургеневу (от 12 августа 1855 г.), в котором личность и творчество Гоголя осмыслились также как единое целое: «Вот честный-то сын своей земли! Больно подумает, что частные уродливости этого характера для многих служат помохою оценить этого человека, который писал не то, что могло бы более нравиться, и даже не то, что было легче для его таланта, а добивался писать то, что считал полезнейшим для своего отечества. И погиб в этой борьбе, и талант, положим, свой во многом изнасиловал, но каково самоотвержение!» (X, 232).²⁸

Возражая против одностороннего суждения Писемского о Гоголе, видевшего в авторе «Мертвых душ» лишь сатирика, Некрасов опирался на Белинского, высоко ценившего Гоголя-поэта, Гоголя-художника. Вместе с тем поэт смело развил и углублял этот важный тезис критика — революционного демократа, глубоко проникая в сущность поэзии Гоголя. «Настоящая и великая сила Гоголя», по Некрасову, заключена в лиризме (IX, 341), который поэт усматривал не только в лирических раздумьях в «Мертвых душах», но и во всем творчестве писателя.

В узких рамках журнальной статьи Некрасовым, по существу, ставилась сложнейшая литературно-эстетическая и философская проблема — проблема природы гоголевского лирического начала, которая еще ждет своего исследователя. Заслуга критика в том, что он один из первых почувствовал необходимость поисков новых критериев оценки гоголевского творчества и проникновения в трагическую судьбу Гоголя — сатирика и поэта в их единстве.²⁹

Словно обращенное к будущим исследователям, необычайно актуально звучит и сейчас центральное положение статьи поэта — революционного демократа: «Гоголь неоспоримо представляет нечто совершенно новое среди личностей, обладавших силою творчества, нечто такое, чего невозможно подвести ни под какие теории, выработанные на основании произведений, данных другими поэтами. И основы суждения о нем должны быть новые» (IX, 342).

Несмотря на то что всесторонняя и совершенная интерпретация творений Гоголя представлялась поэту возможной лишь в отдаленном будущем (современники, по его мнению, должны ограничиться лишь «частными заметками на отдельные лица его произведений» — IX, 342), именно Некрасову — художнику и мыслителю удалось глубоко и тонко «истолковать» Гоголя, найти верные ключи к пониманию личности и творчества великого писателя, над поисками которых до сих пор бьются литературоведы разных поколений.

²⁸ Примечательно, что Тургенев, тонкий художник и ценитель таланта Гоголя, автор проникновенной некрологической статьи о нем и воспоминаний, не отдал должного самоотвержению писателя. «За что же так губить и ломать, и коверкать себя?», — писал он П. В. Анненкову по поводу пятой главы с «невыносимым откупщиком Муразовым» (см.: Тургенев в И. С. Полн. собр. соч. и писем. Письма, т. II. М.—Л., 1961, с. 184).

²⁹ Неслучайно Некрасов категорически и резко возражал против тенденциозного высказывания А. В. Дружинина, сформулированного им в письме к В. П. Боткину 1855 г.: «Гоголь, по моему мнению, есть художник чистый, только его последователи из него делают какого-то страдальца за наши пороки и нашего преобразователя» (цит. по кн.: Евгенийев-Максимов В. «Современник» при Чернышевском и Добролюбом. Л., 1936, с. 25). В письме к В. П. Боткину (от 16 сентября 1855 г.) Некрасов прокомментировал эту оценку чрезвычайно красноречиво: «... нахожу, что Дружинин» просто врет и врет безнадежно, так что и говорить с ним о подобных вещах бесполезно» (X, 247).

А. А. Николаев

К ИСТОРИИ ПОДГОТОВКИ СБОРНИКА
СТИХОТВОРЕНИЙ Ф. И. ТЮТЧЕВА (1854),
ИЗДАННОГО РЕДАКЦИЕЙ НЕКРАСОВСКОГО «СОВРЕМЕННОКА»

В первую половину 1850-х годов судьба поэтического наследия Тютчева была неразрывно связана с некрасовским «Современником». Тютчев не входил в круг «Современника», но стихи его неизменно были в поле зрения редакции журнала, в связи с чем она и взяла на себя заботу о подготовке их отдельного издания. Издание было выпущено с «юридического» согласия автора, но при этом как бы вопреки его действительной воле. По отношению к Тютчеву понятие авторской воли вообще условно, ибо характерной чертой психологии поэта было как раз безволие, авторская абулия, сочетающаяся с болезненной скромностью и полным равнодушием к судьбе своих стихов. И как оборотная сторона творческого облика поэта — верность своим художественным принципам и достижениям, неизменная требовательность к себе, к своему поэтическому слову, т. е. наличие ярко выраженной творческой воли и воли несгибаемой. Чтобы ввести в непосредственный литературный процесс творчество такого автора, не желающего идти навстречу читателю, нужны были немалые усилия истинных ценителей, направленные как на автора, так и на читателя. Тем, что он в 50-летнем возрасте вдруг стал знаменитым и уже при жизни оказал большое влияние на развитие русской поэзии, Тютчев был обязан прежде всего Некрасову — первому пропагандисту его стихов, инициатору и редактору первого отдельного издания его лирики.

История подготовки этого издания, охватывающая 1850—1854 годы, относится к наименее проясненным страницам запутанной истории тютчевского текста.

1

В 1844 г., когда Тютчев после 22 лет дипломатической службы в Мюнхене и Турине вернулся на родину и поселился в Петербурге, там уже мало кто помнил о «Стихотворениях, присланных из Германии», опубликованных в пушкинском «Современнике» за подписью «Ф. Т.». Критика не обмолвилась о них ни словом. Отзывов на 11 тютчевских стихотворений, опубликованных в 1838—1840 гг., тоже не было, если не считать четырех беглых, хотя и сочувственных, упоминаний А. А. Краевского в «Русском инвалиде» за 1838 г. В 1840 г. в «Отечественных записках» Тютчева упоминал Белинский среди поэтов 1820-х годов.¹ Белинский знал Тютчева только по публикациям 1820-х — первой половины

¹ Отечественные записки, 1840, т. 13, № 11, отд. 6, с. 2. См. также: Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. IV. М., 1964, с. 342.

1830-х годов с полной подписью. Стихотворения, опубликованные в 1836—1840 гг. с подписями «Ф. Т.» и «Ф. Т.—в», не были им замечены.

В следующие 10 лет стихи Тютчева только дважды упоминались в печати, имя же — лишь однажды, в статье Н. В. Гоголя «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность?». Гоголь назвал Тютчева одним из поэтов, «зажженных огнем поэзии Пушкина».² Второе упоминание принадлежит Вал. Н. Майкову,³ который явно знал, что автором «Стихотворений, присланных из Германии», является Тютчев. Однако, говоря только об этих стихах и, возможно, не зная более ранних тютчевских публикаций, Майков, в соответствии с литературно-журнальной этикой, не раскрыл полного имени их автора. Назвав Тютчева «одним русским поэтом», критик писал, что его «никто не помнит, хотя <...> лет десять тому назад его стихи и обратили на себя внимание людей со вкусом и поэтическим тактом». «Считаем своим долгом, — писал далее Майков, — напомнить об них, потому что видеть забвение истинно поэтических произведений еще прискорбнее, чем видеть явление бездарных виршей, вооруженных самолюбивыми претензиями. Стихотворения, о которых мы говорим, напечатаны в „Современнике“ 1836 и 1837 гг. <...> Там они и умерли...».

В конце 1840-х годов Тютчев вновь возвратился к более или менее активной литературной деятельности. Революция 1848 г., всколыхнувшая все его существо, вывела поэта из состояния творческой депрессии. На «февральский взрыв» июльской монархии во Франции он откликнулся рядом политических статей и стихотворений. В 1848—1849 гг. Тютчев создал более 20 стихотворений, но выступать с ними в печати не хотел. Как всегда, ему нужен был толчок извне. И таким толчком явилась известная статья Некрасова «Русские второстепенные поэты» (Современник, 1850, № 1), в которой впервые в печати была дана развернутая оценка стихам Тютчева, опубликованным в «Современнике» 1836—1840 гг. Открывавшая собою серию статей о второстепенных (по степени известности, как оговаривал Некрасов) русских поэтах, она была проникнута не только стремлением обратить внимание читателей на «сильный и самобытный талант» «господина Ф. Т.—ва» (Некрасов, вероятно, как и многие, не знал, кто скрывался за этими инициалами), но и желанием вернуть поэзии утраченные ею в 1840-е годы место и роль в литературном процессе. Некрасов понимал, что достигнуть этого можно только одним путем — перепечатывая лучшие стихотворения современных поэтов. И он полностью перепечатал в своей статье 24 стихотворения Тютчева из 39, опубликованных в «Современнике» в 1836—1840 гг. Еще 8 стихотворений он перечислил в конце статьи в библиографическом списке. Статья заканчивалась пожеланием, чтобы «стихотворения Ф. Т. были изданы отдельно». «Мы можем ручаться, — писал Некрасов, — что эту маленькую книжечку каждый любитель отечественной литературы поставит в своей библиотеке рядом с лучшими произведениями русского поэтического гения» (IX, 221).

Как это ни парадоксально, но первичными источниками 24 стихотворений, перепечатанных Некрасовым, для будущего издания стали впоследствии не рукописи автора (напомним, что рукописное наследие Тютчева заграничного периода находилось тогда в Париже у И. С. Гагарина) и даже не тексты пушкинского и плетневского «Современника», а тексты некрасовской статьи. Здесь мы сталкиваемся с редчайшим случаем, когда цитатный материал критической статьи потребовал тщательного текстологического анализа. На то, что Некрасов, перепечатывая стихи Тютчева, внес в некоторые из них свои поправки, впоследствии

² Гоголь Н. В. 1) Выбранные места из переписки с друзьями. СПб., 1847, с. 229; 2) Полн. собр. соч., т. VIII. М.—Л., 1952, с. 386.

³ Майков В. Н. 1) Стихотворения А. Плещеева. 1845—1846. — Отечественные записки, 1846, т. 48, № 10, отд. 4, с. 42; 2) Критические опыты. СПб., 1891, с. 135.

перешедшие в издание 1854 г., впервые обратил внимание К. В. Пигарев в 1935 г. «Не всегда легко разгадать, — писал он, — какими соображениями руководствовался Некрасов, внося те или иные изменения в тютчевский текст; в каких случаях он считался со своим личным вкусом и в каких — с желанием приблизить редактируемого им поэта к пониманию рядового читателя. Не исключена возможность совпадения того и другого».⁴ Между тем мотивы исправлений Некрасова очевидны: упрощение синтаксического строения фразы (стихотворение «Не то, что мните вы, природа...», 31-й стих), замена семантического архаизма («Снежные горы», 14-й стих), три замены слов «божественного» и «царственного» лексикона в угоду цензуре («Давно ль, давно ль, о Юг блаженный...», 16-й и 24-й стихи; «Осенний вечер», 12-й стих).⁵

Кроме указанных выше разночтений, относимых на счет редакторской правки Некрасова и известных с 1935 г., в текстах стихотворений Тютчева в некрасовской статье имеется еще несколько мелких разночтений, возникших при переписке, перепечатке или являющихся поправками и также проникших в издание 1854 г. и надолго «прописавшихся» в тютчевском тексте.⁶ Приведем важнейшие из них: 1) «Полдень», 8-й стих — «спокойно» вместо авторского «покойно»; 2) «Весна», 14-й стих — «нам» вместо «вам»; 3) «Я помню время золотое...», 12-й стих — «и с замком, и с тобой» вместо «и замком, и тобой»; 4) «Как птичка, с раннею зарей...», 11-й стих — «клики» вместо «крики»; 5) «О чем ты воешь, ветр ночной?..», 4-й стих — «шумной» вместо «шумно»; 6) «С какою негою...», 1-й стих — «влюбленной» вместо «влюбленный (взор)». Несколько поправок были вызваны необходимостью исправить очевидные опечатки источников: 1) «Не то, что мните вы, природа...», в 29-м стихе исправлено «можешь» на «может» по рифме и смыслу; 2) «Как океан объемлет шар земной...», в 8-м стихе по рифме исправлено «вод» на «волн»; 3) «Как над горячею золой...», во 2-м стихе заменено бессмысленное «старает» на «старает», что соответствует авторскому тексту.

Статья Некрасова, писал К. В. Пигарев, положила начало «традиционному тютчевскому тексту, скрывшему на многие годы истинное письмо подлинника».⁷ До последнего времени считалось, что «самые ранние редакционные исправления, наблюдавшиеся в стихах Тютчева, принадлежат Некрасову».⁸ Однако теперь мы знаем, что начало так называемому «традиционному» тютчевскому тексту было положено в пушкинском «Современнике».⁹ Редактируя стихи Тютчева, Некрасов, сам того не зная, продолжил дело, начатое Вяземским, Жуковским и Пушкиным.

2

Какое воздействие статья Некрасова оказала на Тютчева, видно хотя бы по тому факту, что поэт, десять лет до этого не печатавшийся, с марта по июль 1850 г. опубликовал 19 стихотворений: одно — в «Се-

⁴ Пигарев К. В. Судьба литературного наследия Ф. И. Тютчева. — В кн.: Литературное наследство, т. 19—21. М., 1935, с. 373.

⁵ Две из приписанных Пигаревым Некрасову поправок нельзя считать таковыми: в стихотворении «Осенний вечер» 7—8-й стихи соответствуют редакции, опубликованной в «Современнике» 1840 г.; в стихотворении «В душном воздухе молчанье...» в 5-м стихе «душный» вместо «дымной» — явная опечатка, возникшая из-за близкого соседства слова «душный» (в 1-м стихе).

⁶ Ср.: Тютчев Ф. И. Лирика, т. I—II. М., 1965 (сер. «Лит. памятники»). В этом издании в разделе «Другие редакции и варианты» указанные разночтения или отсутствуют, или приписаны другим источникам; одно же из них входит в основной текст.

⁷ Пигарев К. В. Судьба литературного наследия Ф. И. Тютчева, с. 374.

⁸ Тютчев Ф. И. Лирика, т. I, с. 319.

⁹ См.: Николаев А. А. Судьба поэтического наследия Тютчева 1822—1836 годов и текстологические проблемы его изучения. — Русская литература, 1979, № 1, с. 128—143.

верной пчеле», 16 — в «Москвитянине», 2 — в «Киевлянине». Но выстав- лять свое полное имя Тютчев вновь не пожелал.

С июля 1850 г. он опять перестает печататься — на целый год. Между тем именно июль 1850 г. — одна из важнейших вех жизненного и твор- ческого пути поэта. Год, протекший с этого месяца, был, пожалуй, самым плодотворным во всей творческой жизни Тютчева. В течение этого года он создал около 30 стихотворений, при том что его поэтическое наследие этого времени вряд ли дошло до нас полностью. Большая часть их — стихи, обращенные к Е. А. Денисьевой или как-либо связанные с лю- бовью к ней. И эти стихи Тютчев, всегда гнушавшийся «мнимопоэти- ческими профанациями внутр<еннего> чувства, этою постыдно выстав- кою напоказ своих язв сердечных»,¹⁰ для печати не предназначал.¹¹

В июне—ноябре 1851 г. Тютчев опубликовал 5 стихотворений в «Мос- квитянине», а 27 октября того же года послал несколько стихотворений для «Раута» на 1852 г. Издателем этого сборника был муж сестры поэта Дарьи Ивановны Н. В. Сушков. В сопроводительном письме Тютчев пи- сал Сушкову: «Николай Васильевич, я сердечно умилился при виде ва- шего писания: в вас поистине избыток христианской любви — неутоми- мая, неистощимая, всеобъемлющая попечительность... от кедр до ис- сопа, — от братниных поручений до моих стихов-подкидышей — благого- вею — и молчу... Итак, роковой 52-й год ознаменуется новым раутом. Он всплывет как розовый листок над этим всемирным водоворотом — в этой мысли есть нечто несказанно трогательное, и я с умилением при- ношу вам свою лепту...»¹² К сожалению, мы не знаем «писания» Сушкова, ответом на которое было данное письмо Тютчева. Д. Д. Благой, опубликовавший его впервые, высказал убедительное предположение, что слова о «стихах-подкидышах» относятся к готовившемуся в то время по почину Сушкова «полному собранию стихов» Тютчева, о котором было объявлено в «Рауте» на 1852 г.¹³

Сушковское издание не было осуществлено. Но материалы его, ис- пользованные в 1854 г. редакцией «Современника», сыграли значитель- ную роль в судьбе тютчевского текста. История подготовки издания прослеживается по трем сохранившимся рукописным источникам: 1) альбому М. Ф. Бирилевой (ныне в собрании К. В. Пигарева; да- лее — *АБ*); 2) «сушковской тетради» (ЦГАЛИ, ф. 505, оп. 1, ед. хр. 54; далее — *СТ*); 3) «мурановскому альбому» (ЦГАЛИ, ф. 505, оп. 1, ед. хр. 57; далее — *МА*). Все эти рукописные источники в разное время были в руках поэта. В *АБ* имеются автографы Тютчева, в *СТ* и *МА* — его поправки. *СТ* и *МА* попали в 1854 г. в руки Тургенева и Некрасова.

АБ отражает самую первую стадию собирания материалов для от- дельного издания, относящуюся к концу 1850 г. Заполнялся *АБ* в разное время и разными лицами — самим Тютчевым, его второй женой Эрнести- ной Федоровной и дочерью Марией (в замужестве — Бирилевой). К исто- рии сушковского издания и издания 1854 г. в *АБ* имеет отношение только 41 текст — 17 автографов (стихотворений 1848—1850-х годов) и списки Э. Ф. Тютчевой с текстов 24 стихотворений из некрасовской статьи. Когда Э. Ф. Тютчева делала списки, она еще недостаточно хо-

¹⁰ Из письма Тютчева к А. И. Георгиевскому от 13/25 декабря 1864 г., см.: Тютчев Ф. И. Соч. в 2-х т., т. 2. М., 1980, с. 200.

¹¹ Точное определение числа стихотворений, написанных Тютчевым за этот год, затруднительно еще и потому, что с октября 1850 по май 1851 г. он не датировал своих стихов. Что это за период в его жизни? Это время с той поры, как обнару- жилась беременность Денисьевой первым ребенком от Тютчева, вскоре после чего их роман получил огласку и разразился общественный скандал, и до рождения этого «незаконного» ребенка (дочери Елены) 20 мая 1851 г. Состояние Денисьевой, свои с ней отношения и реакцию на их любовь со стороны общества Тютчев описал во многих стихотворениях этих месяцев.

¹² Тютчев Ф. И. Соч. в 2-х т., т. 2, с. 144.

¹³ См.: Мурановский сборник, вып. 1. Мураново, 1928, с. 71—72.

рошо знала русский язык. Но ей очень хотелось читать стихи мужа в подлиннике и понимать их во всех тонкостях, и она несколько лет (до середины 1850-х годов) брала уроки русского. При этом «пособием» для упражнений в русском языке служили ей и стихи мужа.¹⁴

К 41 тексту *АВ* в *СТ* добавилось 29 копий, которые вместе с копиями 17 стихотворений, представленных в *АВ* автографами, составили отдел «Новые стихотворения». Из 29 копий 23 были сняты с отдельных автографов, имевшихся у членов семейства поэта (ныне — ЦГАЛИ, ф. 505, оп. 1, разные ед. хр.), а 6 — с не дошедших до нас источников. 46 «новых стихотворений» почти полностью представляли творчество Тютчева 1844—первой половины 1851 г., в связи с чем начало подготовки Сушковского издания следует отнести к середине 1851 г.

К. В. Пигарев считает, что копии *СТ* были выполнены писарем по заказу Сушкова.¹⁵ Однако нестабильность почерка и обилие ошибок заставляют предполагать, что эти копии снимала одна из дочерей поэта, еще не достигшая совершенства во владении русским языком.¹⁶

Неисправность копий *СТ* сильно затруднила работу редактора и была впоследствии причиной многих ошибок издания 1854 г.

В правом верхнем углу первой страницы *СТ* Сушков карандашом наметил следующий план действий: «1) Взять тетрадь у Анны; 2) Современ. 1836—1837 г.; 3) Галатею; 4) бумага, как в „Рауте“; 5) 12 стихов на страницу; 6) каждую пиэсу отдельно; 7) все окрестить; 8) кой-что в „Раут“, с объяснением».¹⁷ «Тетрадь Анны» (т. е. дочери поэта А. Ф. Тютчевой) неизвестна исследователям. Возможно, что она была промежуточным звеном между *АВ* и отдельными автографами семейного собрания, с одной стороны, и *СТ* — с другой. Сушков упоминает о ней, как об источнике, с которым можно было бы сверить тексты *СТ* для исправления многочисленных ошибок. Что касается второго пункта, то в левом верхнем углу первой страницы *СТ* Сушков выписал 5 номеров и 3 названия стихотворений Тютчева из «Современника» 1836 г., не перепечатанных Некрасовым: «XII, XIV, „Цицерон“, „Фонтан“, „Сон на море“, XVIII, XIX, XXII». Так он начал сверку *СТ* с печатными текстами, что позволило ему выявить все 15 стихотворений, не перепечатанных Некрасовым из «Современника» 1836—1840 годов (см. ниже). Указание на публикацию в «Галатее» (пункт 3) исходило явно от самого Тютчева. В 1836 г. в письме к И. С. Гагарину Тютчев, запамятав название журнала С. Е. Раича, назвал его «Бабочкой». Бабочка была эмблемой «Галатеи». «Бабочка Раича» упоминается Сушковым и на полях первой страницы *СТ*. Пункт 3 в целом не был выполнен. Из 18 стихотворений Тютчева, опубликованных в «Галатее», в *СТ* попало только два. Причем списки их с галатеевского текста рукой Э. Ф. Тютчевой имеются в *АВ*. Пункты 4—7 не требуют комментариев. В пункте 8 Сушков имел в виду «Раут» на 1852 г. Из стихотворений *СТ* в него попали только два: «Графине Р. (в ответ на ее письмо)»¹⁸ и «Первый лист»; второе было вписано в *СТ* уже после выхода «Раута». Эти стихи, как

¹⁴ См. по этому поводу письмо И. С. Аксакова к Е. Ф. Тютчевой от 8 июня 1875 г. (Тютчев Ф. И. Лирика, т. I, с. 395) и письмо Тютчева к Эрнестине Федоровне от 27 сентября/9 октября 1853 г. (Тютчев Ф. И. Стихотворения. Письма. М., 1957, с. 527).

¹⁵ Пигарев К. В. Жизнь и творчество Тютчева. М., 1962, с. 136.

¹⁶ До 1844 г., живя за границей, дочери поэта даже дома не имели возможности находиться в русскоязычной среде. Мать их была немка, не знавшая русского языка. Родной язык они начали всерьез осваивать уже в России, когда Анне было 15 лет, Дарье — 11, а Екатерине — 9. Но и в эти годы в семье Тютчевых безраздельно царил французский. Мачеха, как и мать, также была немкой. Учиться русскому языку она начала только в России. Французский долгое время был единственным языком их интернационального общения.

¹⁷ Цит. по: Пигарев К. В. Судьба литературного наследия Ф. И. Тютчева, с. 376—377.

¹⁸ Обращено к поэтессе Е. П. Ростопчиной, племяннице Сушкова.

мы уже знаем, были присланы автором Сушкову с письмом от 27 октября 1851 г.

В середине 1852 г. *СТ* пополнилась еще 23 текстами, записанными одновременно сестрой Тютчева — Д. И. Сушковой. Копии эти в большинстве своем были сняты с печатных источников: 14 — с «Современника» 1836—1839 гг. (стихи, не перепечатанные Некрасовым, кроме «Сна на море»); 2 — с «Москвитянина» 1850—1851 гг. (одно из этих стихотворений, «Не рассуждай, не хлопочи!..», уже имелось в *СТ*); 2 — с «Галатеи» 1829 г. («Видение» и «Олегов щит», напечатанные слитно). Четыре стихотворения Д. И. Сушкова переписала с не дошедших до нас автографов: «Первый лист», «Дума за думой, волна за волной...», «Наш век» и «О волна моя морская...». Наконец, последний, 23-й, список Сушковой — стихотворения «Сна на море» — снят не с печатного текста и не с восходящего к Тютчеву рукописного источника. В этом списке знаменитые перебои ритма «Сна на море», созданные путем чередования разных трехсложников, были устранены. Стихотворение, прежде чем его переписала Дарья Ивановна, было подредактировано таким образом, что все стихи стали амфибрахическими. Сделал это (и, несомненно, без участия автора) Сушков, имея под рукой только текст стихотворения из «Современника» 1836 г. К такому же выводу пришел в свое время К. В. Пигарев, сопоставляя характер появившихся в этом тексте изменений с общим характером редакторской работы Сушкова.¹⁹

СТ дает подробное представление о редакторских методах Сушкова. Внесенные им в тютчевский текст изменения разнообразны. Они касаются орфографии, пунктуации, орфоэпии, акцентологии, грамматики, лексики, словоупотребления, метрики, ритмики, строфической организации и других сторон текста. О мотивах большей части исправлений Сушкова красноречиво говорят его собственные слова из сочинения «Обоз к потомству с книгами и рукописями», относящиеся к поэтам того времени. Противопоставляя их поэтам 1820—1840-х годов, Сушков гневно писал, что в стихах новых поэтов «нет ни меры, ни размера; ни складу, ни ладу; ни рифмы, ни передышки».²⁰ Посредственный стихотворец и драматург, нимало не смущавшийся от насмешек и эпиграмм, Сушков и к Тютчеву подошел с меркой, годной разве что для определения качества произведений начинающего писать стихи, и не зная никаких других принципов версификации, кроме тех, которые были известны всем из распространенных учебных пособий по стихосложению. «Всеобъемлющая попечительность» Сушкова, о которой с внутренней иронией писал Тютчев, в данном случае выразилась в его стремлении сознающего свое превосходство мастера оказать услугу гениальному дилетанту, проявив **заботу**, говоря опять-таки словами Тютчева, «об окончательном округлении» его «поэтических упражнений». Основная часть исправлений была вызвана сушковскими взглядами на язык поэзии и стихосложение. Особое внимание уделял он звуковой стороне поэтической речи. С отменным педантизмом Сушков отметил и в большинстве случаев исправил стихи, в которых он обнаружил зияние гласных, неэффоничные скопления согласных на стыках слов, пересыщенные аллитерации, нарушения ударения, скандовки и т. д., не говоря уже о переboях ритма, созданных метрическими вольностями Тютчева. При этом редактора нимало не заботило то, что иные из этих «прегрешений» могли выполнять какую-либо роль в поэтических замыслах автора.

К чести Сушкова следует сказать, что его поправки, хотя и затрагивают более 50 стихов и являются весьма существенными, почти не выходят за рамки исправления одного-двух слов, перемены их мест и т. п. И этим они сходны с поправками Некрасова. Но в отличие от Некра-

¹⁹ Пигарев К. В. Судьба литературного наследства Ф. И. Тютчева, с. 379.

²⁰ Раут на 1854 год, с. 281.

сова Сушкову явно не хватало художественного вкуса, чтобы оценить все своеобразие и великолепие многих тютчевских стихов. Недоуменным карандашом отмечал он на полях непонятные или неприемлемые для него слова и строки, то тут же исправляя их, то не решаясь на это.²¹

92 стихотворения из *СТ* в том же порядке перешли в *МА*. Заполнялся *МА* на протяжении многих лет. Интересующая нас часть *МА* (ее следует датировать серединой 1852 г.) состоит из однородных копий, писанных той же рукой, что и копии основной части *СТ*. Почерк более стабилен, но ошибок так же много, как в *СТ*. Сопоставительный анализ этих рукописных собраний показывает, что переписке стихотворений из *СТ* в *МА* дополнительная редакторская работа не предшествовала. В *МА* перешло большинство поправок Сушкова (некоторые его бледные карандашные пометки переписчик не заметил или не разобрал). Будучи всего-навсего перебеленной версией *СТ*, *МА* дает нам только один-единственный вариант, не восходящий к *СТ*. Это первоначальный вариант 18-го стиха стихотворения «Недаром милосердным богом...», зачеркнутый в автографе: «Младенец твой неосторожный Погибнет под ногой твоей».²² В автографе «под ногой» заменено на «от руки». Наличие чернового варианта в *МА* объясняется следующим образом. Стихотворение обращено к одной из дочерей поэта, нечаянно наступившей на канарейку или раздавившей ее в руке. Вариант такого рода мог вписать в *МА* только тот, у кого он был что называется «на слуху», т. е. член тютчевского семейства или очень близкий к нему человек. При этом восстановление первоначального варианта могло быть вызвано желанием уточнить обстоятельства гибели канарейки.

МА, как и *СТ*, был в руках Тютчева. Судя по пометкам, он небрежно пролистал его, прочитав только 82—93-ю страницы. Сделанные на этих страницах немногочисленные поправки автора (кроме одной — надписанного к стихотворению «Не гул молвы прошел в народе...» названия «Пророчество») соответствуют вариантам издания 1854 г. Но, судя по почерку и качеству чернил, эти поправки были внесены Тютчевым в конце 1850-х годов, т. е. уже после выхода издания.

Тексты *МА* ближе всего к текстам издания 1854 г. Но при подготовке издания наряду с *МА* явно была использована и *СТ*. Так, например, мимнуя *МА* в издании 1854 г. попали сушковские поправки в стихотворениях «Silentium!» и «О, как убийственно мы любим...».

Мы не знаем причин невыхода сушковского издания. Думаем, что они заключались не столько во внешних обстоятельствах, сколько в отношении Тютчева к своим стихам и в его нежелании «выставлять напоказ» свои душевные и «сердечные язвы». Следует учитывать, что в *СТ* и *МА* были переписаны многие стихи «денисьевского» цикла, которые явились первыми образцами русской психологической поэзии. Опубликовать эти стихи значило как бы легализовать (причем руками близких родственников) незаконный брак Тютчева, бросив вызов обществу, и, кроме того, оскорбить жену поэта. Исключение же этих стихов из готовившегося издания могло огорчить и даже разгневать Денисьеву, которая не только дорожила ими, но и страстно, хотя и не слишком великодушно, желала, чтобы эти стихи «целый мир знал».²³ Нужно было время, чтобы улеглись страсти, чтобы стихи о «роковой» любви поэта, обращенные к Денисьевой, написанные от ее лица, излучающие «прощальный свет» «любви последней — зари вечерней» или озаренные им, — чтобы все эти стихи воспри-

²¹ Мы не имеем возможности останавливаться на этом вопросе в данной работе. Некоторые поправки Сушкова, попавшие впоследствии в издание 1854 г., были отмечены и кратко охарактеризованы К. В. Пигаревым (Пигарев К. В. Судьба литературного наследия Ф. И. Тютчева, с. 378).

²² ЦГАЛИ, ф. 505, оп. 1, ед. хр. 29, л. 5.

²³ См. по этому поводу письмо Тютчева к А. И. Георгиевскому от 13/25 декабря 1864 г.: Тютчев в Ф. И. Соч. в 2-х т., т. 2, с. 201.

нимались прежде всего как литературное явление. Сушков же объявил об издании полного собрания стихотворений Тютчева.

Д. Д. Благой высказал предположение, что одной из причин невыхода издания были сдержанные отзывы журнальной критики на тютчевские публикации 1850—1852 гг.²⁴ Между тем объявление Сушкова о предстоящем издании было очень сочувственно встречено «Современником». В рецензии на «Раут» 1852 г. Некрасов писал: «Это известие, вероятно, порадует наших читателей столько же, сколько порадовало нас. Г. Тютчев принадлежит к очень небольшому числу истинных русских поэтов» (IX, 232).

В период подготовки к сушковскому изданию Тютчев вновь охладевает к стихотворчеству. Угасала его «убийственная» страсть к Денисьевой («О, не тревожь меня укорой справедливой...»). Оставалась любовь — «нежная и суеверная» («Последняя любовь»), но уже редко звучащая стихами. К тому же 1852 год был кануном важных политических событий. Недаром Тютчев по-доброму иронически назвал «Раут» на этот год «розовым листком», всплывающим «над всемирным водоворотом». После отсылки своей «лепты» в «Раут» он два года совсем не отдавал стихов в печать. Следующая его публикация состоялась только в феврале 1854 г. И вновь в сушковском «Рауте». В 3-й книге альманаха было напечатано два политических стихотворения Тютчева — новое («Неман», 1853) и старое («Олегов щит»), написанное еще во время русско-турецкой войны 1827—1828 гг., но опять ставшее актуальным. В преддверии и в первый год Крымской войны поэт в Тютчеве почти полностью уступает место политическому мыслителю, оратору, пророку, зрителю и комментатору исторических катаклизмов.

3

Воспользовавшись материалами сушковского издания, редакция некрассовского «Современника» довела дело широкого ознакомления читателей с поэзией Тютчева до конца, не ограничившись при этом составом *СТ* и *МА*. Возможностью познакомиться разом со 110 стихотворениями Тютчева тогдашние читатели были обязаны прежде всего Некрасову, который еще в 1850 г. извлек стихи Тютчева из забвения, выступил с инициативой их отдельного издания и с тех пор пристально следил за тютчевскими публикациями в периодике, а также И. С. Тургеневу, которому удалось получить от Тютчева право на издание его стихов для редакции «Современника». А добиться от Тютчева согласия на издание было нелегко. Тургеневу, вспоминал А. А. Фет, «стоило большого труда выпросить у Тютчева тетрадку его стихотворений для „Современника“».²⁵ Почему именно Тургеневу удалось это сделать? Тютчев очень высоко ценил талант Тургенева, с которым он близко познакомился еще в 1852 г., а по возвращении последнего из ссылки (9 декабря 1853 г.) «часто и с удовольствием виделся».²⁶ 10 февраля 1854 г. Тургенев с гордостью писал С. Т. Аксакову: «Я <...> сделал здесь две хорошие вещи: уговорил Тютчева (Ф. И.) издать собранные свои стихотворения и помог Фету окончательно привести в порядок и выправить свой перевод Горация».²⁷ На

²⁴ Благой Д. Тютчев, его критики и читатели. — В кн.: Тютчевский сборник. Пг., 1923, с. 79.

²⁵ Фет А. А. Мои воспоминания, т. 1. М., 1890, с. 134—135.

²⁶ Подробнее о Тютчеве и Тургеневе см.: Лаврецкий А. Тургенев и Тютчев. — В кн.: Творческий путь Тургенева. Пг., 1923, с. 244—276; Пигарев К. В. Жизнь и творчество Тютчева, с. 138—139.

²⁷ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Письма, т. II. М.—Л., 1962, с. 216—217.

это Аксаков тут же откликнулся: «Вы сделали доброе дело, уговорив Тютчева издать свои стихотворения».²⁸

11 февраля вышла разрешенная к печати еще 31 января 2-я книжка «Современника», в которой Некрасов уже объявлял о предстоящем скором выходе издания. В особом объявлении от редакции, напечатанном на первой странице, до сведения читателей доводилось, что в следующей книжке журнала будет опубликовано более 90 стихотворений Тютчева, «принадлежащего несомненно к замечательнейшим русским поэтам», причем из этих стихотворений «более половины является первый раз в печати». Далее сообщалось, что стихотворения Тютчева будут напечатаны с титульным листом, особой пагинацией и оглавлением — «для того, чтобы желающие могли переплести стихотворения Ф. Тютчева в отдельную книгу и отвести им в своей библиотеке то место, рядом с замечательными русскими поэтами, на которое он имеет право по своему достоинству, признанному за ним еще Пушкиным». Такое же объявление Некрасов одновременно дал и в «Санкт-Петербургские ведомости».²⁹ Столь быстрый ход дела был возможен, конечно, только благодаря тому, что издание в значительной степени уже было подготовлено. Вспомним, что Тургенев писал Аксакову об издании уже «собранных стихотворений» Тютчева.

3-я книжка «Современника» была разрешена к печати 28 февраля. В ней было опубликовано 92 стихотворения Тютчева. Столько же было в *СТ* и *МА*. Однако состав этой публикации был несколько иным. Семь стихотворений, имеющих в *СТ* и *МА*, не вошли в «Современник» по цензурным (в том числе, может быть, автоцензурным) соображениям: 1) «Не знаешь, что лестней для мудрости людской...»; 2) «Тогда лишь в полном торжестве...»; 3) «Русская география»; 4) «Нет, карлик мой! трус беспримерный!...»; 5) «Олегов чит»; 6) «Как он любил родные ели...»; 7) «Близнецы». Первое стихотворение — политическая эпиграмма, в которой «республиканский хитрый строй французского бесчинства» отвергался автором наряду с «вавилонским столпом немецкого единства». Три следующих — откровенно панславистские, причем в одном из них («Нет, карлик мой!...») Тютчев выступал открытым противником австрофильского курса внешней политики Николая I и государственного канцлера графа К. В. Нессельроде. Да и мог ли позволить себе напечатание этих стихотворений сам автор, бывший тогда старшим цензором при особой канцелярии Министерства иностранных дел?³⁰ К указанным трем стихотворениям примыкает «Олегов чит» с его религиозно-политической символикой. Стихотворение «Как он любил родные ели...» не могло быть опубликовано, ибо посвящено А. Ламартину, который был не только поэтом, но и видным политическим деятелем Франции, входившей в антирусскую коалицию и находившейся тогда в состоянии войны с Россией. Наконец, стихотворение «Близнецы» не могло быть пропущено цензурой по религиозно-этическим соображениям, так как в нем Тютчев воспел «ужасное обаяние» «Любви-Самоубийства» и назвал «Сон» и «Смерть» «божествами».³¹

Дополнительно к *СТ* и *МА* редакция «Современника» располагала 8 стихотворениями: 1) «С озера веет прохлада и нега...» (из Шиллера); 2) «Ты знаешь край, где мирт и лавр растет...» (из Гете); 3) «Не оставшая от зною...»; 4) «На смерть Жуковского»; 5) «Последняя лю-

²⁸ Вестник Европы, 1894, кн. 2, с. 482.

²⁹ С.-Петербургские ведомости, 1854, 11 февраля, № 54, с. 154. Указано Б. В. Мельгуновым.

³⁰ В этом отношении весьма показательна история издания 1868 г., из которого Тютчев потребовал вырезать несколько стихотворений, направленных против высокопоставленных особ.

³¹ Кроме того, из *СТ* и *МА* в «Современник» не перешло стихотворение «На Неве». Случайно, видимо, пропущенное, оно было напечатано в «Современнике» чуть позже.

бовь»; 6) «Сияет солнце, воды блещут...»; 7) «Проезжая через Ковно...» («Неман»); 8) «Весенняя гроза». Первые семь стихотворений были новыми (1851—1853 гг.), а «Весенняя гроза», впервые опубликованная еще в «Галатее» 1829 г., после этого больше не печаталась.

По сравнению с текстами МА тексты соответствующих 84 стихотворений, опубликованных в 3-й книжке «Современника», имеют немало различий. В них исправлено большинство погрешностей, допущенных переписчиком. При этом вместо случайно пропущенного переписчиком 14-го стиха «Сна на море» («И сонмы кипели безмолвной толпы») появился новый стих («И чудился шорох несметной толпы»), явно принадлежащий Гютчеву и являющийся как бы творческим исправлением оплошности писаря. Другие умышленные изменения-варианты текстов «Современника» можно более или менее условно подразделить на следующие категории; 1) поправки, соответствующие пометкам (крестикам) Сушкова в СТ (они имеются в стихотворениях «Silentium!» и «Как птичка, с раннею зарей...»); 2) цензурные «варианты» (они имеются в стихотворениях «Сон на море», «Колумб», «Поминки» и «Графине Р.», где устранены слова «божественного» лексикона); 3) возможные авторские поправки; 4) возможные редакторские поправки; 5) изменения грамматических форм (корректорского типа). Поскольку вопрос о разграничении авторских и редакторских поправок, сделанных не по цензурным, а по идейным, эстетическим и иным соображениям, достаточно сложен, проанализируем эти варианты, не разделяя их.

1. «Арфа скальда», стихи 1—2: «О арфа скальда! Долго ты спала || В тени, в тиши забытого угла» (вместо «пыли»). Возможно, редактору не понравилось сочетание «в пыли угла». Между тем этот вариант гораздо сильнее передает контраст между долгим забвением и внезапным воскресением искусства скальдов.³²

2. «И гроб опущен уж в могилу...», стих 7: «Ученый пастырь сановитый» (вместо «пастор»). Поправка вызвана желанием «оправославить» содержание стихотворения.

3. «Там, где горы, убегая...», стих 5: «Там-то, молвят, в стары годы» (вместо «бают»). Заменено диалектно-просторечное слово.

4. «Яркий снег сиял в долине...», стихи 2—5: «Снег растаял и ушел; || Вешний злак блестит в равнине (вместо «долине»), — || Злак увянет и уйдет. || А который век белеет || Там, на высях снеговых» (вместо «Но»). Обе поправки являются существенной порчей текста. Слово «равнина» в предложном падеже в значении места требует предлога «на», а не «в». Оно вообще неуместно, ибо речь идет о том же месте, которое в 1-м стихе названо «долиной», а это вовсе не синонимы. Причина исправления (явно редакторского) ясна: желание создать рифму. Вторая строфа стихотворения — рифмованная. Но первая организована иначе: в основе ее построения полный синтаксический параллелизм при противопоставлении времен. Таким образом, «рифмуются» в этой строфе «снег» и «злак», «блестит» и «увянет» и т. д. Замена «Но» на «А» также неудачна, ибо «Но» служит противопоставлению строф, а «А» провозирует вопросительную интонацию.

5. «1-ое декабря 1837», стих 9: «Где вечный блеск и ранний цвет» (вместо «долгий»). Неудачное исправление, вряд ли принадлежащее автору. Речь идет о продолжительном («долгом») периоде цветения в южной Италии, «где поздних, бледных роздыханьем декабрьский воздух разогрет». «Ранний цвет» «поздних роз» — нонсенс.

6. «Не верь, не верь поэту, дева...», стихи 13—14: «Вотще поносит или хвалит || Поэта суетный народ» (вместо «Его бессмысленный»). Исправление этого «антинародного» стиха явно сделано редактором. По-

³² Стихотворение написано в 1834 г. и, видимо, по поводу какого-либо из выпущенных тогда в Европе собраний древнескандинавских песен или подражаний им.

правка эта не привела к обесмысливанию и даже к резкому искажению смысла стиха.

7. «Итак, опять увиделся я с вами...», стих 2: «Места *печальные*, хоть и родные» (вместо «немилые»). Новый вариант вступил в противоречие с содержанием стихотворения. Оно посвящено Тютчевым родному Овстугу, которого поэт не любил и куда ездил неохотно. И не только потому, что не любил жить в деревне. Он страшился «памяти детских лет» (ср. стихотворение «К Н.»), «смутного призрака» «забытого, загадочного счастья». Родным местам он противопоставил «родимый край души» — Мюнхен, где прошел «великий праздник» его «молодости чудной». Так что дело не в печальности овстугских окрестностей (не в «печали здешних мест», как сказал бы Есенин), а в печальной противоречивости (связанной с обстоятельствами жизненного пути) отношения Тютчева к родным местам, ставшим для него по возвращении из-за границы «немилыми». Есть основания считать, что исправление этого «непатриотического» стиха принадлежит Тургеневу (см. ниже).

8. «О, не тревожь меня укорой справедливой...», стихи 7—8: «И самого себя, краснея, *сознаю* || Живой души твоей безжизненным кумиром» (вместо «узнаю»). Эта поправка также не может принадлежать автору, ибо противоречит развертыванию образной картины стихотворения. Оно было написано Тютчевым в период угасания его страсти к Денисьевой. На «волшебный мир» их любви, верность которому сохранила лишь она, он, «жалкий чародей», его создавший, смотрит уже со стороны и видит себя в этой картине «безжизненным кумиром». Поправка была вызвана желанием упорядочить синтаксические связи слов («узнавать себя» сочетается с дополнением не в творительном, а в предложном падеже: не кем, а в ком). Но никакой ошибки здесь не было. Не вдаваясь в подробный анализ семантики данного словоупотребления, укажем только, что глагол «узнавать» в значении «видеть, познавать кого-либо в каком-либо новом качестве» тоже сочетается с дополнением в творительном падеже (например: «Я знал его ребенком, а теперь узнал взрослым человеком»).

9. «Поминки». Текст этого стихотворения в № 3 «Современника» за 1854 г. наиболее спорный. Восходит он к неизвестному источнику, весьма близкому к сохранившемуся автографу,³³ но содержит при этом варианты, зачеркнутые в автографе, исправления в угоду цензуре (в стихах 25 и 63), замену архаизма (в стихе 40) и много мелких ошибок. Напомним, что в тексте этого стихотворения в «Современнике» имеются сушковские поправки, перешедшие из *СТ* и *МА*.

Гораздо выше качество текстов 8 стихотворений в «Современнике», которые отсутствуют в *СТ* и *МА*. Для стихотворения «Последняя любовь» данная публикация — единственный авторитетный источник, ибо автограф не сохранился. И подозрений в неисправности текста нет: это стихотворение, известное своим ритмическим разнообразием, созданным за счет разноместной гиперметрии, было напечатано без наложения на него силлабо-тонической схемы.³⁴ Для стихотворения «Весенняя гроза» текст в «Современнике» — источник окончательной редакции, ставшей вскоре хрестоматийной. Стихотворение «Ты знаешь край, где мирт и лавр растет...» было опубликовано в редакции, отличной как от текста первой публикации, так и от текста известного автографа. Но новая редакция несомненно принадлежит автору. В ней особенно тщательно отработаны

³³ ЦГАЛИ, ф. 505, оп. 1, ед. хр. 28, л. 1—4.

³⁴ Тот факт, что варианты в 3-й книжке «Современника», связанные с метрико-интонационной стороной стиха, соответствуют «крестикам» Сушкова и являются исправлениями в «сушковском» духе, и то, что отсутствующая в *СТ* и *МА* «Последняя любовь» была напечатана с сохранением метрических вольностей, делают весьма вероятным предположение, что некоторые хотя бы варианты текстов в «Современнике» восходят к не дошедшему до нас источнику, промежуточному между *СТ* (плюс *МА*) и 3-й книжкой «Современника».

заключительные строки всех трех строф, связанные между собою рефреном: «Ты знаешь край?..» — «Ты знаешь путь?..» — «Ты знаешь дом?..». Тексты остальных пяти стихотворений соответствуют сохранившимся автографам. Все это говорит о бережном отношении редакторов «Современника» к стихам Тютчева.

Сравнительный анализ текстов 92 стихотворений в 3-й книжке «Современника» и их текстов в других источниках убеждает нас в том, что участие Тютчева в данной публикации, если оно вообще имело место, было таким же поверхностным, как его просматривание *СТ* и *МА*. Следствием такого отношения поэта к данной публикации, как и к подготовке сушковского издания, было не только обилие ошибок и посторонних вкраплений, искажавших текст, но и то, что состав и размещение стихотворений оказались более или менее случайными, что некоторые стихотворения были напечатаны в неокончательных редакциях (например, «Святая ночь на небосклон взошла...» и «Не остывшая от зною...»), и многое другое, свидетельствующее о невысоком качестве текстов «Современника».

Через два месяца после выхода 3-й книжки «Современника» в нем было опубликовано еще 19 стихотворений Тютчева — 17 старых, напечатанных еще в 1820—1830-х годах, и 2 новых («На Неве» и «День вечерет, ночь близка...»). О старых стихотворениях Некрасов сообщал в 4-й книжке своего журнала (разрешена к печати 31 марта, вышла 9 апреля): «По напечатании уже стихотворений Ф. И. Тютчева в редакцию „Современника“ поступило несколько указаний на разные старые журналы и альманахи, в которых было напечатано несколько его стихотворений, не вошедших в собрание, появившееся в 3 № „Современника“. Желая сделать издание стихотворений г. Тютчева по возможности полным, мы соберем все не вошедшие в это первое собрание стихотворения и поместим их в следующей книжке „Современника“». ³⁵ Публикация, как и было обещано, состоялась в 5-й книжке журнала. По сравнению с первопечатными тексты в этой книжке имеют особенно существенные отличия в двух стихотворениях — «С чужой стороны» и «Могила Наполеона».

1. «С чужой стороны».

На севере мрачном, на дикой скале
Кедр одинокий *под снегом* белеет,
(вместо «подъемясь»)
И сладко заснул он в *инистой* мгле,
И сон его *вьюга* лелеет.
(вместо «буря»)

Про юную пальму *все* снится ему, (вставлено)
Что в *дальних пределах* Востока,
(вместо «краю отдаленном»)
Под *пламенным небом*, на *знойном* холму
(вместо «мирной лазурью, на светлом»)
Стоит и цветет *одинок*.

Мы сравнили текст этого стихотворения из 5-й книжки «Современника» с текстом «Северной лиры» 1827 г. В новой редакции этого перевода стихотворения Гейне «Ein Fichtenbaum steht einsam...» сказалось желание более точно передать содержание немецкого оригинала. Это касается 7-го стиха, соответствующего гейневскому «Auf brennender Felsenwand». Замена «бури» на «вьюгу» носит характер уточнения реалии. Изменения 5—6-го стихов являются несколько искусственными приглаживаниями метра (дольник и анапест переделаны на доминирующей амфибрахий). Сознательно или нет, Тютчев сделал это явно в угоду общему взгляду на стихосложение. ³⁶

³⁵ Современник, 1854, кн. 4, отдел «Современные заметки», с. 111.

³⁶ Ю. Н. Тынянов писал, что из русских переводов этого стихотворения тютчевский перевод — единственный, в котором сделана попытка передать метрическое

2. «Могилы Наполеона». В первопечатном тексте стихотворения в «Галатее» 1829 г. цензура исключила во 2-й строфе два стиха:

Еще гремит твоих побед
Отзывный гул в колеблющемся мире...
.....
И ум людей твою тенью полн,
А тень твоя, скитаясь в крае диком,
Чужда всему, внимая шуму волн,
И тешится морских пернатых криком.

В 5-й книжке «Современника» эта строфа появилась в следующем виде:

Давно ль умолк Перун его побед,
И гул от них стоит доселе в мире...
И ум людей великой тенью полн,
А тень его, одна, на бреге диком,
Чужда всему, внимает шуму волн
И тешится морских пернатых криком.

В тексте «Галатей» эта строфа, несмотря на отсутствие изъятых цензурой стихов, представляет собой единую повествовательную конструкцию без нарушения временных, причинно-следственных и синтаксических связей. В новой же редакции она стала синтаксически аморфной. Возникло вопиющее противоречие между риторической вопросительностью первого стиха и повествовательностью соединенного с ним союзом «и» второго стиха. Неудачным представляется и превращение слова «чужда» из сказуемого в обособленное определение. Этим в значительной степени стирается противопоставление («ум людей великой тенью полн, а тень твоя... чужда всему»), и главная характеристика в образе Наполеона превращается во второстепенную. На второй редакции сказано то, что она была создана после первой через четверть века. Если в конце 1820-х годов еще явственно ощущался «отзывный гул» наполеоновских побед и «тень» Наполеона была еще политической силой, то в 1854 г., когда прах его уже 14-й год покоился в Париже, от всего этого остался только исторический «гул». Неудивительно поэтому, что во второй редакции стихотворения непосредственное обращение к Наполеону было заменено на повествование о его «тени» в 3-м лице. Автограф второй редакции «Могилы Наполеона» не сохранился, и мы не можем убедиться в том, что все разночтения его текста в 5-й книжке «Современника» принадлежат Тютчеву. Но и независимо от этого можно констатировать, что его вторая редакция является результатом позднейшей переделки, произведенной без достаточного вдохновения, без учета контекста и под воздействием временных факторов.³⁷

5-я книжка «Современника» была разрешена к печати 23 апреля 1854 г. А указания на ранние печатные тютчевские тексты редакция «Современника» получила не ранее марта этого года. Таким образом, списки с этих текстов были доставлены к Тютчеву и исправлены им в марте—первой половине апреля. Несмотря на наличие в текстах 5-й книжки очевидных и существенных исправлений самого поэта, отношение его к этой публикации нельзя назвать иначе, как небрежным. Об этом говорят не только ошибки, случайные варианты и исправления, сделанные автором без учета контекста, но и сам случайный состав данной публикации, определившийся счастливыми находками библиографов. Некоторые замечательные оригинальные стихотворения, опубликованные в 1820—1830-е годы, в 5-ю книжку «Современника» не вошли (на-

своеобразие подлинника. См.: Тынянов Ю. Архаизмы и новаторы. М., 1929, с. 395. В редакции 1854 г. от этой попытки остались лишь дактиль 2-го стиха и дольник 3-го и на фоне первой строфы вторая стала выделяться своей монотонией.
³⁷ Мелкие разночтения и ошибки имеются еще в семи стихотворениях, опубликованных в № 5 «Современника».

пример, «Летний вечер», «Бессонница», «Вечер», «Последний катаклизм»), между тем как иные юношеские переводы и подражания были опубликованы. Об этом же отношении говорит и тот факт, что Тютчев не восстановил трех стихов в переводе из «Вильгельма Мейстера», исключенных цензурой в тексте «Сиротки» 1831 г., и двух вымаранных стихов в галатеевском тексте «Могилы Наполеона».

30 мая 1854 г. цензор В. Н. Бекетов разрешил к печати отдельное издание «Стихотворений Ф. Тютчева». Оно было отпечатано в той же типографии Э. Праца, где печатался «Современник». Изданию было предпослано предисловие, которое гласило: «Получив от Ф. И. Тютчева право на издание его стихотворений, редакция „Современника“ поместила в этом собрании и те стихотворения, которые принадлежат к самой первой эпохе деятельности поэта и теперь были бы, вероятно, им самим отвергнуты. Но мы сочли за лучшее дать публике издание по возможности полное. Таким образом, в настоящем собрании представляется публике вся поэтическая деятельность поэта,³⁸ за исключением нескольких пьес, совершенно незначительных. Санкт-Петербург, май 1854». Опираясь на это предисловие, исследователи делают вывод о том, что Тютчев не принимал непосредственного участия в подготовке издания. Между тем предисловие говорит только о том, что окончательный состав сборника не был утвержден автором. Зачем же понадобилось это предисловие? Ответ здесь может быть только один, и вытекает он из позиции автора, чрезвычайно скромного и неизменно требовательного к себе. Вспомним, что в 1836 г. писал Тютчев Гагарину, после того как узнал о высокой оценке, данной его стихам Вяземским, Жуковским и Пушкиным: «И тем не менее, любезный друг, я сильно сомневаюсь, чтобы бумагомаранье, которое я вам послал, заслуживало чести быть напечатанным, в особенности отдельной книжкой».³⁹ Впоследствии, в 1868 г., Тютчев предоставил И. С. Аксакову право на издание его стихотворений, не утвердив состава, но с надеждой, что «издание будет сделано с известным разбором».⁴⁰ По-видимому, его авторская позиция была такой же и в 1854 г. Замечание редакции имело в виду 17 ранних стихотворений, помещенных в 5-й книжке «Современника». Но как тогда объяснить тот факт, что некоторые разночтения именно этих текстов с очевидностью выдают руку самого автора? Видимо, Тютчев, возвращая в редакцию эти стихотворения, выразил сомнение в том, что они достойны перепечатки, а тем более в отдельном издании. Предоставив редакции право на издание, он, видимо, надеялся, что это будет издание избранных стихотворений. Но редакция «сочла за лучшее дать публике издание по возможности полное», что и оговорила в предисловии, выполняя свой долг перед автором. Так же поступил И. С. Аксаков в 1868 г.

Из 111 стихотворений, помещенных в 3-й и 5-й книжках «Современника», в отдельное издание не попало только «Пророчество» («Не гул молвы прошел в народе...»). Читая 3-ю книжку «Современника», Николай I зачеркнул в этом панславистском стихотворении последние два стиха, призывавшие его пасть к «Христову алтарю» Софийского собора в столице древней Византии, чтобы встать «всеславянским царем». «По-

³⁸ Обо всей поэтической деятельности Тютчева в кружке «Современника» имели не большее представление, чем Сушков, который тоже хотел выпустить «полное собрание» тютчевских стихов, не зная, что к 1852 г. Тютчев был автором более 200 сохранившихся (110 из них были напечатаны) и множества погибших в 1833 г. произведений. Издание 1854 г. достаточно полно представило читателю только творчество Тютчева 1848—1853 гг. Полное представление о поэтической деятельности Тютчева 1820—1830-х годов имел только Гагарин, к тому времени уже 11 лет проживавший в Париже. Он же единственный знал о гибели большинства тютчевских рукописей мюнхенского периода.

³⁹ Тютчев Ф. И. Соч. в 2-х т., т. 2, с. 10.

⁴⁰ Там же, с. 227.

добные фразы не допускать», — собственноручно написал на полях император, о каковой «высочайшей воле» генерал-адъютант Н. Н. Анненков сообщил письменно министру народного просвещения, государственному канцлеру и шефу полиции.⁴¹ Отличия текстов издания 1854 г. от журнальных текстов незначительны.⁴²

Так закончился этот акт «драмы» тютчевского текста. Но «драма» собственно только начиналась, ибо недостоверный текст издания 1854 г. был положен в основу второго и последнего прижизненного издания (М., 1868) и всех последующих изданий до 1923 г. Таким образом, в течение 70 лет многие стихотворения поэта в искаженном виде входили в сознание читателей. Некоторые же ошибки и редакторские поправки, имеющиеся в издании 1854 г., сохранялись до последнего времени⁴³ и скрывали от читателей подлинные строки Тютчева, мешая верному пониманию содержания соответствующих стихотворений.

4

Рассмотрев вопросы о генезисе текста, составе и собственных вариантах издания 1854 г., мы можем приступить к более основательному определению ролей участников этой текстологической «драмы». Изучение этого вопроса имеет многолетнюю историю. Не решенным до сих пор он остается прежде всего потому, что о ходе непосредственной подготовки издания известно очень мало и в основном из позднейших и не во всем достоверных источников. Вот что писал, например, зять и первый биограф поэта И. С. Аксаков: «Наш известный писатель и ревностный тогда сотрудник журнала „Современник“ Иван Сергеевич Тургенев, познакомившись с поэтом, испросил у него <...> право для редакции на издание его стихотворений, собрал, при помощи семьи Федора Ивановича, все, что можно было собрать, — и таким образом состоялось в 1854 году то первое издание, в котором Тютчев сам, лично, не принимал никакого участия».⁴⁴ В другом месте биографии Аксаков, основываясь на предисловии от редакции, писал: «Тютчев при этом издании был, очевидно, сам в стороне; за него распоряжались, рядили и судили другие. Мы убеждены, что он даже и не взглянул в эту книжечку». Само предисловие к изданию, считал Аксаков, было написано Тургеневым «от имени редакции журнала».⁴⁵ Нетрудно заметить, что Аксаков ретроспективно проэкстраполировал на издание 1854 г. историю подготовленного им издания 1868 г., от участия в котором Тютчев отказался, не просмотрев даже присланного оглавления.⁴⁶

С легкой руки Аксакова, книга которого о Тютчеве до сих пор является важнейшим источником для исследователей, мнение о полной непричастности Тютчева к изданию 1854 г. было распространено и стало общепринятым. Утверждению этого мнения способствовали статьи Д. Д. Благого и Г. И. Чулкова. Оба исследователя опирались в своих выводах на редакционное предисловие к изданию 1854 г., на историю издания 1868 г. и на мнение Аксакова. Оба в подтверждение усвоенного

⁴¹ См.: Тютчев в Ф. И. Лирика, т. II, с. 360—361.

⁴² Снята, например, дата («15 сентября 1850»), стоявшая в качестве заглавия стихотворения «Обвеян вещею дремотой...». К стихотворению «Рассвет», напротив, добавлена дата — «Писано в 1850 году». Сделано это было, видимо, для того, чтобы показать, что это политическое стихотворение не имеет никакого отношения к ура-патриотической лирике, заполнявшей тогдашние газеты и журналы в связи с Крымской войной.

⁴³ Они были окончательно исправлены нами в издании: Тютчев Ф. И. Соч. в 2-х т., т. 1. М., 1980. Все существенные исправления текста в данном издании оговорены в примечаниях.

⁴⁴ Аксаков И. С. Биография Федора Ивановича Тютчева. М., 1886, с. 38.

⁴⁵ Там же, с. 323.

⁴⁶ Там же, с. 324.

ими мнения Аксакова приводили такие факты, как отсутствие упоминаний об издании 1854 г. в письмах Тютчева, погруженность его в политические проблемы того времени. Д. Д. Благой основывался также на фактах истории восприятия лирики Тютчева. Сдержанные отзывы о тютчевских публикациях 1850—1852 гг., писал он, не могли поддерживать в Тютчеве «первого, вызванного статьей Некрасова, порыва к отдельному изданию своих стихов», в связи с чем Тютчев «не только нехотя соглашается передать стихи Тургеневу, но и проявляет в дальнейшем совершенное безучастие к изданию, целиком устранив себя от всякого соприкосновения с ним».⁴⁷

К сходным выводам пришли Д. Д. Благой и Г. И. Чулков в решении вопроса о происхождении разночтений издания 1854 г. Принимая во внимание «ту бесцеремонность, с какою И. С. Тургенев склонен был исправлять чужие стихи», Г. И. Чулков писал: «Жестокая операция, произведенная им над текстом стихов Фета, всем известна. Правда, к Ф. И. Тютчеву Тургенев относился с большим уважением, чем к своему приятелю Фету, и <...> придавал поэзии Тютчева исключительное значение. И тем не менее можно с достаточным основанием предположить, что И. С. Тургенев кое-что „исправил“ в стихах поэта».⁴⁸

Еще более решительно высказался Д. Д. Благой. Он также указывал на «страсть Тургенева к выправлению чужих стихов», и прежде всего «стихов без меры»,⁴⁹ чем он и объяснил происхождение приглашенных редакций «Silentium!» и «Сна на море». Подтверждением этого служили для исследователя и его наблюдения над творческим процессом поэта. Сравнивая особенности работы Тютчева над отделкой стиха («работы ювелира, тонкой, легко скользящей над стихом, наносящей на него почти неумовимые изменения») с характером разночтений издания 1854 г., Д. Д. Благой пришел к заключению, что наряду с обычными для Тютчева мелкими поправками в издании имеются не свойственные ему изменения, которые касаются наиболее существенных формальных сторон стиха, «затрагивая и коренным образом видоизменяя самый принцип тютчевского стихосложения».⁵⁰ Уничтожение в издании нововведений Тютчева, «безгранично расширяющих пределы и возможности русской просодии», свидетельствовало, по Д. Д. Благому, «либо о внутреннем отказе поэта от своих прежних дерзаний, либо об уступках, сделанных им не приемлющему этих нововведений вкусу журнальной критики и широкой читательской массы. И некоторые тонкие знатоки и выдающиеся мастера стихотворного искусства, так или иначе, но измену поэта самому себе резко тогда же не одобряли».⁵¹ В качестве примера такого неодобрения Д. Д. Благой привел известное высказывание А. А. Фета из «Предисловия» к III выпуску «Вечерних огней»: «Счастлив художник, способный исправлять свои произведения согласно указаниям знатоков. Но и тут есть известные границы и опасности. Можно, что называется, записать картину. Это случалось даже с позднейшими изданиями Тютчева, где алмазные стихи появились замененные стразами».⁵² Этим высказыванием Фет уподобил судьбу стихов Тютчева из издания 1854 г. судьбе своих стихов из издания 1856 г., отредактированного Тургеневым.

Д. Д. Благой оговаривал, что, «настойчиво требуя изменений для большинства фетовских стихов, по большей части давая даже подробную программу самых изменений, Тургенев в конечном счете все же предоставлял действовать, т. е. изменять свои стихи, самому поэту». Но

⁴⁷ Благой Д. Тургенев — редактор Тютчева. — В кн.: Тургенев и его время. М., 1923, с. 147.

⁴⁸ Чулков Г. Судьба рукописей Тютчева. — В кн.: Тютчевский сборник. Пг., 1923, с. 53.

⁴⁹ Благой Д. Тургенев — редактор Тютчева, с. 153.

⁵⁰ Там же, с. 148.

⁵¹ Там же, с. 143.

⁵² Цит. по кн.: Фет А. А. Вечерние огни. М., 1971, с. 242.

«совсем с иным, — писал он далее, — сталкиваемся мы в истории редактирования Тургеневым стихов Тютчева. <...> Те чрезвычайного художественного и принципиально-теоретического значения выправления, которые имели здесь место, были произведены Тургеневым не только без всякого участия, но даже и без ведома о том самого Тютчева».⁵³ Руку Тургенева Д. Д. Благой обнаружил и во многих вариантах издания 1854 г., появление которых не могло быть объяснено приведением стихов к единому размеру. «Точно такой же характер грубых нарушений потаенного авторского замысла имеют и почти все остальные, на первый взгляд вполне закономерные и целесообразные, изменения текста, вводимые изданием 1854 года», — писал он, связывая эти изменения с высказываниями Тургенева о языке тютчевских стихотворений из статьи «Несколько слов о стихотворениях Тютчева».⁵⁴

Тургенев действительно был решительным противником стихов «без меры», считая, что нарушение метрических правил может вредить впечатлению читателя. Он действительно отметил некоторые формальные недостатки тютчевских стихов, писал, что «внешняя сторона дарования Тютчева не довольно, может быть, развита», что «у него попадают устарелые выражения, бледные и вялые стихи», что иногда он даже «как будто не владеет языком».⁵⁵ Но мог ли Тургенев допустить редакторский произвол в отношении в целом высоко ценимых им стихов Тютчева, создавшего, по его словам, «речи, которым не суждено умереть»? Ведь в той же статье о Тютчеве Тургенев по достоинству оценил и красоту и новаторство тютчевского поэтического языка. Вслед за перечислением недостатков «внешней стороны дарования» поэта Тургенев писал: «... но все это выкупается неподдельностью его вдохновения, тем поэтическим дуновением, которым веет от его страниц; под наитием этого дуновения самый язык г. Тютчева поражает читателя счастливой смелостью и почти пушкинской красотой своих оборотов».⁵⁶

Дальнейшие находки и исследования, подтвердив наличие в издании 1854 г. многочисленных редакторских поправок, показали, однако, что «Тургенев неповинен в целом ряде изменений тютчевских стихов».⁵⁷ Однако вопрос о Тургеневе — редакторе Тютчева остается открытым. До сих пор Тургенев считается единоличным редактором и составителем издания 1854 г. и автором предисловия к нему. Считается также, что Тютчев не принимал непосредственного участия в его подготовке. Что же касается собственных вариантов издания, не относимых на счет автора, то они, хотя и предположительно, продолжают приписываться Тургеневу. В разделе «Другие редакции и варианты» «Лирики» Ф. И. Тютчева Тургеневу приписаны варианты 14 стихов. При этом 8 из них отнесены к вариантам издания 1854 г. по недоразумению. На самом деле они являются поправками и ошибками предшествующих текстов — в некрасовской статье, в *АБ*, *СТ* и *МА*. Если отбросить спорные редакции стихотворений «Silentium!» и «Поминки», правленных еще Сушковым, и цензурный вариант 5-го стиха «Колумба», ошибочно приписанный в «Лирике» автографу, останется шесть стихов, в которых исправлено по одному слову (см. выше). Не следует забывать также, что небольшая часть вариантов текстов, опубликованных в 3-й и 5-й книжках «Современника» за 1854 г., вошла в основной текст «Лирики». И все-таки детальное и дифференцированное исследование фактов истории публикации тютчевских стихов в «Современнике» 1854 г., генезиса, состава и собственных вариантов этих текстов позволяет прийти к выводу, что редакторское вмешательство в эти тексты сильно преувеличивается и что Тютчев

⁵³ Благой Д. Тургенев — редактор Тютчева, с. 144.

⁵⁴ Там же, с. 159—160.

⁵⁵ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Соч., т. V. М.—Л., 1963, с. 425.

⁵⁶ Там же, с. 425—426.

⁵⁷ Пигарев К. В. Судьба литературного наследия Ф. И. Тютчева, с. 377.

принимал некоторое участие в данных публикациях (прежде всего — в 4-й книжке журнала).

Что же касается вопроса о характере отношений Тютчева с редакцией «Современника» в процессе подготовки издания, то здесь следует опираться на слова Фета об «алмазных стихах», замененных Тютчевым «стразами» «по указаниям знатоков». Все исследователи (кроме В. Я. Брюсова⁵⁸), цитировавшие данное высказывание Фета, прошли мимо прямого смысла этого важнейшего свидетельства, не только опровергающего мнение И. С. Аксакова о полной непричастности Тютчева к процессу подготовки издания, но и дающего ключ к определению характера его участия в этом процессе. Несомненно, что «знатоком», по указанию которого Тютчев (в единичных, как мы показали, случаях) заменил «алмазы» «стразами», был Тургенев, выполнявший роль посредника между Тютчевым и редакцией «Современника». Ни о каком редакторском произволе Тургенева в отношении тютчевских стихов не может быть и речи.

Способствовали ли поправки Тургенева, принятые Тютчевым (или исправления автора, сделанные по просьбе редактора), улучшению текста? Если принять во внимание возможность того, что под влиянием Тургенева Тютчев переделал стихотворения «Весенняя гроза», «С чужой стороны» и «Могилы Наполеона», то ответ на этот вопрос не может быть однозначным. Мелкие же поправки, которые могли быть сделаны по указанию редактора (см. выше), в большинстве своем не способствовали улучшению текста, а иногда резко искажали его. В этом отношении весьма любопытно позднее, но очень важное свидетельство Г. С. Гагарина в письме к П. В. Быкову от 14 ноября 1912 г. Возражая против решения Быкова, положившего в основу подготовленного им «Полного собрания сочинений» Тютчева (СПб., [1912]) текст издания 1854 г., Гагарин писал: «Позволительно оспаривать общепризнанность гражданских прав за Вашим руководством (т. е. за изданием 1854 г., — А. Н.), особенно теперь, когда доступны рукописи поэта; да и раньше в том не без оснований сомневались. П. М. Ковалевский, например, утверждал, что многие поправки Тургенева были порчею, и мне показывал свой экземпляр с пометками, сделанными со слов Тютчева (пометок было несколько, и они были убедительными)».⁵⁹ В этом письме Г. С. Гагарин привел на память, к сожалению, только одну из этих нескольких поправок: «Места *печальные*, хоть и родные» (вместо «немилые») — из стихотворения «Итак, опять увиделся я с вами...». Указание Гагарина подтверждает предположение о том, что Тютчев мог внести какие-либо поправки по указанию со стороны или же принять чужие исправления в силу своей авторской абулии, но явно вопреки своей творческой воле.

Наконец, вопрос о других участниках тютчевских публикаций в «Современнике» 1854 г. Нет сомнения, что редакции журнала оказывали помощь члены тютчевского семейства, как на то указывал И. С. Аксаков. Но если во многом, что касается «семьи Федора Ивановича», его зятю можно доверять, то в отношении «Современника» надо обращаться к более достоверным источникам. Тургенев был посредником между «Современником» и семьей Тютчева, между редакцией и самим Тютчевым. Но он не был единственным редактором публикаций в «Современнике» (№ 3 и 5). Несомненно большая роль в подготовке издания Некрасова, которому принадлежат редакционные объявления и предисловие к отдельному изданию. Несомненно также, что Некрасов вел наблюдение за печатанием отдельного выпуска, не говоря уже о 3-й и 5-й книжках журнала. Очень вероятно, что именно Некрасову принадлежат многочисленные грамматические и иные мелкие поправки в издании, подобные тем,

⁵⁸ См.: Брюсов В. Я. О собрании сочинений Ф. И. Тютчева. — Русский архив, 1898, кн. 3, вып. 10, с. 259.

⁵⁹ ГПБ, ф. Быковых, № 316, л. 2 об.

которые он внес в стихи Тютчева в 1850 г. Вряд ли Некрасов общался с Тютчевым, но он мог действовать через Тургенева. К тому же у Некрасова были свои права на стихи Тютчева. И не только потому, что он открыл их для читателей и был инициатором их издания. То обстоятельство, что его поправки, внесенные в 1850 г., были сохранены в тех рукописных источниках, которыми располагала редакция «Современника», получившая их от членов тютчевского семейства, давало Некрасову право считать, что они были приняты автором.

Принимали участие в подготовке тютчевского сборника и другие члены кружка «Современника». Коллективность была характерной чертой работы редакции. Исследователи прошли мимо хотя и позднего, но вполне достоверного свидетельства Л. Н. Толстого, рассказывавшего, что с поэзией Тютчева «его познакомили Некрасов <...>, Дружинин и др., которые составили первый сборник стихотворений Тютчева».⁶⁰ Не мог быть в стороне от тютчевских публикаций и соредатор Некрасова И. И. Панаев. Подтверждением этого является обнаруженное недавно письмо П. А. Плетнева к П. А. Вяземскому от февраля 1854 г., в котором сообщалось: «Тютчев согласился на издание полного собрания своих стихотворений, чем распоряжаются: Тургенев (возвратившийся из деревни), Панаев и Некрасов. Они тиснут их сперва в „Современнике“, а потом выпускают отдельной книжкой».⁶¹

⁶⁰ См. запись в дневнике В. Ф. Лазурского от 20 июля 1894 г.: Литературное наследство, т. 37—38. М., 1939, с. 469.

⁶¹ Цит. по: Осповат А. Второе начало. — В мире книг, 1979, № 11, с. 78.

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ И ВОСПРИЯТИЯ «ПЕСНИ ЕРЕМУШКЕ»

1

Среди источников текста «Песни Еремушке» особый интерес представляет запись ее первоначального варианта, сделанная Н. А. Добролюбовым. Однако история возникновения и само назначение этой рукописи остаются невыясненными. Она и называется по-разному: незаконченная копия, неполная копия, копия Добролюбова, один из черновых автографов, добролюбовский автограф и т. п. «Происхождение этой копии, — писал в текстологических примечаниях к «Песне Еремушке» А. Я. Максимович, — неясно. В ней совмещены две ранних редакции стихотворения и воспроизведена правка отдельных стихов: возможно, что Добролюбов копировал подлинный черновой автограф» (II, 643). Столь же неопределенно пишет о ней и другой комментатор: «Неполная копия, сделанная рукою Добролюбова, который, видимо, снимал ее с чернового автографа».¹ На основании этих предположений высказывалась догадка и о том, что Добролюбов, быть может, «знал разные редакции Некрасовской „Песни“ и хранил у себя один из черновых автографов», как бы представлявший собою «род революционной прокламации в стихах».²

Впервые эта запись изначального варианта стихотворения, сделанная рукою друга и сподвижника поэта, была рассмотрена и частично воспроизведена в газетной статье В. Е. Евгеньева-Максимова «Неизвестный вариант „Песни Еремушке“». Исследователь получил рукопись от дочери М. А. Антоновича Ольги Михайловны, передавшей ее затем в Государственный Литературный музей (Москва), откуда она перешла в добролюбовский фонд Центрального государственного архива литературы и искусства СССР.³ «Вариант этот, — сообщалось его первым публикатором, — состоит из 80 строк. Однако только 24 строки не вошли в общеизвестный печатный текст „Песни Еремушке“». Евгенийев-Максимов воспроизвел их, оговорившись при этом, что «они взяты из черновика, а потому и не вполне отделаны. Хотя поэт и не включил их впоследствии в печатный текст, иными словами, по тем или другим соображениям отказался от них, однако <...> они не лишены и идеологических и формальных особенностей, представляющих значительный интерес».⁴

В последующих работах того же ученого отмечалось полное совпадение взглядов Добролюбова с этим произведением Некрасова, поскольку здесь «весьма недвусмысленно звучат революционные призывы, адресо-

¹ Некрасов Н. А. Полн. собр. стихотворений в 3-х т., т. 2. Л., 1967, с. 597.

² Жданов В. В. Некрасов. М., 1971, с. 307 (серия «Жизнь замечательных людей»).

³ ЦГАЛИ, ф. 166, оп. 1, ед. хр. 43.

⁴ Красная газета, веч. вып., 1928, 19 января, № 18 (1688), с. 4.

ванные Еремушке, который, конечно, является не индивидуальным, а коллективным образом — образом крестьянского молодого поколения». ⁵ Ссылаясь на неизданные воспоминания О. М. Антонович-Мижуховой, Евгеньев-Максимов обратил особое внимание на то, что «знаменитая „Песня Еремушке“ была написана Некрасовым в квартире Добролюбова, под непосредственным впечатлением происходившей между ними беседы». ⁶

В одних случаях это важное, хотя и слишком общее положение, основанное на мемуарном свидетельстве, которое остается неопубликованным, используется для вывода, что «Добролюбов даже принимал косвенное участие в создании» «Песни Еремушке»; ⁷ в других — повторяется с некоторым смягчением мысль о прямом воздействии критика на поэта: стихотворение «создавалось Некрасовым на квартире Добролюбова в непосредственном с ним общении». ⁸

Автор статьи «„Песня Еремушке“ Некрасова и идейно-политическая борьба конца 1850-х годов» подверг это свидетельство, а точнее сказать его интерпретацию, критической проверке. Оно представляло для Ф. И. Евнина тем больший интерес, что, казалось бы, давало дополнительный аргумент в пользу обоснованного им вывода: «Стихотворение Некрасова явилось, очевидно, выражением самых заветных мыслей и чаяний Добролюбова». ⁹ Исследователь напомнил, что именно в пору создания «Песни Еремушке» критик жил под одной крышей с поэтом, что именно к середине 1859 г. относится их совместная работа над стихотворением «Дружеская переписка Москвы с Петербургом», что «Добролюбов как-то особенно тесно связал свое имя с „Песней Еремушке“, что, наконец, существует добролюбовский автограф этого стихотворения. «И все же, — писал далее Ф. И. Евнин в названной выше статье, — думается, сообщение О. М. Антонович-Мижуховой изображает возникновение „Песни Еремушке“ слишком уж упрощенно.

Неужели, — недоумевал Ф. И. Евнин, — одной беседы с Добролюбовым было достаточно, чтобы под ее прямым впечатлением был создан некрасовский шедевр? Это предполагает чуть ли не какую-то „идейную диктовку“ Добролюбова, его прямые „внушения“ Некрасову и потому незаслуженно снижает идейную и творческую самостоятельность Некрасова как поэта». ¹⁰

Между тем ничего даже отдаленно похожего на такие «упрощения» творческой истории «Песни Еремушке» не содержится в упомянутом мемуарном источнике, который как раз подтверждает вывод самого же Ф. И. Евнина о глубокой связи замысла этого произведения, явившегося «одним из центральных литературных памятников периода революционной ситуации», ¹¹ с пафосом всей деятельности Некрасова, Добролюбова, Чернышевского и помогает выяснить происхождение, характер и назначение добролюбовской записи исходного варианта стихотворения. Она представляет собою отнюдь не копию несуществующих некрасовских «черновых автографов», не список с одного из них, сделанный с совершенно непонятной целью, не какой-то, опять же загадочный, промежуточный вариант произведения, а именно запись с голоса автора во время абсолютно непринужденной поэтической импровизации, которая оказалась возможной и столь результативной лишь в условиях

⁵ Евгеньев-Максимов В. «Современник» при Чернышевском и Добролюбове. Л., 1936, с. 328.

⁶ Евгеньев-Максимов В. Некрасов в кругу современников. Л., 1938, с. 140—141.

⁷ Жданов В. В. Некрасов, с. 307.

⁸ Некрасов Н. А. Полн. собр. стихотворений в 3-х т., т. 2, с. 597.

⁹ Некрасовский сборник, вып. II. М.—Л., 1956, с. 175.

¹⁰ Там же, с. 191.

¹¹ Там же, с. 174.

истинно дружеских и притом вполне равноправных отношений Некрасова с Добролюбовым.

К этому примечательному эпизоду плодотворного идейно-творческого взаимодействия поэта и критика в пору их особенно интенсивной совместной работы над каждой новой книжкой «Современника» О. М. Антонович-Мижужева обращалась трижды: в большой рукописи под названием «М. А. Антонович в его интимной жизни. Воспоминания дочери»,¹² в особом «Примечании» к этой рукописи¹³ и в написанной «в связи с недавним 100-летием Добролюбова», т. е., очевидно, в 1936 г., «Страничке из воспоминаний» о начале сотрудничества в «Современнике» М. А. Антоновича, которого, по словам его дочери, «вполне можно считать учеником Добролюбова».¹⁴ Поскольку «Примечание» по своему содержанию относится к обоим источникам, уточняя в них одну общую деталь, мы обратимся к нему в последнюю очередь, а из первой рукописи, явившейся основой для интересующей нас «Странички из воспоминаний», приведем лишь не вошедшие в нее замечания о том, что «Песня Еремушке» была «записана рукою» Добролюбова и что «два листа бумаги, на которых написано это стихотворение в первоначальной редакции», подтверждающие переданные мемуаристке ее отцом «некоторые подробности появления на свет» данного произведения.¹⁵

Не вошедшие еще в научный оборот «подробности» наиболее полно изложены в последней из названных выше рукописей: «Вот эпизод, в котором Добролюбов играл некоторую, правда, очень небольшую роль и о котором Антонович почему-то не упомянул в своих „Воспоминаниях“ о нем. Передаю этот эпизод со слов отца, как он сам рассказывал мне об этом.

Добролюбов, как известно, особенно высоко ставил стихотворение Некрасова „Песня Еремушке“; так высоко, что в письме к одному своему товарищу по педагогическому институту советовал последнему „выучить его наизусть, списывать и распространять“.¹⁶ Так вот, стихотворение это, оказывается, зародилось у поэта на квартире у больного Добролюбова и первоначальный вариант его был записан рукою Николая Александровича. Вот как было дело.

Собираясь уехать к себе в деревню, Некрасов зашел к Добролюбову отдать какие-то распоряжения по делам редакции. Добролюбов был в это время болен. У него сидел Антонович. Дело было, по-видимому, поздней весной или же летом, потому что Некрасов, обливаясь потом, несколько раз повторил: „Эх, жара несносная!..“, а потом, подумав, прибавил: „А пора-то сенокосная..“

Добролюбов засмеялся: „А вы и говорить стали рифмами! Уж не стихи ли сочиняете?“ — „Кажется, что так“, — отвечал Некрасов. Тогда Добролюбов взял перо и бумагу: „Ну, валийте, — я буду записывать!“.

И Некрасов стал диктовать ему „Песню Еремушке“, которую потом несколько изменил и переделал.¹⁷

В «Примечании» была исправлена «неверность», касавшаяся присутствия Антоновича во время этой импровизации: «... означенное стихотворение было написано в 1858 году; отец же познакомился с поэтом лишь в 1861 году. Следовательно, при создании „Песни Еремушке“ Антонович сам присутствовать не мог, а в свою очередь слышал об этом от Добролюбова в таком виде, как это мною изложено».¹⁸ Эта поправка,

¹² ЦГАЛИ, ф. 18, оп. 1, ед. хр. 20, л. 35 об.—37.

¹³ Там же, л. 1—1 об. второй пагинации.

¹⁴ Там же, ед. хр. 21.

¹⁵ Там же, ед. хр. 20, л. 35 об.—36 об.

¹⁶ В письме Добролюбова к И. И. Бордюгову от 20 сентября 1859 г. сказано: «Выучи наизусть и вели всем, кого знаешь, выучить „Песню Еремушке“ Некрасова» (Добролюбов в Н. А. Собр. соч. в 9-ти т., т. IX. М.—Л., 1964, с. 385).

¹⁷ ЦГАЛИ, ф. 18, оп. 1, ед. хр. 21.

¹⁸ Там же, ед. хр. 20, л. 1—1 об. второй пагинации.

основанная на формальном сопоставлении дат, первая из которых нуждается в уточнении, не лишает приведенный рассказ достоверности, поскольку знакомство Антоновича с Добролюбовым состоялось именно в пору возникновения «Песни Еремушке». Воспоминания дочери Антоновича, повторяющие его собственные слова, как раз и дают веский аргумент в пользу датировки этого стихотворения 1859 г., предложенной Ф. И. Евниным в названной выше статье.

К его вполне основательным соображениям теперь прибавляются следующие. Ситуация, восстановленная О. М. Антонович-Мижуховой, оказывается наиболее вероятной для второй половины июня 1859 г., когда Добролюбов жил в квартире Некрасова, а «он сам был уже на даче» и затем уехал «в Ярославскую губернию, на охоту», как сказано в письме Добролюбова к И. И. Бордюгову от 28 июня. «Панаев, — говорится в том же письме, — живет на даче и в город не заглядывает». Вполне понятно, что распоряжения по делам редакции «Современника» Некрасов перед своим отъездом в деревню мог передать прежде всего Добролюбову, который сообщал в цитируемом письме о своем отношении к журналу: «Он для меня все более становится настоящим делом, связанным со мною кровно. Ты понимаешь, конечно, почему...».¹⁹ О разговоре с Некрасовым перед его отъездом Добролюбов упомянул в записке И. А. Панаеву, датированной 11—12 июля 1859 г.: «Николай Алексеевич говорил, что если денег „Современника“ будет мало, то я могу получить из его денег, сколько мне будет нужно <...> он на этой неделе должен приехать».²⁰ Некрасов возвратился в начале августа, а в сентябрьской книжке «Современника» появилась «Песня Еремушке».

В цензурской корректуре, датированной 12 сентября, это стихотворение имело другое заглавие — «Колыбельная песня» (II, 643). Если учесть, что девятый номер журнала выпущен в свет 20 сентября,²¹ то станет ясно, что работа автора над текстом продолжалась до самого момента его появления в печати, а это также служит косвенным подтверждением более раннего происхождения записи Добролюбова, которая вообще еще не была озаглавлена и осталась незавершенной в сравнении с окончательным видом произведения. Отсутствие в последнем (а также и в корректуре) тех слов, которые привел Добролюбов в письме к Бордюгову от 20 сентября 1859 г. («равенство», «угнетателям», замененные из цензурных соображений на «истину» и «лютой подлости»), позволяет говорить о существовании наборной рукописи или белого автографа.

Так выясняются основные этапы и примерные сроки работы автора над «Песней Еремушке»: в июне, перед отъездом в Ярославскую губернию, состоялась «импровизация», результатом которой и явилась добролюбовская запись первоначального варианта стихотворения; в августе, после возвращения в Петербург, Некрасов на основе этой предварительной записи подготовил окончательный текст для сентябрьской книжки журнала; затем, уже перед самым выходом ее в свет, нашел новое, более отвечающее содержанию заглавие для произведения, ставшего связующим звеном между предшествующими стихами «музы мести и печали» и всем последующим творчеством революционного демократа, вплоть до одной из самых любимых и заветных песен Гриши Добросклонова («Русь» — «Ты и убогая, Ты и обильная...») и «Последних песен» самого поэта.²² Такое центральное положение и этапное значение во всей творческой

¹⁹ Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 9-ти т., т. IX, с. 371—372.

²⁰ Там же, с. 375.

²¹ См.: Богград В. Журнал «Современник» 1847—1866. Указатель содержания. М.—Л., 1959, с. 363.

²² Отзвук «Песни Еремушке» угадывается, например, в словах умирающего поэта в «Молебне» «о претерпевших борьбу многолетнюю и устоявших в борьбе, слышавших рабскую песню последнюю» (II, 402) и других стихотворениях 1877 г.

эволюции Некрасова «Песни Еремушке» подтверждается той особой ролью, которую она сыграла в поисках передовым литературно-общественным сознанием России конкретных путей и средств художественного воплощения «новых людей».

2

В ответ на восторженную оценку Добролюбовым этого произведения, идущего «прямо к молодому сердцу, не совсем еще погрязшему в тине пошлости»,²³ И. И. Бордюгов писал ему 24 октября 1859 г.: «„Песня Еремушке“ великолепна, исключая одного куплета, в котором очень неприятно звучит несколько раз повторяющееся слово „пошлый“». ²⁴ В этом неучтенном отклике обозначены в зародыше два основных аспекта восприятия читателями и толкования критиками ставшей вскоре «всем и каждому известной» «Песни Еремушке»: ²⁵ для единомышленников и друзей поэта, для всех «новых людей» в особенности она стала откровением, тогда как их противники отнеслись к ней враждебно и всячески дискредитировали ее с усердием «пошлых жизни мудрецов», «проницательных читателей». Этот идейно-эстетический антагонизм, продолжавший в самой жизни ту образную антитезу, которая лежит в основе стихотворения, особенно остро уловила представительница молодого поколения, увидевшего в произведении Некрасова прежде всего «правила новой житейской мудрости», изложенные «властителем дум» «в такой доступной форме»: «Я, конечно, не могу утверждать, что под влиянием „Песни Еремушке“ возникла описанная Тургеневым в „Отцах и детях“ рознь между двумя поколениями, но эта песнь, во всяком случае, служила первым воплощением — формулировкой возникавшей тогда розни. В Некрасове подраставшее поколение видело мощного защитника всех возникавших в то время новых стремлений».²⁶

До разрыва с автором «Отцов и детей» Некрасов постоянно напоминал ему о важности влияния передовых писателей «на идущее сменить нас поколение» (X, 305), о том, что чуждое всему новому течению мысли, «называемое дружининским направлением», способно отогнать от себя «все живое в нарождающемся поколении, а без этих сподвижников, еще готовящихся, — журналу нет прочности» (X, 308). Обличение в «Песне Еремушке» «пошлых жизни мудрецов» относилось, конечно, и к чуждому поэту направлению в литературно-общественной жизни, представители которого нашли, что эта вещь «слишком плоха и сбивается на азбучную мораль».²⁷

Наиболее подробно о «Песне Еремушке» высказался С. С. Дудышкин в статье во втором издании стихотворений Некрасова (1861 г.). Критик напомнил, что и прежде встречались у поэта стихотворения, которые возмущали определенную часть читателей якобы «клеветой на русского человека, подделкой под русскую речь». «Долго мы были в недоумении, — пишет Дудышкин, — пока „Песня Еремушке“ не разъяснила нам сущности дела, не показала, что мы не совсем хорошо понимали некоторые стихотворения Некрасова». Дудышкин нашел «общие идеи» этих стихотворений «во второй половине» названного произведения,²⁸ т. е. в словах «проезжего, городского», с которыми вполне солидарен автор,

²³ Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 9-ти т., т. IX, с. 385.

²⁴ ИРЛИ, 193.2021, л. 32.

²⁵ Быков П. В. Современные русские писатели. — Живописное обозрение, 1876, № 14.

²⁶ Л [итвинава] Е. Воспоминания о Н. А. Некрасове. — Научное обозрение, 1903, № 4, с. 131.

²⁷ С.-Петербургские ведомости, 1862, № 19.

²⁸ Отечественные записки, 1861, № 12, отд. Критика, с. 94, 113.

подчеркнувший это уже самим заглавием, где слово «песня» имеет форму единственного числа, хотя поет ведь не один только протестующий разночинец, но и старая няня. Примечательно, что критик-либерал, как это и подобало «проницательному читателю», «мудрецу», сосредоточил свое внимание не на том, что определило новаторскую суть стихотворения как поэтического манифеста «новых людей», а на том, что в полном согласии с последними решительно отрицал поэт, сумевший развить замеченные Белинским еще в «Родине» «зататки отрицания» (XII, 13), которое, как «всякое отрицание, чтоб быть живым и поэтическим, должно делаться во имя идеала».²⁹

Содержание и направление творческой эволюции поэта осталось совершенно непонятым его идейным противникам. Вот почему революционно-демократический идеал «нового человека» показался Дудышкину «фразерством» на старую тему времени Жуковского с «романтизмом и его стихами, где действуют „радость“, „труд“, „досуг“, „наука“, „мечтание“ и пр.».³⁰ Критику было невдомек, что преодолением этих и подобных им отвлеченностей (в добролюбовской записи о них еще сказано: «Им нехитрые названия: Слава, Знание, Любовь» — II, 549) как раз и знаменательна «Песня Еремущке», от первоначального заглавия которой «Колыбельная песня» поэт, очевидно, вовсе не случайно отказался сам (в цензорской корректуре во всяком случае оно осталось нетронутым).

Между тем Дудышкин, приведя в своей рецензии значительную часть стихотворения, далее писал: «Это напомнило нам другую колыбельную песню г. Некрасова былых времен». В новом произведении поэт будто бы лишь «нашел нужным возобновить забытый мотив», но «приложил его» теперь уже «не к чиновнику — времена переменялись, — а к бедному крестьянину!». В подтверждение мысли о том, что Некрасов дал лишь некий перепев своей же старой вещи, Дудышкин писал: «Ту, прежнюю, колыбельную песню мы не находим уже в этом собрании сочинений (в 1861 г., — В. Г.), — и очень рады за г. Некрасова, если он ее выбросил».³¹ В действительности же тут сказалась воля не автора, а цензурного ведомства, которое в унисон с журнальными «мудрецами» возмущалось тем, что «Колыбельная песня» — это «едкая ирония на судьбу чиновников: гнуть спину, ползти ужом до хорошего местечка, красть, потом купить дом и сделаться русским дворянином» (I, 518—519). То же самое пророчит Еремущке няня, только здесь уже без примеси едкой иронии автора, а целиком от своего имени, вполне серьезно, как расхожую пропись. Поэт же клеймит этот господствующий идеал и прокликает его устами «нового человека», утверждающего свою концепцию счастья.

В песне няни Дудышкина возмутила лишь одна строка: «будешь с девками шалить», к которой он сделал примечание в духе известных воплей, вызванных «Колыбельной песней»: «Экое безобразие! Это мать поет!».³² Что же касается песни «проезжего, городского», то она целиком была отвергнута критиком, представившим, однако, дело так, что со времени «Колыбельной песни» другими, дескать, стали в самой действительности критерии оценки: «Мы тогда были отчаянные прогрессисты и аплодировали г. Некрасову за ту безобразную песню, где мать называет малютку „подлецом“... нет, не называет, а с удовольствием пророчит ему это блестящее положение. Но <...> бедные чиновники оказались совсем не так виновными, как думала тогдашняя прогрессивная

²⁹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. X. М., 1956, с. 294.

³⁰ Отечественные записки, 1861, № 12, отд. Критика, с. 111.

³¹ Там же, с. 110.

³² Там же. Некрасов, очевидно, под влиянием статьи Дудышкина впоследствии заменил эти слова няни другими: «Шутки вольные шутить» (II, 56).

литература, человеческое чувство вступило в свои права — и отшатнулось с презрением от этой тупой ненависти».³³

Критик откровенно сказал не только о своей собственной эволюции, но и об эволюции многих других людей того же круга понятий, например П. В. Анненкова, который еще в 1853 г. писал Тургеневу о необходимости «остерегаться» направления Белинского: «Мы с вами пережили гениальный образец великости и ничтожества направления в Виссарионе, так теперь уже к щедрым образцам возвращаться не приходится <...> Если это нравственный разврат, то будь так, а мне описание честного поступка Булгарина, как только может его сделать Булгарин, было бы, просто сказать, подарком. Сколько бы здесь таланта могло быть проявлено и сколько вещей сказано хороших! <...> К черту направления! Правда, что ли?».³⁴

Такие «песни» Некрасову были хорошо знакомы. Они представляли собою разновидность того, что он заклеил в «отцовском идеале» (II, 524), в «колыбельной» матери будущего чиновника и что почти без помарок составило все ту же «рабскую песню» (II, 402) в «импровизации», записанной Добролюбовым. Эту «науку жизни» (II, 276) поэт назовет в одном из набросков «Медвежьей охоты» «холопством высшей школы!» (II, 577). Именно из беспощадного отрицания закоренелого холопства во всех его видах и проявлениях и выросал в поэзии Некрасова идеал «новых людей», ибо отрицание без основы вело к нигилизму, с которым революционно-демократическая программа «Современника» не имела ничего общего.

Примечательно, что даже в изданиях, полемизировавших с Некрасовым, отмечалось, что «поэт вправе обратиться к прошлому строю жизни следующие строфы:

В пошлой лени усыпляющий
Пошлых жизни мудрецов,
Будь он проклят, растлевающий
Пошлый опыт — ум глупцов!

В нас под кровлею отеческой
Не запало ни одно
Жизни чистой, человеческой
Плодотворное зерно —

и затем сказать новому поколению, идущему на смену старикам: „Будь счастливей!“».³⁵ Некрасов прежде всего «указывает на то зло глупого воспитания, которое с юных лет вкладывает в голову ребенка превратное понятие о вещах»,³⁶ и одновременно «уже встречает восход солнца того поколения, над которым в настоящее время раздается одна только заурывная, колыбельная песня... И поэт прав: это поколение увидало божий свет при счастливых предзнаменованиях: его рождение приветствуют миллионы, впервые получившие право на жизнь и титул человека».³⁷

«Песня Еремушке» была многими воспринята «как плод могучей мысли, овладевшей поэтом»,³⁸ как одно из центральных и программных произведений Некрасова, которые «не только безусловно прекрасны в художественном отношении, но и полны глубокого значения для русского общества. В них он первый затронул такие вопросы, которых долго до него не замечали или просто боялись затрагивать».³⁹

³³ Отечественные записки, 1861, № 12, отд. Критика, с. 110.

³⁴ ИРЛИ, ф. 7, ед. хр. 7, л. 17—17 об.

³⁵ Северная пчела, 1862, 1 февраля, № 31.

³⁶ Сын отечества, 1860, 14 февраля, № 7, с. 185.

³⁷ Светоч, 1862, № 1, отд. Критическое обозрение, с. 40.

³⁸ Одесский вестник, 1873, № 196.

³⁹ Воскресный досуг, 1866, № 171.

Злободневно-агитационный аспект «Песни Еремушке», а также ее непреходящее общественно-литературное значение по-настоящему понимали и глубоко раскрывали прежде всего единомышленники Некрасова. «Бедные дети! — писал один из них. — Как бы мы хотели, чтобы вы поумнели прежде нас, не верили учености многих наших ученых, ясно сознали, что в них „не запало ни одно жизни чистой, человеческой плодотворное зерно!“». Как бы мы хотели, чтобы вы при вашем учении всегда твердо помнили прекрасную песню поэта над колыбелью Еремушки». ⁴⁰

Революционер 1870-х годов П. В. Григорьев в статье «Новая поэзия», посвященной очередному изданию стихотворений Некрасова, соотнес его советы Еремушке с собственным духовным развитием поэта: «Больную душу отдавал поэт вольным впечатлениям жизни и в результате получилось гармоническое развитие колоссального таланта». Именно в «Песне Еремушке», создание и появление которой П. В. Григорьев определил как начало «новой эры поэзии», как «величайший момент русского искусства», «гений поэта выяснил и сознал свой и народный идеал, выставил принципы новой жизни и поэзии <...> Песня эта profession de foi великого поэта. Вдумайтесь в каждую ее мысль, выражение, слово, эпитет — и перед вами откроется задача жизни, вы будете иметь руководящие убеждения, сознанный и гениально выполненный величайший идеал человека, какой только есть сейчас и может быть. С момента этой песни Некрасов стал недосыгаем в области поэзии, и вот стремление-то к этому идеалу, неустанное, мучительное стремление, выражаясь давно в болезненных и дивно-прекрасных звуках, делало все песни Некрасова „событиями“ в русской жизни». ⁴¹

В своих воспоминаниях о встрече с поэтом, которая состоялась в 1875 г., П. В. Григорьев привел разговор с ним как раз об этом произведении: «— Скажите, — спрашивал я, — ведь судя по некоторым местам иных из ваших стихотворений, вашим вечным желанием была полная ломка всего дурного у нас.

И я цитировал из „Песни Еремушке“ <...>

— Значит, в нас на родине ничего не западает? Ни одного зернышка? Так ведь?

— Да, — отвечал он протяжно, — вы поняли <...> я старался внушить молодежи любовь к народу, к бедным и угнетенным и ненависть к угнетателям!». ⁴²

Восприятие П. В. Григорьевым «Песни Еремушке» оказалось в полном соответствии не только с намерениями автора, но и с отношением Добролюбова и Чернышевского к Некрасову, с их пониманием особой роли данного произведения в идейно-творческой эволюции поэта, который имел «все силы» для того, чтобы стать «в поэзии создателем совершенно нового периода». ⁴³ В статье «Стихотворения Н. Огарева», появившейся за три года до создания «Песни Еремушке», Чернышевский констатировал, что тип передового человека из дворян «остается еще в нашей литературе идеалом, дальше которого не повели ее передовые наши люди». ⁴⁴ В их число, очевидно, включался и Некрасов. Правда, как отмечают исследователи его творчества, «если сопоставить те требования, которые Чернышевский выдвинул (в названной статье, — В. Г.) по отношению к новому герою, с теми чертами характера и мировоззрения, какие были присущи главной героине некрасовской поэмы „Сапа“, то нельзя не видеть»,

⁴⁰ Искра, 1863, № 20, с. 281—282.

⁴¹ Библиотека дешевая и общедоступная, 1875, № 4, с. 12—13.

⁴² Звенья, III—IV. М.—Л., 1934, с. 656—657 (публикация В. Е. Евгеньева-Максимова).

⁴³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XIV. М., 1950, с. 323.

⁴⁴ Там же, т. III, с. 847.

что Саша Некрасова «в какой-то степени уже отвечала этим требованиям» и явилась по существу «предшественницей» Веры Павловны в романе «Что делать?».⁴⁵

Конфликт Саши с Агариным, несомненно, предвещал появление приемника «лишних людей», что акцентировалось поэтом уже самим вынесением имени героини (а не героя, как в тургеневском романе «Рудин») в заглавие поэмы. Такое же заглавное значение Некрасов придает и песне разночинца над колыбелью Еремушке, в отличие от песни няни, обозначившей, как и главы о родителях Веры Павловны в «Что делать?», лишь точку отсчета для определения той идейно-нравственной высоты, на которую надо было взойти, чтобы увидеть и понять «новых людей». Важной ступенью в этом восхождении явилось стихотворение «Поэт и гражданин» — «литературный манифест молодой революционной демократии» (II, 624), предпосланный в виде увертюры сборнику стихотворений 1856 г. В одном из монологов Гражданина отчетливо обозначена та идеологическая антитеза, которая будет широко развернута и социально конкретизирована в «Песне Еремушке»:

Наперечет сердца благие,
Которым родина свята.
Бог помочь им!.. а остальные?
Их цель мелка, их жизнь пуста.
Одни — стяжатели и воры,
Другие — сладкие певцы,
А третьи.. третьи мудрецы:
Их назначенье — разговоры.

(II, 10)

«Песня Еремушке», как справедливо писал о ней Ф. И. Евнин в названной выше статье, «знаменовала собой крупный шаг вперед в развитии революционных взглядов Некрасова», «качественный сдвиг» во всем его поэтическом сознании, который сказался прежде всего в том, что «здесь в центре внимания поэта уже не дворянский интеллигент-одиночка, ищущий путей в стан революции, и не условный образ изгнанника, революционного просветителя, а народ — вопрос о народной революции, о пробуждении широчайших крестьянских масс к активной борьбе с царизмом»,⁴⁶ т. е. именно то, что, по словам А. Н. Пыпина, составляло «его основной интерес — не специально народный, а народно-общественный».⁴⁷

Примечательна социальная конкретизация поэтического идеала, который в первоначальном варианте «Песни Еремушке» имел еще традиционно-отвлеченный характер, вполне приемлемый для любого гуманиста-просветителя: «Слава, Знание, Любовь» (II, 549), а в окончательном виде слился с тем, как его формулировал Белинский (о чем поэт напоминает в «Медвежьей охоте»: «Едва ль не первый ты заговорил О равенстве, о братстве, о свободе...» — II, 279) и почти одновременно с ним Чернышевский в дневниковой записи от 10 декабря 1848 г.: «Я нисколько не подорожу жизнью для торжества своих убеждений, для торжества свободы, равенства, братства и довольства, уничтожения нищеты и порока...».

Это новое, даже в сравнении с «Поэтом и гражданином», качество поэтического и гражданского сознания Некрасова, назвавшего «человеческие стремления» в окончательном тексте «Песни Еремушке» теми же словами: «Братством, Равенством, Свободою» (II, 57), было совершенно ясным и бесспорным для всей «радикальной интеллигенции», которая,

⁴⁵ Маслов В. С. Чернышевский и Добролюбов о поэме Некрасова «Саша». — В кн.: Некрасовский сборник, вып. III. М.—Л., 1960, с. 343.

⁴⁶ Некрасовский сборник, вып. II, с. 172.

⁴⁷ Пыпин А. Н. Н. А. Некрасов. СПб., 1905, с. 269—270.

по свидетельству Г. В. Плеханова, полностью разделяла взгляд Чернышевского «на Некрасова как на величайшего из русских поэтов».⁴⁸ Он первый сумел взглянуть на то, что пророчила Еремушке няня, «глазами протестующего разночинца», первый «своим поэтическим чутьем понял психологию нового общественного типа», первый дал «поэтическое выражение» тому, что было названо им «человеческими стремлениями» к «бескорыстному труду» во имя счастья народа, во имя борьбы с поработавшей и угнетающей его «неправдою лукавой».⁴⁹ «Совершенно так, — подтверждал Г. В. Плеханов, — думала вся та самоотверженная „интеллигенция“, которая уже с конца пятидесятих годов спрашивала себя: „что делать“ для того, чтобы вывести народ из его тяжелого положения».⁵⁰ Вот почему именно «муза мести и печали» стала для «новых людей» их «собственной музой»,⁵¹ что подтверждается неоднократным обращением героев романа «Что делать?» к стихам Некрасова. Начало действия этого произведения совпадает со временем зарождения типа нового человека и возникновения замысла, а затем написания и появления «Поэта и гражданина» (1856), тогда как главное развитие событий, кульминация и развязка романа приходятся уже на период «Песни Еремушке», которую с таким упоением и задором поют герои Чернышевского, когда она еще не была даже положена на музыку.

Столь нетерпеливое опережение событий объясняется тем, что, как писал Г. В. Плеханов в статье «Эстетическая теория Н. Г. Чернышевского», образованные разночинцы «вовсе не пренебрегали поэзией, но они предпочитали *поэзию действия* всякой другой. Их сердца почти совсем перестали отзываться на голос поэтов мирного созерцания, еще недавно властвовавших над думами своих современников; им нужна была муза борьбы, „муза мести и печали“, воспеваящая

Необузданную, дикую
К лютой подлости вражду
И доверешность великую
К бескорыстному труду.

Они готовы были слушать с восторгом напевы этой музыки, а их обвиняли в сухости сердца, в черствости, в эгоизме, в плотоугодии».⁵²

Появление «новых людей» Чернышевский назвал в «Что делать?» знаменем времени. Таким же знаменем времени явился первый в русской литературе художественный абрис этого типа в «Песне Еремушке» Некрасова. Он, по словам Г. В. Плеханова, «составляет прямую противоположность» «либералу-идеалисту», ибо это уже не просто гуманный человек, который «честен мыслью, сердцем чист» (II, 277), но прежде всего «протестант и борец по самому своему положению»;⁵³ «это вестник новой России, провозгласивший войну старому порядку и взявший на себя роль первого застрельщика в этой беспощадной войне не на жизнь, а на смерть».⁵⁴ Его деятельность «не укладывается в словесные рамки», он «не помещик, а пролетарий, хотя бы и дворянского происхождения», «общественные интересы преобладают у него над всеми прочими».⁵⁵

С этими коренными свойствами нового общественного типа, ранее всех уловленного в нашей литературе Некрасовым, связаны и те его особенности, поэтическое воплощение которых в «Песне Еремушке» породило среди «проницательных читателей» и журнальных «мудрецов» представление о ней как о произведении, наполненном «отвлеченными рас-

⁴⁸ Плеханов Г. В. Избр. философские произв., т. IV. М., 1958, с. 414.

⁴⁹ Плеханов Г. В. Соч., т. X. М.—Л., 1925, с. 382, 384, 386.

⁵⁰ Там же, с. 387.

⁵¹ Там же.

⁵² Плеханов Г. В. Избр. философские произв., т. V, с. 248.

⁵³ Там же, с. 42, 44.

⁵⁴ Там же, т. IV, с. 61.

⁵⁵ Там же, т. V, с. 43.

суждениями» и отмеченном печатью «фразерства».⁵⁶ Еще не изжитый до конца взгляд на это стихотворение как на художественно несовершенное поддерживается непониманием тех предпосылок, которые породили его поэтическое своеобразие. «Новым людям», подобным «проезжему, городскому» из «Песни Еремушке», всецело поглощенным идеей борьбы во имя общего блага, было не до «красивого слога», как пояснял Г. В. Плеханов. «Пренебрежение к внешности заметно на собственной речи разночинца. Его грубоватый и неуклюжий язык далеко уступает изящному, гладкому и блестящему языку „либерала-идеалиста“ доброго старого времени. Иногда он чужд не только „красоты“, но, увы, даже и грамматической правильности. В этом отношении дело зашло так далеко, что когда разночинец-революционер обращался к публике, стараясь возпламенить ее своей письменной или устной речью, то, не умея владеть словом, он при всей своей искренности оказывался не красноречивым, а только фразистым».⁵⁷

Очевидно, именно эту принципиальную идейно-художественную особенность «Песни Еремушке» имел в виду Добролюбов, когда писал о ней Бордюгову: «Помни и люби эти стихи: они дидактичны, если хочешь, но идут прямо к молодому сердцу, не совсем еще погрязшему в тине пошлости».⁵⁸ Слово «дидактичны» определяет здесь поэтическое своеобразие «речи» разночинца, а вовсе не отсутствие собственно эстетических достоинств в этих откровенно агитационных стихах: в противном случае критик едва ли столь убежденно рекомендовал бы выучить их наизусть, помнить и любить. Такое толкование добролюбовской оценки «Песни Еремушке» находит прямое подтверждение в следующей фразе этого же письма: «Боже мой, сколько великолепнейших вещей мог бы написать Некрасов, если б его не давила цензура!».⁵⁹

Столь же восхищенно отозвался об этом новаторском и по содержанию и по форме стихотворении А. Н. Плещеев в письме к Добролюбову от 23 сентября 1859 г.: «А какая славная вещь — Еремушка!».⁶⁰ Эта целостность восприятия «Песни Еремушке» как своего собственного поэтического манифеста присуща нескольким поколениям передовой интеллигенции. «У нас, — вспоминала сестра В. И. Ленина Анна Ильинична, — была в руках книжечка отца — ранние стихотворения Некрасова, издание 1863 г. Помню, что 11-летним мальчиком, в 3-м классе гимназии, Саша обратил мое внимание в этой книжке на „Песню Еремушке“ и „Размышления у парадного подъезда“. „Мне их папа показал, — сказал он, — и мне они очень понравились“. И, не охотник до декламации вообще, Саша эти любимые свои стихотворения читал с большой силой выражения. Таким образом отец, одушевленный лучшими идеалами конца 60-х и начала 70-х годов, рано направлял в смысле общественных идеалов Сашу».⁶¹ Другая сестра В. И. Ленина, Мария Ильинична, также ссылалась на «Песню Еремушке» и даже цитировала ее в подтверждение той благотворной роли, которую играла в их семье поэзия Некрасова: «Вечно занятый, горя на работе на благо своему любимому делу, отец и детям старался привить то сознание долга, которое было так сильно у него, выработать в них характер, волю, трудоспособность, развить

Необузданную, дикую
К лютой подлости вражду
И доверенность великую
К бескорыстному труду».⁶²

⁵⁶ Отечественные записки, 1861, № 12, отд. Критика, с. 110, 113.

⁵⁷ Плеханов Г. В. Избр. философские прозв., т. V, с. 44.

⁵⁸ Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 9-ти т., т. IX, с. 385.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Русская мысль, 1913, № 1, отд. II, с. 136.

⁶¹ Ульянова-Елизарова А. И. Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове. М.—Л., 1930, с. 64—65.

⁶² Ульянова М. Отец В. И. Ленина И. Н. Ульянов. М.—Л., 1931, с. 64.

Столь устойчивое и результативное воздействие «Песни Еремушке» на несколько поколений, от 1860-х и до 1890-х годов, т. е. на протяжении всего разночинно-демократического периода освободительного движения, объясняется, очевидно, тем, что в этом стихотворении впервые нашло такое целостное и полное поэтическое воплощение «идейное и нравственное содержание эпохи образованного разночинца», что это произведение наиболее определено и конкретно, чем все предшествовавшие ему в творчестве Некрасова, «представляет собой интересный образчик той психологии нового, только что нарождавшегося тогда общественного слоя, не поняв которой, мы не пойдем ни так резко обнаружившегося впоследствии разрыва *детей с отцами*, ни Добролюбовских нападок на *самодуров*, ни даже писаревского *разрушения эстетики*». ⁶³ Здесь «поэт разночинцев», ⁶⁴ как несколько позднее в стихотворении памяти своего юного сподвижника и друга, уже «старался выразить тот идеал общественного деятеля, который одно время лелеял Добролюбов» (II, 679).

В этой связи особенно примечательным представляется продолжение и развитие Некрасовым в «Пире на весь мир» идейно-образной антитезы, положенной в основу «Песни Еремушке». Ее отзвуки отчетливо слышны уже в самом названии одной из главок: «И старое и новое» (III, 366). А такие стихи, как «одни пути лукавые», «Дорога — торная» (III, 384) и др., прямо восходят к добролюбовской записи 1859 г.: «презирай пути лукавые», «не ходи дорогой торною» (II, 549) и т. д. Зарождение образа Гриши Добросклонова оказывается, таким образом, непосредственно связанным с историей создания и восприятия стихотворения, первоначальный вариант которого был записан рукою Добролюбова.

⁶³ Плеханов Г. В. Соч., т. X, с. 383.

⁶⁴ Там же, с. 395.

В. А. Смирнов

В. П. ГАЕВСКИЙ — СОВРЕМЕННОК НЕКРАСОВА

Н. А. Некрасов, В. П. Гаевский, А. М. Унковский, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. Н. Ераков, В. М. Лазаревский составляли в конце 1860-х и в 1870-е годы прошлого столетия тесный приятельский кружок. Они регулярно собирались друг у друга, но преимущественно на обедах у Некрасова.

С Виктором Павловичем Гаевским (1826—1888) Некрасов познакомился в конце 1840-х годов. Из адресатов Некрасова он, после Лазаревского, стоит на втором месте. Количество адресованных ему писем поэта составляет вместе с вновь найденными — 91. Первое известное письмо Некрасова к Гаевскому датировано 19 апреля 1850 г., последнее — мартом 1876 г. Из писем Гаевского к Некрасову обнаружено и опубликовано (а их, безусловно, было больше) только три: от 24 ноября 1870 г.,¹ 8 июня 1871 г. и от 24 июня 1872 г.²

Биография Гаевского довольно полно освещена в научной литературе и в общих статьях и публикациях.³ В настоящей статье будут отмечены лишь некоторые ее черты, способствующие пониманию того, что духовно сближало Гаевского с Некрасовым; в первую очередь это касается его литературно-критической и журнальной деятельности, которой он начал заниматься после окончания Лицея.

В 1845 г. В. П. Гаевский, сын директора департамента Министерства народного образования П. И. Гаевского, окончил Александровский лицей. С 1849 г. Гаевский сотрудничает в «Современнике», активно помогает Некрасову в редакторской работе. С 1850 г. им опубликованы в «Современнике» следующие авторские труды: «Письма о русской журналистике» (1850), «Обзоры русской литературы за 1850 г.», «О сочинениях Кострова» (1850), «Заметки для биографии Н. В. Гоголя» (1852), «Обзоры трудов по русскому языку и словесности в 1853 г.», «Годичные отчеты о выставках в Академии художеств» (1853—1854), «Дельвиц» (1853—1854), «Пушкин в Лицее и его лицейские стихотворения» (1863). С 1852 г. Гаевский сотрудничает в «Отечественных записках». Здесь им опубликованы статьи, посвященные сочинениям Пушкина (1855), «Библиографические заметки о сочинениях Пушкина и Дельвига» (1853), «Празднование лицейских годовщин в пушкинское время» (1861). Кроме того, в 1849—1859 гг. в разных журналах он печатает ряд статей по истории русской литературы XVIII в., в том числе статью о Сумарокове (1854).

¹ См.: Литературное наследство, т. 51—52. М., 1949, с. 189—190.

² См.: Архив села Карабихи. М., 1916, с. 93—94.

³ См.: Юбилейный сборник Литературного фонда. Пг., 1909, с. 146—247; Литературное наследство, т. 51—52, с. 189; Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. 14. СПб., 1892, с. 785—786; Заборова Р. Неизвестные письма Н. А. Некрасова и И. И. Панаева к В. П. Гаевскому по вопросам издания «Современника». — В кн.: Некрасовский сборник, вып. II. М.—Л., 1956, с. 424—425, и др.

В 1859 г. он выступает в качестве одного из основателей, а впоследствии и председателя Комитета Литературного фонда. В те же годы, с 1846 по 1861 г., В. П. Гаевский служит в Министерстве народного просвещения, в комиссии прошений. В 1860—1861 гг. им написаны несколько статей, рецензий, сообщений для «Санкт-Петербургских ведомостей» и «Библиографических записок». В 1862 г. по доносу и обвинению в общении с А. И. Герценом Гаевский был вынужден оставить службу в министерстве. С 1866 г. он служит присяжным поверенным Санкт-Петербургской судебной палаты, позднее — член ее Совета. В июле 1874 г. он выступает в качестве защитника на процессе народолюбцев, под впечатлением которого Некрасов создает стихотворение «Путешественник». В 1877 г. в «Вестнике Европы» Гаевский публикует ряд материалов: «Перстень Пушкина», «Заметка о Пушкине», «Пушкин и Кривцов». В 1882 г. он составляет каталог Пушкинской выставки. В 1884 г. под редакцией Гаевского и с его примечаниями Литературный фонд издает «Первое собрание писем И. С. Тургенева». В том же году он публикует статью «А. В. Дружинин как основатель Литературного фонда». В 1887 г. он редактирует раздел «Лицейские стихотворения Пушкина» в «Сочинениях А. С. Пушкина», изданных Литературным фондом, и публикует свою статью «О влиянии Лицея на творчество Пушкина».

Здесь приведены лишь основные «штрихи» творческой и служебной биографии В. П. Гаевского, которые в той или иной мере характеризуют его как литератора и гражданина, способствуют осмыслению того главного, что объединяло столь непохожих, на первый взгляд, людей, какими были Некрасов и Гаевский. И это особенно важно понять, так как Гаевский был одним из немногих, кто «сопровождал» Некрасова «без отступлений и ссор» больше 25 лет (даже тогда, когда «некоторые и отступились», как Тургенев, Григорович, Дружинин, Лазаревский). Как отмечалось выше, уже с конца 1840-х годов Гаевский является сотрудником и ближайшим помощником Некрасова по журналу «Современник». Он пишет для журнала, редактирует, многое по его рекомендации принимается журналом. Письма Некрасова к Гаевскому этого периода избиваются поручениями по изданию журнала, вопросами о прохождении через цензуру отдельных статей. «Посылаю Вам комедию Григорьева <...> Неругайте ее очень. Нужна к 5 № непременно» (X, 146—147), — заказывает Некрасов ему рецензию. Когда же рецензия о Григорьеве («очень хорошая», по мнению редактора) передана на цензуру, Некрасов сетует, что цензор Крылов может ее исказить или запретить. Свои опасения он высказывает в письме к Гаевскому от 1 мая 1850 г.: «Советую Вам, не теряя времени, побывать у него (Крылова, — В. С.) и поторговаться. Право жаль, если пропадет статья» (X, 148). Подобных обращений, свидетельствующих о тесном контакте Некрасова с Гаевским, множество: «Спросите у Бутузова, не готова ли вставка в перевод» (X, 149); или: «Почтеннейший Виктор Павлович! Пожалуйста, отправляйте „Письмо“ («Письма иногороднего подписчика в редакцию „Современника“ о русской журналистике) А. В. Дружинина, — В. С.) хоть по частям в типографию — там нечего печатать» (X, 153), и т. д.

В письмах этих, как и в письмах к другим адресатам, Некрасов дает высокую оценку литературно-критического дарования Гаевского, статьи которого оставляют у редактора «Современника» неизменно благоприятное впечатление. Так, в своем письме от 20 января 1853 г. к ближайшему другу 1850-х годов, говоря о современных литературных биографах, он специально обращает внимание Тургенева на работу Гаевского: «Гаевский написал прекрасную статью о Дельвиге» (X, 187); самому же автору ее он 23 декабря 1853 г. признается: «Ваша статья — прелесть. Вечера у Пономаревой⁴ — первый и прекрасный намек на то, как дол-

⁴ Имеется в виду часть статьи о Дельвиге, посвященная характеристике собрания в салоне С. Д. Пономаревой (1800—1824).

жны писаться подобные вещи, и как они будут писаться, когда русская критика поумнеет» (X, 199).

Несколько слов о цикле статей, посвященных Дельвигу (вероятно, они, как и многие другие работы Гаевского, еще будут предметом специального исследования). Изданные Александром Смирдиным сочинения Дельвига (названные «*Полным собранием стихотворений*») явились для Гаевского поводом для написания большой историко-литературной, «текстологической повести» о Дельвиге. Она не только вместила в себя треть (32 стихотворения, добротнo прокомментированные: сведения о публикации, реальный и историко-литературный комментарий, уточнения датировок, библиографические примечания) пропущенных Смирдиным стихотворений поэта, но давала и первую и до настоящего времени непревзойденную научную биографию Дельвига, которая существенно обогатила и биографическую пушкиниану (особенно в части лицейского периода).⁵

Послереволюционное пушкиноведение неоднократно касалось этой важной темы. Пожалуй, со времени написания Гаевским больших статей «*Пушкин в Лицее и его лицейские стихотворения*» (1863), «*Празднование лицейских годовщин в пушкинское время*» (1861) и специального исследования, посвященного изданным П. В. Анненковым в 1855 г. «*Сочинениям Пушкина*» и опубликованного в четырех книжках «*Отечественных записок*» за тот же год, лишь обстоятельные работы А. И. Селезнева, Н. А. Гастфрейнда, Я. К. Грота пополнили эту тему новыми, не учтенными Гаевским материалами.

Статьи Гаевского сочетали в себе научный анализ с достоинствами русской критической прозы, они имеют в своем составе большой «летописный» материал и, может быть, именно поэтому не теряют и ныне своей актуальности. Без учета трудов Гаевского и теперь не обходится ни один исследователь, изучающий пушкинскую эпоху. Помимо того, что Гаевский — автор первых наиболее полных для своего, близкого к Пушкину, времени (не потерявших значения и теперь) историко-биографических и текстологических трудов о Дельвиге и Пушкине, он является и одним из первых библиографов великого поэта,⁶ в значительной степени пополнившим материалы «*Заметок для будущих издателей Пушкина*» И. А. Бессонова. Вероятно, благоговейное отношение к гению Пушкина, тонкое, поэтическое восприятие русской действительности, понимание красоты русского слова и сближало Гаевского и Некрасова.

Кто знает, как сложилась бы судьба В. П. Гаевского, если бы он не был так неожиданно «репрессирован» за дружбу с Герценом. Может быть, идя по цензурской стезе отца (не всегда благовидной), будучи талантливее и честнее в своем отношении к отечественной литературе, он и добился бы высших чинов в Министерстве народного просвещения и, может быть, именно на этом поприще достиг бы значительных успехов на пользу отечеству.

Несомненно одно, что подобно В. М. Лазаревскому⁷ Гаевский-младший активно использовал свои связи на благо «кружка» Некрасова: Дружинина и Тургенева, Салтыкова-Щедрина и Еракова. Его сведения из Цензурного комитета, из Министерства народного просвещения не раз приносили неоценимую пользу журналам «*Современник*», «*Отечественные записки*», «*Библиотека для чтения*», их редакторам. Например,

⁵ См. 2-й раздел статьи В. П. Гаевского «*Дельвиг, № 1*» (*Современник*, 1853, № 2, с. 54—88). В названном разделе содержатся значительные сведения, касающиеся лицейского периода.

⁶ Список (хронологический), снабженный кратким научным комментарием, напечатанных лицейских стихотворений Пушкина был опубликован в шестом номере «*Отечественных записок*» за 1853 г. В нем более 40 названий. См.: Советская библиография, вып. II (27). М., 1949, с. 3—4; Рыскин Е. И. Библиографические указатели русской литературы XIX века. М., 1949, с. 78, и др.

⁷ См. о нем: Смирнов В. А. В. М. Лазаревский — современник Некрасова. — В кн.: Некрасовский сборник, вып. VII. Л., 1980, с. 135—148.

в письме к А. В. Дружинину от 7 октября 1856 г. Гаевский сообщает долгожданную для адресата новость: «Любезнейший друг Александр Васильевич, во вчерашнем заседании Главного управления цензуры Вы утверждены редактором.⁸ Поздравляю и желаю от души успеха и побольше подписчиков. Журнал заседания будет подписан через две недели; но мне обещали немедленно сообщить о сем Ценсурному комитету, от которого Вы, вероятно, через неделю и получите уведомление. Весь Ваш В. Гаевский».⁹ Вот и другое свидетельство реальных возможностей Гаевского в помощи Некрасову по прохождению материалов журнала «сквозь» цензуру: «Добрейший и невидимый Виктор Павлович, — пишет Некрасов в письме от 26 июня 1854 г. — Вот Ваша статья о Сумарокове — прочтите корректуру и препроводите прямо в типографию. Вот статья о трудах по части русско́й словесности» в прошлом году — не потрудитесь ли прочесть корректуру. Эта статья почему-то отослана на цензуру куда-то в ведомство Министерства нар~~одного~~ просвещения — потому-де, что в ней говорится об изданиях академии, — Вы, верно, знаете, в чем тут дело, и, если будете в городе, пожалуйста, похлопочите, чтоб ее скорее возвратили.

Так как сегодня уже 26 число, то я не считаю нужным прибавлять, что посылаемые к Вам корректуры нужны в типографии как можно скорее. Весь Ваш Н. Некрасов» (X, 204).

Таких обращений Некрасова к Гаевскому, особенно до 1862 г., много, и они говорят сами за себя.

С начала 1860-х годов к журнальной и редакторской тематике писем Некрасова к Гаевскому прибавляется «литфондовская». Большая часть писем Некрасова этого периода и немногочисленные ответы Гаевского (дошедшие до наших дней) посвящены именно делам Комитета Литературного фонда, одним из членов-учредителей, а впоследствии секретарем и председателем которого Гаевский бывал неоднократно. Вот один из эпизодов (а их буквально десятки) совместной деятельности Некрасова и Гаевского в Лптературном фонде, связанный с прохождением прошений и деловых бумаг. 4 ноября 1870 г. Некрасов получает первое письмо Н. И. Глушицкого, разночинного литератора, сотрудничавшего в «Отечественных записках», «Сыне отечества» и в газетах. Это письмо, как и другое, сохранившееся в бумагах Литфонда, от 22 февраля 1871 г., было опубликовано В. П. Вильчинским в «Некрасовском сборнике».¹⁰ Глушицкий писал Некрасову, что крайняя бедность понуждает его обратиться за помощью в Литфонд. Он сообщал о своих литературных трудах и вынужденном лечении, во время которого были израсходованы деньги. Приблизительно в то же время Некрасов получает и письмо от журналиста и драматурга С. И. Турбина, разбитого параличом. Оно не сохранилось. Прочитав оба письма, Некрасов направляет их В. П. Гаевскому, приложив записку: «Пожалуйста, Виктор Павлович, представьте сии две просьбы в Комитет и выхлопочите что-нибудь. Турбин особенно заслуживает помощи. Пред~~анный~~ Вам Н. Некрасов» (XI, 179).

Ознакомившись с этими материалами, полученными от Некрасова, Гаевский, по-видимому, не стал подшивать к делу письмо Турбина, а 8 ноября 1870 г., перед заседанием Комитета Литфонда, по содержанию письма Турбина к Некрасову составил свое письмо-представление, вероятно для оглашения на заседании: «Отставной полковник генерального штаба Турбин, автор военных очерков, печатавшихся в „Современнике“, и театральных пьес, находится вследствие паралича в бедственном положении и, по невозможности работать, нуждается с женою в пособиях. Затруднительные обстоятельства Турбина близко известны Н. А. Некрасову

⁸ Журнала «Библиотека для чтения».

⁹ Письма к А. В. Дружинину (1850—1863). М., 1948, с. 66.

¹⁰ Некрасовский сборник, вып. V. Л., 1973, с. 303.

и А. Д. Погосскому, которые ходатайствуют в его пользу. Турбин живет по Малой Московской улице, в доме Туманова, над банями. 8 ноября 1870 года. В. Гаевский». ¹¹

В тот же день состоялось заседание Комитета Литфонда, решением которого Турбину и Глушицкому была оказана денежная помощь.

Свидетельством завершения этого дела и началом нового «литфондовского сюжета» (с Генслером) является письмо Гаевского Некрасову от 24 ноября 1870 г., где вновь упоминалось имя Глушицкого, в частности, что «Глушицкому выдано 25 рублией». . . ¹²

Однако «дело» Глушицкого не было завершено, так как он рассчитывал получить в помощь от Литфонда не эту сумму на покрытие долгов, а ббльшую, 50 рублей. С этим было связано его второе письмо к Некрасову от 22 февраля 1871 г., где он просит «оказать помощь в последний раз».

Протоколы Литфонда свидетельствуют о том, что Гаевскому еще не раз пришлось возвращаться к его просьбам о помощи. В частности и это письмо Глушицкого к Некрасову, от 22 февраля, также рассматривалось в Комитете Литфонда 15 марта 1871 г. «Отклонив ходатайство просителя, так как по своим литературным трудам он не имеет права на частную помощь со стороны Общества, — заседание Литфонда решило выдать ему 25 рублей, собранные по частной подписке между членами комитета». ¹³

Круг деятельности Гаевского и Некрасова в Литфонде подобными «делами» не ограничивался. Некрасов, например, около года (с 12 февраля 1862 по 2 февраля 1863 г.) был помощником председателя Литфонда. Гаевский, как уже отмечалось, неоднократно избирался и секретарем и председателем Комитета Литфонда. Вспомним также сборник «Складчина» и другие сборники Литфонда, организацию писательских выступлений, средства от которых шли в казну Литфонда, организацию с той же целью выставок и многое другое.

В юбилейном сборнике, посвященном XXV годовщине Общества для пособий нуждающимся литераторам и ученым (Литфонда), Гаевский, подробно осветив в своей статье деятельность в Литфонде почившего А. В. Дружинина, рассказал и об истории возникновения публичных выступлений писателей в пользу фонда.

«Анненков, — вспоминал Гаевский, — заявил о желании А. Н. Островского, Писемского и Тургенева читать публично свои произведения для сбора в пользу Общества». ¹⁴ В своих воспоминаниях Гаевский запечатлел состояние и чувства писателей, которые владели ими во время первых выходов к публике. «Необыкновенный успех чтений, — писал он, — объясняется прежде всего новостью их для публики, которой впервые представлялась возможность видеть и слышать самих авторов. Чтения были необычным делом и для писателей, которые впервые и не без заметного волнения лично являлись перед публикою с своими произведениями. Многие еще помнят, как дрожали Некрасов и Тургенев, как просили они избавить их от лихорадочного ожидания очереди и скорее выпустить на сцену». ¹⁵

На «литфондовской почве» поддерживались и зарождались отношения Гаевского со многими русскими писателями. Особенно показательны его дружеские отношения с И. С. Тургеневым, который в свое время именно Гаевскому доверил семейные драгоценные реликвии для экспонирования

¹¹ Литературное наследство, т. 51—52, с. 189.

¹² ИРЛИ, ф. 155 (Приложения к журналам Комитета Литературного фонда за 1870 г.), л. 1352.

¹³ ИРЛИ, ф. 155, 1871 г., л. 64 об.

¹⁴ Гаевский и В. П. А. В. Дружинин как основатель Литературного фонда. — В кн.: XXV лет. Сборник Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. СПб., 1884, с. 428.

¹⁵ Там же, с. 429.

их на Пушкинской юбилейной выставке Литературного фонда (в числе их записка Пушкина на клочке бумаги, посланная А. И. Тургеневу накануне дуэли, и перебеленная тетрадь, писанная рукою Пушкина, первой главы «Евгения Онегина», с некоторыми поправками,¹⁶ а также волосы и перстень поэта). Беспокоясь о судьбе реликвий, спустя две недели после их отправки в Россию, Тургенев просит Гаевского передать их по окончании выставки («которая, как я слышу, имеет блестящий успех — чему душевно радуюсь»¹⁷) М. М. Стасюлевичу.

Даже тот факт, что у Гаевского в доме предлагает Тургенев остановиться отъезжавшей в Петербург Полине Виардо, также говорит о теплом дружеском доверии к нему великого русского писателя. «П. Виардо прибывает в Петербург к концу года — и привезет Вам от меня письмо. Не сомневаюсь в радушии Вашего приема. Каталог Пушкинский¹⁸ я получил — и храню, как документ.

Засим поздравляю Вас с Новым годом — и дружески жму Вам руку. Искренне Вам преданный Ив. Тургенев»,¹⁹ — читаем в письме от 20 декабря 1880 г. (1 января 1881 г.) из Парижа.

После кончины Тургенева немало сил, энергии приложил Гаевский на разыскание, сбор и сохранение его эпистолярного наследия. Он обращается с просьбой к русским и зарубежным адресатам писателя передать письма Тургенева для опубликования²⁰ (многие, впрочем, по разным причинам отказывают ему в этой просьбе). Любопытна в этой связи одна из его записей в дневнике от 3 ноября 1883 г.: «Получил письмо от Фета, превратившегося в Шеншина. Он пишет, что готов доставить письма Тургенева, но не ранее апреля, так как они у него в деревне <...> Превращение Фета в Шеншина напоминает мне выражение Тургенева, что Фет имел имя, которое променял на фамилию».²¹ Кстати, коль скоро речь зашла об А. А. Фете, вероятно, уместно привести здесь переданную мне Г. В. Красновым ранее неопубликованную записку Фета к Гаевскому, где упоминается и Некрасов. Датируется она предположительно по времени встреч Фета с Некрасовым и Гаевским — 1862—1872 гг.:

«Добрейший Виктор Павлович!

Я стою у Некрасова и его нет дома. Скука страшная. Как бы нам сегодня испить чай вместе. Или приезжайте ко мне, или я приеду к Вам делить Ваш досуг. Дайте отчет человеку, хоть на словах.

Преданный Вам А. Фет».²²

* * *

В связи с подготовкой академического Полного собрания сочинений и писем Н. А. Некрасова в последние годы были обнаружены новые его неопубликованные письма к В. П. Гаевскому. Они невелики по объему, это записки, однако они в некоторой мере способствуют уточнению обстоятельств общения поэта с Гаевским, Унковским, Салтыковым-Щедриным. По ряду признаков (характеру и типу бумаги, водяным, фирмен-

¹⁶ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Письма, т. XII. М.—Л., 1961, с. 324.

¹⁷ Там же, т. XIII, с. 9.

¹⁸ Гаевский В. П. Каталог Пушкинской выставки, устроенной Комитетом Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. СПб., 1880, IV, 57 с.

¹⁹ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Письма, т. XIII, с. 28.

²⁰ См.: Алексеев М. П. В. П. Гаевский и В. Р. Рольстон о Тургеневе. — В кн.: Тургеневский сборник, т. I. М.—Л., 1964, с. 335—344.

²¹ Красный архив, 1940, № 3, с. 236.

²² ГПБ, ф. 171, ед. хр. 295.

ным знакам, упоминанию имени Унковского) письма эти следует отнести к 1860—1870-м годам. В основном это приглашения на обеды и ужины или отказы от них.

Одно из них сообщено С. А. Рейсером:

«Воскресенье. <1862—1872>.

Если я не опоздал этим приглашением, то буду рад видеть Вас у себя за обедом в 5 часов или 5 с 1/4. Будут Салтыков, Унковский²³ и прочие».

Да и поговорить нужно. Некрасов».

Написано это письмо карандашом на небольшом листке бумаги (123×97 мм). В середине типографски выполненные перекрещенные инициалы «Н. Н.». В правом верхнем углу чернилами чьей-то рукой написано: «40». Как свидетельствует С. А. Рейсер, записка эта была подарена М. К. Азадовскому каким-то военным, нашедшим ее на бывшей даче В. П. Гаевского под Зеленогорском (Ленинградская область) 10 июня 1945 г.; затем она была подарена Азадовским Рейсеру, в личном архиве которого она и хранится в настоящее время.

Второе письмо В. П. Гаевскому датируется предположительно концом 1860-х—началом 1870-х годов:

«Виктор Павлович.

Я и Унковский (он теперь у меня) едем только для Вас, — оба мы не так здоровы, если б можно было не ехать! То-то бы счастье! Не знаете, если Вы найдете, что мы должны ехать, то мы едем. А если не ехать, то и Вам не ехать.

Решайте!

Если решите не ехать, то уведомьте и приходите ко мне — будем обедать семейно (Унковский тоже у меня останется). Решайте!

Ваш Некрасов».²⁴

Письмо написано карандашом, на сложенной вдвое бумаге (205×130 мм) с фирменным водяным знаком «Lacros frères».

Третье письмо датируется первой половиной 1870-х годов:

«В. П. Гаевскому.

Когда и где заседание фонда?

Я разумею так, что и я не обедаю в ближайшем гастрономическом обеде. Да и не знаю, где он будет и когда. — Все равно, — но пишу об этом, дабы не заплатить 15 р. даром.

Весь Ваш Н. Некрасов».²⁵

Письмо написано черными чернилами на листке (200×133 мм), сложенном вдвое. Бумага фирмы «Lacros frères». Именной знак Некрасова (светло-зеленого цвета): две перекрещенные буквы «НН».

²³ Унковский Алексей Михайлович (1829—1894) — общественный деятель и адвокат. В конце 1840-х годов был близок к петрашевцам. Дружил с М. Е. Салтыковым-Щедриным. См. о нем: Джаншиев Г. А. М. Унковский и освобождение крестьян. М., 1894.

²⁴ ГИБ, ф. 171, ед. хр. 199, л. 17—18.

²⁵ Там же, л. 19.

<1874>

Мне писано.
Сал. сох. V
с. 547.

в архиве:
Сал. сох.
V, с. 548.

М. М. Кралин

НЕКРАСОВСКАЯ ТРАДИЦИЯ У АННЫ АХМАТОВОЙ

Когда Анна Ахматова на склоне лет упомянула Некрасова в одной из своих «Северных элегий», то сделала это, разумеется, не случайно:

Но, впрочем, город мало изменился.
Не я одна, но и другие тоже
Заметили, что он подчас умеет
Казаться литографией старинной,
Не первоклассной, но вполне пристойной,
Семидесятих, кажется, годов.
Особенно зимой, перед рассветом
Иль в сумерки — тогда за воротами
Темнеет жесткий и прямой Литейный,
Еще не опозоренный модерном,
И визави меня живут — Некрасов
И Салтыков... Обоим по доске
Мемориальной. О, как было б страшно
Им видеть эти доски! Прохожу.¹

Элегия, из которой взята эта цитата, называется «Предыстория». В начале 40-х годов нашего столетия, когда была написана элегия, Ахматова вспоминает пореформенную Россию, Петербург «семидесятих, кажется, годов» прошлого века. Время в элегии многозначно, оно пульсирует согласно ахматовской формуле: «Как в прошедшем грядущее зреет, Так в грядущем прошлое тлеет» (с. 358). Некрасов не потому соседствует с Ахматовой, что в его квартире на Литейном открыт музей и на доме висит мемориальная доска, а потому что сам Литейный все еще ложится своеобразной иллюстрацией к стихам Некрасова, так же как «Фонтанный дом» (бывш. Шереметевский дворец), где жила Ахматова, остался обителью ее стихов. Некрасов — неотъемлемая часть эпохи, о которой Ахматова писала, имея в виду и себя в ряду современников:

Так вот когда мы вздумали родиться
И, безошибочно отмерив время,
Чтоб ничего не пропустить из зрелищ
Невиданных, простились с небытьем.

(С. 329)

Некрасов не мог не появиться в ахматовской элегии как поэт, который точнее, чем кто-либо другой, выразил свое время. Как летописец своей эпохи, он предшествует тому времени, которое и Ахматовой дорого, как часть истории отечества, истории русской поэзии. 1940 год — знаменательный год в поэзии Ахматовой. В стихах, написанных в это время, намечается переход к историческому осознанию действительности.

¹ Ахматова Анна. Стихотворения и поэмы. Л., 1976 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 328 (далее при ссылках на это издание страницы указываются в тексте в скобках).

Ахматова впервые осознает бремя ответственности художника за свое время, причем не только за настоящее, но и за будущее. Именно в этом смысле прежде всего Некрасова и следует назвать предтечей ахматовской поэзии.

Вопрос о некрасовских традициях в творчестве Ахматовой до сих пор решался односторонне (только ахматоведами).² Впервые этот вопрос был поставлен самой Ахматовой еще в 1920 г. Достаточно обратиться к ее ответам на известную анкету К. И. Чуковского. Именно тогда Анна Ахматова написала недвусмысленно: «Некрасов был первый поэт, которого я прочла и полюбила».³ В автобиографической заметке «Коротко о себе» она отметила: «Стихи начались для меня не с Пушкина и Лермонтова, а с Державина («На рождение порфирородного отрока») и Некрасова («Мороз, Красный нос»). Эти вещи знала наизусть моя мама» (с. 19). И в другом варианте автобиографии: «Некрасов — чуть ли не единственная книга в доме».⁴

Удивительного в последнем факте не много. Родители Ахматовой — люди демократического настроения (мать, Инна Эразмовна, была в молодости связана с «Народной волей») — были весьма далеки от поэзии начала века. Присутствие книги Некрасова в их доме означало не только их приверженность к некрасовской поэзии, но, вероятно, и общественное признание поэта в качестве своеобразного духовного авторитета, голоса своего времени. И «колыбельная» некрасовской поэзии была воспринята Анной Ахматовой, можно сказать, с молоком матери.

В юности поэтические привязанности Ахматовой были разнообразны. Неизменным кумиром ее, выросшей в Царском Селе, оставался Пушкин. Наряду с его книгами она с увлечением читает русских и французских символистов, открывает для себя «Кипарисовый ларец» И. Ф. Анненского. Поэтому далеко не случаен ее ответ на вопрос анкеты «Как вы относились к Некрасову в юности? — Скорее отрицательно».⁵ Однако другие ее признания и отзывы современников свидетельствуют о том, что отношение Ахматовой к Некрасову и в юности не было столь односложным.

Закономерен вопрос о том, какое влияние оказал Некрасов на поэтическое творчество Анны Ахматовой. Сама Ахматова ответила на этот вопрос в 1920 г. осторожно: «В некоторых стихотворениях».⁶

Отыскивая следы некрасовской традиции в раннем творчестве Ахматовой, А. А. Урбан справедливо отмечает: «Ахматовские рыдания, выкрики, заплачки, особенно те, что связаны с первой мировой войной, без сомнения, находятся под влиянием некрасовской музыки. Не случайно среди любимых стихотворений она назвала „Внимая ужасам войны...“».⁷ Это действительно так. «Слезы бедных матерей» отозвались в стихах Анны Ахматовой из цикла «Июль 1914»:

Над ребятами стонут солдатки,
Вдовый плач по деревне звенит.

(С. 106)

² См.: Урбан А. А. А. Ахматова. «Мне ни к чему одические рати...» — В кн.: Поэтический строй русской лирики. Л., 1973, с. 254—273; Въялицина Н. Традиции Н. А. Некрасова в дореволюционной лирике А. Ахматовой. — В кн.: Н. А. Некрасов и русская литература второй половины XIX—начала XX в. Ярославль, 1979, с. 53—68. Автор последней работы рассматривает вопрос о соотношении любовной лирики Некрасова и Ахматовой, которого мы в настоящей статье не касаемся.

³ Чукоккала. Рукописный альманах Корнея Чуковского. М., 1979, с. 272—273.

⁴ ГПБ, ф. 1073, ед. хр. 27, л. 1.

⁵ Чукоккала. Рукописный альманах Корнея Чуковского, с. 272—273.

⁶ Там же.

⁷ Урбан А. А. А. Ахматова. «Мне ни к чему одические рати...», с. 267.

Важно, однако, не столько установить черты сходства с Некрасовым в том или ином стихотворении, «выделить целые ряды почти совпадающих наблюдений и образов», как пишет А. А. Урбан, сколько понять причины этой общности, этого странного, на первый взгляд, родства. Анна Ахматова более полувека служила русской поэзии, и на протяжении такого долгого пути Некрасов ощущался ею очень по-разному.

В цитированной выше статье, говоря о важности «постановки проблемы некрасовской традиции», автор далее оговаривается: «Для нас в данном случае важно не подобие образных рядов, не степень их близости у Ахматовой и Некрасова, а прежде всего наличие в ее поэтической системе, начиная с самых ранних произведений, образов русской природы, примет народной жизни, широкого и разнообразного потока наблюдений, которые не только не ограничены рамками „интимного романа“, а, напротив, создают другой эмоциональный центр, где природа, родина, Россия занимают все более важное место».⁸

Это не совсем так. «Образы русской природы» действительно присутствуют в ахматовской лирике, но само по себе их наличие в тех или иных произведениях поэта еще не свидетельствует о народности его творчества. Говоря о «наличии... в системе... образов русской природы», А. А. Урбан упускает из виду важное свойство ахматовского творчества — его динамику. Лирическая героиня, стоящая в центре поэзии Ахматовой, обладает способностью саморазвития, ее поэтический характер с годами углубляется. Лирику Ахматовой не следует понимать как замкнутую в самой себе поэтическую систему. Первая мировая война, Октябрьская социалистическая революция, а также события последующих лет не только нашли свое неповторимое отражение в ахматовской поэзии, но и отчасти определили направление развития и движения поэтической мысли автора.

Ахматова потому и перекликалась с Некрасовым, идя своим самобытным путем, что шла к той же, уже достигнутой им в его время цели — к обретению народности. В «Вечере» (1912) и в «Четках» (1914) немало стихотворений, в которых встречаются картины русской природы, но это отнюдь не означает, что поэтому уже в них Ахматова предстает перед нами народным поэтом. Лишь в третьей книге поэта, «Белая стая» (1917), появляются стихотворения, свидетельствующие об изменении лирического сознания Ахматовой. Собственно, кризис прежнего индивидуалистического сознания наметился уже в «Четках», где автор-повествователь в поисках подлинных духовных ценностей и откровений «входит» в толпу нищих, пропадает в этой толпе, и нищие вдруг обретают самостоятельный голос, странно звучащий на страницах «Четок» в соседстве с любовными клятвами и жалобами лирической героини:

Много нас, таких бездомных,
Сила наша в том,
Что для нас, слепых и темных,
Светел божий дом.

(С. 83)

Спаси душу, разделив судьбу многих нищих, — такой путь казался тогда поэту единственно верным и возможным. «Так много нищих. Будь же нищей — Открой бесслезные глаза» (с. 278) — это не просто призыв свыше. Это и конкретное наблюдение жительницы Царского Села. «Живя в Царском Селе, где расплодилось теперь нищих видимо-невидимо, — я постоянно окружен земляками», — писал один из современников Ахматовой.⁹ Нищие, кажется, пришли в ахматовскую поэзию прямо из живой старой Руси, но и литературная традиция значила

⁸ Там же.

⁹ Меньшиков М. О. Письма к ближним. СПб., 1904, с. 243.

в данном случае чрезвычайно много. А, как известно, в отечественной поэзии тема странников-нищих была гениально раскрыта именно Некрасовым в его «Власе», которого Ахматова недаром считала лучшим некрасовским стихотворением.¹⁰

Национальное, народное, по сути своей, начало, проявившееся уже в первых книгах Ахматовой, было отмечено тогда же рецензентами этих книг. «Но пленителен тот душевный фон, тот нравственный грунт, на котором распускается ее поэзия — ее национальная стихия. Сколько в ней чистейшей русской поэзии. Как бы влюбленно приветствовал ее И. В. Киреевский в своем обозрении русской словесности», — писал один из них.¹¹

Хоровое начало, возникнув на последних страницах «Четок», в сборнике «Белая стая» является уже важным композиционным фактором, структурообразующим элементом книги. Поэт на страницах «Белой стаи» принимает на себя роль вестника, облеченного особой, пророческой силой, той, о которой писал в своем «Пророке» Некрасов:

Его еще покамест не распяли,
Но час придет — он будет на кресте;
Его послал бог Гнева и Печали
Рабам земли напомнить о Христе.

(II, 381)

О Христе напоминает читателям и поэт в стихах Анны Ахматовой:

Иди один и исцеляй слепых,
Чтобы узнать в тяжелый час сомненья
Учеников злорадное глумленья
И равнодушные толпы.

(С. 92)

Пушкинская традиция, несомненно присутствующая в этих стихах, все чаще на страницах «Белой стаи» переплетается с некрасовской. Даже Муза Ахматовой на страницах этой книги выступает как бы в двух ипостасях. Вот классическая Муза, получившая воспитание «в садах Лицея»:

И часто в окна комнаты моей
Влетают ветры северных морей,
И голубь ест из рук моих пшеницу...
А недописанную мной страницу,
Божественно спокойна и легка,
Допишет Музы смуглая рука.

(С. 85)

Рука этой Музы писала «Вечер», «Четки», пишет она и «Белую стаю». Но когда поэт выходит из «стройной башни» своего уединения и общается к миру страданий и радостей своих современников, облик ее Музы меняется:

Муза ушла по дороге,
Осенней, узкой, крутой,
И были смуглые ноги
Обрызганы крупной росой.

Я долго ее просила
Зимы со мной подождать.
Но сказала: «Ведь здесь могила,
Как ты можешь еще дышать?»

¹⁰ Чукоккала. Рукописный альманах Корнея Чуковского, с. 272.

¹¹ Сахновский В. Г. О современной женщине в современной литературе. («Четки» А. Ахматовой, «Идущие мимо» А. Мар). — Новь, 1914, 23 мая, № 107.

Я, глядя ей вслед, молчала,
 Я любила ее одну,
 А в небе заря стояла.
 Как ворота в ее страпу.

(С. 89)

Страна ахматовской Музы — Россия времен первой мировой войны, тыловая Россия тоски и страданий русских матерей. И поэтому, обретая реальную почву, ахматовская Муза даже и внешне начинает походить на российскую женщину, оплакивающую своего сложившего голову кормильца:

И Муза в дырявом платке
 Протяжно поет и уныло.
 В жестокой и юной тоске
 Ее животворная сила.

(С. 105)

Ее Муза вступала в разговор с современниками, и в такой, некрасовской интерпретации она могла быть понята ими и понятна им. Хор нищих из «Четок» в «Белой стае» пополняется все новыми голосами и звучит уже как общенародный. Очень важно то, что «спокойные, загорелые бабы», «осуждающие взоры» которых ощущала на себе лирическая героиня «Четок», в «Белой стае» как бы вошли в состав действующих лиц, вошли на равных. Лирическая героиня соболезнает их утратам и печалится о них, как о родных:

Пусть дух твой станет тих и покоен,
 Уже не будет потерь:
 Он божьего воинства повый воин,
 О нем не грусти теперь.

(С. 108)

А иногда русской молодке в многоголосой композиции «Белой стае» предоставляется сольная партия; она, женщина совсем иного социального круга, получает (впервые в ахматовской поэзии) право самостоятельного голоса:

Лучше б мне частушки задорно выкликать,
 А тебе на хриплой гармонике играть,

И, уйдя обнявшись на ночь за овсы,
 Потерять бы ленту из тугой косы.

Лучше б мне ребеночка твоего качать,
 А тебе полтинник в сутки выручать.

И ходить на кладбище в поминальный день,
 Да смотреть на белую божью сирень.

(С. 108)

Важно отметить, что до Ахматовой русская женщина, крестьянка, заговорила своим собственным голосом именно в поэзии Некрасова. К примеру, очень близка ахматовской крестьянке Катерина из одноименного стихотворения Некрасова, входящего в «Песни». И ахматовской Музе, как в свое время Музе Некрасова, надо было стать «сестрой родной» этой молодой крестьянке, чтобы написать такие стихи.

Подводя итоги своему поэтическому и гражданскому пути, Некрасов писал:

За каплю крови, общую с народом,
 Мои вины, о родина! прости!..

(II, 262)

В одном из стихотворений, вошедших в «Белую стаю», Ахматова как бы наследует некрасовскую образность:

Приду туда, и отлетит томленье.
Мне ранние приятны холода.
Таинственные, темные селенья —
Хранилища молитвы и труда.

Спокойной и уверенной любви
Не превозмочь мне к этой стороне:
Ведь капелька новгородской крови
Во мне — как льдинка в пенистом вине.

И этого никак нельзя поправить,
Не растопил ее великий зной,
И что бы я ни начинала славить —
Ты, тихая, сияешь предо мной.

(С. 114)

В этом стихотворении подводится итог нравственного, духовного опыта поэта. Это уже как бы поэтическое освоение народности, новое обретение национальных корней (предки Ахматовой по материнской линии действительно были уроженцами новгородской земли), чувства родства и причастности к судьбе народной.

Книги Ахматовой, появившиеся в начале 20-х годов, «Подорожник» (1921) и «Anno Domini» (1922), свидетельствовали об определенном конфликте поэта с окружающей действительностью. Анна Ахматова, всегда искренняя в стихах, и на этот раз не скрыла того, что многое, чем жил народ в дни Октября, осталось для нее чуждым и даже враждебным. Мать, хранительница родного очага, какой была героиня ее поэзии, воспринимала революцию как неуправляемую страшную стихию:

А здесь уж белая дома крестами метит
И кличет воронов, и вороны летят.

(С. 143)

И хотя в общей мрачной гамме ее стихов этих лет встречаются стихотворения, свидетельствующие о силе духа, о вере в неиссякаемую духовную силу народа («Мне голос был. Он звал утешно...» (1921; 1-я ред. 1917)), неумолимо обозначился конфликт между поэтом и читателем. Хор, делавший позицию поэта столь прочной в «Белой стае», теперь, в новых исторических условиях, как будто отделился от поэта. Лирическая героиня остро чувствует и болезненно переживает свое одиночество:

И вот одна осталась я
Считать пустые дни.

(С. 142)

Ситуация и в самом деле складывалась драматически: прежние читатели Ахматовой, люди социально ей близкие, или покинули Россию, или оказались среди внутренних эмигрантов. Лишь немногие из них сумели сразу верно оценить события, происходящие в стране. Новые, молодые читатели, настроенные чрезвычайно радикально, числили Ахматову по ведомству «осколков разбитого вдребезги», воспринимали ее поэзию как явление классово чуждое. В сложившейся неблагоприятной для нее обстановке Ахматова отходит на долгое время от активной литературной деятельности.

Однако все эти годы (1924—1936) она продолжала писать и искать пути к новому читателю.

Оставаясь верной своему долгу русского поэта, Ахматова писала по-прежнему прекрасные стихи. Но главным в этих новых стихах стало их откровенно гражданское звучание, некрасовская интонация открытого, порой нелিপцприятного диалога с современниками:

Но вечно жалок мне изгнанник,
Как заключенный, как больной.
Темна твоя дорога, странник,
Полынью пахнет хлеб чужой.

(С. 152)

Эти стихи, посвященные Ахматовой ее близкому другу, предавшему родину, нисколько не утратили своей актуальности и сегодня. Позиция Ахматовой в то время неизменно оставалась твердой: вместе с родиной, с родной землей. В ее стихах начала 20-х годов читатель улавливал искреннее желание поэта разглядеть светлое духовное начало даже в самом сложном периоде «лихолетья»:

И так близко подходит чудесное
К развалившимся грязным домам...
Никому, никому не известное,
Но от века желанное нам.

(С. 166)

Такие стихи с недоумением были восприняты в среде эмигрантов, бывших поклонников Анны Ахматовой. «Большевизм какой-то», — такая оценка зафиксирована в мемуарах поэта-эмигранта Г. Иванова.¹²

В 1923 г. Ахматова написала стихотворение, красноречиво названное «Многим». Многим, т. е. тем, кто, оказавшись за рубежом, оторвавшись от родной почвы, продолжал считать Ахматову «своей» и нередко публично выражал «родственные чувства» на страницах зарубежной эмигрантской прессы (как, например, Зинаида Гиппиус). Отвечая своим зарубежным «доброхотам», Ахматова писала о желании разорвать все прежние связи с ними:

Как хочет тень от тела отделиться,
Как хочет плоть с душою разлучиться,
Так я хочу теперь — забытой быть.

(С. 182)

Это стихотворение открывает новый период в творчестве Ахматовой. Стихи ее 20—30-х годов изучены еще далеко не достаточно. Долгие годы и в нашей, и особенно в зарубежной критике господствовало мнение о том, что 20—30-е годы были для Ахматовой годами творческого простоя, вынужденного молчания. Ныне известно, что это не так. Вспоминая о нелегком для нее периоде жизни, Анна Ахматова сказала «о времени и о себе» так: «Нет, и не под чуждым небосводом, И не под защитой чуждых крыл, — Я была тогда с моим народом, Там, где мой народ, к несчастью, был».¹³

В сложной обстановке Ахматова не уронила достоинства поэта, верного России. С этих пор собственная биография, не личная, не бытовая, а именно биография поэта становится сюжетообразующим центром поэзии Ахматовой, и это обстоятельство сближает ее творчество с поэзией Некрасова.

¹² Цит. по: Павловский А. И. Анна Ахматова. Л., 1966, с. 79.

¹³ Новый мир, 1964, № 6, с. 173.

В 1923 г. во втором издании сборника Ахматовой «*Anno Domini*» появляются два стихотворения, образно восходящие к некрасовской поэтике. Первое из них — «Предсказание»:

Видел я тот венец златокованный...
 Не завидуй такому венцу!
 Оттого, что и сам он ворованный
 И тебе он совсем не к лицу.
 Туго согнутой веткой терновою
 Мой венец на тебе заблестит.
 Ничего, что рососою багровою
 Он изнеженный лоб освежит.

(С. 150)

Ср. у Некрасова:

Семья давно вины твои простила,
 Лобзает раб терновый твой венец.

(II, 422)

Второе стихотворение, «Согражданам», есть не что иное, как парафраз на тему стихотворения Некрасова «В столицах шум. Гремят витии...»:

В столицах шум. Гремят витии,
 Кипит словесная война.
 А там, во глубине России,
 Там вековая тишина.

(II, 40)

В начале стихотворения Ахматова как бы вторит Некрасову:

И мы забыли навсегда,
 Заключены в столице дикой,
 Озера, степи, города
 И зори родины великой.

Но если послы у обоих поэтов один и тот же, то выводы делаются различные. Некрасов всей душой уходит в эту вековую тишину, как бы сливаясь с дремлющей силой народной, Ахматова же ощущает себя, так сказать, жертвой истории, обреченной на неминуемую гибель. Она готова нести свой крест до конца, ибо будущего у той культуры, представительницей которой она себя ощущает, она не видит:

В кругу кровавом день и ночь
 Долит жестокая истома...
 Никто нам не хотел помочь
 За то, что мы остались дома.
 За то, что, город свой любя,
 А не крылатую свободу,
 Мы сохранили для себя
 Его дворцы, огонь и воду.

Иная близится пора,
 Уж ветер смерти сердце студит,
 Но нам священный град Петра
 Невольным памятником будет.¹⁴

(С. 149)

Критики 20-х годов почти единодушно «хоронили» Ахматову. «У Ахматовой завтрашнего дня нет, не будет. Она смертник, и книга ее „*Anno Domini*“ — „отходная“», — писал один из них.¹⁵ Другой современник за-

¹⁴ Стихотворение «Согражданам» опубликовано в цитируемом издании «Стихотворения и поэмы» Ахматовой под названием «Петроград, 1919».

¹⁵ И. Ф. [Филиппченко И. (?)]. Анна Ахматова. «*Anno Domini*». — Новый мир, 1922, № 1, с. 275.

писал для себя после посещения Ахматовой в Мраморном дворце, где она тогда жила: «Но все-таки! — нельзя ей жить все время в этом казенном городе Санкт-Петербурге, где душат туманы, деревья — художочны, а солнце похоже на пресный яичный желток для больного. Однако Ахматова навсегда отравлена классическими ритмами этого города „Медного всадника“, „Белых ночей“ и „Незнакомки“. Она напоминает мне молчаливую начетчицу когда-то славного, но покинутого всеми скита, оставшуюся в нем, несмотря ни на что».¹⁶

Действительно, ведь до революции Ахматова почти каждое лето проводила в Слепневе, небольшой деревеньке, затерянной в Тверской губернии, в гуще народной жизни. Теперь она оказалась как бы запертой в стенах дворцов, и, несмотря на это, именно теперь в ее стихах все более крепнет голос поэта-патриота, все чаще встречаются переключки с Некрасовым. Вот поэт отвечает на яростную травлю критиков левацкого толка:

Вы меня, как убитого зверя,
На кровавый подымете крюк,
Чтоб, хихикая и не веря,
Иноземцы бродили вокруг
И писали в почтенных газетах,
Что мой дар несравненный угас,
Что была я поэтом в поэтах,
Но мой пробил тринадцатый час.¹⁷

И в этих «воспаленных строках» можно расслышать отзвуки некрасовской Музы, если вспомнить вступление к поэме «Мороз, Красный нос» (которую, кстати сказать, Ахматова очень любила и называла «сплошной музыкой»):

Для житейских расчетов и чар
Не расстался б я с музой моею,
Но бог весть, не погас ли тот дар,
Что, бывало, дружил меня с нею?

(II. 166)

Очевидно, и к Ахматовой применимо справедливое замечание, которое сделал современный исследователь по поводу лирики Пушкина: «... в лирике Пушкина <...> отражался национальный склад мышления самого автора, хотя отражение это авторским сознанием и не контролировалось».¹⁸

В сложные 30-е годы в стихах Ахматовой все чаще возникает мотив вины перед своим народом, мотив, который прежде в ее поэзии почти отсутствовал. В этих покаянных стихах снова возникает образ некрасовской, «кнутот иссеченной Музы»: «Кому и когда говорила, <...> Что Музу засéкли мою. Я всех на земле виноватей, Кто был и кто будет, кто есть...».¹⁹ Но судьба готовила ей новую встречу с народом. Женская душа, горе которой слышим мы в плаче некрасовской Дарьи из поэмы «Мороз, Красный нос», оживает и в ахматовских анапестах стихов 30-х годов.

В 1962 г. Ахматова проверяла стихи, над которыми она тогда работала, на читателей. Запись об этом сохранилась в ее неопубликованных «Листках из дневника»: «13 дек. 1962. (Ордынка). Давала читать Р. (т. е. «Реквием», — М. К.). Реакция почти у всех одна и та же. Я таких

¹⁶ Басалаев И. М. Записки для себя. (1926—1939). — ГПБ, ф. 1073, ед. хр. 453, л. 17.

¹⁷ ГПБ, ф. 1073, ед. хр. 173, л. 1.

¹⁸ Прийма Ф. Я. Проблема национального и общечеловеческого у Пушкина. — Русская литература, 1972, № 1, с. 17.

¹⁹ ГПБ, ф. 1073, ед. хр. 151, л. 2.

слов о своих стихах никогда не слыхала («Народные»). И говорят самые разные люди».²⁰

Действительно, эти стихи свидетельствуют о полном духовном слиянии поэта и народа. Казалось бы, поэт говорит только о себе, о своем сыне, а на поверку выходит — об общем. О чужом как о своем. Если Некрасов когда-то признавался: «Я призван был воспеть твои страдания, Терпением изумляющий народ», то в этой поэтической формуле поэт и народ — при всем их стремлении друг к другу — остаются все-таки самостоятельными, автономными величинами. Ахматова в новых стихах — такая же равноправная гражданка, как и все остальные. Звание поэта ей в данном случае никаких поблажек не обеспечивает. Исчезает извечная дистанция между поэтом и народом, героиня-повествовательница сама есть частичка народа. Поэтому и в самый тяжелый период Великой Отечественной войны Ахматова «по праву разделенного страдания» скажет от лица всего народа:

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.

(С. 212)

От гражданского «я» «Реквиема» к всеобщему «мы» лирики «Ленинградского цикла» военных лет — такой путь Ахматовой к народу представляется логически оправданным и по-своему закономерным, потому что был он соизмерен и сопережит с историей родной страны.

Ахматова не обращалась к творчеству Некрасова так же профессионально, как занималась она творчеством Пушкина. Но в разные годы своей жизни она читала Некрасова, причем читала не только стихи. В архиве Ахматовой сохранилась записка ее знакомой А. Ф. Рудаковой, датированная 1937 г., где та, между прочим, пишет: «Некрасовские письма для вас приготовила».²¹ Что кроме обычного читательского интереса могло привлечь Ахматову в некрасовских письмах? Это пока остается загадкой. Но строки в ахматовском «Возвращении» 1941 г.:²²

Все души милых на высоких звездах.
Как хорошо, что некого терять
И можно плакать —

(С. 229)

в какой-то мере можно рассматривать как отражение некрасовского двустипия в письме его к брату Федору Алексеевичу от 26 февраля 1873 г.:

И не много уже остается,
Что возможно еще потерять.

(XI, 240)

А вскоре после чтения некрасовских писем Ахматова пишет стихотворение памяти Михаила Булгакова, в котором тема потери близких выливается в скорбный плач по еще одному покинувшему землю проку:

О, кто поверить смел, что полоумной мне,
Мне, плакальщице дней погибших,
Мне, тлеющей на медленном огне,
Все потерявшей, всех забывшей, —

²⁰ Там же, ед. хр. 27, л. 1.

²¹ Там же, ед. хр. 980, л. 4.

²² Датировка 1921 г. в цитируемом издании стихотворений Ахматовой нам представляется неубедительной.

Придется поминать того, кто, полный сил,
И светлых замыслов, и воли,
Как будто бы вчера со мною говорил,
Скрывая дрожь смертельной боли.

(С. 289)

В стихах из цикла «Ветер войны» Муза Ахматовой обретает неведомую прежде силу голоса. Стихи, как и в годы первой мировой войны, наполнены материнской болью за погибающих детей, за павших «друзей последнего призыва», но преобладающим в цикле становится мажорный тон. Уверенность в конечной победе над врагом звучит уже в стихотворении, датированном январем 1942 г.:

Славно начато славное дело
В грозном грохоте, в снежной пыли,
Где томится пречистое тело
Оскверненной врагами земли.
К нам оттуда родные березы
Тянут ветки, и ждут, и зовут,
И могучие деды-морозы
С нами сомкнутым строем идут.

(С. 215)

Поэтическим прародителем ахматовских «дедов-морозов» является образ Мороза-воеводы из поэмы Некрасова «Мороз, Красный нос», который так говорит о себе:

Люблю я в глубоких могилах
Покойников в иней рядить,
И кровь вымораживать в жилах,
И мозг в голове леденить.

(II, 194)

В январе 1942 г. сокрушительную силу мороза-воеводы врагу уже пришлось испытать на собственной шкуре, и Ахматова об этом хорошо знала — она не пропускала ни одной сводки «Совинформбюро». Вот откуда у нее в стихах появились «деды-морозы».

Отвечая на анкету К. И. Чуковского, Ахматова назвала среди своих любимых стихотворений Некрасова «Власа». Возможно, что некрасовская метафора «лицо земли», завершающая это стихотворение,²³ дала Ахматовой толчок для образного ряда «земля—тело», в разные периоды возникающего в ее стихах из цикла «Июль 1914»:

Низко, низко небо пустое,
И голос молящего тах:
«Равняй тело твоё пресвятое,
Мечут жребий о ризах твоих».

(С. 107)

В стихах периода Отечественной войны образ «земли—тела» берется под новым углом зрения и в иной, мажорной тональности:

На сотни верст, на сотни миль,
На сотни километров
Лежала соль, шумел ковыль,
Чернели рощи кедров.

²³ См.:

И дают, дают прохожие...
Так из лепты трудовой
Вырастают храмы божии
По лицу земли родной.

(I, 105)

Как в первый раз я на нее,
 На Родину, глядела.
 Я знала: это всё мое —
 Душа моя и тело.

(С. 222)

Ахматову роднит с Некрасовым несокрушимая вера в русский народ, уверенность в его бессмертии и конечной победе над любым недругом. Народ у Некрасова «вынесет всё — и широкую, ясную грудью дорогу проложит себе» (II, 205). С той же уверенностью в конечном торжестве «молодой России» закончила Ахматова в 1943 г. одну из первых редакций своей «Поэмы без героя»:

И себе же самой навстречу
 Непреклонно в грозную сечу,
 Как из зеркала наяву, —
 Ураганом с Урала, с Алтая,
 Долгу верная, молодая,
 Шла Россия спасать Москву.

(С. 430)

В последние годы черты общности Ахматовой с Некрасовым проявляются в особой доверительной интонации ее стихов, обращенных к верным друзьям-читателям. «Последние песни» Некрасова — это книга, содержанием которой служат отдельные эпизоды биографии поэта, книга, предполагающая в читателях, для которых она предназначена, определенное знание биографии поэта, право, завоеванное ценой общих страданий. «Последние песни» — это стихи, адресованные в первую очередь друзьям (не случайно одно из стихотворений сборника так и называется «Друзьям»), рассчитанные на их понимание и сочувствие.

Поэзия Анны Ахматовой последних лет — это поэзия преодоленного одиночества. У поэта, наконец, появляется желанный собеседник. Это — читатель, «пусть самый последний, случайный, всю жизнь промолчавший подряд» (с. 203). Стихи Ахматовой последних лет, как и стихи Некрасова, обращены, конечно, ко всем читателям, но, кроме этих всех, стихи предполагают более тесный круг читателей — современников, соучастников, друзей, знакомых с жизнью поэта по общим вехам общего пути.

Не мудрено, что не веселым звоном
 Звучит порой мой непокорный стих
 И что грущу. Уже за Флегетоном
 Три четверти читателей моих.

А вы, друзья! Осталось вас немного, —
 Мне оттого вы с каждым днем милей...
 Какой короткой сделалась дорога,
 Которая казалась всех длинней.

(С. 229)

Конечно, поэзия Некрасова была лишь одним из источников, питавших творчество Ахматовой. Она — поэт открыто заявленных традиций, о чем сама говорит в стихах из цикла «Тайны ремесла»:

Не повторяй — душа твоя богата —
 Того, что было сказано когда-то,
 Но, может быть, поэзия сама —
 Одна великолепная цитата.

(С. 298)

Однако некрасовское творчество было одним из источников народности, завоеванной ею со временем, хотя и дорогой ценой.

Старость Анны Ахматовой была увенчана всенародным читательским признанием. Всею своей статью, поведением, исполненным глубокого достоинства и силы, она воплощала даже во внешнем своем облике черты

истинно русского характера, истинно русских женщин, воспетых и услышанных Некрасовым, — женщин

С спокойною важностью лиц,
С красивою силой в движеньях,
С походкой, со взглядом цариц, —

Их разве слепой не заметит,
А зрячий о них говорит:
«Пройдет — словно солнце осветит!
Посмотрит — рублем подарит!»

(II, 169)

Кажется, что именно Некрасов создал первый стихотворный портрет Ахматовой, которым потом не будет числа (цветаевское «Ты солнце в выси мне застишь» прямо идет от Некрасова). Но это и не удивительно: ведь Некрасов, как никто другой в русской поэзии, воспел русскую женщину, мать и Родину, а в поэзии Анны Ахматовой эти понятия неразделимы, они составляют самую ее суть.

В. А. Куприяновский

О КРАЕВЕДЧЕСКОМ АСПЕКТЕ ИЗУЧЕНИЯ НЕКРАСОВА

В настоящей статье вопрос об изучении Некрасова ставится в связь с общими проблемами литературоведческого краеведения. Поэтому прежде всего нас интересует то, как соотносятся между собой литературоведение и краеведение, где проходят между ними разграничительные линии. Четкого ответа на эти вопросы пока нет.¹ Между тем они весьма существенны, о чем свидетельствуют некоторые современные работы.

В статье «Проблемы решенные и нерешенные» В. В. Жданов о книге А. Ф. Тарасова «Некрасов в Карабихе» (1977) пишет: «Среди работ биографического характера выделяется книга А. Тарасова, рисующая связи Некрасова с ярославским краем, и прежде всего с именем Карабиха».² О книге Н. К. Некрасова «О Волга!.. колыбель моя» (1979) здесь же говорится, что она «огнюдь не носит „краеведческого“ характера: это страницы популярной биографии поэта...».³

Казалось бы, книгу Тарасова можно назвать «краеведческой», раз она рисует «связи Некрасова с ярославским краем», но критик думает иначе. Как мне кажется, потому, что в определении «краеведческая» с его точки зрения есть оттенок некой второсортности. Может быть, в данном конкретном случае это и не так, но взгляд на краеведческие работы как второсортные широко распространен.

Действительно, есть литературно-краеведческие работы, которые страдают мелкотемьем, мизерностью фактов, утратой художественного критерия. Но стоит ли на этом основании недооценивать исследования такого рода? Ведь и в некоторых чисто литературоведческих трудах, в которых нет «краеведческого уклона», тоже встречаются подобные «грехи».

Очевидно, дело в качестве литературоведческих и краеведческих трудов. По существу же они могут взаимно обогащать друг друга, что и происходит. Это наглядно подтверждается на примерах изучения Некрасова.

В. Е. Евгеньев-Максимов как-то рассказывал мне об изучении гимназического периода жизни Некрасова. В течение долгого времени этот период был белым пятном. И вот в 1913 г. исследователь поехал в Ярославль, разыскал архивное дело Ярославской гимназии, скопировал материалы, относящиеся к Некрасову, и ввел их в научный оборот, заполнив тем самым неизученную страницу некрасоведения. Кстати, эти копии вскоре приобрели значение первоисточника, так как подлинники сгорели в 1918 г., во время эсеровского мятежа в Ярославле. В. Е. Евгеньев-Максимов изучал гимназические годы Некрасова как литературовед, накапливавший сведения для научной биографии поэта. Но поскольку он восстановил ярославскую страницу этой биографии, он дал местным краеведам чрезвычайно ценный материал.

¹ См.: Краткая литературная энциклопедия, т. 4. М., 1967, стб. 331, 385—386 (статьи «Литературоведение», «Литературоведческое краеведение»).

² Вопросы литературы, 1980, № 3, с. 238.

³ Там же, с. 239.

Второй пример относится к изучению поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Вскоре после окончания Великой Отечественной войны А. В. Попов выступил в Пушкинском Доме с докладом «Топография поэмы „Кому на Руси жить хорошо“». Позднее этот доклад был опубликован.⁴ Это была краеведческо-изыскательская работа, восстанавливавшая маршрут героев-странников поэмы и реальные или прототипические места Ярославской и Костромской губерний, в которых происходит действие. Поэма явно «привязывалась» к ярославско-костромскому краю, общерусское, национальное ее значение несколько снижалось, что было замечено критикой. По словам Н. Н. Скатова, Попов упустил из виду особенности художественного обобщения.⁵ Но Попов на конкретном краеведческом материале затронул важные вопросы о реальных местных источниках поэмы, о принципах творческой работы поэта и т. д. Таким образом, краеведческий труд стимулировал литературоведческую мысль, и в этом его несомненное значение.

О Некрасове существует немало работ, в которых введен или обобщен значительный краеведческий материал. Это работы на темы: Некрасов на Украине, Некрасов и Ярославский край, Некрасов в Петербурге, Некрасов и Костромской край, Некрасов в Чудовской Луке, Некрасов во Владимирском крае, Некрасов и Иваново, и т. д.⁶ Все они позволяют по-новому увидеть отдельные страницы биографии и творчества поэта.

Таким образом, опыт изучения Некрасова свидетельствует, что литературоведение и литературоведческое краеведение взаимно питают друг друга. На вопрос о границах между ними можно дать следующий ответ. Если в работе жизнь и творчество писателя преимущественно вписываются в общественную и историко-литературную жизнь края и при этом широко привлекаются местные факты и материалы, то ее следует относить к краеведческим исследованиям. Если же материал включается в историко-литературный контекст, служит разрешению проблем литературоведческого характера, то такие исследования следует считать литературоведческими. Разумеется, разграничительные линии между этими видами работ зыбкие и весьма подвижные.

В связи с творчеством Некрасова не раз говорилось о том, что оно в основном питалось наблюдениями и впечатлениями, почерпнутыми в среднерусской полосе, а еще точнее — в местах, которые сейчас принято называть Верхневолжьем (современные Ярославская, Костромская, Ивановская и Владимирская области). Сестра поэта А. А. Буткевич писала, что он «хорошо знал» Ярославскую, Костромскую и Владимирскую губернии и что «большая часть его типов принадлежит средней России».⁷ Народную, крестьянскую жизнь Некрасов наблюдал преимущественно в этих губерниях, обстоятельствами жизни он был связан с ними больше и дольше всего. Природа, быт, язык, говор, люди этих мест были ему хорошо знакомы. Все это сказалось в его произведениях, и все это дало основания В. Е. Евгеньеву-Максимову назвать Некрасова

⁴ Литература в школе, 1946, № 2, с. 40—42.

⁵ См.: Скатов Н. Н. Некрасов и Костромской край. — В кн.: Н. А. Некрасов и русская литература. Кострома, 1974, с. 12. См. также: Яковлев К. Ф. От конкретных фактов — к художественному обобщению. — В кн.: О Некрасове. (Сб. статей). Ярославль, 1958; Тарасов А. Ф. О местных источниках поэмы. — В кн.: Истоки великой поэмы. Поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Ярославль, 1962.

⁶ Перечислим некоторые из работ: Евгеньев-Максимов В. Е. Некрасов и Петербург. Л., 1947; Ломан О. В. Усадьба Н. А. Некрасова Чудовская Лука. — В кн.: Некрасовский сборник, вып. I. Л., 1951; Васильев С. Н. А. Некрасов во Владимирском крае. — Альманах «Владимир», кн. 2, 1952; Н. А. Некрасов и Ярославский край. Литературно-методический сборник. Иваново, 1959; Некрасов Н. К. Некрасовские места России. Ярославль, 1971; Скатов Н. Н. Некрасов и Костромской край. — В кн.: Н. А. Некрасов и русская литература. Кострома, 1974, и др.

⁷ Цит. по: Тарасов А. Некрасов в Карабихе. Ярославль, 1977, с. 7.

«певцом русского Севера»,⁸ причем под севером автор подразумевал в первую очередь именно те районы, которые входят в Верхневолжский регион.

Исходя из сказанного, представляется перспективной мысль об изучении Некрасова с точки зрения регионального начала в русской литературе. И здесь будет уместно присоединиться к мнению А. А. Горелова о том, что региональное начало, областной фактор — «важнейший продуктивный элемент в строительстве национальной культуры» и что «предрасположенность к вовлечению областного материала и языка в общекультурный процесс — плодотворная форма передачи конкретного в общенациональном».⁹

Между прочим, подобную же мысль по-своему формулировал А. М. Горький в 1931 г. в статье «О литературе». Указывая на своеобразие и разнообразие жизни, быта, природы громадной России и упрекая — не совсем справедливо — «старую литературу» в том, что она «была по преимуществу литературой Московской области» и что «жизнь огромной страны, богатейшей разнообразным человеческим материалом, не отразилась в книгах классиков с той полнотой, с которой она могла бы отразиться», Горький писал: «Я не навязываю художественной литературе задач „краеведения“, этнографии, но все же литература служит делу познания жизни, — она — история быта, настроений эпохи, и вопрос о том, насколько широко охватила она действительность свою, — этот вопрос может быть поставлен».¹⁰ Он хвалил молодую советскую литературу за то, что она «отличается широтой охвата действительности»¹¹ за счет освоения регионов, которые не были в достаточной мере в поле зрения классической литературы. В настоящее время это стало еще заметнее, чем во времена Горького; мы видим, как русская советская литература обогащается, вовлекая областной материал и язык в общекультурный процесс. Здесь достаточно сослаться на творчество сибиряков В. П. Астафьева, В. Г. Распутина, Г. М. Маркова, Ан. С. Иванова и других, на «смоленскую школу» в лице А. Т. Твардовского, М. Исаковского, И. С. Соколова-Микитова и Н. И. Рыленкова, на северян Ф. А. Абрамова, В. Белова, О. А. Фокину, Н. М. Рубцова и иные подобные явления.

Несомненно, что с творчеством Некрасова в русскую литературу впервые так ощутимо вошел ярославско-владимирско-костромской край с характерными для него приметами, что и явилось продуктивным элементом в обогащении русской литературы и русской национальной культуры.

Изучение Некрасова в плане регионально-краеведческого начала, как изучение биографии и творчества любого другого писателя, на наш взгляд, может включать следующие аспекты: 1) пребывание писателя в данном крае и отражение этого факта в его творчестве; 2) общение с людьми данного края (не обязательно на его территории) и значение этого для писателя и для тех, с кем он общался; 3) распространение, восприятие (рецепция) и воздействие, а следовательно — общественное значение его произведений в крае; 4) значение писателя в литературно-художественной и — шире — в культурной жизни края в разные исторические периоды; 5) увековечение памяти писателя в крае.

В той или иной степени с такими направлениями в изучении Некрасова мы встречаемся во многих литературно-краеведческих работах, посвященных поэту. Но чаще всего они проявляются разрозненно. На очереди стоит вопрос о комплексном характере такого рода исследований.

⁸ Евгеньев-Максимов В. Некрасов и русский Север. Ярославль, 1921, с. 3.

⁹ Русская литература, 1979, № 4, с. 227.

¹⁰ Горький М. Собр. соч. в 30-ти т., т. 25. М., 1953, с. 248—250.

¹¹ Там же, с. 250.

II. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Т. П. Мазур

НЕКРАСОВ И К. К. СЛУЧЕВСКИЙ

В январской книжке «Современника» за 1860 г. появились первые стихи молодого офицера Семеновского полка К. К. Случевского. Много лет спустя, вспоминая о своем дебюте в журнале, поэт писал: «... стихотворения были доставлены Некрасову помимо меня <...> Всеволод Крестовский, еще студент, мой приятель, передал их Аполлону Григорьеву. Как доставил их Григорьев Тургеневу и как передал их Тургенев Некрасову <...> я не знаю...».¹

Вопрос о читательском восприятии поэзии Случевского по материалам литературной полемики вокруг первых его публикаций освещался в литературе неоднократно.² Предметом нашего исследования является дальнейшее развитие отношений Случевского с редакцией «Современника» и Некрасовым. Биографические сведения о молодом Случевском крайне скудны, их приходится восстанавливать главным образом по косвенным источникам. В одном из биографических очерков о Случевском (эта работа осталась ненапечатанной) говорится о том, что поэт после знакомства с Ап. Григорьевым и Тургеневым сблизился с ведущими сотрудниками «Современника» — как раз в ту пору, когда «характерными бывали вечера у Добролюбова с Сераковским в качестве оратора».³ Возможно, именно эти факты биографии молодого Случевского описаны им в поэме «Бывший князь»:

Тогда на горе наше взрос
У нас привислиньский вопрос,
И польский ржонд, вступая в бой,
Сносился с Русью молодой...
И с ним давно в сношеньях был
Кружок, в который я вступил.
И шел я в этот час, домой
Спеша добраться поскорей,
В кармане сторожа рукой
Почти три тысячи рублей.
Их удалось кружку собрать
С тем, чтобы в Лондон отослать
«В защиту угнетенных прав» —
Мы исполняли свой устав,
И председатель внес в Совет
Друзьям из Лондона привет!..⁴

¹ Денница. Альманах. СПб., 1900, с. 200—201.

² См.: Федоров А. В. Поэтическое творчество К. К. Случевского. — В кн.: Случевский К. К. Стихотворения и поэмы. М.—Л., 1962 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 6—7; Ямпольский И. Г. Сатирическая журналистика 1860-х годов. Журнал революционной сатиры «Искра». М., 1964, с. 120.

³ Автор не установлен, см.: ЦГАЛИ, ф. 458, оп. 1, ед. хр. 36, л. 2 об.

⁴ Случевский К. К. Соч., т. 3. СПб., 1898, с. 224. Поэма «Бывший князь» (первоначальное название «Иван Петров») — единственное крупное произведение поэта, в котором нашла отражение общественная жизнь России 1860-х годов. Важно также подчеркнуть автобиографическое начало, придающее поэме значение документа, который помогает понять особенности духовной эволюции Случевского.

Известно, что в 1856—1857 гг. Случевский был в кружке известного либерального историка М. И. Семевского, который, как установлено, был одним из тайных корреспондентов «Полярной звезды».⁵ Еще будучи в кадетском корпусе, Случевский сблизился с Г. Е. Благодетелем и его кружком. Несомненно, Семевский и Благодетель были одним из источников знаний поэта о лондонской эмиграции. Кружок «Современника» расширил кругозор Случевского, ему стало известно о связях передовой русской интеллигенции с польским революционным движением. Публикация стихотворений Случевского в последующих (№ 2, 3, 5) книжках «Современника» свидетельствует об установлении более тесных связей молодого поэта с журналом.

В письме к Некрасову из-за границы от 23 августа (4 сентября) 1860 г. Н. А. Добролюбов, перечисляя встреченных им общих знакомых, упоминал рядом имена двух сотрудников и участников кружка «Современника»: «Видел я дважды Случевского: такой же! Сераковского встретил в Париже».⁶ Здесь есть какая-то недоговоренность (неясно, в частности, что значит «такой же»), однако ясно, что речь идет о людях достаточно близких, хотя, быть может, и не единомышленниках. Вспоминая предреформенную Россию и многочисленные литературные кружки того времени, Семевский писал: «... все кипело, все говорило о реформах, о необходимости преобразований. Сколько совершенно свежих и до сих пор совершенно чуждых сил втягивали они в себя, людей из различных слоев».⁷

Эти слова всецело относятся и к молодому Случевскому, которого, так же как и многих, «втянула» в свой водоворот духовная атмосфера 1860-х годов. Знакомство с людьми такого склада, как Г. Е. Благодетель, М. И. Семевский, Н. В. Гербель,⁸ также способствовало росту либерально-демократических настроений Случевского.

Отношения с Некрасовым и его окружением были прерваны неожиданным отъездом Случевского за границу в мае 1860 г.⁹ О подлинных причинах отъезда поэт говорил в не дошедшем до нас письме к С. С. Дудышкину. В архиве Случевского имеется ответ Дудышкина от 2 ноября 1860 г., свидетельствующий о том, что отъезд Случевского вызван его окончательным решением оставить военную службу и посвятить себя целиком литературному творчеству. Одобрив это решение, Дудышкин писал: «Доброе дело Вы делаете, потому что фортификация была хороша, когда писались оды на взятие Измаила и проч. <...> Распустили слух, — продолжал Дудышкин, — что Вы бросили академию именно потому, что Вас довели критики „Искры“, что они сбили Вас с пути. Конечно, на подобные толки Ваш покорнейший отвечает совсем другое и смотрит на Ваш выход¹⁰ как на дело хорошее, что Вы сделаете успех».¹¹

За границей Случевский много работал и делал попытки печататься в России. Отсылая автору какие-то его стихи, Дудышкин писал ему: «... мне не хотелось бы печатать стихов, прочтя которые имели бы

⁵ См.: Эйфельман Н. Я. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., 1966. с. 138—147.

⁶ Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 9-ти т., т. IX. М.—Л., 1964, с. 442.

⁷ М. И. Семевский. Сост. В. В. Тимошук. СПб., 1895, с. 110.

⁸ С Н. В. Гербелем Случевский познакомился в кружке Л. А. Мея в 1857 г. Их общение продолжалось и в 1870—1880-е годы.

⁹ В приказе по корпусу, отданном 27 мая 1860 г., значится, что Случевский «по домашним обстоятельствам убыл за границу в Швейцарию и Германию с 21 мая на 3 месяца» (ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 3, ед. хр. 932, л. 4).

¹⁰ Некоторое время Случевский после службы в полку учился в Академии Генерального Штаба. В приказе от 24 октября 1860 г. Случевский был отчислен от Академии «по собственному желанию», а через месяц уволен от службы «за болезнь» (ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 3, ед. хр. 932, л. 4).

¹¹ ГИМ, ф. 359, № 151/235.

право сказать мне: что же тут лучшего? Где же шаг вперед? Вот поэтому-то я стихов этих не напечатаю, а буду ждать других». ¹² Случевский посылал свои стихи из-за границы, по-видимому, и Некрасову. Не получив ответа, он однажды сетовал по этому поводу в письме к Тургеневу, который отвечал ему в октябре 1860 г.: «А что Некрасов Вам не отвечает, — в этом нет ничего удивительного: он никому не отвечает». ¹³

Заграничные письма Случевского до нас не дошли, и мы не знаем, какие стихи присылались им в петербургские журналы. По возвращении из-за границы поэт возобновил связь с Некрасовым. Работая в редакции «Всемирной иллюстрации», он предпринял попытку издавать «маленькие (от 50 до 60 страниц) книжки для детей самого разнообразного содержания». ¹⁴ Так, в письме к Я. П. Полонскому в декабре 1873 г. он писал: «Одну из ближайших книжечек думаю я посвятить Вашим стихотворениям. При книжечке будет Ваш портрет». ¹⁵ С такою же просьбою — напечатать стихи и портрет автора — обратился Случевский и к Некрасову. Сохранилось лишь ответное письмо Некрасова, в котором он писал: «Я ничего не имею против помещения в Вашем издании моего портрета, но будет ли это удобно в издании для детей, особенно для начала подобного издания? Просто сказать: не повредило бы ходу книги» (XI, 283). По всей вероятности, этот замысел Случевского не осуществился, и в 1870-х годах не вышла ни одна из задуманных им книг. ¹⁶

Встречи Случевского с Некрасовым участились в 1874 г., в связи с подготовкой сборника «Складчина» в пользу голодающих Поволжья. Первоначально был задуман сборник «Художественная складчина» — совместный труд художников и писателей. Было решено, что художники будут иллюстрировать произведения писателей. Однако из-за разногласий художники решили издавать самостоятельно «Художественную складчину», секретарем комитета которой стал Случевский. Писатели же решили издать свою «Складчину». Некрасов был членом комитета «Складчины» и редактировал поэтический отдел сборника. Случевский передал на рассмотрение этого комитета семь стихотворений: «Про старые годы», «Рассвет в деревне», «Грозные тучи», «Спетая песня», «Песенка отца», «Цветы на гробу», «В степи зимой». ¹⁷

Важно отметить, что Случевский впервые представил здесь свои стихи за полной подписью. Во «Всемирной иллюстрации» в 1871—1873 гг. он печатался анонимно или подписывался инициалами «А», «И». Отдавая стихи на суд Некрасова, Случевский писал ему 2 февраля 1874 г.: «В случае принятия стихов мне бы хотелось продержать их корректуру, тем более что имею сделать маленькое изменение». ¹⁸ 3 февраля 1874 г. Некрасов сообщил Случевскому об одобрении его стихов (XI, 412), однако одно из них — «Про старые годы» — все же было отклонено. Узнав об этом, Случевский 17 февраля того же года вновь обратился к Некрасову: «Если не поздно, многоуважаемый Николай Алексеевич, то примите прилагаемые стихотворения вместо того, которое не принято и вместо последнего „В степи зимою“». Прочитав это, Некрасов написал на полях: «Поздно».

¹² Там же.

¹³ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Письма, т. IV. М.—Л., 1962, с. 145.

¹⁴ ИРЛИ, 12450, л. 7.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Добиться разрешения на издание книжек для детей Случевскому удалось лишь в 1890 г., см.: ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 8, ед. хр. 628, л. 1.

¹⁷ В собрании П. Я. Дашкова сохранилась авторизованная копия этих стихотворений, представленная поэтом в комитет. На рукописи некрасовские пометы карандашом: «Одобрено, читал Некрасов», «2-ю корректуру с оригиналом Ефремову, одновременно 2-й оттиск Случевскому». Стихотворение «Про старые годы» перечеркнуто карандашом. См.: ИРЛИ, ф. 93, оп. 3, ед. хр. 1134.

¹⁸ Цит. по: О Некрасове, вып. 3. Ярославль, 1971, с. 256. Уточнения в цитату внесены нами по подлиннику: ИРЛИ, ф. 202, оп. 2, ед. хр. 87, л. 1.

«Какое именно стихотворение, — спрашивал Случевский в том же письме, — или часть поэмы, Вами писанные, желали бы Вы видеть иллюстрированными в „Художественной складчине“? Я заявил Комитету Ваш отказ дать новое стихотворение, и тогда было решено иллюстрировать старые».¹⁹

Случевский продолжал беспокоиться о судьбе своих стихов, их корректура имеет многочисленные исправления.²⁰ Посылая корректуру члену комитета П. А. Ефремову, Случевский просил его: «Сделайте одолжение и 1) не сердитесь, что долго держал; 2) наблюдайте за разделением на куплеты, это внешность весьма важная для фактуры, а особенно такого тяжелого стиха, как мой».²¹

Письменных свидетельств о дальнейших взаимоотношениях Некрасова и Случевского нет. Но определенно можно говорить о возрастающем влиянии поэзии Некрасова на творчество Случевского. Это влияние впервые отметил И. С. Тургенев. Давая оценку поэме Случевского «Станция» в письме от 7 января 1861 г., он писал автору: «Не говорю о неточных и некрасивых стихах (самый размер отзывается подражанием Некрасову)...».²² Как нами установлено, в цитированном письме идет речь о поэме, получившей впоследствии название «В снегах»²³ (напечатана в 1879 г.). Влияние Некрасова на автора поэмы «В снегах» очевидно, и выразилось это не только в «размере», но прежде всего в реалистическом отражении подлинных черт народного характера, в отношении поэта к простым, неприметным людям, в нарочитой «прозаизации» языка и характеров героев.

Поэма «В снегах» была написана за границей в конце 1860 г., и вполне возможно, что именно о ней автор писал Некрасову, надеясь опубликовать поэму в «Современнике».

В произведениях Случевского 1880-х годов находим отражение некоторых тенденций некрасовской поэзии. Особенно это заметно в цикле «Черноземная полоса», где можно найти немало некрасовских реминисценций. См., например, одно из стихотворений этого цикла:

Гром по лесу. Гуляет топор!
Дебри леса под пыткой допрошены.
Мощной дрожью объята листва,
Великаны, что травы покошены...

Только сбросят с корней одного,
Вдох его, будто вихрь, вырывается
И прогалину чистит себе
И, раздвинув листву, удаляется.²⁴

Здесь отчетливо слышатся интонации знаменитого эпизода «рубка леса» из поэмы Некрасова «Сапа». В поэтический пейзаж Случевского включены образы людей из народа, занятых тяжелым и опасным трудом. Таковы картины крестьянского труда в «Черноземной полосе», изображение труда рыбаков в «Мурманских отголосках».

Пейзаж Случевского сопоставим с некрасовским пейзажем и со стороны языковой (бытовой словарь, разговорные интонации, прозаические детали). «Главные достоинства Случевского, — писал К. Д. Бальмонт, отмечая развитие некрасовской традиции в наследии поэта, — заключаются в его несравненном умении воссоздать картины русской природы и душу простолюдина, в чисто национальном колорите его поэзии и в глубине философских настроений».²⁵

¹⁹ О Некрасове, вып. 3, с. 257.

²⁰ См.: ИРЛИ, ф. 357, оп. 2, ед. хр. 340.

²¹ Там же, оп. 4, ед. хр. 42.

²² Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Письма, т. IV, с. 175.

²³ В комментариях к письмам Тургенева к Случевскому отмечалось, что присланные поэмы и стихотворения поэта до нас не дошли и не печатались. Однако, сопоставляя упомянутые строки поэм в письмах Тургенева с произведениями Случевского, напечатанными в 1880-х годах, удалось установить, что все они напечатаны под другими названиями. Критические замечания Тургенева были Случевским учтены.

²⁴ Случевский К. К. Соч., т. 1, с. 219—220.

²⁵ Бальмонт К. Д. Горные вершины. СПб., 1904, с. 92—93.

М. М. Гин

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

ДАТА — КОММЕНТАРИЙ

«Песни о свободном слове» в «Современнике» печатались с датой: «Писано в ноябре и декабре 1865 года». Столь точная датировка у Некрасова не редкость, но здесь дата проставлена на не совсем обычном месте — не в конце, под текстом, а в начале, в виде подзаголовка к циклу: «Песни о свободном слове (писано в ноябре и декабре 1865 года)».

Так выглядело заглавие цикла в мартовской книжке «Современника» за 1866 г. Ту же дату — «1865, декабрь» — имела и одна из «Песен», первоначально опубликованных вне цикла, — «Осторожность». Позже, перепечатывая «Песни», автор ослабляет тщательность датировки, в качестве даты указывается только год; однако и здесь он проявляет повышенную скрупулезность: ему почему-то важно, чтобы первые семь «Песен» датировались 1865 г., поэтому дата «1865», выставленная под заглавием, повторена под текстом песни «Осторожность» и относится, очевидно, ко всем предшествующим, в то время как восьмая, заключительная «Песня», «Пропала книга», снабжена собственной датой — «1866».

Любопытная деталь. Недавно ныне покойный А. М. Гаркави обнаружил среди бумаг академика А. Ф. Кони корректуру цикла и высказал в связи с этим убедительное предположение, что она относится к попытке опубликовать цикл до мартовской книжки «Современника» 1866 г. — в конце 1865 — начале 1866 г.¹ Текст «Осторожности» здесь уже имеется, но отсутствуют не только «Пропала книга», но и «Поэт». Это послужило для исследователя веским основанием утверждать, что обе песни тогда, т. е. в 1865 г., еще не были написаны, однако последнюю, в отличие от первой, Некрасов почему-то считал возможным или нужным датировать 1865 г. Почему?

Как известно, цикл вызван новым законом о печати от 6 апреля 1865 г., по которому ряд изданий освобождался от предварительной цензуры, но одновременно вводилась цензура «карательная». Журнал просматривался цензором уже в отпечатанном виде, вследствие этого вся ответственность за опубликованные материалы возлагалась на авторов и редакторов изданий. Органы царской цензуры получили право привлекать их к суду, а также воздействовать административными мерами — вырезать «вредные» журнальные материалы, уничтожать готовые книги. Вводилась система предостережений: после третьего предостережения печатный орган подлежал закрытию.

Реакционные и либеральные публицисты не скупилась на славословия новому закону о печати как освободительной реформе и великому благу.² Однако практика его применения охладила пыл славословий. С 1 сентября начали появляться первые бесцензурные книжки русских

¹ Гаркави А. М. Неизвестные строки Н. А. Некрасова. — В кн.: Жанр и композиция литературного произведения. Калининград, 1976, с. 167.

² Сводку откликов в печати см. в кн.: Лемке М. К. Эпоха цензурных реформ 1859—1865 годов. СПб., 1904, с. 417—426.

журналов, а в ноябре и декабре градом посыпались репрессии, жертвами которых были не только радикальные органы русской журналистики, но и весьма умеренные — славословивший реформу «Голос» А. А. Краевского, «День» И. С. Аксакова.³ Особенно тяжелым было положение таких органов, как «Современник» и «Русское слово». «Современник» 10 ноября получил первое предостережение, 4 декабря — второе. Над журналом нависла реальная угроза закрытия. Имеется свидетельство А. И. Герцена о том, что Некрасов после второго предостережения обратился к министру внутренних дел П. А. Валуеву с просьбой «поставить журнал снова под цензуру. Валуев отказал, ссылаясь на то, что переход „Современника“, „этого свободолюбивого журнала“, под цензурное положение будет равносильно прямому фактическому заявлению, что новое бесцензурное положение русской журналистики хуже старого, цензурного». Одновременно министр предложил «представлять статьи» на его «предварительное рассмотрение».⁴ И все это происходило в ноябре и декабре 1865 г. Поэтому указание «Писано в ноябре и декабре 1865 года» при заглавии цикла не просто дата, а своего рода комментарий, призванный обратить внимание на те факты и события, которыми внушены «Песни о свободном слове». Позже, когда цензурные репрессии в сознании читателей и литераторов связывались не с определенными месяцами 1865 г., а с 1865-м годом в целом, Некрасов снимает дату-подзаголовок, оставляя в качестве даты лишь «1865».

Эти соображения касаются всех «Песен», за исключением одной — «Пропала книга». Она тоже связана с реформой печати, ее тема — сожжение книг, т. е. именно то, что было узаконено законом о печати от 6 апреля; однако в практику цензурные аутодафе вошли начиная со следующего, 1866 г. Если в 1865 г. была уничтожена только одна книга, то с 1866 г. количество цензурных уничтожений книг резко возрастает; именно этим обстоятельством вызвано к жизни стихотворение Некрасова и именно поэтому оно не могло быть написано и датировано ранее 1866 г.⁵

Это не единственный у Некрасова случай даты-комментария. В ранней редакции лирической комедии «Медвежья охота» имеются две редакции исповеди-монолога одного из ее героев — Миши, где между прочим есть такие строки:

Хоть и не выше данной нормы
Я тотчас утвердил надел;
Хвалю судебные реформы,
Быть членом земства я хотел.

К последнему стиху автор впоследствии сделал примечание: «Писано в феврале 1867 года».⁶ Почему так важно датировать не произведение в целом и даже не одно из стихотворений цикла, а один стих, одну строку? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо учесть, что в начале 1867 г. разразился и получил широкую известность конфликт между правительством и Петербургским земством, которое выразило протест против ограничения финансовой деятельности земства и отказалось пересмотреть свой бюджет. В результате все земские учреждения Петербурга были закрыты.⁷ Быть членом земства в это время означало — быть в оппозиции. Примечание, следовательно, и в этом случае имело характер комментария.

³ См.: Материалы для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати, ч. 2. СПб., 1870, с. 119, 122, 126—127.

⁴ Герцен А. И. Полн. собр. соч., т. XIX. М., 1960, с. 31—32.

⁵ См.: Добровольский Л. М. Запрещенная книга в России. М., 1962, с. 53—61. Ср.: Гин М. От факта к образу и сюжету. О поэзии Некрасова. М., 1971, с. 58—59.

⁶ ИРЛИ, ф. 203, оп. 1, № 764, л. 14.

⁷ См.: Веселовский Б. История земства, т. III. СПб., 1911, с. 120—125; Пажи т н о в К. А. Городское земское самоуправление. СПб., [б. г.], с. 88.

НЕИЗВЕСТНАЯ ЭПИГРАММА НЕКРАСОВА

В собрании В. Е. Евгеньева-Максимова среди бумаг Некрасова находилась запись неизвестным лицом следующей эпиграммы:

Твой слог томителен и тяжек...
А узнаем мы лишь одно,
Что много на Руси бумажек,
Но это знают все давно.

Над текстом надпись другой рукой, может быть А. Н. Пыпина: «Экспромт Некрасова по поводу доклада И. И. Кауфмана, читанного в Лит. фонде».⁸

Илларион Игнатьевич Кауфман (1848—1916) — буржуазный экономист и статистик, впоследствии профессор Петербургского университета. Когда и по какому поводу могла быть написана на него приведенная эпиграмма? 5 января 1875 г. И. И. Кауфмана избирали в члены Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литфонд), членом и одним из основателей которого был Некрасов. В связи с этим Кауфман прочел лекцию о состоянии русских финансов. Касаясь ее содержания, газета «Биржевые ведомости» писала: «Состояние наших финансов, по мнению лектора, более блестящее, чем положение финансов английских и даже американских. И. Кауфман, между прочим, проектирует погашение бумажного государственного долга посредством выпуска новых кредитных бумаг для промышленности и торговли; процентами с этих новых бумаг, по его мнению, и должен погашаться ныне существующий ассигнационный долг».⁹

Неоправданно оптимистические и легкомысленные рецепты спасения русских финансов, предложенные Кауфманом, вызвали многочисленные насмешки в печати. Давно известен и не раз перепечатывался другой экспромт Некрасова, беловой автограф которого сохранился в архиве А. Н. Пыпина, а копия (с незначительным разночтением) — в записи П. А. Ефремова:

В стране, где нет ни злата ни сребра,
Речь об изъятии бумажек
Не может принести добра,
Но... жребий слушателей тяжек.

На автографе рукою Пыпина помета: «5 янв. 1875. В собрании Литер. фонда, по поводу финансового чтения Кауфмана» (II, 525, 791—792). Есть веские основания полагать, что автором публикуемой эпиграммы также был Некрасов. Сопоставление текстов убеждает, что перед нами не два варианта одного экспромта, а два экспромта, создававшиеся, очевидно, одновременно, т. е. 5 января 1875 г., во время лекции Кауфмана или сразу после нее.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ЗАМЕТКА НЕКРАСОВА (?)

В 1849 г. редакцией «Современника» был издан «Литературный сборник с иллюстрациями». С этим сборником связана целая история. Приступая к изданию нового журнала, Некрасов известил читателей, что он будет выходить с иллюстрациями. Осуществить это обещание по техническим причинам не удалось, и в качестве компенсации решено было издать для читателей «Современника» «Иллюстрированный аль-

⁸ В настоящее время хранится в Рукописном отделе ИРЛИ (р. I, оп. 20, ед. хр. 107).

⁹ Биржевые ведомости, 1875, 8 января.

манах». На протяжении 1847 и 1848 гг. редакция неоднократно извещала об этом читателей журнала, но альманах так и не появился по цензурным причинам: дважды рассматривался вопрос о нем в цензурном ведомстве, и в итоге он все-таки был запрещен.

Однако Некрасов не мог примириться с этим запретом: необходимо было сдерживать слово, данное подписчикам; кроме того, на сборник возлагались определенные надежды в отношении повышения уровня подписки на журнал. Некрасов продолжил борьбу за него, и в конце концов указанный сборник (под новым названием) был напечатан.¹⁰ В «Современнике», в отделе библиографии, было помещено редакционное извещение о выходе его в свет;¹¹ автором этого извещения, судя по его характеру и по содержанию, должен был быть один из двух редакторов «Современника» — Некрасов или Панаев. И поскольку альманах был детищем Некрасова, поскольку на нем лежали все заботы и хлопоты об этом издании (см. его письма: X, 73—74, 93—95, 108—111, 126, 130; Панаевым подписывались лишь обращения в цензуру, так как он был официальным редактором журнала), есть веские основания полагать, что им же написана и эта редакционная заметка. Строгий деловой стиль текста также свидетельствует об авторстве Некрасова, а не Панаева. Разумеется, при отсутствии документальных данных об авторстве всегда остается место для некоторого сомнения, но, думается, мы вправе предоставить рассматриваемой заметке место в «Dubia» Полного собрания сочинений поэта.

В небольшой редакционной заметке обращает на себя внимание отзвук о «Сне Обломова» Гончарова, опубликованном в «Литературном сборнике с иллюстрациями»:

«„Сон Обломова“, эпизод из неоконченного романа г. Гончарова, эпизод, который, впрочем, имеет в себе столько целого и законченного, что его можно назвать отдельной повестью, — есть образчик того нового произведения, которое, нет сомнения, возобновит, если не усилит, прекрасные впечатления, оставленные в читателях за два года перед этим напечатанною в „Современнике“ „Обыкновенною историею“». И далее: «Кто прочтет „Сон Обломова“ <...> тот убедится, что талант г. Гончарова не только не клонится к упадку, но обнаруживает более зрелости. В этом эпизоде снова является во всем своем художественном совершенстве перо-кисть г. Гончарова, столько замечательная в отделке мельчайших подробностей русского быта, картин природы и разнообразных живых сцен. Мы удерживаемся хвалить этот эпизод только потому, что он помещен в нашем издании».

Эта очень точная и, мы бы сказали, даже проницательная характеристика главы-эпизода, с удивительным предчувствием будущего романа, по-видимому, принадлежит Некрасову.

¹⁰ См.: Евгеньев-Максимов В. «Современник» в 40—50 гг. Л., 1934, с. 249—254; Долгих У. М. Цензурная история некрасовского «Иллюстрированного альманаха». — Русская литература, 1977, № 2, с. 122—126.

¹¹ Современник, 1849, № 4, отд. III, с. 96—98 (без подписи).

Б. Я. Бухштаб

ЧУЖИЕ СТРОКИ В СТИХАХ НЕКРАСОВА

В стихах Некрасова нередко встречаются словосочетания, входящие в ранее написанные стихи других авторов. Особенно заметны иронические цитаты, контрастирующие с некрасовским контекстом по эмоциональному тону, в сатирических и юмористических стихах Некрасова. Такие цитаты Некрасов обычно выделяет кавычками или курсивом, нередко указывая и источник цитаты в подстрочном примечании.

Вот как описывается в сатирической поэме «Суд» появление жандармского офицера в квартире автора:

«Однажды, зимним вечерком»
Я перепуган был звонком...
· · · · ·
Вечерний звон! вечерний звон!
Как много дум наводит он!
· · · · ·
«Не бойся ничего! поверь,
Всё пустяки!» — шепчу жене,
Но голос изменяет мне.
Иду — и отворяю дверь...
Одно из славных русских лиц
Со взором кротким без границ,
Полуопущенным к земле,
С печатью тайны на челе...

(II, 296—297)

К строкам, набранным курсивом, даны примечания: «Козлов», «Лермонтов», «Веневитинов». Источники цитат указаны в комментариях (см.: II, 705). Первая строка, взятая Некрасовым в кавычки, не снабжена примечанием, и комментаторами ее источник не раскрыт. Может быть, это аллюзия на «Светлану» Жуковского («Раз в крещенский вечерок...»)?

Приведу еще один случай выделенной поэтом цитаты, не раскрытой ни им, ни комментаторами.

«Натиск лют и гнет велик...»

В написанном Некрасовым в 1854 г. юмористическом стихотворении «Признания труженика», посвященном гастрономическим подвигам гомерического обжоры, герой перед клубным обедом взывает к своему желудку:

Ну, теперь, желудок мой, — смелей!
Предстоит тебе — не ужасайся! —
«Натиск лют и гнет велик», — раздайся!

(I, 395—396)

Кавычки, в которые взяты слова «Натиск лют и гнет велик», свидетельствуют о том, что в стихи введен чужой текст и автор хочет, чтобы читатель это почувствовал, хотя бы включенный текст и не был ему знаком.

До сих пор источник цитаты не был установлен. Она взята из стихотворения Каролины Павловой «Разговор в Кремле», напечатанного в том же 1854 г. В этом году вышел ряд брошюр, содержавших шовинистические стихи, связанные с тогдашней войной. Отдельной брошюрой было издано и большое стихотворение К. Павловой.

Стихотворение это отличается обширной исторической эрудицией и — как обычно у Павловой — эффектными рифмами, но отнюдь не оригинальностью концепции. По своей направленности оно точно соответствует официальной идеологии и официозным тезисам о причинах и смысле происходившей войны.

Разговор, составляющий содержание стихотворения Павловой, происходит в 1830-е годы в Кремле, и ведут его русский, англичанин и француз. Они смотрят, как народ «единоверною семьей» выходит из Успенского собора, и английский лорд неприятно поражен «смешением сословий» в России.

Разговор идет о русском народе. Признавая его мощь, силу его государства, оба иностранца утверждают, что духовно русские ничем не обогатили мир, не выдвинули имен, чтимых культурным человечеством, не участвовали в духовных движениях христианского Запада, в частности в борьбе с мусульманами в крестовых походах; жизнь России не знает изменений, в ней нет движения вперед. Русский участник спора склонен все это признать, но не осудить. Перемены, считает он, не нужны русскому народу, этот народ верен старине:

Осталось свято сердцу внука,
Что было свято для отцов.¹

Русские живут,

Не изменяясь в род из рода,
Любя и веруя, как встарь...

(С. 160)

И больших имен Россия действительно не выдвигает:

Сердца народа согревая,
В них здесь глубоко вмещено
Одно лишь имя: Русь святая!
И не забудется оно.

Да возвеличится Россия,
И гибнут наши имена!

(С. 164—165)

Русский народ не раздирает, как западные народы, вражда сословий; здесь

... радостно вельможа знатный
Целует нищего в уста,

(С. 161)

христосуясь с ним.

Особенно развивает Павлова тему крестовых походов, нужную ей для связи с темой текущей войны. Русские не имели возможности участво-

¹ Павлова К. К. Полн. собр. стихотворений. М.—Л., 1964 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 160 (далее при ссылках на это издание страницы указываются в тексте в скобках).

вать в крестовых походах, но скоро — пророчествует оппонент иностранцев — у русских будет свой крестовый поход против мусульман, а потомки крестоносцев будут воевать против христианской России «в рядах защитников Луны». Любой исход этой войны будет позором для западных христиан:

Постыдно будет им паденье,
Постыдней ратный их успех.

(с. 167)

Слова, которые Некрасов включил в «Признания труженика», звучат у Павловой в таком контексте:

Когда крестового похода
На Западе раздался клик, —
В пределах русского народа
Был натиск лют и гнет велик:
Страну губили печенеги,
Свирепых половцев орды,
И венгров буйные набегы,
И смуты княжеской вражды.

(с. 163)

Впоследствии Добролюбов едко пародировал ура-патриотические стихи эпохи Крымской войны, в особенности стихи А. Н. Майкова и Хомякова.² В 1854 г. еще нельзя было и помыслить о таких пародиях, во всяком случае об их напечатании. Насмешка Некрасова была введена в «невинное» юмористическое стихотворение и так же запрятана, как и некоторые другие «недозволительные» намеки.³

Некрасов выбрал из большого стихотворения особенно велеречивую фразу. Краткие прилагательные «лют» и «велик» в контексте «Был натиск лют и гнет велик» можно понять в двойном грамматическом значении: как части составных сказуемых и как определения к подлежащим. Второе более уместно, поскольку по смыслу фразы логическое ударение падает здесь скорее на существительные. В контексте же Некрасова возможно только это второе понимание. Архаическое звучание кратких прилагательных в функции определений выявляет фальшивую торжественность стиля «Разговора в Кремле», типичную для лжепатриотических стихов.

Ср. тот же прием в пародийной эпиграфий из «Недавнего времени»:

«Здесь обрел даровую квартиру
Муж злокачествен, подл и плешив,
И оставил в наследие миру
Образцовых доносов архив».

(II, 337)

Нередко у Некрасова цитируются или перефразируются чужие тексты, с которыми поэт полемизирует, на которые подает реплики или от которых отталкивается. Пунктуационное или типографское выделение таких текстов воспринималось бы как слишком педализующее средство. К таким случаям относится указанная К. И. Чуковским аллюзия на Пушкина в некрасовской «Музе»:

Она гармонии волшебной не учила,
В пеленках у меня свирели не забыла...

(I, 61)

² См.: Бухштаб Б. Я. Н. А. Добролюбов. — В кн.: Добролюбов Н. А. Полн. собр. стихотворений. Л., 1969, с. 30.

³ См. об этом: Бухштаб Б. Я. К истории стихотворения Н. А. Некрасова «Признания труженика». — В кн.: О Некрасове. Статьи и материалы. Вып. III. Ярославль, 1971, с. 193—194.

Здесь Некрасов несомненно отталкивается от пушкинского стиха «И меж пелен оставила свирель» («Наперсница волшебной старины»).⁴

Приведу случай повторения слов, которые могли быть взяты и из стихотворения Пушкина, и из стихотворения Лермонтова, — скорее из последнего.

«Ах! чтó изгнанье, заточенье!..»

Стихотворение Некрасова построено как реплика: кто-то говорит поэту о грозящих ему бедах — изгнании, заточении, а он противопоставляет этим бедам более тяжкое несчастье:

Ах! чтó изгнанье, заточенье!
Захочет — выручит судьба!
Но той руки удар смертелен,
Которая ласкала нас!

(II, 356)

В стихотворении Пушкина «Ответ анониму» читаем:

Постигнет ли певца незапное волненье,
Утрата скорбная, изгнанье, заточенье, —
«Тем лучше, — говорят любители искусств, —
Тем лучше! наберет он новых дум и чувств
И нам их передаст».⁵

У Лермонтова повторена и мысль Пушкина, и самые слова «изгнанье, заточенье». В стихотворении «Журналист, читатель и писатель» посетивший больного поэта журналист начинает беседу словами:

Я очень рад, что вы больны —

и поясняет свое странное признание:

В заботах жизни, в шуме света
Теряет скоро ум поэта
Свои божественные сны.
Среди различных впечатлений,
На мелочь душу разменяв,
Он гибнет жертвой общих мнений!
Когда ему в пылу забав
Обдумать зрелое творенье?
Зато, какая благодать,
Коль небо вздумает послать
Ему изгнанье, заточенье,
Иль даже долгую болезнь:
Тотчас в его уединенье
Раздастся сладостная песнь!⁶

Цитаты из русских поэтов в стихах Некрасова не впервые являются объектом исследования.⁷ В данной статье я хочу привлечь внимание к особому роду цитат, интересному не только для истории литературы, но и для психологии творчества, — к произвольным цитатам, т. е.

⁴ См.: Чуковский К. И. Мастерство Некрасова. Изд. 4-е. М., 1962, с. 52—53.

⁵ Пушкин. Полн. собр. соч., т. III. М.—Л., 1949, с. 180.

⁶ Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч., т. II. М.—Л., 1936, с. 70—71.

⁷ См.: Чуковский К. И. Пушкин и Некрасов. — В кн.: Чуковский К. И. Мастерство Некрасова, с. 41—53; Бухштаб Б. Я. Начальный период сатирической поэзии Некрасова (1840—1845). — В кн.: Некрасовский сборник, вып. II. М.—Л., 1956, с. 134—139; Гаркави А. М. Разыскания о Некрасове. — Учен. зап. Калнингр. гос. пед. ин-та, 1961, вып. 9, с. 48—49.

таким текстам, цитатность которых не осознается поэтом. Я имею в виду такие случаи, когда поэт принимает чужие запомнившиеся ему строки за собственные, за результат творческого акта. Там, где нет установки на чужой текст, на цитату, на реплику, на пародию, дело обычно обстоит именно так. Большой художник всегда может найти и ввести в стихи синонимическое выражение, а опасаться выдать чужой текст за свой естественно: ведь читатель, обнаруживший подобное совпадение, легко может принять совпадающий текст за плагирированный. Даже в случае автоцитаты может возникнуть недоверие к творческой силе поэта, не сумевшего высказать свои мысли и чувства иначе, как позаимствовав выражения из прежних своих произведений. Поэтому подобные заимствования, как правило, бессознательны.

Я озаглавил эту статью «Чужие строки в стихах Некрасова» потому, что чужие тексты обычно запоминаются и бессознательно воспроизводятся целыми строками, в той же метрической форме. Это, конечно, не значит, что чужой текст не может в подобном случае подвергнуться каким-либо изменениям.

Приведу несколько замеченных мною случаев «чужих строк» у Некрасова.

«Вон из тела душа просится...»

Это строка из стихотворения «Дума» («Сторона наша убогая...», 1861), написанного от лица голодного безработного парня, мечтающего наняться в работники к купцу Семипалову, где он надеется есть досыта. Сытость семипаловских работников он представляет себе так:

У купца у Семипалова
Живут люди не говеючи,
Льют на кашу масло постное
Словно воду, не жалеючи.

В праздник — жирная баранина,
Пар над щами тучей носится,
В пол-обеда распояшутся —
Вон из тела душа просится!

(II, 102)

Стихотворение грустное, но представляющаяся восхищенному взору героя картина насыщения семипаловских работников написана с мягким юмором, особенно ощутимым в двух последних из цитированных строк. Между тем строка «Вон из тела душа просится» совпадает со строкой из стихотворения Кольцова «Измена суженой» (1838), где эта строка, как и все стихотворение, глубоко трагична. Вот контекст:

Пала грусть-тоска тяжелая
На кручинную головушку;
Мучит душу мука смертная.
Вон из тела душа просится.⁸

Стихотворение Кольцова было хорошо известно русскому читателю, да еще и положено на музыку популярным композитором Гурилевым.

Несмотря на эту известность, а вернее благодаря ей, надо думать, что Некрасов не помнил, не осознавал, что включает в свое стихотворение кольцовский стих. В противном случае он должен был бы считаться с тем, что читатели могут воспринять это как насмешливую ци-

⁸ Кольцов А. В. Полн. собр. стихотворений. Л., 1939 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 98.

тату, переводящую трагическое звучание в комическое. Это воспринималось бы как издевка над Кольцовым, которого Некрасов высоко чтит и песни которого называл «вещими» (II, 32).

«По торговым селам, по большим городам...»

Иного рода случай — в стихотворении Некрасова «Огородник» (1846). Здесь тоже есть строка — если не точно повторяющая кольцовский текст, то очень близкая к нему. У Кольцова в стихотворении «Что ты спишь, мужичок?..» (1839) читаем:

Вспомни время свое:
Как катилось оно
По полям и лугам
Золотою рекой!

Со двора и гумна
По дорожке большой
По селам, городам,
По торговым людям!⁹

А у Некрасова:

По торговым селам, по большим городам
Я недаром жывал, огородник лихой... .

(I, 23)

Здесь та же «перетяжка» ударения (*селам*), характерная для фольклора и для поэзии, ориентированной на фольклор. Отмечу, что в сопоставляемых двух стихотворениях имеется и другая одинаковая «перетяжка». У Кольцова:

Ведь соседи твои
Работают давно;¹⁰

у Некрасова:

Я в немецком саду работал по весне.¹¹

(I, 23)

Здесь уже нельзя быть уверенным в том, что аллюзии нет и сходство возникло без ведома поэта.

Вместе со стихотворением «В дороге» «Огородник» открывает в творчестве Некрасова линию произведений из народной жизни, написанных в форме крестьянского сказа. В «Огороднике» более чистый сказ, чем в стихотворении «В дороге», где рассказ ямщика обрамлен обращенными к нему словами проезжего барина. В «Огороднике» чувствуется кольцовская традиция, и, может быть, Некрасов не прочь подчеркнуть ее, вызвав у читателя реминисценцию.

«В своем заколдованном сне...»

Стих этот очень заметный и памятный. Им ведь заканчивается «Мороз, Красный нос». А это тоже чужая строка — из стихотворения К. К. Случевского «Статуя» — поэтической сказки о статуе раненого молодого гладиатора, стоящей над водой. Каждую ночь из воды выходит русалка

⁹ Там же, с. 122.

¹⁰ Там же, с. 121.

¹¹ Ср. в том же стихотворении форму с обычным ударением: «Пособи мужику, поработай часок» (I, 24).

И, к статуе грудь прижимая,
Носю ей плечи обвив,
Томится она и вздыхает,
Глубокие очи закрыв.

И видят полночные звезды,
Как просит она у него
Ответа, добзанья и чувства
И как обнимает его.

И видят полночные звезды
И шепчут двурогой луне,
Как холоден к ней гладиатор
В своем заколдованном сне.¹²

Совпадение любопытное: ведь стихотворение «Статуя» было напечатано в январском номере некрасовского «Современника» за 1860 г., т. е. только за три года до того, как строка из этого стихотворения попала в поэму Некрасова. Поэтому отпадает возможность предположить, что Некрасов сознательно использовал понравившийся ему чужой стих: ведь это легко могли заметить читатели «Современника». О сознательном цитировании здесь, очевидно, не может быть речи. С другой стороны, здесь не может быть случайного совпадения двух строк: текст слишком своеобразен и индивидуален. Странно уже выражение «в заколдованном сне»: заколдован ведь не сон, а спящий; но присоединение еще как будто бы не требуемого смыслом местоимения «своем» окончательно индивидуализирует эту синтагму.

Значит, мы имеем и здесь дело со своеобразным явлением психологии творчества, когда текст запомнился поэту, но воспринимается им не как запомнившийся, а как новосозданный.

Есть еще один признак того, что заключительная строка «Мороза, Красного носа» — это строка чужая, удержавшаяся в памяти и восприятая как творческая находка. Есть в ней некоторая чужеродность; она не вполне сливается с предыдущей строкой.

Случевский говорит о статуе как о живом человеке:

Он ранен в тяжелом бою,
Он силится брызнуть водою
В глубокую рану свою.¹³

О белизне мрамора говорится как о белизне тела:

И долго два чудные тела
Белеют над спящей водой...¹⁴

Статуя — словно бы живой человек, погруженный в непробудный сон; слова «в своем заколдованном сне» поддерживают это впечатление.

Иначе с Дарьей. Слово «сон» в русском языке имеет два значения: состояние и сновидение. Они резко дифференцированы и грамматически: только во втором значении «сон» имеет множественное число.

В стихотворении Случевского «сон» имеет первое значение; Дарья же и погружена в сон и видит сон. И когда поэт говорит:

А Дарья стояла и стыла
В своем заколдованном сне, —

(II, 199)

¹² Случевский К. К. Стихотворения и поэмы. М.—Л., 1962, с. 150—151.

¹³ Там же, с. 150.

¹⁴ Там же, с. 151.

получается некоторая нечеткость: ведь стынет Дарья наяву, а во сне, который она видит, ей тепло:

В сверкающий иней одета,
Стоит, холодеет она,
И снится ей жаркое лето...

(II, 195)

Спутанность значений слова «сон» едва заметна, но думается, что если бы над поэтом не тяготела чужая фраза, он избежал бы этой легкой двусмысленности.

«Не торгуйся, не скупись...»

Любовная сцена, которой начинаются «Коробейники», идет в тоне шутиwego торга:

Цены сам платил немалые,
Не торгуйся, не скупись:
Подставляй-ка губы алые,
Ближе к милому садись!
.....
Катя бережно торгуется,
Все боится передать.
Парень с девицей целуется,
Просит цену набавлять.

(II, 124)

Такой сюжетный мотив, может быть, возник под влиянием чужой строки.

В лирической драме А. Н. Майкова «Три смерти», опубликованной в 1857 г., трем приговоренным к смерти — философу Сенеке, поэту Лукану и эпикурейцу Люцию — император Нерон разрешает самим покончить с собой любым способом. Люций решает выпить отраву в конце роскошного пира, который он устроит для своих друзей. Давая распоряжения своему управителю, Люций велит ему не жалеть денег на самые лучшие яства и вина:

Да не торгуйся, не скупись,
Чтоб ужин вышел баснословный!..¹⁵

«Зажглися звезды чистые...»

В поэме «Кому на Руси жить хорошо» читаем:

Уж ночь давно сошла,
Зажглися звезды частые
В высоких небесах...

(III, 157)

Средняя строка повторяет стих Фета из стихотворения «Теплым ветром потянуло...» (1842) с перестановкой слов в соответствии со стихотворным размером. У Фета:

Звезды частые зажглися
По навесу мглы.¹⁶

¹⁵ Майков А. Н. Избр. произв. Л., 1977, с. 460.

¹⁶ Фет А. А. Полн. собр. стихотворений. Л., 1959, с. 170.

Порознь образы «звезды зажглися» и «звезды частые» могли бы совпасть у двух поэтов случайно, тем более что эпитет «частые» применяется к звездам в фольклоре; но случайное совпадение всего комплекса маловероятно.

Стихотворение Фета было, без сомнения, известно Некрасову. Оно вошло в собрание стихотворений Фета 1850 г., над текстом которого Некрасов вместе с Тургеневым и другими сотрудниками «Современника» трудился в качестве редактора, подготавливая новое издание, вышедшее в 1856 г., куда стихотворение тоже вошло.

«Не дубровушки шумят...»

6-я главка «Коробейников» начинается так:

Не тростник высок колышется,
Не дубровушки шумят, —
Молодецкий посвист слышится,
Под ногой сучки трещат.

(II, 135)

Второй стих почти совпадает со строкой из стихотворения третьестепенного поэта 1830-х годов С. Н. Стромиллова. Об этом поэте Некрасов упоминает в шуточном стихотворении начала 1850-х годов «Мне жаль, что нет теперь поэтов...», в котором перечисляются мельчайшие поэты предыдущей эпохи:

С семьей забвенных старожил
Скорблю на склоне дней моих,
Что лирой пренебрег Стромиллов,
Что Печенегов приутих,
Что умер бедный Якубович,
Что запил Константин Петрович,
Что о других пропал и след,
Что вету госпожи Падерной,
У коей был талант примерный,
И Розена барона нет...

(IX, 238—239)

Но, как это нередко бывает, поэт, не оставивший следа в истории литературы и прочно забытый, привлек внимание крупных композиторов и явился автором текста известных романсов. На слова Стромиллова шесть произведений написал А. А. Алябьев и три — А. Е. Варламов, в том числе две популярнейшие песни — «Зачем сидишь до полуночи» и «То не ветер ветку клонит». Вот начало последней:

То не ветер ветку клонит,
Не дубравушка шумит —
То мое сердечко стонет,
Как осенний лист дрожит.¹⁷

Второй стих этой песни в слегка измененном виде повторен Некрасовым.

Отмечу, что «дубрава» и «дуброва» трактуются словарями русского языка как фонетические дублеты одного слова, а замена единственного числа множественным в контексте Некрасова не изменяет значения, поскольку речь идет не о конкретной роще.

Вспоминается, естественно, песня «Не шуми, мати зеленая дубровушка...», заимствованная Пушкиным из фольклорного сборника и вве-

¹⁷ Песни и романсы русских поэтов. М.—Л., 1965, с. 571.

дешная в текст «Капитанской дочки». Но у Стромиллова и у Некрасова образ фигурирует в ином качестве: здесь не побудительное обращение, а отрицательное сравнение.

«Умер и в землю зарыт...»

Здесь автореминисценция. Эта строка — из стихотворения 1854 г. «В деревне». Мать оплакивает сына, погибшего на охоте:

Умер, Касьяновна, умер, сердешная,
Умер и в землю зарыт!

(I, 87)

И тот же стих почти через десятилетие попадает в плач жены по мужу в «Морозе, Красном носе»:

Умер, не дожил ты веку,
Умер и в землю зарыт!

(II, 184)

Предложенный обзор «чужих слов» у Некрасова является сводом разновременных наблюдений автора статьи и не может, разумеется, ни в какой мере претендовать на полноту охвата материала.

В заключение приведу два примера того, как стихи Некрасова в свою очередь становятся источником цитат и аллюзий у больших русских поэтов XX в. — Пастернака и Цветаевой, причем в одном случае мы имеем явную аллюзию, в другом — заимствование сознательное или бессознательное, но во всяком случае не претендующее на сопоставление с источником. Последний случай — у Пастернака. Раннее его стихотворение «Лирический простор» начинается так:

Что ни утро, в плененьи барьера,
Непогод обезбрежив брезент,
Чердаки и кресты монгольфьера
Вырываются в брезжущий тент.

Их напутствуют знаком беспалым,
Возвестившим пожар каланче,
И прощаются дали с опалом
На твоей догоревшей свече.¹⁸

Слова «Возвестившим пожар каланче» восходят к стихотворению Некрасова «Утро»:

Начинается всюду работа;
Возвестили пожар с каланчи;
На позорную площадь кого-то
Провезли — там уж ждут палачи.

(II, 359)

Измененная цитата из Некрасова вряд ли поможет пониманию текста Пастернака, несмотря на общность темы городского утра.

Иначе у Цветаевой. Вот ее стихотворение 1920 г.:

У первой бабки — четыре сына,
Четыре сына — одна лучина,

Кожух овчинный, мешок пеньки, —
Четыре сына — да две руки!

¹⁸ Пастернак Б. Л. Стихотворения и поэмы. М.—Л., 1965, с. 496—497.

Как ни навалишь им чашку — чисто!
Чай, не барчата! — Семинаристы!

А у другой — по иному трахту! —
У той тоскует в ногах вся шляхта.

И вот — смеется у камелька:
«Сто богомольцев — одна рука!»

И зацелованными руками
Чудит над клавишами, шелками...

Обеим бабкам я вышла — внучка:
Чернорабочий — и белоручка!¹⁹

Это аллюзия на слова о Белинском из «Медвежьей охоты» Некрасова:

Ты не гнушался никаким трудом:
«Чернорабочий я — не белоручка» —
Говаривал ты нам — и напролом
Шел к истине, великий самоучка!

(II, 279)

Здесь, впрочем, возможна и опосредованная связь с некрасовским текстом — через «стихотворение в прозе» из «Senilia» Тургенева «Чернорабочий и белоручка».

¹⁹ Цветаева М. И. Избр. произв. М.—Л., 1965, с. 153—154.

М. Д. Эльзон

ОБ ЭПИГРАММЕ «ОН У НАС ОСЬМОЕ ЧУДО...»*

24 октября 1845 г. Некрасов направил редактору еженедельника «Иллюстрация» Н. В. Кукольникову письмо следующего содержания: «Милостивый государь Нестор Васильевич! Не угодно ли Вам напечатать в нынешнем № „Иллюстрации“ следующее стихотворение:

* * *

Он у нас осьмое чудо:
У него завидный нрав.
Неподкупен — как Иуда,
Храбр и честен — как Фальстаф,
С бескорыстностью жидовской,
Как хавровья мил и чист,
Даровит — как Тредьяковской,
Столько ж важен и речист.
Не страшитесь с ним союза —
Не раздрадитесь никак:
Он с французом — за француза,
С поляком — он сам поляк,
Он с татаринном — татарин,
Он с евреем — сам еврей,
Он с лакеем — важный барин,
С важным баринном — лакей.
Кто же он?

Если ж Вы почему-либо найдете неудобным напечатать это стихотворение в нынешнем №, то уж не печатайте его вовсе. Ваш покорнейший слуга Н. Некрасов. Октября 24 1845» (X, 47).¹

Предыдущий, 28-й номер журнала вышел 20 октября. Некрасов просил опубликовать эпиграмму в № 29, который должен был выйти 27 октября. Однако Н. В. Кукольник не выполнил этой просьбы. Вместо эпиграммы в указанном номере (раздел «Переписка») появился ответ «г. Н. Н—ову». Он обнаружен А. М. Гаркави и цитируется мною по его публикации: «Странно, если думаете, что „Иллюстрация“ увлекается духом личности, и потому только, что творец всякой всячины (т. е. Ф. В. Булгарин, который вел в «Северной пчеле» раздел под названием «Журнальная всякая всячина», — *Примеч. А. М. Гаркави*) с приличною ему горячностью нападет на наших наборщиков, мы уже готовы поместить все, чем только раздраженное самолюбие авторов желает поразить творца всякой всячины. Таким образом, пожалуй, еще творец всякой всячины рассердится и перестанет писать против „Иллюстрации“; останется подписка; с тех пор как после каникул всякая всячина вооружилась противу „Иллюстрации“, прибавилось сто пятьдесят подписчи-

* Изложенные здесь текстологические наблюдения использованы (с согласия А. М. Гаркави) при подготовке 1-го тома Полного собрания сочинений и писем Некрасова в 15-ти т. (Л., 1981, с. 33, 469, 579). (Ред.).

¹ Автограф см.: ГПБ, ф. 402, № 28.

ков. Это факт, а не шутка! Так неужели вы хотите рассорить нас со всякой всячиной? — Что мы вам сделали такого? Чем обидели? Извините».²

По остроумному наблюдению А. М. Гаркави, Н. В. Кукольник все-таки напечатал эпиграмму, точнее, перепечатал ее — в своей рецензии на сборник «Первое апреля» (под редакцией Некрасова), где эпиграмма была опубликована в составе цикла «Портретная галерея» («Он у нас осьмое чудо...», «Ходит он меланхолически...», «Стихотворение, *заимствованное* из Шиллера и Гете», «Ростовщик»)³.

Проанализировав письмо Некрасова и ответ Н. В. Кукольника, А. М. Гаркави пришел к выводу, что поскольку Некрасов, рассчитывавший на публикацию эпиграммы в еженедельнике, не назвал автора, — значит, он учитывал возможность ее появления за своей подписью, и, следовательно, стихотворение принадлежало ему, а не А. И. Кронебергу, как это предполагалось.⁴ К этому доводу можно добавить, что сам Н. В. Кукольник считал Некрасова автором и так ему и отвечал.

Мое внимание в ответе Некрасову привлекли слова о «раздраженном самолюбии». Судя по контексту, это могло относиться только к какому-то известному Н. В. Кукольнику эпизоду из отношений Некрасова и Ф. В. Булгарина. Возможно, ему был известен какой-либо резкий выпад против Некрасова в болгаринской «Северной пчеле», причем допущенный в одном из последних номеров газеты (не случайно в коротком письме Некрасов дважды упоминает «нынешний №», т. е. это выглядит как высказанное желание ответить немедленно или не отвечать вообще). И действительно, в трех номерах «Северной пчелы», за 17—19 октября 1845 г. (№ 234—236), обнаружилась большая, резко отрицательная рецензия на «Физиологию Петербурга», где «Я. Я. Я.» (т. е. Л. В. Брант) подверг буквально шельмующей критике Некрасова-редактора. Знал ли Некрасов, кто скрывался под столь вызывающим псевдонимом, неизвестно. Своей эпиграммой он «гвоздил» не критика, а редактора официоза, благословившего появление этого форменного пасквиля в печати. Поэтому можно думать, что эпиграмма «Он у нас осьмое чудо...» была написана между 19 и 24 октября 1845 г.

* * *

Как известно, и текст эпиграммы в письме к Н. В. Кукольнику, и публикация в «Первом апреля» завершаются вопросом: «Кто же он?», за которым следуют полторы строки точек. Стихотворение написано в форме загадки; разгадка скрыта в рифмах, расположенных так, чтобы у читателя непроизвольно возникал ответ: Булгарин (или Фиглярин) Фаддей. Между тем, начиная с издания 1927 г., когда эпиграмма была

² Гаркави А. М. Заметки о Н. А. Некрасове. III. Об эпиграмме на Булгарина «Он у нас осьмое чудо...». — В кн.: Некрасовский сборник, вып. III. М.—Л., 1960, с. 268. По мнению, высказанному безвременно ушедшим исследователем, ответ «г. Н—ову», помещенный там же через месяц, 24 ноября, также относился к Некрасову, однако с этим трудно согласиться — иначе следует признать, что все «послания» Н. В. Кукольника к корреспондентам, чьи фамилии начинались на «Н» и кончались на «ов» (а их нетрудно обнаружить, просматривая раздел «Переписка»), являются ответами Некрасову на не дошедшие до нас письма... Существенно, что и сам А. М. Гаркави не комментировал странный ответ «г. Н—ову»: «Нос. Не повесть Гоголя, а просто нос» (там же). Значит, Некрасов еще раз предлагал напечатать эпиграмму? Но об этом ничего не известно.

³ Первое апреля. СПб., 1846, с. 26—31. Рецензию см.: Иллюстрация, 1846, № 16, 4 мая, с. 250—251.

⁴ Подробнее об этом см. в сообщении А. М. Гаркави (Некрасовский сборник, вып. III, с. 266—268).

впервые включена в собрание стихотворений Некрасова, она печатается с конъектурой:

«Фаддей Булгарин,
Знаменитый наш Фаддей».⁵

При этом в комментариях дается отсылка к «Литературному вестнику» (1903, № 1) и указывается, что в «Русском архиве» (1901, № 11) она помещена с окончанием:

То сам Булгарин
Венедиктович Фаддей.

Следовательно, отдано предпочтение более удачному варианту.

Между тем известны и другие варианты. Так, в «Полярной звезде» Е. А. Салиаса де Турнемира она была напечатана (в качестве пушкинской) с заглавием «Ф. В. Булгарину», но без последних слов («Кто же он?»).⁶ В списке из архива Олениных эпиграмма снабжена заголовком «Булгарин» и после «Кто же он?» до конца строки проставлены точки.⁷ Отсюда следует вывод, что адресат эпиграммы был общеизвестен, но не каждый считал нужным ее дописывать.

В заключение остановлюсь на обстоятельствах появления общепринятого ныне варианта окончания.

В 1902 г. в ярославской газете «Северный край» под рубрикой «К некрасовским дням» появилась следующая заметка: «Эпиграмма Н. А. Некрасова „Он у нас осьмое чудо...“, на Ф. В. Булгарина, была первоначально напечатана в сборнике „Первое апреля“ (следует точное библиографическое описание, — М. Э.). Из переписки Некрасова, хранящейся в императорской Публичной библиотеке, видно, что стихотворение это написано ранее 1846 года; поэт в письме к Н. В. Кукольникову от 24 октября 1845 года предлагает его напечатать в издававшейся Кукольниковом „Иллюстрации“ с заменой рядом точек разгадки эпиграммы:

Он с лакеем важный барин,
С важным барином лакей.
Кто же он?

Пропущенные слова, означенные точками, были:

Фаддей Булгарин,
Знаменитый наш Фаддей».⁸

Кто сообщил редакции содержание письма Некрасова — неизвестно. Возможно, это тот же «г. Чуриловский», который прислал ранее копии писем к А. А. Краевскому и эпилог к поэме «Мороз, Красный нос» из того же собрания.⁹ Важно другое: появилось заведомо ложное сообщение о том, что в письме Некрасова к Н. В. Кукольникову был не только текст загадки, но и отгадки. Полностью письмо было опубликовано позднее А. А. Измайловым — естественно, без всякой «отсебятины».¹⁰ Тогда же (возможно, одновременно) появилась перепечатка заметки в «Литературном вестнике».

Таким образом, эпиграмму на Ф. В. Булгарина следует печатать в том виде, как она зафиксирована в письме Некрасова к Н. В. Кукольникову и опубликована в альманахе «Первое апреля».

⁵ См. также: Русская эпиграмма (XVIII—XIX вв.). Л., 1958, с. 233; Русская эпиграмма второй половины XVII—начала XX в. Л., 1975 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 442. В некоторых изданиях угловые скобки отсутствуют.

⁶ Полярная звезда, 1881, № 2, с. 2.

⁷ ГПБ, ф. 542, № 918.

⁸ Северный край, 1902, 12 (25) ноября, № 298.

⁹ Там же, 1902, 28 октября (10 ноября), № 283.

¹⁰ Письма Н. А. Некрасова. — Ежемесячные сочинения, 1903, № 1, с. 62—63. Самые ранние сведения о письме (с кратким изложением содержания) см.: Отчет имп. Публичной библиотеки за 1884 г. СПб., 1887, отд. I, с. 144—145.

Ю. В. Лебедев

О ПОЛЕМИЧЕСКОМ ПОДТЕКСТЕ ПОЭМЫ «КРЕСТЬЯНСКИЕ ДЕТИ»

Летом 1861 г. Н. А. Некрасов написал поэму о крестьянских детях. В сохранившемся автографе она называлась «Детской комедией» и датировалась рукою поэта: «1861. Грешнево. 14 июля». Окончательный вариант заглавия — «Крестьянские дети» — появился в первой публикации (журнал «Время», 1861, октябрь).

Что послужило толчком к возникновению замысла поэмы? Может быть, детские воспоминания, столь естественные по возвращении поэта в родные места, или действительный факт его встречи с крестьянскими ребятишками во время охотничьих странствий в одной из «спопутных» деревень? На этот счет мы вольны высказывать самые разнообразные предположения, но все они будут лишены фактической точности: никаких автобиографических признаний Некрасов нам не оставил. О творческой истории «Крестьянских детей» не упоминают в своих мемуарах и люди, хорошо знавшие подробности интимной жизни поэта.

Убедительным источником здесь может оказаться русская журналистика, нередко служившая своеобразным первоисточником к оформлению тех или иных творческих замыслов Некрасова. Современная критика не раз обращала внимание на эту особенность некрасовской музыки. Реакционеры и либералы видели в этом свидетельство ее творческой бескрылости. В. Г. Авсеенко, например, в статье «Поэзия журнальных мотивов», опубликованной в «Русском вестнике», писал: «Поэтическая деятельность г. Некрасова так тесно сплелась с судьбами петербургской журналистики, что ее нельзя рассматривать вне этой связи».¹ На основании этого недоброжелательно относившийся к Некрасову критик утверждал, что тем самым поэт «принимал впечатления жизни из вторых рук», что его стихи умирают с уходом в прошлое «журнальных идей», служивших для поэта «единственной духовною пищей».² Нет необходимости доказывать сейчас нелепость «авсеенковских» прогнозов. Их опровергло время, показавшее национальную и общечеловеческую неисчерпаемость некрасовской поэзии. Журнальные битвы давно отшумели, а стихи Некрасова, сохранившие отзвуки этих битв, живут. Поэтические замыслы Некрасова и в самом деле были органически связаны с журнальными спорами, с общественной борьбой. Но чем глубже была эта связь, чем острее поэтические отклики, тем значительнее оказывались произведения, тем интенсивнее билась в них «живая кровь» высокого искусства.

Читая «Крестьянских детей», невольно замечаешь их полемический подтекст. Он ощутим в самой манере повествования, в той полемической страстности, с которой Некрасов отстаивает истинную поэзию и суровую

¹ Русский вестник, 1873, № 6, с. 898.

² Там же, с. 890.

прозу крестьянского детства. Временами эта страсть прорывается прямыми полемическими выпадами по адресу воображаемых, враждебно настроенных собеседников. Чем вызван в поэме этот полемический накал?

В начале 1861 г., как раз перед отъездом Некрасова в ярославско-костромские края, русские журналисты оживленно обсуждали проекты об организации воскресных школ, вели споры о том, как и чему нужно учить крестьянских детей. Л. Н. Толстой решил приступить к работе в Яснополянской школе и уже намечал издание специального педагогического журнала. В газетах одна за другой появлялись корреспонденции о нравственном облике современных крестьянских детей, их жизни и быте, семейном воспитании. Мир деревенского детства привлекал особое внимание общественности, и Некрасов, без сомнения, знал все, что печаталось об этом в русской прессе.

Когда читаешь известные стихи поэта: «Счастливым народ! Ни науки, ни неги Не ведают в детстве они», — невольно приходит на память статья молодого друга Некрасова Н. А. Добролюбова «Черты для характеристики русского простонародья». «Крестьянские дети, — писал Добролюбов, — свободнее воспитываются, отношения между младшими и старшими там проще и ближе, ребенок раньше делается деятельным членом семьи и участником общих трудов ее. А с другой стороны <...> естественный, здравый смысл ребенка там меньше искажается искусственными <...> ответами, какие находит мальчик или девочка образованного сословия».³

Совместно с Добролюбовым поэт решительно отвергал как заведомо лживые, так и ограниченные представления о жизни народа, которые упорно прививала русскому общественному сознанию либеральная печать. Она не была единой в своих взглядах на суть семейных отношений крестьянина. Знакомство с газетными статьями убеждает, что внутри либерального лагеря наметились два подхода к осуждению этой темы: или сознательное очернение деревенского детства, или неумеренная его идеализация. Между этими направлениями шла довольно острая дискуссия.

Односторонний критицизм был свойствен журналистике катковского толка. В марте 1861 г. газета «Современная летопись „Русского вестника“» опубликовала примечательную статью «О грамотности в окрестностях Москвы». Неизвестный автор, выступавший в этой статье под псевдонимом «Бедняк», писал следующее: «Бедные деревенские дети целые дни проводят в буйной и вредной праздности. Дети обоего пола играют всегда вместе. И как и чем играют? Женщина, мать или бабка, поймав на дворе галку, ворону, воробья или заметив между курами больного ослепшего цыпленка, несет его в кружок детей и отдает им и г р а т ь. Котята, осужденные на смерть, щенки, слишком слабые, чтобы защищаться или уйти, — вот игрушки грубых крестьянских ребят наших, будущих граждан России. Бедное животное привязывается за ногу или крыло и пускается на недаленое расстояние для потехи маленьких палачей: усилия уйти или улететь, жалобные крики, предсмертные мучительные кривлянья возбуждают смех... А отцы и матери с тупым равнодушием на вопрос, что за шум на улице или что дети делают, ответят лишь: „Ворону ребятенки нашли или что там другое, да вот и бьют“».⁴

«Бедняк» не останавливается на утрированных картинах жестокости крестьянских детей, «маленьких палачей», по его выражению. Он доводит эту жестокость до садизма, показывая извращенное наслаждение детей муками истязуемых жертв: «Мне случилось видеть, как другой мальчик, красивый, дерзкий и наглый, надрубив тупым топором в не-

³ Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 9-ти т., т. VI. М.—Л., 1963, с. 238.

⁴ Современная летопись «Русского вестника», 1861, № 11, с. 31.

скольких местах хвост большой красивой и ласковой собаке, с жестокой потехой смотрел, как несчастный пес визжал <...> и <...> просил пощады у своего палача. Ведь это маленькие злодеи, и где же? — Под самой Москвой».⁵

Не этим ли публицистам дает Некрасов в своей поэме гневную отповедь, рисуя поэтические картины привольного деревенского детства?

О милые плуты! Кто часто их видел,
Тот, верю я, любит крестьянских детей;
Но если бы даже ты их ненавидел.
Читатель, как «низкого рода людей», —
Я все-таки должен сознаться открыто,
Что часто завидую им:
В их жизни так много поэзии слито,
Как дай бог балованным деткам твоим.

(II, 110)

Без праздности проходят даже самые безмятежные дни детства будущего труженика-крестьянина — гражданина России. Таковы «грибные набеги», где красота и воля слиты с трудом: «Вернулись. У каждого полно лукошко». Крестьянское детство — сложный и сложенный мир, в котором встречается и жестокость, но лишь там, где она разумна, оправдана. Такова «война» с гадюками и ее последствия: «Зато мы потом их губили довольно И клали рядком на перилы моста». Показательно и авторское резюме: «Должно быть, за подвиги славы мы ждали...». И хотя в целом по отношению к миру животных и птиц торжествуют добродушие и гуманность:

Ежу предлагают и мух, и козявок,
Корней молочко ему отдал свое, —

эта гуманность лишена идиллического благообразия. Крестьянский мальчуган у Некрасова с раннего детства не отделяет в природе источники красоты и поэзии от источников материального существования. Здесь все находится в равновесии. Ласковые к ежу, восторженными криками провожающие давшего «стрелка» зайца или взлетевшую тетерю, крестьянские ребятишки не пожалеют полезную птицу, если она попадет им в руки. Охотничий мудрый инстинкт им присущ от рождения:

Вот старый глухарь с облянялым крылом
В кусту завозился... ну, бедному плохо!
Живого в деревню тащат с торжеством...

(II, 112)

Крестьянский мир у Некрасова потому и гармоничен, что он живет в согласии с миром природы, являясь его неотъемлемой частью, поддерживая в нем естественное равновесие, разумную целесообразность и жизнеустойчивость. В ответ на тенденциозные подборки фактов жестокости, насилия и зла Некрасов создает поэтико-философскую концепцию крестьянского детства, жизненно правдивую и убедительную.

Упреки в «лености», «неразвитости», праздном препровождении времени были типичным явлением в газете «Летопись „Русского вестника“». Другой ее корреспондент, помещик Арлев, писал о русском мужике: «Весь наш рабочий класс мало трудится и дурно выполняет свой труд вследствие пагубной привычки его к праздности, а потому распространное утверждение, что «наш народ трудолюбив» — «пустая фраза». «Ни дети, ни взрослые не понимают надлежащим образом значения труда». «Следует, — пишет Арлев, — не петь народу хвалебные песенки,

⁵ Там же.

а показывать его ему самому, как он есть <...> уговаривать его к разумному и добросовестному труду».⁶

«Опрятно одетая подмосковная девочка, — вторит Арлеву «Бедняк», — редкость. Чем же заняты девочки? От 2-х до 15-ти лет они постоянно на улице, играют вместе с мальчиками, рвут и пачкают на себе платье, прибавляя тем нужды в дом и заботы отцу и матери».⁷

Здесь либеральная публицистика открыто смыкается с реакционной. Вот что писал, например, о крестьянской девочке помещик Самарской губернии В. Дроздов в статье «Нечто о женском поле в крестьянстве»: «Это существо, которое с развитием детских способностей выучено говорить для того лишь, чтобы уметь говорить, бегало, подворничало, неумытое, нечесаное, оборванное, резвилось, дралось с себе подобными и рисковало свернуть собственную шею».⁸

Картина, которую рисует Некрасов в поэме «Крестьянские дети», полемически направлена против этой намеренной, выспренной лжи:

Кто ловит пшявок
На лаве, где matka колотит бельё,
Кто нянчит сестренку двухлетнюю Глашку,
Кто тащит на пожию ведро кvasку,
А тот, подвязавши под горло рубашку,
Таинственно что-то чертит по песку;
Та в лужу забила, а эта с обповой:
Сплела себе славный венок, —
Всё беленький, желтенький, бледно-лиловый
Да изредка красный цветок.
Те спят на припеке, те пляшут вприсядку.
Вот девочка ловит лукошном лошадку:
Поймала, вскочила и едет на ней.
И ей ли, под солнечным зноем рожденной
И в фартуке с поля домой принесенной,
Бояться смиренной лошадки своей?..

(II, 111—112)

По-своему ответил Некрасов и на другой упрек, типичный для некоторых статей о народе того времени и четко сформулированный в статье того же самого «Бедняка»: «Чему может научить здесь детей отец, которому нужно прокормить и одеть всю семью <...>, отец, которому не помогают ни жена, ни дети, <...> которому нужно, по народному выражению, вертеться, т. е. лгать, хитрить, обманывать <...>, отец, который не знает закона божьего, не имеет понятия о законах гражданских...».⁹

Опровергая эти вздорные обвинения, Некрасов рисует гармоническую картину жизни, где из века в век осуществляется преемственная связь между поколениями хлебопашцев, бережно хранящих и передающих от отца к сыну и от деда к внуку свое «трудовое наследство»:

Он видит, как поле отец удобряет,
Как в рыхлую землю бросает зерно,
Как поле потом зеленеть начинает,
Как колос растет, наливают зерно.

Играйте же, дети! Растите на воле!
На то вам и красное детство дано,
Чтоб вечно любить это скудное поле,
Чтоб вечно вам милым казалось оно.
Храните свое вековое наследство,
Любите свой хлеб трудовой —
И пусть обаянье поэзии детства
Проводит вас в недра земли родной!..

(II, 112, 114)

⁶ Там же, № 21, с. 30, 31.

⁷ Там же, № 11, с. 31.

⁸ Журнал землевладельцев, 1858, № 3, отд. «Смесь», с. 41.

⁹ Современная летопись «Русского вестника», 1861, № 11, с. 31.

Однако полемика, которую ведет Некрасов с либеральной журналистикой, не ограничивается разоблачением очерняющей деревенское детство лжи. Не менее сильный удар наносит поэт тем либеральным публицистам, которые склонны были видеть в трудовой школе жизни крестьянского ребенка сплошную идиллию. Именно такую представлялась она, например, либеральному публицисту «Санкт-Петербургских ведомостей» Н. Воскобойникову. Критикуя брошюру Ишимовой «Чтение для воскресных школ» (СПб., 1861),¹⁰ справедливо замечая, что «странно убеждать трудиться наш народ или его детей, скорее мы можем поучиться у них труду»,¹¹ Н. Воскобойников не обращал внимания на тяжелые, драматические стороны жизни крестьянского мальчика или девочки. Именно с Воскобойниковым и подобными ему публицистами, представлявшими крестьянское детство ничем не омраченной идиллией, спорит Некрасов в известных стихах своей поэмы:

Однако же зависть в дворянском дитяти
 Посеять нам было бы жаль.
 Итак, обернуть мы обязаны, кстати,
 Другой стороною медаль.

(II, 113)

Другой стороною медали оказывается классическая сцена «Мужичок с ноготок», завершающаяся стихами высокого полемического напряжения:

Всё, всё настоящее русское было,
 С клеймом нелюдимою, мертвящей зимы,
 Что русской душе так мучительно мило,
 Что русские мысли вселяет в умы,
 Те честные мысли, которым нет воли,
 Которым нет смерти — дави не дави,
 В которых так много и злобы и боли,
 В которых так много любви!

(II, 114)

В 1862 г., в августовском номере либерального журнала, издаваемого М. Чистяковым, «Крестьянские дети» были опубликованы как образцовое произведение для детского чтения. Вышеприведенные строки давались с обычными в то время купюрами, не отличающимися от купюр в первой публикации журнала «Время». Поэму Некрасова сопровождал подробный и не лишенный тонких наблюдений критический разбор-комментарий. Но преимущественное внимание в этом разборе уделялось идиллической интерпретации стихов Некрасова и настойчиво обходилась горькая проза народной жизни. А по поводу гневных слов поэта о «злобе и боли» анонимный автор рецензии писал: «Мыслящий и добрый человек и против зла не злобствует... Итак — вон „злобу“ из поэтического сердца; пусть в нем останется одна любовь».¹²

Этому прекраснородушному совету Некрасов не мог последовать. И вся его поэма «Крестьянские дети» дышит в подтексте искренней злобой против той лжи, которую распространяла со страниц русских газет и журналов либеральная и консервативная публицистика 1860-х годов.

¹⁰ В этой брошюре Ишимова утверждала, что «дети низших классов остаются более праздными, чем дети богатых и образованных».

¹¹ Санкт-Петербургские ведомости, 1861, 26 марта, № 85.

¹² Журнал для детей, 1862, № 31, с. 502.

МАЛОИЗВЕСТНАЯ ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ НЕКРАСОВА

Речь идет о стихотворении Некрасова «Стишки! стишки! давно ль и я был гений?..». Оно было написано в конце 1844 г. или в самом начале 1845 г.¹ — в то время, когда кончалось литературное ученичество Некрасова и он стоял на пороге своих великих творческих открытий. Поэтому эстетические проблемы, поднятые в стихотворении, заслуживают тщательного рассмотрения, тем более что они поданы не абстрактно-теоретически, а в связи с биографией самого поэта. Между тем весь этот комплекс вопросов совершенно не изучен, и стихотворение обычно даже не упоминается в ряду эстетических деклараций Некрасова.

Тема поэзии поставлена уже в первой (приведенной выше) строке стихотворения.

Слово «стишки», вообще говоря, выражает несколько пренебрежительное отношение к поэзии, как к чему-то легковесному (ср. у Пушкина слова, вложенные в уста Книгопродавца: «Стишки для вас одна забава...» — «Разговор книгопродавца с поэтом», 1824). Но у Белинского и писателей натуральной школы слово это приобрело особый оттенок: оно употреблялось преимущественно для обозначения эпигонско-романтических стихов, лишенных глубокого общественного содержания. Именно этот смысл имело слово «стишки» в рецензии Белинского на юношеский сборник Некрасова «Мечты и звуки» (1840): «...прочтею целую книгу стихов, встречать в ней все знакомые и истертые чувствования, общие места, гладкие стишки...».² Рецензия, несомненно, произвела на Некрасова сильное впечатление. Конечно, ему были известны и другие статьи Белинского, в которых слово «стишки» было употреблено в аналогичном значении,³ но примечательно, что в комментируемом стихотворении он применил это слово к своему собственному раннему творчеству, солидаризируясь тем самым с рецензией Белинского.⁴

¹ Стихотворение впервые было опубликовано в «Литературной газете» (1845, 11 января, № 2, с. 31) в составе фельетона «Отчеты по поводу нового года», подписанного псевдонимом «Ник — Нек»; с 1864 г. оно перепечатывалось в изданиях «Стихотворений» Некрасова (в приложении «Юмористические стихотворения»). Мы будем цитировать это стихотворение по изданию, в котором текст его напечатан наиболее исправно: Некрасов Н. А. Полн. собр. стихотворений в 3-х т., т. 1. Л., 1967 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 87—88.

² Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. IV. М., 1954, с. 119.

³ Например, в рецензии Белинского на поэму Тургенева «Параша» (1843): «Могучим властителем душ нашего времени уже перестали быть „стишки“ — в потребности публики их сменила поэзия мысли» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 65); см. также в статье Белинского «Русская литература в 1844 году» (там же, т. VIII, с. 450), в его рецензии 1845 г. на альманах «Метеор» (там же, т. IX, с. 39) и в ряде других статей. Подобное осмысление слова «стишки» характерно, например, и для стихотворения Тургенева «Человек, каких много» (1843), цитату из которого Некрасов поставил эпиграфом к одной из глав своего романа «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» (см.: VI, 255).

⁴ Косвенное отражение этой рецензии находим и в автобиографическом романе Некрасова «Жизнь и похождения Тихона Тростникова», где (в изложении рецен-

В некрасовском же стихотворении со словом «стишки» связывается представление о романтике-эпигоне, который воображает себя гением: «Стишки! стишки! давно ль и я был гений?..».

В своеобразном ироническом употреблении слова «гений» — новая переключка со статьями Белинского. Ср., например, в рецензии Белинского на альманах «Метеор» (1845) о молодых поэтах-подражателях: «К делу они неспособны ни к какому, потому что самолюбивы, надуты, тщеславны, всё, кроме стишков, считают ниже себя, не хотят ничему учиться, ни на что смотреть со вниманием. Они — изволите видеть — гении, толпа должна видеть ореол над их головами, а на челе звезду бессмертия».⁵

Однако образ романтика-эпигона в некрасовском стихотворении не только комический, но сложный, противоречивый и по своему существу трагикомический. Он овеян и подлинным лиризмом. Некрасов пишет о самом себе, о своем недавнем прошлом, и притом пишет с глубокой грустью. Он горько сетует на то, что затратил значительное время на сочинение подобных легковесных стихов: «На вас я годы лучшие убил!».

В стихотворении можно видеть автопризнание Некрасова, что еще недавно он принадлежал к группе молодых поэтов (с ними «делил и труд мой и досуг»). Их литературные позиции характеризуются опять-таки как сложные, противоречивые. С одной стороны, эти молодые поэты противопоставляли себя обыкновенным людям, воображали себя «пророками», обличали «толпу» — над этим Некрасов иронизирует:

Смешон и дик был петушинный бой
Не понимающих толпы пророков
С не внемлющей пророчествам толпой!

Но, с другой стороны, об этих «людях милых», «поэтах преплоких» Некрасов пишет с теплотой, и в его иронии чувствуется особая — мягкая и горькая — интонация. Это обусловлено и его личным сочувствием к недавним друзьям, и сочувствием их искреннему, благородному (хотя и паивному, несбыточному) стремлению помочь людям, т. е. той же «толпе»:

Как гордо мы на будущность смотрели!
Как ревностно бездействовали мы!
«Избранники небес», мы пели, пели
И песнями пересоздать умы,
Перевернуть действительность хотели.
И мнилось нам, что труд наш — не пустой,
Не детский бред, что с нами сам всевышний,
И близок час блаженно-роковой,
Когда наш труд благословит наш ближний!

Очевидно, эти стихи имели реальную основу. Показательно, что они находят аналогию в некрасовских «Очерках литературной жизни» (1845), где рассказывается о молодом поэте Хлыстове (в его образе угадываются черты самого Некрасова), который «надеялся своими стихами произвести переворот во вселенной и перевоспитать все человечество» (VI, 295).

зии некоего передового критика на книжку юношеских подражательных стихотворений Тростникова) употреблено и слово «стишки»: «...писать звучные стишки без идеи и содержания не значит еще быть поэтом...» (VI, 168). Считаю необходимым отметить, что зрелые, реалистические стихотворения Некрасова Белинский противопоставил «стишкам». О стихотворениях «В дороге», «Пьяница», «Колыбельная песня» и др., напечатанных в «Петербургском сборнике» (1846), критик писал: «Они проникнуты мыслию; это — не стишки к деве и луне; в них много умного, *дельного* и современного» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. IX, с. 573).

⁵ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. IX, с. 40. Аналогичное употребление слова «гений» встречается и в других статьях Белинского, например в рецензии 1843 г. на «Стихотворения» Милькеева (там же, т. VII, с. 604).

Таким образом, надо полагать, что в комментируемом стихотворении рассказывается о реально существовавшей группе молодых поэтов.

Такое предположение может быть подкреплено конкретными материалами.

В биографической литературе о Некрасове накоплены сведения, что среди его приятелей в первые годы его жизни в Петербурге было несколько поэтов: Ф. Н. Менцов, Н. Ф. Фермор, К. А. Данненберг.⁶ Об общении их друг с другом сведений нет, однако их соединяло не только знакомство с Некрасовым, но и сотрудничество в одних и тех же журналах;⁷ поэтому трудно сомневаться, что они были знакомы и между собой. И — самое главное — много общего было в их литературных взглядах. Характеристика, данная взглядам молодых поэтов («стихов слагателей младых») в некрасовском стихотворении, подтверждается сведениями именно о Менцове, Ферморе и Данненберге.

Федор Николаевич Менцов (1818—1848) был всего на три года старше Некрасова. Но ко времени приезда юноши Некрасова в Петербург, т. е. к лету 1838 г., он уже активно сотрудничал в некоторых петербургских журналах. С мая 1838 г. он стал ведущим критиком «Журнала Министерства народного просвещения». В 1839—1840 гг. в этом журнале появилось несколько его весьма положительных отзывов о стихотворениях Некрасова — сначала об отдельных публикациях в периодической печати, а затем и о сборнике «Мечты и звуки». Исследователи уже отмечали, что эти отзывы проникнуты дружеской теплотой и заинтересованностью. Указывалось также, что еще до выхода в свет сборника «Мечты и звуки» Менцов сообщил об этой книге как о вышедшей — видимо, для того, чтобы создать для нее своеобразную рекламу; вполне убедительна и догадка, что стихотворение Некрасова «Дума» было помещено в «Журнале Министерства народного просвещения» (1840, № 1) при посредстве Менцова.⁸ В связи с этим позволим себе высказать предположение, что не без помощи того же Менцова в «Библиотеке для чтения» (1839, № 7) было напечатано некрасовское стихотворение «Жизнь» — это единственная публикация Некрасова в журнале О. И. Сенковского.⁹ Для отношений Некрасова с Менцовым показательны и то, что некрасовское стихотворение «День рождения» (1840) было подражанием одноименному стихотворению Менцова (см. об этом: I, 614).

Дружеские отношения, очевидно связывавшие юного Некрасова с Менцовым, могли основываться на известной общности эстетических позиций. Оба они писали стихи в духе эпигонского романтизма. Но, говоря об этом, не следует упускать из виду, что эпигонский романтизм был сложным, противоречивым литературным явлением. Г. П. Верховский справедливо пишет о Менцове: «Ф. Н. Менцов — консерватор, эклектик, посредственность, но, к чести его, следует сказать, что в своих писаниях он сохраняет достойный тон, избегая лести августейшей власти»; «У него можно найти даже некоторые прогрессивно-просветительские и гуманистические мотивы».¹⁰ Отметим, в частности, что в стихо-

⁶ Вполне вероятно, что эта группа молодых поэтов была многочисленнее (в комментируемом стихотворении о них говорится: «Как много вас уж — слава небу — сгибло...»). Однако о других поэтах, кроме трех названных, с которыми Некрасов находился в ту пору в приятельских отношениях, сведений нет.

⁷ В 1840 г. все они публиковались в «Пантеоне русского и всех европейских театров» — вероятно, при посредстве Некрасова, который в то время был одним из ведущих сотрудников этого журнала.

⁸ См. об этом: Аникина А., Бухштаб Б. Первые печатные отзывы о стихотворениях Некрасова. — Литературное наследство, т. 53—54. М., 1949, с. 81—84; Верховский Г. П. С чего начинается некрасоведение... — В кн.: О Некрасове. Статьи и материалы. Вып. IV. Ярославль, 1975, с. 150—166.

⁹ Ф. Н. Менцов в 1838—1840 гг. деятельно сотрудничал в «Библиотеке для чтения», опубликовав там множество своих стихотворений.

¹⁰ Верховский Г. П. С чего начинается некрасоведение..., с. 165, 162.

творении «Ночь поэта. (Фантазия)» Менцов провозглашал весьма высокие (хотя и абстрактные) мысли о поэтах как о деятелях принципиальных, неподкупных, как о носителях гуманных чувств:

Правосудно, неподкупно
Судят мертвых и живых;
Утешают чад земных...¹¹

Неподкупной честностью, принципиальностью отличался Николай Федорович Фермор. Он был лет на 7—10 старше Некрасова, а умер, вероятно, в начале 1840-х годов. О его жизни и взглядах подробно рассказывается в очерке Н. С. Лескова «Инженеры-бессребреники» (1887), где он охарактеризован как «фанатик честности» и «неутомимый правдолюбец».¹²

Юноша Некрасов общался с Фермором и его семьей, посещал их дом. В альбом Марии Фермор (видимо, сестры Фермора) он вписал стихотворение «На скользком море жизни бурной...» (см.: I, 404, 614). В начале 1840 г. Фермор распространял в петербургском Главном инженерном училище (где он был офицером) экземпляры некрасовской книжки «Мечты и звуки».¹³ В позднейших автобиографических заметках Некрасов вспоминал о Ферморе как о приятеле («Приятель мой офицер Н. Ф. Фермор...» — XII, 22), который, помогая ему в работе, разрешил пользоваться своими литературными записями.¹⁴

Н. Ф. Фермору Некрасов посвятил стихотворение «Изгнанник», опубликованное в «Сыне отечества» (1839, № 6) и затем перепечатанное в сборнике «Мечты и звуки» (в «Мечтах и звуках» посвящение дано лишь в оглавлении). Образ героя этого стихотворения — человека с возвышенной душой, который сроднился с небом и не может примириться с несовершенством жизни на земле, — вероятно, навеян личностью Фермора. Сам Фермор тоже писал стихи, по большей части пессимистического содержания.¹⁵ Некоторые из них печатались в 1840 г. в «Пантеоне...», — как уже говорилось, вероятно, при посредстве Некрасова. В стихотворении «Рыцари» Фермор с романтических позиций прославлял средневековую старину и выражал острую неудовлетворенность окружающей действительностью.¹⁶

Общественное зло, царившее в тогдашней России, заставляло Фермора страдать (несмотря на то что он пользовался благоволением начальства), и это явилось ближайшей причиной его душевной болезни. В состоянии депрессии Фермор кончил жизнь самоубийством, бросившись в море с корабля. Об этом Некрасов, между прочим, писал И. С. Тургеневу 15—17 июня 1856 г. в таком контексте: «У меня припадки такой хандры бывают, что боюсь — брошусь в море, коли один поеду да лихая минута застигнет. Этакая штука была с моим одним приятелем <...> Его звали Фермором» (X, 277).¹⁷

¹¹ Пантеон русского и всех европейских театров, 1840, № 5, с. 64.

¹² Лесков Н. С. Собр. соч. в 11-ти т., т. 8. М., 1958, с. 252, 283. Точные даты жизни Н. Ф. Фермора не установлены (ср. примечание А. И. Батюто: там же, с. 591).

¹³ См.: Григорович Д. В. Литературные воспоминания. М., 1961, с. 49.

¹⁴ Как сообщил в своем докладе «Материалы к биографии Н. А. Некрасова» на XXI Всесоюзной Некрасовской конференции Б. Л. Бессонов, Н. Ф. Фермор умер в июне 1843 г. Стихотворение Некрасова «На скользком море жизни бурной...» в действительности посвящено брату Н. Ф. Фермора — Владимиру Федоровичу. Некрасовский сборник «Мечты и звуки» распространял в Главном инженерном училище не Н. Ф. Фермор, а его брат Федор, ротный командир в этом училище. (Примеч. Ред.).

¹⁵ См. об этом: Лесков Н. С. Собр. соч. в 11-ти т., т. 8, с. 271.

¹⁶ См.: Пантеон..., 1840, № 7, с. 48.

¹⁷ Не исключено, что в комментируемом стихотворении слова «того хандра <...> зашла» также были откликом на гибель Фермора.

Старше Некрасова (на 5 лет) был и Клавдий Андреевич Данненберг (1816—1842). Уже давно было известно, что в период «петербургских мытарств» Некрасов в течение нескольких месяцев снимал комнату вместе со своим приятелем, начинающим художником Данненбергом, причем жили они дружно, но очень бедно.¹⁸ Теперь выяснены некоторые подробности о творческих и деловых отношениях Некрасова с Данненбергом.

Данненбергу посвящено стихотворение Некрасова «Мелодия» (опубликованное в № 3 «Пантеона...» за 1840 г.), в котором воспеваются красота родных мест в Поволжье (тема, равно близкая Некрасову, приехавшему в Петербург из Ярославской губернии, и Данненбергу, прибывшему из Казани, а ранее проживавшему в Самаре).¹⁹

В «Пантеоне...» (1840, № 7) была (очевидно, при содействии Некрасова) помещена заметка Данненберга о Казанском театре.²⁰

Из опубликованных недавно писем Данненберга к Н. И. Второву явствует, что Некрасов и Данненберг активно помогали друг другу: Некрасов вводил Данненберга в петербургские литературные круги, Данненберг привлек своих казанских знакомых к распространению сборника «Мечты и звуки». Были у Некрасова и Данненберга и совместные литературные планы (либретто оперы «Испанка», издание альманаха), оставшиеся, впрочем, нереализованными. Из писем Данненберга мы много узнаем и о нем самом. Он был благородно настроенным и разносторонне одаренным человеком (художником, переводчиком, беллетристом, поэтом), но, видимо, ни в одном жанре не сумел найти себя, остался дилетантом и мечтателем. Его стихотворения имеют подражательный характер и близки к поэзии Некрасова периода сборника «Мечты и звуки». Обстоятельства ранней смерти Данненберга (в Казани, в 1842 г.) не выяснены.²¹

Такова группа поэтов, к которой примкнул Некрасов на рубеже 1830-х и 1840-х годов.

Все они были эпигонами романтизма. Ничуть не скрывая отрицательных сторон тогдашнего эпигонского романтизма, мы должны в то же время не упускать из виду сложности этого литературного явления. Подражанию романтическим образцам отдали дань многие, притом очень разные поэты. Что же касается литературной позиции юноши Некрасова и его приятелей, то она характеризуется прежде всего эклектичностью. Восхваление рыцарской старины, религиозные мотивы и т. п. причудливо переплетались с мотивами гуманности, любви к людям, с протестом против пошлой действительности, с провозглашением принципиальности и проч. Проповедь благородных (пусть абстрактных, но все же благородных) идей, как мы видели, получила свое выражение в стихах Ф. Н. Менцова, Н. Ф. Фермора (что касается поэзии Данненберга, то о ней сведений вообще очень мало). Характерны эти мотивы и для таких стихотворений Некрасова, вошедших в сборник «Мечты и звуки», как, например, «Истинная мудрость» и «Тот не поэт». Честность, неподкупность принципиальных литераторов и артистов прославил Некрасов в драматических произведениях 1840 г. («Утро в редакции», «Актер»).

Таким образом, автопризнание Некрасова (в комментируемом стихотворении), что он и его друзья «песнями пересоздать умы, перевернуть действительность хотели», находит реальное подтверждение и в его собст-

¹⁸ См.: Успенский Н. В. Из прошлого. М., 1889, с. 228—231; Панаев В. А. Воспоминания. — Литературное наследство, т. 49—50. Изд. 2-е. М., 1949, с. 196—198.

¹⁹ См.: Ломан О. В. Кому посвящено стихотворение Н. А. Некрасова «Мелодия». — В кн.: Н. А. Некрасов и русская литература. Ярославль, 1975.

²⁰ См.: Рейсер С. А. Революционные демократы в Петербурге. Л., 1957, с. 144.

²¹ См.: Вацуро В. Э. Некрасов и К. А. Данненберг. — Русская литература, 1976, № 1, с. 131—144. В этой статье (с. 134) дана общая характеристика поэзии Данненберга и опубликовано одно из его стихотворений — «Невеста».

венном раннем творчестве, и в творчестве его тогдашних друзей. В том же стихотворении Некрасов, как уже говорилось, справедливо пронизировал над незрелостью, абстрактностью этих юношеских мечтаний.

Но к моменту создания этого стихотворения Некрасов еще не выработал свою положительную эстетическую программу. Мысли о назначении поэта, которые он усматривал в эстетических декларациях Пушкина, не удовлетворяли его. В его стихотворении содержатся пронычские намеки на пушкинское стихотворение «Поэт и толпа» — в виде скрытых (но заковыченных) цитат: «избранники небес», «ближний наш».²² Очевидно, в ту пору Некрасов склонен был считать Пушкина поэтом, далеким от общественной жизни. Пушкинскому пониманию темы «поэта и толпы» он противопоставил свое, еще не вполне сформировавшееся, но полное трагизма.

Здесь Некрасов относительно ближе к Лермонтову, который в стихотворении «Не верь себе» (1839) подчеркнул трагическое положение «толпы»: «Едва ли есть из них один, Тяжелой пыткой не измятый, До преждевременных добравшийся морщин Без преступленья иль утраты!...». В некрасовском стихотворении речь также идет о трагическом положении «толпы», но ракурс избран иной — не психологический, а социально-бытовой:

А между тем действительность была
По-прежнему безвыходно пошла,
Не убыло ни горя, ни пороков...

И «ближний наш» всё тем же глазом видел,
Всё так же близоруко понимал,
Любил корыстно, пошло ненавидел,
Бесславно и бессмысленно страдал..

Некрасов отошел от группы «стихов слагателей младых», видимо, уже в 1840 г. В мае 1840 г. он переехал от Данненберга на другую квартиру.²³ Нет никаких данных о творческих и деловых контактах Некрасова с Менцовым и Фермором после 1840 г. Некрасов порвал с эпигонским романтизмом. Вскоре он сблизился с Белинским.

Уже говорилось, что ко времени создания комментируемого стихотворения Некрасов, отвергший свою прежнюю эстетическую программу, еще не выработал новую. Он пришел лишь к безотрадной мысли, что поэт бессилён улучшить жизнь «толпы», погрязшей в пошлости, страдающей от горя и пороков. Представление о торжествующем в мире зле воплощено в концовке стихотворения.

Образ хохочущего сатаны ведет свое происхождение от мировой литературной традиции,²⁴ но стихи Некрасова о «сатанинском хохоте», по всей вероятности, непосредственно восходят к поэме Тургенева «Параша» (1843) и к рецензии Белинского на нее.²⁵

Острое ощущение безысходности было не тупиком, а лишь определенным этапом в исканиях Некрасова. Уже очень скоро он обрел свой подлинный поэтический голос, стал поэтом угнетенного русского крестьянства, грозным обличителем крепостничества и социального зла вообще. К 1845—1846 гг. относятся его выдающиеся стихотворения — «В дороге», «Родина» и др., которые были восторженно встречены Белинским.

²² Ср. наши примечания к некрасовскому стихотворению в кн.: Некрасов Н. А. Полн. собр. стихотворений в 3-х т., т. 1, с. 602.

²³ См.: Вацуро В. Э. Некрасов и К. А. Данненберг, с. 142.

²⁴ Ср. прежде всего Мефистофеля в «Фаусте» Гете, см.: Басихин Ю. Ф. Поэмы И. С. Тургенева. Саранск, 1973, с. 90.

²⁵ У Тургенева: «А, кажется, хохочет сатана», «Но все ж мне слышен хохот сатаны» (Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Соч., т. I. М.—Л., 1960, с. 98). В своей рецензии Белинский несколько раз цитировал эти строки или намекал на них (Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. IX, с. 75—77).

III. ПОЛЕМИКА

М. В. Теплинский

ИЗУЧЕНИЕ АВТОРСКОГО ЗАМЫСЛА ПОЭМЫ «КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО» В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

Изучение авторского замысла поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» давно уже привлекает внимание многих литературоведов. В делящейся уже много лет полемике относительно расположения частей поэмы сплошь и рядом можно встретить апелляцию к замыслу самого поэта. При исследовании этого замысла существуют, конечно, объективные трудности — прежде всего в силу незаконченности поэмы; но какими бы ни были трудности, вряд ли можно при анализе исходить из предположения, что «Кому на Руси жить хорошо» есть произведение сугубо фрагментарное, не подчиняющееся единой авторской идее, противоречивое и непоследовательное в сюжетном развитии.

Анализ замысла любого художественного произведения далеко не всегда может опираться на документальные материалы или ограничиваться ими. Поэтому не стоит сетовать на то, что в данном случае отсутствуют соответствующие высказывания автора, которые могли бы создать для исследователя необходимую «точку опоры». В этом отношении показательными являются слова В. Г. Прокшина: «Никому не известно, каким был окончательный авторский план эпопеи. Одно совершенно несомненно: он был иным, чем тот, что наметился в споре и договоре семи мужиков». ¹ В новой книге того же автора читаем: «Никому не известен в точности первоначальный авторский замысел эпопеи». ²

Итак, нет сведений ни об окончательном плане, ни о первоначальном замысле... Необходимо учитывать, однако, что авторы художественных произведений не так уж часто сообщают будущим исследователям свои замыслы и планы. Но даже если мы о таких замыслах что-то и узнаем (из писем, дневников, воспоминаний или других источников), то эти сведения литературовед все равно подвергает критическому рассмотрению и далеко не всегда принимает их за основу анализа, ибо порою авторский замысел не совпадает с объективным смыслом произведения.

Что же касается поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», то ее план, казалось бы, совершенно ясно и точно зафиксирован в самом начале «Пролога»: семь крестьян в поисках того, «кому живется весело, вольготно на Руси», должны были, очевидно, последовательно встретиться с каждым из предполагаемых «счастливых». Сложность заключается в том, что только в Части первой поэмы развитие сюжета идет по намеченному плану (да и то не полностью). Странники встречаются с помещиком, а дальнейших встреч с другими названными в споре «счастливыми» (чиновником, купцом, министром и царем) нет. Разви-

¹ Прокшин В. Г. Народ и его герои в изображении русских демократов 60-х годов XIX века. М., 1967, с. 93.

² Прокшин В. Г. Н. А. Некрасов. Путь к эпопее. Уфа, 1979, с. 187.

тие сюжета как бы затормозилось. Чем же можно объяснить такую ситуацию? Иными словами, как соотносятся авторский замысел и тот сюжетный план, который был намечен в «Прологе»?

Широко известна точка зрения К. И. Чуковского о том, что только для маскировки идейного замысла «поэтом была выдвинута проблема благополучия купцов, помещиков, священников и царских сановников, которая в действительности не имела отношения к сюжету» (III, 621—622).

Это мнение разделялось и другими исследователями. Так, например, А. В. Попов в докладе на XII Некрасовской конференции в Ленинграде (1962 г.) утверждал, что сюжет первых глав поэмы «является подставным и введен в произведение лишь с целью ввести в заблуждение цензуру относительно дальнейших замыслов и намерений поэта. После главы „Последыш“ этот фиктивный сюжет, чуждый духу некрасовской поэзии, был снят».³

Но получается странная картина: Некрасов, создавая определенный «сюжетный план», тут же нарушает его. Ведь «подставной» или «фиктивный» (по терминологии А. В. Попова) сюжет исчезает не через несколько лет, не в результате других раздумий, а сразу же, в первой же части поэмы. В «Прологе» дана известная «формула поисков», в которой о народе не говорится ни единого слова (речь шла только о представителях господствующих классов), а в Части первой странники как будто бы совершенно неожиданно начинают искать счастливых среди мужиков. Для чего же нужен был тогда знаменитый спор, которым начинается поэма? «Для маскировки», — отвечал К. И. Чуковский. И Л. А. Евстигнеева, выдвинувшая совершенно справедливый тезис о единстве идейного замысла поэмы, оказывается в конечном счете не совсем последовательной, так как в своем выводе она — правда, с известными оговорками — присоединяется все же к точке зрения К. И. Чуковского: «Сюжет (в «Кому на Руси жить хорошо», — М. Т.) является не только средством воплощения замысла, но и способом его маскировки».⁴

Впрочем, в последнее время предположение о решающей роли цензуры в формировании сюжетного плана поэмы Некрасова встречает все меньше и меньше сторонников. В данном случае нельзя не вспомнить замечание одного из современных литературоведов: «На цензуру у нас принято валить все, что не удастся объяснить другим путем...».⁵

И тем не менее проблема остается, так как не может не броситься в глаза явное несоответствие первоначальной сюжетной формулы, заданной в «Прологе», с дальнейшим развитием действия в поэме. Некоторые некрасоведы, отказываясь считать «формулу поисков» лишь «маскировкой» или «фиктивным сюжетом», все же приходят к выводу, что в процессе работы поэт явно отходит от первоначального замысла, зафиксированного в «Прологе» (в таких случаях обычно говорят об изменившейся исторической обстановке, которая не могла не вызвать определенную эволюцию замысла). С этим часто сочетается другое мнение, согласно которому в «Кому на Руси жить хорошо» существуют две тенденции: то на первый план выходит так называемый «внешний сюжет» поэмы, то верх берет реализация главной идеи произведения. При этом получается, что авторский замысел все же противоречит сюжетному плану «Пролога» и, следовательно, не имеет к нему фактически никакого отношения. Так, В. Г. Прокшин предполагает, что Некрасов постепенно отходит от пер-

³ Вопросы литературы, 1962, № 6, с. 254.

⁴ Евстигнеева Л. А. Воплощение замысла. — Вопросы литературы, 1971, № 4, с. 151—152.

⁵ Гин М. М. О своеобразии реализма Н. А. Некрасова. Петрозаводск, 1966, с. 236. См. также убедительную статью Б. Я. Бухштаба «Об изучении эзопова языка Некрасова» (в кн.: Н. А. Некрасов и русская литература. Ярославль, 1977, с. 3—29).

воначального замысла поэмы: автор, по словам исследователя, «не почитался с первоначальной схемой».⁶ Следует заметить, что тут же В. Г. Прокшин высказывает резонные соображения о том, что развитие действия в поэме основано на изображении эволюции странников, которые «в процессе путешествия по Руси, в результате новых встреч, впечатлений, раздумий обнаружили способность к быстрому развитию, отказу от старых взглядов и намерений».⁷ Однако эти наблюдения не соотношены с тем замыслом Некрасова, который был намечен в «Прологе». Напротив, В. Г. Прокшин считает, что эволюция странников возникает у Некрасова лишь в результате его отхода от ранее зафиксированного сюжетного плана: «... путешествие быстро умудряет мужиков. Их новые мысли и намерения выявляются в новой сюжетной линии поисков истинного народного счастья. Эта вторая линия не просто дополняет, а решительно вытесняет первую».⁸

Л. А. Евстигнеева также допускает известную двойственность в истолковании связи замысла Некрасова с сюжетным планом «Пролога». По ее мнению, большинство образов поэмы, с одной стороны, «связаны с развитием событий, т. е. с движением сюжета», с другой — «с развитием авторской мысли, реализацией замысла».⁹ Получается, таким образом, что «движение сюжета» есть нечто внешнее, постороннее по отношению к «развитию авторской мысли». Именно поэтому Л. А. Евстигнеева по своему логична, когда пишет, что знаменитые вопросы из «Пролога» («Кому живется весело...» и т. д.) задаются только «для отвода глаз»: «Своеобразие композиционной структуры „Кому на Руси жить хорошо“ заключается в том, что в ее основе лежит не развитие сюжета, а реализация грандиозной идеи Некрасова — о неизбежности народной революции».¹⁰

Сходная концепция содержится и в книжке В. П. Аникина. Правда, мы встречаемся там с важным указанием, что Некрасов остался верен общему сюжетному замыслу — устроить встречу странников со всеми теми, кто был назван во время спора семи мужиков. Но одновременно исследователь отмечает и иное явление: «Параллельно сюжетной последовательности развивается и внутренняя мысль поэмы, — и эта мысль много важнее, чем непосредственный ход сюжета».¹¹ Таким образом, из этого следует, что «сюжетная последовательность» (сюжетный план, схема, развитие событий и т. д.) сама по себе, а «внутренняя мысль» (авторский замысел, идея поэмы) — тоже сама по себе. Второе, естественно, важнее первого и с первым никак не связано. Остается все же непонятным, с какой же целью в «Прологе» дана известная формула, если она практически тут же (или вскоре) забывается, оказывается совершенно лишней и ненужной? Ведь таким путем можно снова прийти к высказанным уже и, казалось бы, отброшенным точкам зрения, согласно которым начальный сюжетный план поэмы — лишь маскарад, придуманный для «отвода глаз», цензурная уловка, просто фикция.

Прежде всего необходимо выяснить: каково отношение автора к знаменитой сцене спора, к тем суждениям, которые высказывают семь мужиков? Исследователи порою исходят из предположения, что крестьянский спор о предполагаемых счастливых выражает и авторскую позицию, ко-

⁶ Прокшин В. Г. Народ и его герои в изображении русских демократов 60-х годов XIX века, с. 88.

⁷ Там же, с. 90—91.

⁸ Там же, с. 93. Сходные мысли высказаны и в новой книге В. Г. Прокшина (Прокшин В. Г. Н. А. Некрасов. Путь к эпосе, с. 171, 177 и др.).

⁹ Евстигнеева Л. А. Спорные вопросы изучения поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». — В кн.: Н. А. Некрасов и русская литература. М., 1971, с. 390.

¹⁰ Там же, с. 404—405.

¹¹ Аникин В. П. Поэма Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Изд. 2-е, исправл. и дополн. М., 1973, с. 27.

торая, быть может, в дальнейшем и изменилась, но первоначально соотвечествовала точке зрения семи мужиков. Так, А. И. Груздев писал: «Намерение искать счастливого в сфере господствующих сословий — одно из свидетельств трезвости ума участников спора. Оно отчетливо выражает крестьянскую и авторскую мысль о бедственном положении народа в пореформенной России, о невозможности найти счастливого в народной среде». И далее: «Вскоре намечается отклонение от заданной в прологе сюжетной схемы».¹²

Нам представляется, что замысел Некрасова с самого начала не был идентичен крестьянским представлениям о направлении поисков предполагаемого счастливого. Поэма строилась так, чтобы не только показать ложность крестьянских иллюзий, но и привести странников (а вместе с ними и читателей) к восприятию революционно-демократической идеи о необходимости борьбы за народное счастье. Некрасову нужно было доказать, что сама русская действительность заставляет странников изменить свою первоначальную точку зрения. Так, в Части первой, едва только начав свои поиски, странники как будто бы совершенно неожиданно пытаются найти счастливого среди мужиков (глава «Счастливые») — в противоположность первоначальной формуле, но в соответствии с логикой развития авторского замысла. Правда, весьма существенно, что на этом этапе действия странников объясняются не принципиальными соображениями, не ростом их сознания, а просто-напросто желанием поскорее вернуться в свои деревни, ибо «сгрустнулось им по жеманкам...». И вот они

вмешались
В толпу — искать счастливого:
Им крепко захотелось
Скорей попасть домой... .

(III, 200)

В «Последыше» они, как известно, меняют даже самую «формулу поисков», делая тем самым еще один шаг вперед:

«Мы ищем, дядя Влас,
Непоротой губернии,
Непотрошеной волости,
Избытка села!...»

(III, 313)

Так проясняется проблема поэмы, формулируется авторский замысел: поиски путей к народному счастью. И вся поэма в целом есть логическое и последовательное развитие этой идеи.

Прямым продолжением «Последыша» является «Пир на весь мир». Но здесь последовательное развитие действия как бы останавливается. Л. А. Евстигнеева назвала это «топтанием на месте», не разъяснив причину, по которой «с точки зрения развития сюжета „Пир“ нисколько не движет действия вперед». Впрочем, тут же у Л. А. Евстигнеевой содержится очень интересное наблюдение о том, что «Пир на весь мир» в композиционном отношении напоминает «Пьяную ночь» (описание крестьянского праздника, во время которого разговоры и рассказы перемежаются народными песнями). Но в поэме Некрасова «пружина действия — это становление и развитие народного самосознания, и в этом плане обе главы отличны друг от друга <...> В „Пире...“ отразился иной уровень народного сознания. Крестьянский мир уже выступает как сила, монолитное, единое целое».¹³

¹² Груздев А. И. Поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». — В кн.: Русская классическая литература. Разборы и анализы. М., 1969, с. 283, 293.

¹³ Евстигнеева Л. А. Спорные вопросы изучения поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», с. 400.

Можно добавить, что действие в «Кому на Руси жить хорошо» до некоторой степени строится по принципу внутренней переклички глав (своеобразной «рифмовки»). «Пир на весь мир» повторяет «Пьяную ночь», но в новом, ином качестве, ибо развитие идет по спирали. В отличие от Части первой в «Пире на весь мир» странники вообще не вспоминают цели своего путешествия: так много нового увидели они, свидетелями таких интересных разговоров и событий стали, что семь мужиков, может быть, отчасти растерялись или, скорее, просто отодвинули пока на второй план то, что собственно и послужило поводом к их путешествию. Но увиденное и услышанное в «Пире...» не прошло для них бесследно. Теперь они уже гораздо более сознательно и осмысленно относятся к сути своих поисков. Так осуществляется переход к третьей части поэмы — «Крестьянке», которая, согласно неоднократным указаниям Некрасова, должна стоять после «Пира на весь мир» (об этом подробнее см. ниже).

Странники как бы на новом витке спирали вновь возвращаются к первоначальной формуле спора, данной в «Прологе», но с тем, чтобы тут же от нее по существу отказаться:

Чем нам искать чиновника,
Кушца, министра царского,
Царя (еще допустит ли
Нас, мужичонков, царь?), —
Освободи нас, выручи! —

(III, 245)

говорят они, обращаясь к Матрене Тимофеевне. В данном случае речь идет уже не об неожиданном порыве, как это случилось у них в Части первой, а о решении, подготовленном тем новым жизненным опытом, который они накопили во время своего путешествия. Об этом опыте никак нельзя забывать, ибо в противном случае совершенно непонятными окажутся строки, которыми начинается «Крестьянка». Они явственно свидетельствуют, что странники уже не те, что в начале; они сознательнее и последовательнее относятся к сути своих поисков, что является совершенно естественным, если не забывать о логике развития авторской мысли:

«Не все между мужчинами
Отыскивать счастливого,
Пощупаем-ка баб!» —
Решили наши странники...

(III, 236)

Именно после встречи с Гришей Добросклоновым, после того как странники с величайшим вниманием и воодушевлением выслушали его агитационные речи, они уже вовсе не стихийно, как это случилось у них в главе «Счастливые» из Части первой, обращаются к мысли о народном счастье. Теперь, после всех тех новых впечатлений, разговоров, событий, свидетелями и участниками которых они были в «Пире...», странники с большим пониманием и сочувствием воспринимают исповедь Матрены Тимофеевны, и прежде всего ее рассказ о Савелии-богатыре. Особенно запомнилась расправа Савелия с помещичьим управителем:

«Наддай!» — сказали странники
(Им слово полубилося)...

(III, 270)

Но известно, что стояло за этим словом... Вряд ли можно сомневаться, что полубилося им не только слово, но и дело. К такому восприятию они были подготовлены, в частности, встречей с Гришей Добросклоновым.

Хорошо известно, какое впечатление произвели на странников речи народного заступника — Григория Добросклонова. Современные исследователи совершенно резонно подчеркивают и ту роль, которую сыграла для них исповедь крестьянки: «После встречи с Матрешей Тимофеевной странникам впервые открылось если не само счастье, так пути к его достижению».¹⁴ По существу, об этом же писал и В. П. Аникин: «Судьбы Савелия-бунтаря, русской крестьянки и ее семьи — все внушало читателю мысль о грозной силе, живущей в народе, силе, пока еще покорной, но — придет срок — могущей стать иной: ведь ключи от крестьянского счастья еще не найдены, хотя и прошла реформа. Глава „Крестьянка“ подкрепляла мысль о грядущем изменении жизни России волей и силой народа».¹⁵

Эти новые мотивы, все сильнее и сильнее звучащие в поэме, прямо связаны с изменениями, которые произошли с самими странниками-правдоискателями.

* * *

В последнее время многие исследователи совершенно справедливо обращают внимание на эволюцию странников, подчеркивая рост их самосознания. В. Г. Прокшин, например, считает, что в процессе поисков странники «стали уже другими, чем в момент первоначального спора на столбовой дорожке или при встрече с попом. Умная речь Яким Наугого о трудовой доблести народа, рассказы о Еремиле Гирине, встреча с Матрешей Тимофеевной, рассказ ее о подвигах Савелия Корчагина, его представление о народном богатырстве, мудрость народной массы значительно обогатили их мирозерцание».¹⁶ По словам Г. В. Краснова, уже в «Последыше» «сами герои стали мудрее. Хожdenие по Руси не проходит для них бесследно».¹⁷ Я. С. Билинкис также признает, что в «Крестьянке» странники «явно пересматривают свои „исходные“ позиции».¹⁸ Ясно, однако, что все это происходит в соответствии с авторским планом и является реализацией авторского задания.

Можно сделать вывод, что постепенный отход от первоначального «сюжетного плана» не только не противоречил, но, напротив, как раз входил в замысел Некрасова. Ведь спор семи мужиков о предполагаемых счастливицах явно опирался на «традиционные представления отцов и дедов, восходящие к фольклору».¹⁹ Некрасов же, как известно, «был далек от фетишизации фольклора».²⁰ В ряде случаев он даже полемизировал с теми фольклорными тенденциями, которые считал противоречащими подлинным народным интересам. На этой основе и возникает, в частности, замысел «Кому на Руси жить хорошо». Поэтому необходимо было показать, как под влиянием самой пореформенной действительности нарушаются, постепенно и закономерно исчезают традиционные, умозрительные, иллюзорные представления крестьян, как новые встречи, новые наблюдения расширяют их кругозор, заставляют более вдумчиво, более глубоко воспринимать жизнь.

¹⁴ Беглов В. А., Трофимов И. В. Социальное сознание семи странников в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». — В кн.: Н. А. Некрасов и его время, вып. 5. Калининград, 1980, с. 28.

¹⁵ Аникин В. П. Поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», с. 47.

¹⁶ Прокшин В. Г. Н. А. Некрасов. Путь к эпопее, с. 180.

¹⁷ Краснов Г. В. Народная мысль в главе «Последыш». — В кн.: Истоки великой поэмы. Ярославль, 1962, с. 164.

¹⁸ Билинкис Я. Замысел и композиция поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». — Русская литература, 1961, № 2, с. 141.

¹⁹ Беглов В. А., Трофимов И. В. Социальное сознание семи странников в поэме Некрасова... с. 24.

²⁰ Прийма Ф. Я. К характеристике фольклоризма Н. А. Некрасова. — Русская литература, 1981, № 2, с. 85. См. также: Чуковский К. И. Мастерство Некрасова. Изд. 2-е, дополн. М., 1955, с. 452—454.

Странники выполняют не просто служебную функцию, связывая отдельные части поэмы в единое целое. Некрасов показывает рост самих правдоискателей в ходе их поисков, в процессе познания истины. Их образ не статичный, а динамичный. Динамика эта особенно явно проявляется в изменении их сознания.

Жизнь учит странников и иному представлению о счастье. Сначала они пассивно соглашались с определением попа: «Покой, богатство, честь». Ясно, что у них самих представление о счастье еще не совсем выработанное, не вполне четкое. Некрасов же стремится подвести мужиков к мысли о несостоятельности, ущербности поповской формулировки. Не случайно ее по существу дискредитирует Оболт-Оболдуев. Покой для него равняется полнейшему безделью, барской праздности, богатство — сытому довольству, пьяному разгулу.

Сама жизнь заставляет странников прийти к новому пониманию счастья. Покой? Но труд для них есть жизненная потребность (в отличие от Оболта-Оболтуева, Уятинина, Глуховского). Богатство? Но странники слышат рассказ о Якиме Нагом, который при пожаре спасает не целковики, а картинки... Честь? Для Савелия высшая честь в том, что он «клеяменный, да не раб!..». Как справедливо пишет В. Г. Прокшин, «представления мужиков о счастье и о счастливых не остаются неизменными, а быстро развиваются под влиянием того, что они видели, слышали, думали во время совместного путешествия для „решенья дела спорного“».²¹

Так осуществляется на практике один из важнейших принципов реализма Некрасова: эволюция его героев, рост их сознания происходит под воздействием самой действительности. От иллюзорных представлений о счастье и — в соответствии с этим — о предполагаемых счастливых странах странники закономерно под влиянием многообразных явлений русской жизни приходят к новому пониманию тех вопросов, которые стояли перед ними в начале поэмы.

Разумеется, в процессе создания поэмы замысел Некрасова мог претерпевать определенные изменения, но логика развития авторской идеи приводит нас к мысли о том, что начальная формула спора была дана в полемических целях, что Некрасов с самого начала хотел показать постепенное разрушение крестьянских иллюзий, рост крестьянского самосознания, появление новых тенденций в народной жизни. Поэтому нам представляются совершенно правильными соображения А. И. Груздева, которые он высказывает, противореча своим же собственным, процитированным выше, словам: «С первых же глав первой части выясняется, что истинная цель странствия семи мужиков, пока еще не названная и, может быть, четко не осознанная ими, заключается в том, чтобы решить основной вопрос — о крестьянском счастье, стремление понять настоящее и будущее народа, определить его судьбу».²²

Да, цель эта с самого начала четко не осознается странниками, но зато она совершенно ясно осознается автором. Именно поэтому суждение А. И. Груздева о том, что формула поисков, данная в «Прологе», выражает и авторскую точку зрения, оказалась нам ошибочной.

Роль автора в «Кому на Руси жить хорошо» в последние годы привлекает внимание многих литературоведов. Принципиально важными, в частности, являются мысли о том, что позиция автора не может быть отождествляема с позицией странников: «... автор-повествователь не всегда полностью сливается с образом семи мужиков. В ряде случаев точка зрения автора отлична от точки зрения народных героев эпопеи. Автор вы-

²¹ Прокшин В. Г. О структуре эпопеи «Кому на Руси жить хорошо». — В кн.: Научные доклады высшей школы. Филологические науки, 1976, № 4, с. 76.

²² Груздев А. И. Поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», с. 293.

ступает как носитель не крестьянского, а иного, наиболее передового, революционно-демократического сознания».²³

Вполне естественно и понятно, что вся поэма Некрасова написана на основе развития того замысла, который сформировался у него в самом начале работы над «Кому на Руси жить хорошо». Что же касается сюжетного плана, данного в «Прологе», то он не только не противоречит авторскому замыслу, но, напротив, является важнейшим средством его воплощения, способствуя представлению о росте самосознания русского крестьянства в пореформенный период. В этой связи следует вспомнить важное наблюдение Л. А. Евстигнеевой. На основе тщательного изучения архивного материала, творческой лаборатории Некрасова она приходит к выводу, что «распространенное мнение о коренном изменении замысла „Кому на Руси жить хорошо“ не подтверждается анализом рукописей. Происходили воплощение замысла, его реализация и попутно усложнение, но не эволюция как таковая».²⁴

* * *

Вопрос об авторском замысле «Кому на Руси жить хорошо» имеет прямое отношение и к непрекращающимся спорам о расположении частей поэмы.

Нет, кажется, в последнее время ни одной сколько-нибудь обстоятельной работы о поэме «Кому на Руси жить хорошо», где не излагалась бы сложная и даже драматическая история, касающаяся композиции этого произведения. При этом исследователи, аргументируя свои предложения относительно расположения частей поэмы, неизменно обращаются к творческому замыслу Некрасова. Может быть, наиболее отчетливо это прозвучало в статье Я. С. Билинкиса, прямо названной: «Замысел и композиция поэмы Н. А. Некрасова „Кому на Руси жить хорошо“».

«Можно априори предположить, — пишет Я. С. Билинкис, — что, рассматривая особенности крестьянского сознания, как они переданы в отдельных частях и главах поэмы, мы получим ключ или во всяком случае существенные указания к тому, как располагать части поэмы при ее публикации».²⁵ Вывод исследователя сводится к следующему: расположение частей поэмы, «предложенное в 1922 году П. Н. Сакулиным и принятое затем во всех изданиях, в наибольшей степени отвечает внутреннему содержанию произведения. Именно при таком расположении частей в поэме оказывается воспроизведенным в ряде его важнейших звеньев процесс движения русского крестьянства к революции».²⁶

Напротив, А. М. Гаркави убежден, что общепринятое «расположение частей, предложенное исследователями и редакторами, имеет свои преимущества, но не соответствует авторскому замыслу».²⁷ В примечании к статье А. М. Гаркави уточняет свою позицию: «Преимущество печата-

²³ Б е с е д и н а Т. А. Изучение поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» в школе. Вологда, 1974, с. 151. См. также: Г и н М. М. О своеобразии реализма Н. А. Некрасова, с. 248—251; Р о з а н о в а Л. А. Есть ли образ автора в «Кому на Руси жить хорошо»? — В кн.: Н. А. Некрасов и русская литература. Тезисы докладов и сообщений межвузовской научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Н. А. Некрасова. Кострома, 1974, с. 31—32; А н и к и н В. Поэма Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», с. 16; П р о к ш и н В. Г. Н. А. Некрасов. Путь к эпопее, с. 256—268.

²⁴ Е в с т и г н е е в а Л. А. Спорные вопросы изучения поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», с. 404.

²⁵ Б и л и н к и с Я. Замысел и композиция поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», с. 139.

²⁶ Там же, с. 149.

²⁷ Г а р к а в и А. М. Концепция «нового человека» в поэзии Некрасова. — В кн.: Н. А. Некрасов и его время. Калининград, 1979, с. 84.

ния „Пира...“ в конце поэмы — не только в том, что она в этом случае приобретает подобие законченности, но и в том, что концовкой становятся самые яркие по политическому смыслу страницы. Так поэма и печатается в современных изданиях.

Однако стремление исследователей подкрепить это ссылками на авторский замысел <...> неправомерно, ибо не имеет прочной текстологической основы и поддерживается лишь научными гипотезами.²⁸

Полемика о расположении частей «Кому на Руси жить хорошо» вступила в новую фазу. До недавнего времени спор, по существу, шел только о месте «Крестьянки»: печатает ее до или после «Последыша». В 1974 г. Т. А. Беседина писала: «В необходимости завершать „Кому на Руси...“ главой „Пир...“ у ныне спорящих сомнений нет».²⁹

Однако сомнения все же существуют. Не задаваясь целью воспроизвести все этапы полемики, напомним, что еще в 1934 г. В. В. Гиппиус на основании тщательного анализа пометок Некрасова на рукописях и календаря сельскохозяйственных работ, изображенных в поэме, доказал, что «Кому на Руси жить хорошо» следует завершать «Крестьянкой», а «Последыш» и «Пир на весь мир», относящиеся ко второй части поэмы, должны печататься соответственно в середине произведения.³⁰ И в настоящее время есть исследователи, которые считают эти аргументы вполне убедительными. В. П. Аникин, например, весьма настойчиво утверждает мысль о необходимости точно следовать авторским обозначениям, согласно которым поэма должна завершиться «Крестьянкой» («Из части третьей»). При этом весьма существенно, что В. П. Аникин не ограничивается простым указанием на авторские пометки. Анализ содержания «Кому на Руси жить хорошо» также приводит его к выводу, что «логика и последовательность в развитии „стержневой“ идеи поэмы угадываются, если признать авторский порядок частей: Часть первая — „Последыш“ — „Пир на весь мир“ — „Крестьянка“».³¹

Прежде всего необходимо признать, что четкие некрасовские указания на порядок частей не оставляют никаких сомнений в том, каким образом сам автор представлял себе расположение материала. Правда, Л. А. Розанова считает, что у Некрасова в вопросе о расположении частей «окончательная авторская воля не выражена».³² Но это не так: она выражена совершенно четко и недвусмысленно. Пометки Некрасова к главам ясны и точны. Они не допускают никаких кривотолков. От них нельзя «отмахнуться», объявив их противоречивыми, необязательными, временными и т. д. Л. А. Евстигнеева совершенно резонно заметила: «План поэмы полностью не осуществился, тем не менее мы обязаны считаться с авторскими обозначениями частей произведения, ибо никаких других Некрасов не сделал и не мог сделать, пока не кончилась работа над поэмой».³³

Некрасовская нумерация глав и частей поэмы логична и последовательна. Никаких противоречий и неясностей она не содержит. Совершенно несомненно, например, что «Последыш» прямо и непосредственно

²⁸ Там же, с. 87.

²⁹ Беседина Т. А. Изучение поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» в школе, с. 164. Несколько ранее об этом же писал С. А. Червяковский: «С середины 30-х годов в печати не было ни одного выступления в защиту завершения поэмы „Крестьянкой“» (Червяковский С. А. Обзор исследований поэмы «Кому на Руси жить хорошо». — В кн.: Некрасовский сборник, вып. III. М.—Л., 1960, с. 232).

³⁰ Гиппиус В. В. К изучению поэмы «Кому на Руси жить хорошо». — В кн.: Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934, с. 295—304.

³¹ Аникин В. П. Поэма Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», с. 52.

³² Розанова Л. А. Поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Комментарий. Л., 1970, с. 205.

³³ Евстигнеева Л. А. Спорные вопросы изучения поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», с. 415.

связан с первой частью поэмы: он сначала даже прямо входил в эту часть и имел обозначение «Глава VI». Затем, в процессе работы, «Последыш» выделился из первой части и получил обозначение «Из второй части». При этом между первой частью и «Последышем» сохранилось неразрывное единство.³⁴ Таким образом, место «Последыша» в общем расположении частей поэмы совершенно ясно: он идет сразу же за Частью первой. Первоначально Некрасов предполагал, что «Крестьянка» должна следовать за «Последышем»; отсюда такие пометки на рукописях: «Часть вторая, II», «Часть вторая. Рассказ второй». Но впоследствии «Крестьянка» получила новое обозначение — «Из третьей части».

Возможно, Некрасов почувствовал, что после «Последыша» необходима новая глава, которая, в частности, давала бы ясное представление об обстоятельствах, способствовавших росту самосознания странников. Нужно было показать тот внутренний процесс, который привел мужиков-правдоискателей к резкому повороту в поисках счастливого. Подтверждением этого поворота служат первые же строки «Крестьянки» («Не все между мужчинами...» и т. д.). Пока не было «Пира на весь мир», такой переход от «Последыша» к «Крестьянке» не мог не восприниматься как внезапный, слабо мотивированный и в идейном, и в художественном отношении. Между «Последышем» и «Крестьянкой» явно требовалась еще одна глава, смысл которой заключался бы в дальнейшем развитии несобытийной стороны сюжета, а комплекса новых идей, сыгравших громадную роль во внутренней эволюции странников. Таким образом, «Пир на весь мир» был задуман и написан Некрасовым, с одной стороны, как явное и прямое продолжение «Последыша», с другой — как необходимый переход к «Крестьянке».³⁵ Тем самым обеспечивалась логическая связь в развитии авторского замысла. Свидетельством этому служат постоянные и настойчивые указания Некрасова о месте публикации «Пира на весь мир»: «Настоящая глава непосредственно следует за главою „Последыш“...» (III, 687).

Между тем все еще существуют попытки под теми или иными предлогами принизить принципиальное значение некрасовских пометок о расположении частей «Кому на Руси жить хорошо» вообще и о месте «Пира...» в частности. Так, никаких оснований не было у И. В. Шаморикова для утверждения, будто бы «пометки Некрасова, что „Пир“ — глава вторая, что он следует непосредственно за „Последышем“, относятся к первоначальному замыслу, к тому времени, когда поэт только приступил к созданию „Пира“». И далее И. В. Шамориков продолжает: «Салтыкову-Щедрину, конечно <!>, было известно, что примечание Некрасова о месте „Пира“ относится к первоначальному замыслу этой части поэмы».³⁶ На чем основано убеждение исследователя, что указание Некрасова о месте расположения «Пира...», проходящее через все сохранившиеся источники текста, относится лишь к первоначальному замыслу поэта и что об этом якобы знал Салтыков-Щедрин, неизвестно.

³⁴ См.: Краснов Г. В. Народная мысль в главе «Последыш», с. 176.

³⁵ В. В. Гиппиус писал, что перестановка Некрасовым «Крестьянки» из второй в третью часть поэмы является следствием стремления поэта добиться внешней и внутренней логики развития авторской идеи: «...на месте „второй главы“ второй части — после „первой главы“, „Последыша“, — оставлен пробел, — конечно, потому, что на место „Крестьянки“ задумана другая „вторая глава“, более тесно связанная с „Последышем“» (Гиппиус В. К изучению поэмы «Кому на Руси жить хорошо», с. 297). Следует отметить еще одно важное наблюдение В. В. Гиппиуса. Прочитав известное примечание Некрасова о том, что «Пир на весь мир» должен следовать за главою «Последыш», опубликованной в «Стихотворениях» поэта издания 1873 г. (ч. 6, с. 9—70), исследователь писал: «Опять — совершенно ясное указание: следующая 71-я страница была шмуцтитуром „Крестьянки“» (там же, с. 298). Следовательно, по мысли самого Некрасова, место «Пира...» — между «Последышем» и «Крестьянкой».

³⁶ Шамориков И. В. О расположении частей поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». — В кн.: Вопросы текстологии. Сборник статей. М., 1957, с. 230, 231.

* * *

Но у сторонников традиционного расположения частей поэмы Некрасова, при котором она заканчивается «Пиром на весь мир», есть один важный аргумент. В одготомнике 1881 г., где вся поэма была впервые напечатана целиком, «Пир на весь мир» был опубликован в конце с пометкой: «Из четвертой части». Понятно, какое значение в этом случае приобретает указанное издание. По существу, мы имеем дело едва ли не с единственным текстологическим доводом, оправдывающим общепринятую сейчас композицию «Кому на Руси жить хорошо». А. И. Груздев, много внимания уделивший одготомнику 1881 г., изданному А. А. Буткевич, писал, что если именно сестра поэта, лучше всех знавшая историю авторских обозначений и примечаний к «Пиру на весь мир», напечатала эту часть «не в середине произведения, а в конце его и если, наконец, вместо обозначений „Из второй части“ она написала „Из четвертой части“, значит, к этому у нее были серьезные основания. Таким основанием могло быть устное указание Некрасова печатать „Пир на весь мир“ в конце произведения. Иначе А. А. Буткевич не совершила бы отступления от столь ясных и категорических авторских обозначений на рукописи „Пира на весь мир“».³⁷

Для того чтобы оценить справедливость этих суждений, необходимо обратиться к некоторым обстоятельствам появления «Пира на весь мир» в легальной печати.

В конце 1880 г. редакция «Отечественных записок» решила предпринять еще одну попытку опубликовать ту часть поэмы, которая из-за цензуры так и не увидела свет при жизни автора. Текст «Пира на весь мир» был заблаговременно отправлен на просмотр Н. С. Абазе, бывшему тогда начальником Главного управления по делам печати. 15 января 1881 г. Салтыков-Щедрин сообщил Н. К. Михайловскому: «Завтра <...> поеду к Абазе хлопотать о некрасовских стихах».³⁸ На следующий же день он информировал Г. З. Елисеева, что, по мнению Абазы, «Пир на весь мир» «можно печатать вполне по той корректуре, которую Некрасов сам исправил».³⁹ После этого «Пир...» сразу стали набирать для февральской книжки «Отечественных записок». Правда, текст этот был во многом искажен Некрасовым в порядке автоцензуры. Сестра поэта А. А. Буткевич, ознакомившись с корректурой, присланной ей из «Отечественных записок», сразу же заметила в письме к Салтыкову-Щедрину (2 февраля 1881 г.): «Не говоря о пропусках, очевидно, что и некоторые перемены сделаны покойным братом со скрежетом зубов — лишь бы последнее, дорогое ему детище увидело свет».⁴⁰

В связи с этим А. А. Буткевич просила Салтыкова-Щедрина устранить хотя бы наиболее явные случаи автоцензуры в песне Гриши Добросклонова «Доля народа». Она даже полагала, что в условиях относительно либеральной цензуры вообще «вторая редакция этой вещи — теперь ни к чему». Иными словами, сестра поэта предлагала вернуться к той редакции «Пира на весь мир», которая была подготовлена самим Некрасовым для опубликования в № 11 «Отечественных записок» за 1876 г. Впрочем, Буткевич отчасти предвидела причины, по которым ее просьба не могла быть выполнена: «Но, может быть, у вас все уже напе-

³⁷ Груздев А. И. О композиции поэмы «Кому на Руси жить хорошо». (Порядок частей). — В кн.: Истоки великой поэмы. Ярославль, 1936, с. 136—137.

³⁸ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. в 20-ти т., т. XIX, кн. 1. М., 1976, с. 198.

³⁹ Там же, с. 199. Корректурой здесь назван, очевидно, журнальный оттиск 1876 г., правленный поэтом.

⁴⁰ Салтыков-Щедрин М. Е. Письма. 1845—1889. Л., 1924, с. 021 (Приложения).

чатано для февральской книжки — тогда, конечно, делать нечего, а мне бы так хотелось переменить это место».⁴¹

Действительно, пожелания А. А. Буткевич невозможно было выполнить, «во-первых, потому, что поэма уже отпечатана, а во-вторых, и потому, что она в этом виде была у Абазы». Об этом мы узнаем из письма Салтыкова-Щедрина к Михайловскому от 3 февраля 1881 г.⁴²

В это самое время в типографии М. М. Стасюлевича заканчивалось печатание Полного собрания стихотворений Некрасова в одном томе.⁴³ Разумеется, было ясно, что публикация «Пира...» очень украсила бы новое издание (ведь в предшествовавшие издания эта часть никогда не входила). 23 декабря 1880 г. М. М. Стасюлевич писал А. А. Буткевич: «Дайте знать, когда узнаете что-нибудь о главе „Кому на Руси жить хорошо“ в „Отчественных Записках“. Я приостановил пока работу».⁴⁴

Впрочем, решение вопроса задержалось; работа же над изданием была продолжена и в начале февраля 1881 г. подходила к концу. Только 3 февраля Салтыков отправил Стасюлевичу оттиск набора «Пира...», подготовленного для журнала, — с тем, чтобы этот оттиск был использован и для однотомника.

Судя по всему, Буткевич и Стасюлевичу говорила (или писала) о желании внести какие-то исправления в текст «Пира на весь мир». Возможно, как уже было сказано выше, она хотела вернуться к тексту журнального оттиска 1876 г. — подобно тому, как настояла она на публикации в однотомнике полного текста «Уныния» и «Современников» по журналу, а не по «Последним песням», где они были даны в сокращенном виде.⁴⁵ Однако Стасюлевич не советовал ей этого делать по тем же самым причинам, которыми руководствовался Салтыков-Щедрин. В однотомнике можно было печатать текст точно такой же, как и в «Отечественных записках», ибо разрешение Абазы в этом случае давало гарантию, что цензурных придинок не будет. Поэтому Стасюлевич считал, что Буткевич не должна требовать нового набора («допечатки») по сравнению с оттиском, присланным из «Отечественных записок». 3 февраля 1881 г. он писал Буткевич: «Михаил Евграфович прислал в типографию оттиск для набора. Мой совет Вам: держитесь обеими руками этого текста или иначе может выйти что-нибудь крайне неудобное. Другой

⁴¹ Там же.

⁴² Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. в 20-ти т., т. XIX, кн. 2, с. 203. Выполняя просьбу Салтыкова, Н. К. Михайловский в том же номере журнала, где был опубликован «Пир...», сообщил для сведения читателей: «Покойный поэт очень хотел видеть ее (эту часть поэмы, — М. Т.) в печати и, уже больной, при смерти, делал в угоду цензуре разные урезки и приставки, лишь бы пропустили. В этом именно виде, то есть с урезками и приставками, поэма печатается теперь» ([Михайловский Н. К.]. Записки современника. — Отечественные записки, 1881, № 2, отд. II, с. 262).

⁴³ Переговоры о дешевом издании стихотворений Некрасова в одном томе начались еще в конце 1879 г. 1 января 1880 г. Стасюлевич в письме к Буткевич давал ей ряд советов относительно формата будущего издания, цены и т. д. (ИРЛИ, ф. 293, оп. 1, ед. хр. 75, л. 72—72 об.). С самого начала Буткевич решила ввести в основной текст некоторые отрывки, попавшие в посмертном четырехтомном издании в отдел примечаний (речь шла о стихотворении «Уныние» и второй части сатирической поэмы «Современники»). 6 октября 1880 г. Стасюлевич писал ей: «Сегодня же начинаем набирать популярное издание: пришлю Вам первый лист — взглянуть. До Ваших вставок еще не скоро дойдет дело, — но и против них ничего не имею и не могу иметь: они взяты из Приложений» (там же, л. 85—85 об.), т. е. не вызвали в свое время цензурных придинок.

⁴⁴ ИРЛИ, ф. 293, оп. 1, ед. хр. 75, л. 101. См. также: М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке, т. V. СПб., 1913, с. 78. В этом издании опубликованы не все письма Стасюлевича к Буткевич; некоторые из них напечатаны с сокращениями.

⁴⁵ См. заметку А. А. Буткевич (Литературное наследство, т. 49—50. М., 1946, с. 147).

мой совет относительно допечатки поэмы: не разоряйтесь, ради бога — денег будет стоить, а дело не подвинется ни на шаг». ⁴⁶

Очевидно, эти доводы убедили Буткевич: она уже не выражала никаких сомнений по поводу текста «Пира...». Другое обстоятельство вызвало ее протест: она не была согласна с местом, которое Стасюлевич избрал для публикации этой части поэмы.

В «Отечественных записках» «Пир на весь мир» был помещен с подстрочным примечанием, передающим суть неизменных авторских указаний: «Настоящая глава следует за главою „Последыш“». ⁴⁷ Известное нам письмо А. А. Буткевич к Салтыкову-Щедрину от 2 февраля 1881 г. не содержит никаких возражений по этому поводу. Нет никакого сомнения, что таково же было требование сестры поэта относительно места публикации «Пира на весь мир» в одностомнике. Ведь никаких других авторских пометок не существовало. А. А. Буткевич, которая, по ее собственным словам, считала своей обязанностью свято исполнять волю поэта, конечно, прямо указала то единственное место, где и следовало опубликовать «Пир...» — после «Последыша» и перед «Крестьянкой». Из дальнейшего будет видно, что она, вероятно, побывала в типографии, остановила работу и дала указания в полном соответствии с пометками Некрасова, выполнение которых она считала своим прямым долгом. Однако неожиданно для нее в отпечатанной книге «Пир...» оказался в конце поэмы в качестве четвертой ее части.

Вот как развивались события, судя по письмам Стасюлевича. 12 марта 1881 г. он пишет Буткевич: «Завтра в 2 часа дня выйдет цензурный срок» (для одностомника). ⁴⁸ Цензурных препятствий, как и предполагалось, издание не встретило, и на следующий день, 13 марта, Стасюлевич уже на законном основании послал первые экземпляры новой книги издательнице. Здесь-то и обнаружилось, что ее указание о месте публикации «Пира...» не выполнено. Она так огорчилась, что даже ничего не ответила Стасюлевичу.

Обеспокоенный ее молчанием и, кажется, ощущая за собою какую-то вину, Стасюлевич 20 марта пишет очередное письмо: «Многоуважаемая Анна Алексеевна! Я начинаю сомневаться, получили ли Вы с неделю тому назад первый десяток экземпляров нового издания, — так как до сих пор Вы даже не обратились ко мне хотя бы с хулой за эту работу. Ведь уж не так же Вы прогневались, чтобы даже не похулить». ⁴⁹

И в ответ на не дошедшее до нас письмо Буткевич Стасюлевич спешит оправдаться перед нею (письмо от 22 марта 1881 г.): «Очень рад был вчера получить от Вас известие: итак, если Вы и сердитесь на меня, то очень умеренно. Относительно же помещения „Пира“ скажу в свое оправдание то, что когда Вы остановили печатание, то то место, куда следовало его вставить, было уже отпечатано, и потому волей-неволей пришлось следовать порядку посмертного издания». ⁵⁰

Порядок же, по которому поэма печаталась в посмертном четырехтомном издании, известен: Часть первая, «Последыш», «Крестьянка». Стасюлевич механически присоединил сюда «Пир на весь мир» и, чтобы как-то выйти из создавшегося положения, снабдил его пометкой «Из четвертой части». ⁵¹ Никакого текстологического значения пометка эта не имеет.

⁴⁶ ИРЛИ, ф. 293, оп. 1, ед. хр. 75, л. 104.

⁴⁷ Отечественные записки, 1881, № 2, отд. I, с. 333.

⁴⁸ ИРЛИ, ф. 293, оп. 1, ед. хр. 75, л. 103.

⁴⁹ Там же, л. 110.

⁵⁰ Там же, л. 111. Отрывок из этого письма был впервые опубликован мною в заметке «К истории публикации „Пира на весь мир“» (Русская литература, 1967, № 1, с. 202—203).

⁵¹ В предисловии к одностомнику 1881 г. сказано, что по сравнению с посмертным собранием стихотворений «в настоящем издании сделано два отступления от прежнего порядка, а именно: в стихотворении „Уныние“ и в трагикомедии „Герои времени“ несколько строф, отнесенных в посмертном издании в примечания,

Итак, в начале 1881 г. «Пир на весь мир» почти одновременно выходит в двух изданиях. В февральском номере «Отечественных записок» содержится подстрочное примечание, которое в полном соответствии с авторским волеизъявлением устанавливает место «Пира...» в общей композиции «Кому на Руси жить хорошо» — «за главою „Последыш“». Менее месяца спустя выходит из печати однотомник; текст «Пира...» напечатан там по журнальному оттиску, присланному Салтыковым-Щедриным. Казалось бы, никаких разночтений не должно быть. Тем не менее «Пир...» оказывается там опубликованным в конце поэмы — после «Крестьянки» — в решительном противоречии с прямыми авторскими указаниями. И с тех пор — вот уже 100 лет — такое расположение сохраняется в неизменном виде. Для сторонников традиционной расстановки частей принципиальное значение приобрело не подстрочное примечание к журнальной публикации (восходящее к неоднократным и неизменным авторским пометкам и подкрепленное авторитетом Салтыкова-Щедрина, а также Буткевич, которая не возражала против этого примечания), а подзаголовок «Из четвертой части», появившийся в однотомнике 1881 г. и вызвавший, как выяснилось, недовольство сестры поэта.

Теперь ясно, что А. А. Буткевич никакого отношения к этому подзаголовку не имела, что «Пир на весь мир» только по сугубо производственным, чисто случайным причинам не попал в однотомнике 1881 г. на «то место, куда следовало его вставить» (в полном соответствии с прямыми указаниями Некрасова и требованиями Буткевич, которая стремилась свято соблюсти волю покойного брата). Все эти обстоятельства становятся известными прежде всего из оправдательного письма Стасюлевича от 22 марта 1881 г. Значение этого письма в споре о расстановке частей «Кому на Руси жить хорошо» несомненно.

А. И. Груздев, полемизируя с моей заметкой, в которой отрывок из этого письма был опубликован и прокомментирован, признавал: «Ход суждений в заметке М. Теплинского действительно очень привлекателен своей простотой и ясностью».⁵² Однако А. И. Груздев совершенно иначе интерпретировал процитированное выше письмо М. М. Стасюлевича и сделал из него другие выводы. «После убийства народовольцами Александра II, — по словам А. И. Груздева, — обстановка в стране накалилась до крайности, и, видимо, осмотрительный Стасюлевич счел за лучшее вообще не включать в однотомное издание „Пир на весь мир“, даже не поставив в известность издательницу. Это стало известно Буткевич...».⁵³ Получается, что конфликт вызван был не вопросом о том, в каком месте печатать «Пир...», а нежеланием Стасюлевича вообще его публиковать. Но такое предположение не подтверждено никакими доказательствами. В противовес суждениям А. И. Груздева можно заметить, что тревожные мартовские дни 1881 г. вообще никакого отношения к публикации «Пира...» в однотомнике не имели. Ведь Салтыков-Щедрин прислал в типографию оттиск для набора еще 3 февраля 1881 г. Кроме того, очень сомнительно, чтобы, получив от Щедрина оттиск «Пира...», Стасюлевич взял бы на себя смелость вовсе его не печатать и даже вообще решился скрыть это от издательницы (хотя скрыть такие вещи практически невозможно). Это тем более непонятно, что еще в декабре 1880 г. он даже приостановил работу в типографии, ожидая разрешения «Пира...» к печати, а в феврале 1881 г. призывал Буткевич

восстановлены в самом тексте, и одно значительное дополнение: к поэме „Кому на Руси жить хорошо“ присоединена глава, не вошедшая в посмертное издание и изданная только на днях в февральской книге „Отечественных записок“» (с. V). Предисловие, датированное 1 марта 1881 г., не подписано.

⁵² Груздев А. И. О месте «Пира на весь мир» в составе поэмы «Кому на Руси жить хорошо». — В кн.: Страницы истории русской литературы. К 80-летию чл.-корр. АН СССР Н. Ф. Бельчикова. М., 1971, с. 151.

⁵³ Там же, с. 157.

держаться обеими руками текста, присланного Салтыковым-Щедриным. Наконец, было хорошо известно, что публикация «Пира...» была санкционирована начальником Главного управления по делам печати, — что же, собственно говоря, могло бы так напугать владельца типографии?

Правда, у А. И. Груздева есть еще один аргумент: «Если бы все это было <...> так, как думает М. Теплинский, то в очередном издании Стихотворений Некрасова 1882 г., предпринятого теми же А. Буткевич и М. Стасюлевичем, уже ничто не мешало бы внести соответствующие изменения и (если бы в необходимости этого была убеждена издательница) переместить „Пир“ с конца в середину. Но, как и следовало ожидать, такого изменения не последовало...».⁵⁴ Аргумент этот, конечно, существенный, однако же необходимо учитывать, что 20 февраля 1882 г. А. А. Буткевич скончалась.⁵⁵ Судя по всему, издание 1882 г. готовил уже один Стасюлевич.⁵⁶ И во всех последующих дореволюционных изданиях текст поэмы «Кому на Руси жить хорошо» как бы по инерции перепечатывался с тем расположением частей, которое было установлено в однотомнике 1881 г. Следить за точным исполнением воли автора было уже некому.

В связи с этим можно вспомнить слова А. И. Груздева из статьи, в которой он полемизирует со мной: «Если бы все это было действительно так, как думает М. Теплинский, то проблема была бы разрешенной, т. е. „Пир на весь мир“ следовало бы печатать в середине поэмы».⁵⁷ Но все это было «действительно так»...

* * *

Теперь есть все основания признать принципиальную правоту К. И. Чуковского, когда он в 1920 г. (правда, единственный раз) напечатал поэму «Кому на Руси жить хорошо» в полном соответствии с авторскими обозначениями. Как известно, это вызвало возражения П. Н. Сакулина, в результате чего К. И. Чуковский во всех последующих изданиях печатал «Пир...» в конце поэмы. Тем самым четкие и определенные авторские указания о порядке расположения частей были явно нарушены — на этот раз уже не в силу случайных обстоятельств, а по идейным соображениям. Необходимо все же особо отметить значение издания 1920 г. — единственного, в котором авторская воля (относительно расстановки частей «Кому на Руси жить хорошо») была соблюдена. Даже А. И. Груздев вынужден был признать: «Для такого решения у К. И. Чуковского были веские основания».⁵⁸

Что же смущает современных литературоведов в издании 1920 г.? В согласии с общепринятым мнением Т. А. Беседина пишет: «Как будто

⁵⁴ Там же, с. 158.

⁵⁵ См.: Петербургский некрополь, т. I. СПб., 1912, с. 328. Некролог помещен в газете «Голос» (1882, 22 февраля, № 48, с. 3).

⁵⁶ В архиве М. М. Стасюлевича сохранилось 60 его писем к А. А. Буткевич (ИРЛИ, ф. 293, оп. 1, ед. хр. 75). Последнее датировано 22 марта 1881 г. Никаких следов дальнейшей переписки нет. Анализ второго издания однотомника показывает, что набор был сделан заново, но по макету первого издания. Это подчеркивалось и в предисловии к однотомнику 1882 г.: «В настоящем, втором компактном издании воспроизведено сполна первое...» (с. V). Предисловие датировано 15 марта 1882 г., т. е. написано почти месяц спустя после смерти А. А. Буткевич. Следует добавить, впрочем, что одно изменение (не отмеченное в предисловии) в однотомнике 1882 г. по сравнению с предыдущим изданием все же было: снято стихотворение «Осипу Ивановичу Комиссарову» (см. с. 433). До этой страницы оба издания совпадают строка в строку.

⁵⁷ Груздев А. И. О месте «Пира на весь мир» в составе поэмы «Кому на Руси жить хорошо», с. 152.

⁵⁸ Там же, с. 149.

бы воля автора была учтена, но „Пир...“, последнее слово поэта (1877) и идейный финал поэмы, был загнан в середину произведения, а заканчивалось оно мрачной притчей о потерянных ключах от счастья женского (1873), которая никак не могла рассматриваться в качестве слова, завершающего эпопею».⁵⁹

Нельзя не обратить внимания в данном случае на характерную лексику: слово «загнан» звучит так, как будто К. И. Чуковский самовольно искажил текст поэмы, а не следовал четким и недвусмысленным авторским указаниям. Справедливо писал в связи с такими распространенными доводами В. П. Аникин: «...идейная аргументация, взятая сама по себе, не решает дела — она не должна приходиться в столкновение с фактами, на которые опирается текстолог».⁶⁰

К этому следует добавить, что и сама по себе идейная аргументация, как мы старались показать в первой половине нашей статьи, также свидетельствует о внутренней логике и последовательности авторских пометок, определяющих четкий план расстановки частей поэмы «Кому на Руси жить хорошо».

Таким образом, нет никаких резонных и явных доказательств, которые могли бы поставить под сомнение обязательность для нас волеизъявления Некрасова.⁶¹

Встреча с Григорием Добросклоновым была одним из эпизодов в путешествии странников — важным, знаменательным, принципиальным и т. д., но все же лишь эпизодом, который вовсе не означал окончания их поисков. В книге В. В. Жданова «Жизнь Некрасова» содержатся очень важные соображения (восходящие к мнению А. Т. Твардовского), которые подтверждают нашу точку зрения: «Маловероятно, что все линии и пути многосложного повествования, все многообразие образов и характеров можно свести к Грише Добросклонову, — вероятнее, что это один из этапов на пути к завершению всего труда».⁶²

Действительно, странствие продолжается, и неизвестно, к чему оно может привести мужиков... Ведь поэма строится на основе развития авторской идеи, а Некрасову чрезвычайно важно показать, чему учатся странники во время путешествия, что, в частности, они почерпнули из тех новых встреч, о которых рассказывается в «Пире на весь мир». Поэтому события, изображенные в «Пире...», вовсе не обязательно должны быть концовкой поэмы; напротив, они становились новым стимулом в дальнейших поисках семи мужиков, в дальнейшем росте их самосознания.

Многие исследователи, отстаивая тезис о желательности помещения «Пира на весь мир» в конце поэмы, аргументируют свою точку зрения стремлением к относительной законченности произведения. Но поэма Некрасова закончена не была. Можно даже сказать, что сама по себе незаконченность поэмы становится ее определенным структурным эле-

⁵⁹ Б е с е д и н а Т. А. Изучение поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» в школе, с. 163.

⁶⁰ А н и к и н В. Поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», с. 58.

⁶¹ Уже после того как текст настоящей работы был передан в издательство, появилась интересная статья Б. Я. Бухштаба «О конструкции поэмы Некрасова „Кому на Руси жить хорошо“» (в кн.: Жанр и композиция художественного произведения. Петрозаводск, 1981). Б. Я. Бухштаб отмечает, что вариант, при котором поэма заканчивалась бы «Крестьянкой», «более фундирован», чем другие варианты (с. 31), что он «имеет наибольшие формальные преимущества перед остальными: части расположены в соответствии с авторской нумерацией и земледельческим календарем» (с. 39). Однако исследователь отстаивает все же традиционное расположение частей поэмы. При этом возникает некоторое противоречие. С одной стороны, Б. Я. Бухштаб считает, что «не было твердого плана, по которому поэма писалась пятнадцать лет» (с. 35); с другой же стороны, он не принимает наиболее, по его словам, «фундированный вариант» потому, что «он не может считаться соответствующим авторскому плану» (с. 32).

⁶² Ж д а н о в В. В. Жизнь Некрасова. М., 1981, с. 200.

ментом. И дело не в преждевременной смерти автора. По аналогии следует вспомнить пересказанную М. Горьким в письме к Н. К. Крупской оценку В. И. Лениным замысла романа «Дело Артамоновых»: «Отличная тема, конечно — трудная, потребует массу времени, я думаю, что вы бы с ней сладили, но — не вижу: чем вы ее кончите. Конца-то действительность не дает».⁶³

Кроме того, необходимо учитывать, что «незавершенность, говорящая о бесконечности жизни, открывающая беспредельный простор, и есть подлинная полнота „абсолютного эпоса“».⁶⁴

Итак, расположение частей поэмы «Кому на Руси жить хорошо» в полном соответствии с обозначениями Некрасова не может считаться противоречащим идее произведения.

«Самый главный вопрос, — писал в 1960 г. С. А. Червяковский, — который встает сейчас перед текстологами, — это вопрос, не нарушаем ли мы авторской воли, отказываясь от варианта, соответствующего авторским пометкам».⁶⁵

Ответ может быть только один: да, нарушаем. Раньше или позже придется сделать из этого и практические выводы. Разумеется, трудности, которые встанут в этом случае перед некрасоведами, очень велики (особенно, если учитывать столетнюю традицию, вошедшую в сознание целых поколений как исследователей, так и читателей). Но, как бы то ни было, необходимо ясно осознать, что современное расположение частей в «Кому на Руси жить хорошо» не соответствует ни замыслу поэта, ни его прямому волеизъявлению, что помещение «Пира...» в конце поэмы было вызвано в свое время чисто техническими, производственными причинами, не имеющими никакого текстологического значения.

⁶³ Горький М. Собр. соч. в 30-ти т., т. 16, с. 597—598.

⁶⁴ Чичерин А. В. Возникновение романа-эпопеи. М., 1958, с. 16.

⁶⁵ Червяковский С. А. Обзор исследований поэмы «Кому на Руси жить хорошо», с. 231.

Б. Л. Бессонов

ПО ПОВОДУ ОДНОЙ ПУБЛИКАЦИИ

Документы «огаревского дела» были обнаружены автором этих строк в 1977 г. В следующем году в журнале «Русская литература» (№ 3) появился обзор этих документов, озаглавленный «К истории „огаревского дела“ (по вновь найденным материалам)». В сноске было сообщено, что в ближайшем выпуске «Некрасовского сборника» готовится более полная публикация.

Два года спустя, в ноябрьской книжке «Вопросов литературы», под заглавием, полемически повторявшим название обзора в «Русской литературе», появилось сообщение А. Г. Дементьева с подзаголовком «Неизвестные письма А. Я. Панаевой».

Умолчав о моей публикации с пространными выдержками из этих же писем, А. Г. Дементьев, однако, нашел возможным выступить с критикой моих комментариев.

И форма, и существо замечаний А. Г. Дементьева не могут остаться без рассмотрения.

Мне было указано на недопустимость негативных отзывов о Панаевой: «Неужели Б. Бессонов забыл; кем была Панаева на самом деле?»¹ Должен признаться, что мне неизвестно некое общепринятое мнение о Панаевой. К тому же забывчивость здесь ни при чем. Вряд ли ее предполагает и сам А. Г. Дементьев.

«Неужели Б. Бессонов не замечает, — задается вопросом А. Г. Дементьев, — что Панаева под его пером превратилась в личность не только совершенно аморальную, но и до крайности жестокую и бесчеловечную?» (с. 246). Вопрос, разумеется, риторический, внушающий мысль о том, что я по каким-то соображениям очернил подругу Некрасова. В подтверждение сказанного А. Г. Дементьев отсылает читателя к «нескольким строчкам» моей статьи (большого, как он говорит, и не требуется), где я пишу следующее: Панаева «знает о том, что здоровье Огаревой подорвано и разрушается под влиянием нужды и вредных привычек. Все это гарантирует безнаказанность действий. Приглашение приехать в Россию за получением капитала было ни к чему не обязывающей фразой <...> Обвиняя Панаеву в присвоении чужой собственности, Герцен не ошибался» (с. 246).

С сожалением указывая на то, что я «подверг письма Панаевой столь превратному толкованию», А. Г. Дементьев, однако, обходит молчанием важнейшую часть моих аргументов. На цитированных страницах я пишу, например, о том, что Панаева внушает подруге «взыскать капитал с Огарева, а затем убеждает передать капитал в ее, Панаевой, руки и подкалывает образцы доверенностей, которые ставят Огареву в полную зависи-

¹ Дементьев в А. К истории «огаревского дела» (неизвестные письма А. Я. Панаевой). — Вопросы литературы, 1979, № 11, с. 246 (далее при ссылках на эту статью страницы указываются в тексте в скобках).

мость от поверенных. Панаева знает, что просроченный паспорт лишает Огареву возможности беспрепятственного возвращения в Россию».²

Игнорируя мои доводы и уклоняясь от спора по существу высказанных мною соображений, А. Г. Дементьев в своем сообщении лишь повторяет концепцию, развитую им в работах об «огаревском деле».³ Он не отрицает того, что «„капитал“ Огаревой находится в руках Панаевой и Шаншиева» (с. 243). Но утверждает при этом, что «„капитал“ <...> не только не был украден, но и не подвергался опасности быть украденным...» (с. 244).

Как совместить эти утверждения? «Дело в том, — поясняет А. Г. Дементьев, — что денег, которые можно было бы и следовало бы переслать Марии Львовне, у Панаевой на самом деле не было по той причине, что от Огарева она и Шаншиев получили „капитал“ не деньгами, а <...> в виде имения и векселей» (с. 245). Капитал не был денежным («капитал» в кавычках), и поэтому, полагает А. Г. Дементьев, присваивать было нечего. Цитируется письмо Панаевой: «Если бы я имела наличные деньги, то ты могла бы требовать так настойчиво денег» (письмо к Огаревой от 25 ноября 1852 г.). По логике рассуждений А. Г. Дементьева выходит, что обладание капиталом превращается в пустую формальность, если денежный капитал обращается в недвижимое имение и заемные письма. Между тем очевидно, что капитал, изменивший форму, продолжает быть капиталом со всеми возможными выгодами владения.

А. Г. Дементьев далее пишет, что «срок, назначенный для передачи <капитала> <...> Марии Львовне (май 1853 года), оставался прежним и не менялся» (с. 244). Но на следующей странице говорится иное: «... не только при жизни М. Огаревой, но и до самого конца „огаревского дела“ имение так и не было продано, а векселя так и не были оплачены полностью» (с. 245). И далее (о Панаевой): «... ее желания и намерения (выполнить все свои обязательства перед Огаревой, — Б. Б.) натолкнулись на серьезные объективные трудности и препятствия» (с. 246). Из слов самого же А. Г. Дементьева явствует, что срок, назначенный для выплаты капитала, не был для Панаевой обязательным; что он изменялся по обстоятельствам и что, следовательно, права Огаревой не были обеспечены, а обязанности Панаевой не были четко определены. Это хотя и не означает, что было намерение удержать капитал, но ясно, что капитал перешел к Панаевой и Шаншиеву на условиях, позволявших сколько угодно манипулировать сроками выплаты. Не нужно доказывать, что эти условия означали не дружескую услугу по отношению к Огаревой, а сделку, выгодную лишь для поверенных.

В конце концов дело кончилось тем, что Огарева денег не получила и умерла после нескольких лет нужды, на которую ее обрекли тяжелые условия договора с поверенными.

Напомним, как развивались события. В 1846 г. между супругами Огаревыми, жившими к этому времени порознь, состоялась договоренность: Огарев выдал жене необеспеченные заемные письма на сумму 85 000 рублей серебром, с условием выплачивать из этой суммы проценты, по 6000 рублей ежегодно. В 1849 г. Огарева по внушению и настоянию Панаевой подала векселя ко взысканию. К началу 1851 г. капитал с Огарева был взыскан. Его временным владельцем стал поверенный Панаевой (родственник ее мужа) Шаншиев, купивший в счет капитальной суммы орловское имение Огарева; часть суммы была получена в векселях, часть — вопреки утверждению А. Г. Дементьева — наличными деньгами.

² Русская литература, 1978, № 3, с. 143—144.

³ См.: Дементьев А. Г. 1) «Огаревское дело». — Русская литература, 1974, № 4, с. 127—143; 2) Письмо Некрасова Панаевой (еще раз об «огаревском деле»). — В кн.: Некрасов и его время, вып. II. Калининград, 1976, с. 48—54. О концепции А. Г. Дементьева см.: Конкин С. Николай Огарев. (Жизнь, идейно-творческие искания, борьба). Изд. 2-е, испр. и дополн. Саранск, 1982, с. 224—252, 479—482.

На взысканную капитальную сумму были написаны, по словам Панаевой, векселя, по которым она обязывалась выплатить Огаревой все деньги к маю 1853 г. (см. письмо Панаевой к Огаревой от 24 апреля 1851 г.). До времени выплаты капитала Мария Львовна, по условию с Панаевой, должна была получать проценты — 3000 рублей серебром в год, т. е. в два раза меньше той суммы, которую ей высылал муж.

Обещание выплатить капитал к маю 1853 г. не было выполнено не потому, что к этому времени Огарева скончалась. Известие о смерти Огаревой (в марте 1853 г.) дошло до Панаевой не ранее чем в сентябре. Срок, назначенный к выплате капитала, к этому времени уже миновал, но денег к Огаревой не поступало.⁴ Между тем для выплаты капитала в назначенный срок «серьезных объективных трудностей» не было. Капитал был наличо. К началу 1852 г. Шаншиев приобрел два имения — упоминавшееся орловское у Огарева и казанское у Панаева. Эти имения сразу же были заложены на сумму 71 740 рублей серебром⁵ — деньги, достаточные для выплаты почти всей капитальной суммы.

Эти факты, запечатлевшиеся в литературе вопроса, А. Г. Дементьев оставил без внимания. Читателю внушается предствление, будто «упреки со стороны Марии Львовны в неаккуратности высылки обещанных денег опровергались со всей определенностью и убедительностью» (с. 244). «Определенность», действительно, наличо. Что же касается «убедительности», то она вовсе не очевидна. Панаева отвечала на письма нерегулярно и часто задерживала выплату денег, ссылаясь на разного рода причины, реальность которых проверке не подлежала. Например: «Продолжительное и упорное мое молчание происходило от очень уважительной причины. Я лежала в постели с месяц, у меня было воспаление в легких и животе» (письмо от 21 апреля 1851 г.). Объяснение не убеждает, если даже поверить в то, что было одновременно два воспаления, не позволявшие написать письма. Слишком долгим было молчание — с января. Панаева продолжает: «Но когда я оправилась, я получила письмо твое...». И дальше уже безо всяких мотивировок: «...но писать до сего времени не могла». Ни извинений за причиненное беспокойство, ни сожалений о происшедшем. Немотивированные отсрочки в высылке денег сопровождаются заверениями в дружбе и безответственными посулами: «уж если взялись отстаивать тебя, так отстоим»; «ты скоро в аккуратном доходе отдохнешь от всех тревог». Через год, 21 апреля 1852 г.: «Летом ты получишь 20 тысяч франков или более в уплату твоего капитала <...> Когда ты получишь нынче часть капитала, то увидишь, что об тебе постоянно думали и продолжают ревностно думать». Обещанных денег Огарева не получила. В ответ на ее протестующее письмо последовал угрожающий выговор: «Я попрошу тебя об одном, погоди давать эпитет тем людям, которые, кроме твоей выгоды, ничего не видали, взявшись за твой дела» (письмо от июля 1852 г.). И далее горделивое заявление: «Я одно верно знаю, что, несмотря на твои подозрения, я могу отвечать покойно. Факты тебе докажут противное».

⁴ В июне 1853 г. Панаева, ожидавшая ребенка, тайно уехала из Петербурга во Владимирскую губернию, в село Алешунино, где ее ожидал Некрасов. Здесь она прожила до конца лета (см.: Бессонов Б. Некрасов в Алешунино. — Муромский рабочий, 1977, 29 ноября, № 193; см. также аннотацию: Вопросы литературы, 1978, № 5, с. 318—319). Сведения взяты из документов и не нуждаются в дополнительном подтверждении. На это приходится указать в связи со следующим замечанием: «Сведения о том, что летом 1853 года Некрасов приехал в Алешунино вместе с Авдотьей Яковлевной (см. «Вопросы литературы», 1978, № 5, с. 318—319), не подтверждены серьезной аргументацией» (Жданов В. Жизнь Некрасова. М., 1981, с. 71).

⁵ См. «С.-Петербургские сенатские объявления о запрещениях» от 16 января и 15 марта 1852 г. (№ 5 и 22). См. также: Черняк Я. З. Огарев, Некрасов, Герцен и Чернышевский в споре об огаревском наследстве. М.—Л., 1933, с. 227—233.

«Покойных» ответов, однако, не поступало. С июля до ноября 1852 г. Панаева не отвечала на письма. Измучив Огареву молчанием, она, наконец, посылает письмо, в котором жестоко отчитывает подругу: «Дала ли ты хоть грош на процесс? Кто высылал тебе деньги для существования? И кто заботился о сохранении твоих интересов?» и т. д. и т. п. (письмо от 26 ноября 1852 г.). За этими бичующими словами следует нереальное предложение: «Если тебе так нужны деньги, то есть средства достать, но и это еще не верно. Условия самые обыкновенные для заимодавца. На 4 тысячи серебром проценту 2 тыс. сереб., да 1 тысяча серебром — за «лихоимственные проценты» — и не могли быть оформлены официально. «Совесть моя не позволяла мне никогда, — с гордостью замечает Панаева, — такие делать безрассудства с чужими деньгами». И тем не менее добавляет: «Напиши мне свое мнение». Письмо заканчивается патетической фразой: «Будь покойна, твои интересы все-таки останутся для меня святыми — до той минуты, как ты получишь последний грош из капитала».⁶

Письма Панаевой были обращены к незащитному человеку. Все, кто встречал Огареву в Париже, в том числе и сама Панаева летом 1850 г., были свидетелями ее болезни, ее одиночества и метаний. Она была и воинственна, и жалка. Денег, присылавшихся ей Панаевой с конца 1849 г., не хватало на необходимое. Связи с Россией были разорваны, паспорт, выданный на полгода, был просрочен на несколько лет. В настойчивых просьбах о высылке денег звучали беспомощность и отчаяние. Ответы Панаевой были холодны или гневны.

Утверждая, что «письма свидетельствуют не против Панаевой, а за нее» (с. 246) и что «каждое из этих писем говорит о честности Панаевой, о внимательном отношении ее к интересам подруги» (с. 244), А. Г. Дементьев следует самооценкам Панаевой. Какую изображает себя Панаева, такую видит ее и А. Г. Дементьев. Эта зависимость распространяется и на суждения; естественные лишь в устах Панаевой. «Если бы ты хоть раз имела пустое дело, особенно денежное, — вразумляет Панаева Огареву, — то не приписывала бы медленности твоего дела каким-то унижительным расчетам» (письмо от июля 1852 г.). А. Г. Дементьев по поводу этих слов замечает: «Верно: денежные дела нередко принимают запутанный и сложный характер...» (с. 245).

Мы рассмотрели все замечания А. Г. Дементьева, за исключением одного — о выплате капитала наследникам Огаревой. «Утверждения Я. Черняка и Б. Бессонова о том, что Панаева отказывалась передать наследство М. Л. Огаревой ее наследникам, не имеют оснований» (с. 245).⁷ Так пишет А. Г. Дементьев, умалчивая о том, что Панаева в своих отзыхах в суд недвусмысленно заявляла об отказе выплатить деньги (см. публикуемые в настоящем выпуске (с. 158—160) документы № 5, 8, 10).

А. Г. Дементьев ссылается на недатированное письмо Огарева к Сатину, где сказано, что Панаева «дала <...> знать, что у нее 40 тысяч», которые она готова заплатить по первому требованию» (с. 245). Но эта

⁶ К этой фразе А. Г. Дементьев делает примечание: «Вероятно, Панаева не смогла выслать Огаревой обещанные деньги по той простой (!) причине, что один из должников Огаревой не уплатил своего долга в указанный в векселе срок» (с. 243). Вина возлагается на друзей Огарева. А. Г. Дементьев ссылается на письмо Шаншиева к Сатину от 28 марта 1853 г. (см.: Черняк Я. З. Огарев, Некрасов, Герцен и Чернышевский..., с. 518), где говорится о неполучении денег по векселю 1852 г. Но эта задержка не могла быть серьезным препятствием к выплате обещанных 85 000 тысяч рублей. Вексель был выдан на сумму не более чем 14 223 рубля (там же, с. 534).

⁷ См. также: «Нельзя не пожалеть о том, что отдельные положения книги Черняка, в частности немотивированное обвинение в адрес Панаевой, нашли поддержку в недавней работе Б. Бессонова „К истории «огаревского дела»“ («Русская литература», 1978, № 3)» (Жданов В. Жизнь Некрасова. М., 1981, с. 109).

сумма не составляла и половины той, которую надлежало вернуть. Панаева выдвинула условие: или менее половины (не доводя дела до суда), или нисколько (если будет предъявлен иск). Этот ультиматум А. Г. Дементьев изображает как проявление доброй воли, как готовность возвратить капитал!

Панаева предлагала деньги, ни слова не говоря о векселях и имении. А. Г. Дементьев же пишет: «На этот раз нет оснований сомневаться в том, что она могла бы осуществить свое предположение, но, конечно, только в том случае, если наследники согласились бы принять у нее „капитал“ в виде не оплаченных еще векселей и имения, которое было в руках Шаншиева» (с. 245—246). Можно ли так обращаться с фактами?

А. Г. Дементьев намекает читателю на то, что мое отношение к Панаевой определяется скрытыми антипатиями: «... можно не удивляться тому, что адвокат Огарева Гржегелевский пытался истолковать письма Панаевой как документы, изобличающие ее в присвоении „капитала“ Огаревой. Но приходится недоумевать по поводу того, что современный исследователь Б. Бессонов увидел в письмах Панаевой лишь лицемерные изъявления, фальшивые обещания, лживые уверения и т. п.» (с. 246). Почему Огарев и его поверенный усмотрели в письмах Панаевой указания на присвоенный капитал, А. Г. Дементьеву ясно — настолько, что он не приводит каких-либо аргументов. Можно догадываться, что А. Г. Дементьев отправляется от высказывания Некрасова: «... я положительно знаю лютую враждебность Огарева ко мне...» (X, 341). А. Г. Дементьев, видимо, полагает, что, испытывая враждебность к Некрасову, Огарев и его «адвокат» ложно истолковали письма Панаевой — этому «можно не удивляться» (любопытная характеристика Огарева!); но почему «современный исследователь» не поддерживает Панаеву? Не потому ли, что он разделяет отношение Огарева к Некрасову?

Прозрачные намеки А. Г. Дементьева проясняют, во имя чего эгоистические поступки Панаевой оправдываются столь энергично. А. Г. Дементьев, по-видимому, считает, что, оправдывая во всем Панаеву, он защищает авторитет Некрасова. При этом, однако, не принимается во внимание позиция самого Некрасова. Заявляя о своей непричастности к «известной истории огаревского дела», Некрасов не отрицает вины Панаевой.⁸ Если бы обстоятельства были такими, какими их представляет А. Г. Дементьев, получилось бы, что Некрасов для оправдания перед Герценом бездоказательно обвинил Панаеву.

Оценки поступков Некрасова и Панаевой в истории «огаревского дела» взаимосвязаны: возвеличение Панаевой оборачивается принижением Некрасова.

А. Г. Дементьев ставит вопрос таким образом: или капитала «на самом деле не было», или капитал был «украден»; или письма к Огаревой свидетельствуют «о честности Панаевой, о внимательном отношении ее к интересам подруги», или Панаева выступает «личностью не только со-

⁸ «Если вина моя в том, что я не употребил моего влияния (на Панаеву, — Б. Б.), — писал Некрасов Тургеневу 7 июня (26 мая) 1857 г., — то прежде надо бы знать, имел ли я его — особенно тогда, когда это дело разрешалось. Если оно и могло быть, то гораздо прежде» (X, 340). Смысл этих слов не вполне будет ясен, если не уточнить, какой эпизод имеется в виду в выражении «когда это дело разрешалось». Поскольку речь идет об «известной» истории, комментируемое выражение, употребленное в середине 1857 г., когда «огаревское дело» лишь начиналось, логичнее связывать с предысторией этого дела — с судебным процессом 1849 г., когда Огарева предъявила ко взысканию векселя, в которых значился «долг» ее мужа. Как уже отмечалось выше, деньги по этим безденежным векселям, выданным для гарантии прав Огаревой, были взысканы с Огарева в 1851 г. С этим временем, скорее всего, и соотносится выражение из цитированного письма («когда это дело разрешалось»). Вношу поправку в принадлежащую мне же более позднюю датировку — весной 1855 г. (см.: Русская литература, 1978, № 3, с. 144). Ср. также датировку 1853—1854 гг. в книге Я. З. Черняка (Черняк к Я. З. Огарев, Некрасов, Герцен и Чернышевский..., с. 239).

вершено аморальной, но и до крайности жестокой и бесчеловечной». Неправомерная постановка вопроса, не допускающая такой ситуации, когда капитал, полученный по доверенности, не присваивается преднамеренно, но используется в интересах поверенных на «законном основании», когда дружба совмещается с безответственностью, а уязвленное самолюбие и охлаждение дружеских чувств порождают равнодушие и жестокость.

И в прежней, и в настоящей работах предметом моих суждений является не личность Панаевой, взятая в целом, а линия ее поведения по отношению к Огаревой. И здесь я берусь утверждать, что Панаева изменила своей подруге и позже пыталась хотя бы наполовину удержать за собой капитал, принадлежавший наследникам Огаревой.

†

IV. ПУБЛИКАЦИИ

ИЗ ПЕРЕПИСКИ НЕКРАСОВА

ПУБЛИКАЦИЯ М. Я. ВЛИНЧЕВСКОЙ

Корпус переписки Некрасова, наиболее полно представленной в томах X и XI Полного собрания сочинений и писем в 12-ти томах и в томе 51—52 «Литературного наследства» (М., 1949), пополнился рядом публикаций, осуществленных после 1952 г. и учтенных в т. 8 Собрания сочинений Некрасова в 8-ми томах (М., 1967), и некоторыми позднейшими находками. Нами публикуются 7 писем Некрасова и к Некрасову, одно из которых (Некрасова к Л. И. Мечникову) было помещено в т. XI Полного собрания сочинений и писем как письмо к неизвестному с широкой условной датой. Два публикуемых впервые письма Некрасову и одно Некрасова упоминались в некрасоведческой литературе, три остальных письма Некрасова оставались до настоящей публикации незамеченными исследователями. Нами устанавливается также неизвестный ранее адресат Некрасова — Н. П. Макаров.

1

Н. А. Некрасов — В. Н. Бекетову

<17 декабря 1855 г. Петербург>.

Добрейший Владимир Николаевич,

Боткин здесь и остановился у меня; ежели, паче чаяния, какая-нибудь фраза в «Данте» Вас затруднит, то, будьте столь добры, покажите нам, Боткин сам выправит, и дело с концом.

Мы давно Вас не видали. Во вторник к обеду у меня соберется вся компания,¹ — очень обяжете, присоединившись к ней.

Душевно преданный Вам

Н. Некрасов.

17 дек.

Печатается по автографу: ГИМ, ОПИ, ф. 445, № 230.

В. Н. Бекетов (1809—1883) — цензор Петербургского цензурного комитета. По характеристике Добролюбова, «известный либеральностью по глупости» (Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 9-ти т., т. VIII. М.—Л., 1964, с. 528; см. также: т. IX, с. 401—402); позднее назван Некрасовым «лучшим цензором» «Современника» (X, 444). Известны одно письмо Некрасова к Бекетову (X, 269—270) и три письма Бекетова к Некрасову (Архив села Карабихи. М., 1916, с. 78—79; Литературное наследство, т. 51—52. М., 1949, с. 110; см. также: Гаркави А. М. Н. А. Некрасов в борьбе с царской цензурой. Калининград, 1966, с. 58—61, 96—99, 106—109. (далее: Гаркави)).

Год устанавливается по содержанию: в № 1 «Современника» за 1856 г. (цензурное разрешение — 31 декабря 1855 г. и 5 января 1856 г.) напечатана в переводе В. П. Боткина статья Т. Карлейля «Героическое значение поэта. Дант». Из писем Некрасова к Боткину известно, как трудно проходил цензуру предназначавшийся первоначально для сентябрьского номера 1855 г., но задержанный Бекетовым, переданный М. Н. Мусиным-Пушкиным А. П. Фрейгангу, а затем в духовную цен-

зуру и появившийся только в октябрьском номере «Современника» первый перевод Боткина из Т. Карлейля (X, 237, 242, 251; см.: Благоволина Ю. П. Письма Н. А. Некрасова к В. П. Боткину. — В кн.: Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, вып. 32. М., 1971, с. 204; Гаркави, с. 247). Метод коллективного уговаривания цензора подписать в печать материал, который мог вызвать у него сомнения, нередко использовался в редакторской практике Некрасова (X, 397; см. также: Гаркави, с. 62; Некрасов Н. А. Собр. соч. в 8-ми т., т. 8. М., 1967, с. 134; Блинчевская М. Я. «Козьма Захарыч Минин-Сухорук» и Некрасов. К истории первой публикации хроники. — В кн.: Наследие А. Н. Островского и советская культура. М., 1974, с. 171). Известно, что в приезд свой в Петербург в октябре 1855 г. Боткин жил у Некрасова (X, 256, 258). 14 декабря Боткин также был в Петербурге и на обеде у Некрасова познакомился с Л. Н. Толстым (см.: Гусев Н. Н. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. 1828—1890. М., 1958, с. 103).

¹ Возможно, не только сотрудники редакции «Современника» И. И. Панаев и Чернышевский, но и бывший в это время в Петербурге Тургенев, а также познакомившийся незадолго до этого с кругом «Современника» и живший у Тургенева Л. Н. Толстой. Все они осенью и зимой 1855 г. навещали Некрасова, который был тогда тяжело болен и, напряженно работая, месяцами не выходил из дому (X, 256, 259; см. также письмо Тургенева к Анненкову от 9 декабря 1855 г.: Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Письма, т. 2. М.—Л., 1961). Из дневниковой записи присутствовавшего на обеде 20 декабря (упомянутый в письме вторник) А. В. Дружинина выясняется, что обед этот был устроен «Васенькой» Боткиным (ЦГАЛИ, ф. 167, оп. 3, № 108, л. 188 об.).

2

Н. А. Некрасов — Н. П. Макарову

⟨7 ноября 1859 г. Петербург⟩.

Милостивый государь Николай Петрович.

Спешу Вас известить, что дело об «Исповеди»¹ уладилось благополучно — и препятствий к выпуску ее в свет нет.

Примите уверение в моем истинном уважении и преданности

Н. Некрасов.

7-го ноября 1859.

СПб.

Печатается по автографу: Государственный Литературный музей, инв. № ОС, 3733.

Н. П. Макаров (1810—1890) — бывший помощник и друг известного в свое время откупщика В. А. Кокорева, «кабачного гения», по выражению Некрасова (II, 275). «От гвардии, через питейные откупа к гитаре, от гитары <...> к литературе, а от литературы к словарям — таков <...> несколько анекдотический <...> путь, проделанный Н. П. Макаровым», — пишет Б. М. Эйхенбаум в своей повести-памфлете «Маршрут в бессмертие. Жизнь и подвиги чухломского дворянина и международного лексикографа Николая Петровича Макарова» (М., 1933, с. 7).

¹ «Задушная исповедь. Назидательная быль. С вариациями на тему „точки зрения“» — первое сочинение Н. П. Макарова и единственное напечатанное в «Современнике» (1859, № 11), в котором автор рассказывает об уголовном процессе, возбужденном против него Кокоревым (в «Исповеди» — Василий Андроньевич Штукарев), отравившим ему, по его более позднему признанию, «половину <...> жизни» (Макаров Н. П. Мои семидесятилетние воспоминания и с тем вместе моя полная предсмертная исповедь, ч. I. СПб., 1881, с. 9). Не имевшая литературных достоинств «Исповедь» напечатана была без гонорара, но большим, чем журнал, тиражом (Литературное наследство, т. 53—54. М., 1949, с. 256). Как только дополнительная часть тиража была сброшюрована и поступила в продажу в виде отдельного издания, сотрудник «Современника» М. Л. Михайлов высмеял книгу и ее автора в «Русском слове» (1860, № 1). В «Современнике» сочинение Макарова появилось с послесловием Добролюбова: «Несколько слов от редакции. По поводу предыдущей статьи» (напечатано без подписи), в котором говорилось, что «Исповедь» «не может не заинтересовать всякого, кого занимали <...> вопросы об источниках и средствах общественных успехов и житейской величия разных деятелей русской жизни» (Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 9-ти т., т. V. М.—Л., 1962, с. 428—429). «Исповедь» Макарова явилась одним из настоящих обличений такого

социального зла, как откупа, и одновременно обличением самого автора. В течение 1859 г. редакция «Современника» с большим трудом и не всегда успешно преодолевала цензурные препятствия при публикации обличительных статей об откупах (см. об этом: там же, т. IX, с. 394). Комментируемое письмо свидетельствует, что даже сочинение Макарова вызвало придирки цензуры.

3

Г. Н. Потанин — Н. А. Некрасову

5 января 1861 г.

Милостивый государь Николай Алексеевич!

В Новый год Вы, вероятно, получили корректуру моего романа¹ «Старое старится, молодое растет»?² — она была послана с верным человеком. Но дело не в этом, а вот в чем: я три раза подносил руку, чтобы изорвать бестолковое мارانье цензора, а вместе с ним и корректора: так возмутило меня их дерзкое невежество и крайнее незнание народного языка. Для какого-нибудь немца Оберта,³ конечно, все равно, что «божий» и что «божеский» — то и другое Göttlich для немца Оберта, и «маменька» и «мамынька», и «бабушка» и «баушка» решительно не имеют разницы,⁴ а потому что все Mutter да Großmutter. Ну, а для русского цензора это уж никак не должно быть все равно. Истинному русскому цензору должно быть очень известно, что фразы «сотвори божию милость» и «сделай божескую милость»⁵ так похожи одна на другую, как идол на бога, безмозгий на безмозглого, или, положим, хоть Оберт на настоящего русского цензора. Я сам очень хорошо знаю, в котором месте нужно утереть нос моему сопляку Ваське, чтоб он не был противен человеку опрятному (за это я очень благодарен Вам: место это не нравилось и мне самому);⁶ сам знаю, где вознесено мое дерзкое земное слово до бога небесного, и если бы господин цензор коснулся именно этих мест, я был бы ему также глубоко благодарен, как моему духовному отцу, которого я — вот уже почти тридцать лет — все ищу на земле; а придираться к мелочам и вычеркивать областные слова, значения которых он решительно не понимает или вычеркивает вроде того, что Оленька Почечкин рожден от барина и девки,⁷ и этим приучать меня мыслить чище и нравственнее о наших дворянах, — я с этим еще не совсем согласен! А почему? — я постараюсь объяснить.

Артамон Артамоныч Пентюх (ах, кстати: поблагодарите здесь г. корректора за то, что моего Артамоныча он переделал в Артамоновича⁸ — очень ему благодарен за правильность Греча, жаль только — не обратил внимания на греческое происхождение русского Артамона, а то еще бы правильное вышло, если б он выправил в Артемоновича), Артамон Артамонович Пентюх, имеющий 99 крепостных душ, просит деревенского своего попа записать ему новорожденного младенца, по метрикам, двумя месяцами раньше, с тем, чтобы эту новую крепостную душу можно было занести к сроку в ревизскую сказку и представить себя помещиком, имеющим 100 душ, т. е. имеющим шар и значение на выборах. А когда на это священник возрадил, что кроме этого четверо умерших, значит и хлопотать нечего — живых душ только 95! холостой Артамон Артамоныч, отворяя боковую дверь и указывая на двенадцать своих горничных, торжественно произнес: «Неужели же ты, батька, сомневаешься, что к году я уж будто и почти сто не доделаю, помилуй, отец!»⁹ Это действительный факт благородства дворянства, точно так же как действителен вот какой факт. Помещик Самарской губернии С., имея у себя душ десять крепостных, заслышавши о наделе крестьян землею, семерых годных отдает в рекруты и получает за них такие деньги, которых не стоит и его имение (при настоящих условиях), а негодных ссылает на поселе-

ние, и таким образом освобождает ото всех землю, которая в Самарск^{ой} губ^{ернии} есть тот же капитал! Этих фактов, кажется, достаточно, чтобы не подрывать моих личных убеждений противу наших благородных дворян. Если же и этого недостаточно, так вот Вам и еще. Помещик Казанской губернии Немиров, а за ним и вся Казанская губерния наповал вырубил свои заповедные леса, с тем чтобы будущему поколению и без того уже ограбленных крестьян не оставить и прута на дрова. Вот факты, говорящие сами за себя! Я уже не говорю ни о правах каждого, ни о законе, ни о власти, ни о мерах, могущих остановить все это, я говорю здесь только об одном: виден ли в этом всем хоть человек? Не только уж благородный, сострадательный или образованный? — виден ли хоть просто «человек»? И его не видно — одно бесчеловечие и злодейство! А господин цензор после всего этого, так глубоко возмущающего душу, учит меня еще умеренности выражений: хорош цензор, да хорош, верно, и тот, кто и его учит этому.

Положим, цензор имеет полное право остановить меня и не пустить, если я иду против законов духовного или гражданского, но вычеркивать мои убеждения, не касающиеся ни законов, ни власти, ни даже русского правительства и царя! — Это я не знаю, что такое. Это еще железнее багтяшки родного деспотизма, без которого, верно, и в самом деле русский человек жить не может, так же как без летней шубы, печки и помочи?

Печатается по автографу: ИРЛИ, 3820, л. 168—169.

Г. Н. Потанин (1823—1910) — один из начинающих авторов «Современника». Летом 1860 г. Некрасов писал уехавшему лечиться за границу Добролюбову: «Пришел ко мне <...> выгнанный из штатных смотрителей человек по фамилии Потанин и принес роман — он его писал десять лет и еще не кончил, думаю, что и никогда не кончит, так он любит свое детище и так возится с ним, но вещь замечательная <...> народного элемента много <...> десять глав, мною прочитанные, мне очень понравились. Я ему дал денег, и он уехал в Бугульму к семейству — и дописывать <...> Хлопотал я, чтоб ему дали место, да покуда не добился» (цит. по: Некрасов Н. А. Собр. соч. в 8-ми т., т. 8. М., 1967, с. 267). С № 1 «Современника» 1861 г. роман начал печататься, но закончен, как и предполагал Некрасов, не был: в № 1—4 напечатано лишь 12 глав. В. Е. Евгеньев-Максимов, изучавший вопрос о преследовании цензурой «Современника» в эпоху первой революционной ситуации, писал о «жесточкой вивисекции», которой подверглись напечатанные в журнале главы романа «Старое старится, молодое растет» (Евгеньев-Максимов В. Е. «Современник» при Чернышевском и Добролюбове. Л., 1936, с. 486—493). Это подтверждается и ставшими сравнительно недавно известными цензорскими гранками романа Потанина (см. сообщение Р. Б. Заборовой «Из архивных разсылок о Н. А. Некрасове»: Русская литература, 1973, № 4).

Публикуемая по «Ночнику» неполная копия письма имеет приписку: «(и т. д. — далеко не кончено). Подлинник послан г. Некрасову 9 января 1861 года и послан верно с братом Павликом». Относится к началу печатания романа (главы 1—4 в № 1 «Современника» за 1861 г.). 1 января 1861 г. Некрасов сообщил Добролюбову, что редакция «после больших хлопот» удалось добиться, чтобы цензором журнала назначен был «чуждак» Бекетов вместо «глупого Рахманинова», беспримерного по «бестолковости и трусости» (X, 438). Но гранки, о которых идет речь в письме, читал еще, судя по почерку поправок, Рахманинов. Сопоставление письма с цензорской корректурой подтверждает, что цензор, внося правку или вычеркивал отрывки, выражения, слова, в которых усматривал неуважение к религии, духовенству, обрядам, помещикам, намеки на бесправное положение крестьян и солдат, придирался и к мелочам, выкидывая, например, областные слова. Некрасов писал Потанину, посылая изуродованные уже Бекетовым гранки продолжения романа: «Для связи Вы можете делать взамен выкинутого *вставки*, но они должны быть коротки и невинны (поправки и целые фразы, приписанные цензором, Вы можете уничтожить, заменяя их по-своему фразами, соответствующими его мысли). Г-н Бекетов — *лучший цензор*; что он сделал — *не менее* того сделал бы всякий другой» (X, 444).

¹ Авторская корректура первых четырех глав романа, отправленная в типографию, не сохранилась. Однако известен цензорский дубликат ее, о котором пишет Потанин, — 14 гранок с пометами: «г. цензору», «28 декабря» (ГПБ, ф. 514, № 21, л. 1—14; далее указываются только листы, каждый из которых представляет собой гранку-форму, равную приблизительно 8 страницам журнального текста). В них отчеркнуты на полях красным карандашом цензора семь отрывков на л. 4, 5, 6, 7 и 9. Правка чернилами, учитывающая требования цензора,

распространилась и на остальные корректурные листы, не имеющие помет цензора. Из журнального текста романа видно, что автор учел не все «пожелания» цензора.

² Это название романа придумано Некрасовым; авторское — «Крепостное право» — цензор потребовал изменить.

³ Один из цензоров Петербургского цензурного комитета; им подписаны лишь № 6—8 «Современника» за 1859 г. (см.: Боград В. Журнал «Современник». 1847—1866. Указатель содержания, М.—Л., 1959, с. 820).

⁴ Слов «мамынька» и «баушка» в наборе (гранки) нет. В журнальном тексте слово «маменька», встречающееся в гранках, во всех случаях, кроме одного (с. 89), начиная с главы III заменено на «мамынька», когда речь идет о матери Васи (ср. л. 10, 11, 14 и соответственно с. 82, 88, 89, 91 и 117 журнального текста), а не о «маменьке» дворянского дитяти (л. 12 и с. 98).

⁵ В сохранившихся гранках глав 1—4 слов «божия милость» в сочетании с «создать» нет; слова «божеская милость» здесь встречаются трижды: в тексте, соответствующем с. 81 «Современника» («Павел Кузьмич, *даже с уничтожением своего собственного достоинства* уприсил лавочника оказать ему с Васей *божескую милость...*»), с. 92 («Куманек, сделай такую божескую милость») и с. 101 («Да уж, куманек, сделай такую божескую милость»). В первом случае выделенный нами курсивом текст на л. 9 гранок зачеркнут, в журнальном же вместо него соответственно: «даже с некоторым уничтожением» и «великую милость»; во втором и третьем случаях — тексты гранок (л. 11, 12) и журнала совпадают.

⁶ Возможно, Потанин имеет в виду отсутствующий в журнальном тексте отрывок: «... потому что в этот нежный период организм Васи, не выключая даже и его собственного носа, был так слаб, что из носа беспрестанно выпрыгивал пузырь, похожий на самую крупную жемчужину, или вывешивалась толстая лапша, как будто напоказ выставленная после обеда, а потом все это тягивалось с верхней губы в ноздрю, наподобие бредня с мокрой мотней. Между нами будь сказано, лапшу эту мама называла шматиной, а жемчужины Ионовна чествовала балаболками. Но... Вася нисколько не обращал внимания на крупный жемчуг» (л. 3). Вместо него в журнальном тексте читаем: «Впрочем в последнем отношении не только советы, даже самые приказания и угрозы мамы нисколько не действовали на Васю. Васе решительно некогда было заняться чисткою своего носа...» (с. 36). Но в гранках в этом месте нет никакой правки; вероятно, Некрасов изложил свое предложение убрать это и некоторые другие натуралистические места (см. ниже) в письме Потанину, посланном вместе с цензурской корректурой, или (что более вероятно) отметил их на рабочем, авторском экземпляре гранок. Продолжение этой правки наблюдается и в начале главы III, на с. 65 журнального текста (ср. л. 7 гранок). В журнальном тексте отсутствуют также натуралистические подробности «бессознательных неразумных шалостей Васи» при ловле мух, тараканов, пауков, мышей (они есть в цензурском экземпляре гранок, без помет цензора), которые, как пишет автор, «происходили, конечно, более от резвости ребенка, нежели от жестокости его сердца» (ср. л. 5 и 45).

⁷ На л. 5—6 гранок цензурским карандашом отчеркнут большой абзац, в котором автор характеризует новых знакомых и друзей Васи, детей дворовых; этот абзац есть и в журнальном тексте (с. 50—51), за исключением места, где речь идет об Оленьке Почечкине и Акульке: «Эти говорили (?) даже что-то похожее на ребенка, рожденного от девки и принадлежащего к двум отдельным мирам; по отце барине — к гостинной, по матери девке — к кухне и девичьей, прочие же приятели Васи и этого побочного благородства не имели».

⁸ В гранке (л. 3) в авторском тексте «Артамонович», в журнале — по-видимому, в соответствии с замечанием Потанина и его (или некрасовской) правкой — везде «Артамонич» (с. 29—31; на с. 30 соответственно «Павлыч» вместо «Павлович», как было в наборе). Однако в речи Васи и в гранках — «Артамонич» (л. 10 и с. 85).

⁹ В гранках имеется лишь упоминание о том, что Артамон Артамонич «холостяга» (л. 3; ср. с. 30).

Н. А. Некрасов — Ег. П. Ковалевскому

<11 мая 1860 г. Петербург>.

Ваше превосходительство,

Честь имею Вас просить о небольшом вспомоществовании г-ну Циотровскому, который обнаруживает некоторый стихотворный талант. Положение его очень бедственно, и Общество для вспомоществования литера-

торам сделает весьма доброе дело, если даст ему хоть 50 р(ублей) с(е-ребром).

Примите уверение в моем глубоком уважении и преданности

Н. Некрасов.

11 мая 1860.

СПб.

Печатается по автографу: ИРЛИ, ф. 155, № 1, л. 610.

Егор Петрович Ковалевский (1811—1868) — путешественник, писатель, член-учредитель Литературного фонда, председатель его комитета в 1859—1868 гг., сотрудник «Современника». Известны 12 писем Некрасова к нему (X, 120, 125, 431, 442, 444, 457, 462, 464—465, 470—471, 482—483; XI, 19—20, 24—25). Публикуемое письмо упоминается в «Бюллетене Рукописного отдела ИРЛИ (Пушкинский Дом)» (вып. IV. Л., 1954, с. 20).

Речь в письме идет о студенте Петербургского университета А. Р. Пиотровском, которому принадлежит напечатанный в № 1 «Русского слова» за 1862 г. перевод «Пилигрима» А. Мицкевича (см.: Заборова Р. Б. Заметки об издании «Сонетов» Адама Мицкевича. — Русская литература, 1978, № 4, с. 167). Судя по сохранившейся в делах Литфонда расписке, пособие ему было выдано (ГПБ, ф. 438, № 8, л. 75). Позже Пиотровский обращался за пособием к Ковалевскому и по совету Некрасова, к И. Н. Березину (ГПБ, ф. 438, № 9, л. 226—229 об.; № 10, л. 173—179; № 11, л. 293—293 об., 482—482 об.; № 12, л. 17—18).

5

Ф. П. Еленев — Н. А. Некрасову

«23 мая 1868 г. Петербург».

Милостивый государь Николай Алексеевич,

Заседание нашего Совета, назначенное на четверг, по обыкновению перенесено на другой день, пятницу. Чтобы не пришлось Вам даром проехать на Васильевский о(стров), уведомляю Вас об этом; но как и в субботу мне придется много разъезжать, то всего лучше я сам к Вам заеду в воскресенье, часу в 1-м дня; иначе боюсь, что Вы не застанете меня дома.

С истинным почтением и преданностью покорный Ваш слуга

Ф. Еленев.

23 мая 1868.

Вас. о., 2 линия, № 37.

Печатается по автографу: ГБЛ, ф. 195, карт. 1, № 32. Упоминается в издании: Ашукин Н. С. Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова, М., 1935, с. 349.

Ф. П. Еленев (1827—1902) — член Петербургского цензурного комитета с начала 1860-х годов; в 1868—1896 гг. член Совета по делам печати; публицист. Известно одно письмо Еленева к Некрасову (Литературное наследство, т. 51—52. М., 1946, с. 240—241).

Установлено, что Еленев «проявил себя суровым гонителем „Современника“ не только ... в последние годы его существования» (Гаркави, с. 68, 115, 260); еще в 1862 г. он не пропустил в печать «Письма без адреса» Чернышевского (см.: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. в 15-ти т., т. X. М., 1951, с. 1070). Вероятно, именно Еленев потребовал, уже после того как корректура «Рыцаря на час» для «Современника» (1863, № 1—2) была подписана Бекетовым (номер этот, вышедший в свет в начале февраля, подписан В. Н. Бекетовым и Ф. П. Еленевым), изменить его заглавие (в печатном тексте, в отличие от корректуры, — «Бессонница») и убрать концовку стихотворения со слов «Утром в постели». В печатном тексте она заменена тремя строками точек (см. сообщение Р. Б. Заборовой «Новонайденная корректура стихотворения Некрасова „Рыцарь на час“»: Некрасовский сборник, вып. IV. Л., 1967, с. 236—238).

Как уже отмечалось, письмо это дает основание считать, что в первой половине 1868 г. у Некрасова установились «неофициальные и притом весьма добрые

отношения» и с этим членом Совета по делам печати (Гаркави, с. 86—87). Объяснялось это не только желанием Некрасова иметь одним врагом меньше в цензурном ведомстве, но и содержательностью печатавшихся в «Отечественных записках» 1867 г. очерков Еленева (за подписью «Скалдин») «В захолустье и в столице», основанных на большом фактическом материале, а также стремлением Еленева продолжить печатание этих очерков уже в некрасовском журнале (см.: Бюград В. Журнал «Отечественные записки». Указатель содержания. 1868—1884. М., 1971, с. 376), где начиная с осени 1868 г. были помещены еще четыре статьи под этим названием (1868, № 11, 12; 1869, № 11, 12). По справке ЦГИА (где хранятся протоколы заседаний Совета), на заседании 24 мая 1868 г. не шла речь ни об «Отечественных записках», ни о самом Некрасове. Свидание его с Еленевым, который в эту пору еще не был наблюдающим за «Отечественными записками», носило, безусловно, неофициальный характер. Однако чему оно было посвящено, остается неизвестным.

6

Н. А. Некрасов — Л. И. Мечникову

«Декабрь 1873—середина февраля 1874 г. Петербург».

Милостивый государь,

Редакция «Отечественных записок» затрудняется определить род статей, какие могут быть доставлены Вами из Японии. Это Вы увидите сами на месте, приноворяя Ваш труд к журналу ежемесячному. Редакция может дать место двум-трем статьям Вашим в год, в размере от листа до полутора в каждой. Денег вперед, к сожалению, выслать не можем.

Примите уверение в истинном почтении.

Печатается по черновому автографу: ИРЛИ, р. I, оп. 20, № 29. Опубликовано как письмо неизвестному, с датой: «1868—начало 1876 г.» (XI, 38).

Л. И. Мечников — географ, гарibaldiец, революционер-эмигрант, печатавшийся в некрасовских журналах. Известны одно письмо Некрасова к Мечникову (Книга, вып. 23. М., 1971, с. 190, публикация М. Я. Блинчевской; в публикации ошибочно указана дата письма: 1869 вместо 1868), одно письмо Мечникова к Некрасову и одно — в редакцию «Современника» (Литературное наследство, т. 51—52. М., 1949, с. 383—384). Подробно о Мечникове см. в названных публикациях, в содержащей новые биографические данные статье А. К. и О. В. Липиных «Лев Мечников — революционный деятель и публицист» (Литературное наследство, т. 87. М., 1977), а также в появившихся в последнее время книге К. С. Карташевой «Дороги Льва Мечникова» (М., 1980) и сообщении М. И. Перпер «Неопубликованная записка А. И. Герцена. (А. И. Герцен и Л. И. Мечников)» (Археографический ежегодник за 1979 год. М., 1981, с. 102—105).

Адресат и дата устанавливаются следующими обстоятельствами: Л. И. Мечников — единственный автор «Отечественных записок», уезжавший в Японию (в начале 1874 г.); деньги ему нужно было выслать, так как жил он в Женеве. Сотрудничавший также в «Деле», Мечников, очень нуждаясь, обратился с предложением и к редактору его, Г. Е. Благосветлову, который, отвечая Мечникову 11 декабря 1873 г., назвал, в частности, две темы для статей о Японии (см.: Литературное наследство, т. 87, с. 479). Уехал Мечников в Японию не ранее начала марта 1874 г. (там же, с. 469, 471). Когда обратился Мечников к Некрасову, был ли отправлен ему ответ — неизвестно. За время пребывания в Японии Мечников не опубликовал ни одной статьи, в «Отечественных записках» больше не сотрудничал, а в «Деле» на предложенные Благосветловым темы появились две статьи Мечникова уже по возвращении его из Японии (1876, № 10; 1877, № 2).

Н. А. Некрасов — А. Н. Пыпину

«6 июня 1875 г. Петербург».

Многоуважаемый Александр Николаевич!

Я все собираюсь к Вам заехать, но лучше, если Вы сегодня (т. е. в субботу) утром или к обеду приедете ко мне. Если в субботу нельзя, то жду Вас в воскресенье. В понедельник вечером уеду на 2 месяца.

Весь Ваш Н. Некрасов.

Пятница, вечер.

Печатается по автографу: ИРЛИ, ф. 250, оп. 3, № 171, л. 1.

А. Н. Пыпин (1833—1904) — историк литературы, с 1898 г. академик, с 1863 по 1865 г. член редакции и постоянный сотрудник «Современника», а с 1865 г. его ответственный редактор. Двоюродный брат Н. Г. Чернышевского. Известно 17 писем Некрасова к Пыпину (XI, 53, 68, 76—77, 91—92, 116, 184, 230, 236—237, 241, 244, 258, 349, 358, 368—369, 415, 450; XII, 524; XI, 433) и семь писем Пыпина к Некрасову (Архив села Карабихи. М., 1916, с. 159—160; Звенья, сб. 5. М.—Л., 1935, с. 503—507; Литературное наследство, т. 49—50. М., 1947, с. 444—445).

Как видно из пометы на письме дочери Пыпина, оно относится к началу (первой пятнице) июня 1875 г. и, очевидно, связано с хлопотами Пыпина об облегчении участи вилюйского узника — Чернышевского. Вероятно, в названные Некрасовым дни Пыпин у него был, и они договорились, что он приготовит «записку о Н. Г.»: известно относящееся к этому эпизоду письмо Некрасова к Пыпину от 4 августа 1875 г., в котором он приглашал его к себе сразу по приезде из Карабихи, через названные в публикуемой записке два месяца (с пометой Пыпина на обороте ее о передаче «записки о Н. Г.» Некрасову, собиравшемуся говорить с помощником шефа жандармов Мезенцевым и Абазой, — XI, 368—369). В этой записке, адресованной шефу жандармов (Потапову), Пыпин писал: Н. Г. Чернышевский, «по последним полученным от него известиям, находится в высшей степени болезненном состоянии <...> Болезнь его <...> неминуемо должна влечь за собою скорую смерть <...> Находясь с Чернышевским в близком родстве <...> я осмеливаюсь прибегнуть к посредству Вашего превосходительства для ходатайства перед государем <...> чтобы ему было назначено местожительство не столь отдаленное, с более умеренным климатом, где он нашел бы возможность пользоваться медицинской помощью» (Чернышевский в Сибири. Переписка с родными, вып. 1. СПб., 1912, с. 186—187; здесь опубликован черновик записки; белой текст ее, датированный августом 1875 г., хранится в ИРЛИ: ф. 134, оп. 3, № 170 — сообщено М. И. Перпер). Непосредственным толчком к хлопотам Пыпина, начавшимся, как выясняется из публикуемой записки, не позднее начала июня, послужило письмо Чернышевского к Пыпину от 28 марта (получено Пыпиным 26 мая, см.: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XIV. М., 1947, с. 601—602 и 806; известно, что к этому же времени относится и попытка И. Мышкина освободить Чернышевского). Е. А. Лядский и М. Н. Чернышевский, опубликовавшие письмо Пыпина шефу жандармов, об участии Некрасова в хлопотах об облегчении участи Чернышевского не упоминают.

ДОКУМЕНТЫ «ОГАРЕВСКОГО ДЕЛА»

ПУБЛИКАЦИЯ Б. Л. БЕССОНОВА

Известное «огаревское дело» — по иску Н. П. Огарева к А. Я. Панаевой и Н. С. Шаншиеву — рассматривалось в Московском надворном суде с октября 1853 по май 1861 г. Предметом судебного разбирательства явилась денежная претензия. Истец унаследовал от покойной жены весьма значительный денежный капитал, некогда принадлежавший ему, но числившийся за его женой и взысканный в ее пользу поверенными, Панаевой и Шаншиевым. Поверенная (она же и ответчица) располагала доверенностью, которая давала ей право распоряжаться полученным капиталом по личной договоренности с доверительницей, М. Л. Огаревой. Ссылаясь на эту доверенность, ответчица отвергала требования истца о возвращении капитала. Истец, однако, имел доказательства того, что полученный капитал не был передан по назначению. Суд признал эти доказательства убедительными, и дело окончилось в пользу истца.

Взятое само по себе дело Огарева—Панаевой было достаточно заурядным. Судебный процесс прошел бы малозамеченным, если бы не участие в нем подружки Некрасова. В центре внимания оказался Некрасов, поэт, редактор передового журнала. Против Некрасова выступил Герцен, не сомневавшийся в том, что Панаева действовала по указаниям и в интересах Некрасова. Некрасов через Тургенева обратился к Герцену с заявлением о своей невиновности (X, 340). Герцен этого объяснения не принял.¹ Конфликт между Герценом и Некрасовым по поводу «огаревского дела», усиливший прежние расхождения между ними, стал событием более значимым, чем само судебное дело.

История «огаревского дела» до сих пор вызывает споры. Поэтому представляется важным дополнить известные документы новыми материалами. В Центральном государственном историческом архиве г. Москвы хранится объемистое дело «По указу Московского губернского правления об имении, оставшемся после смерти жены коллежского регистратора Марьи Львово́й Огаревой».² Обнаруженное недавно, в 1977 г.,³ оно еще почти не изучено. Ниже публикуются документы, дающие достаточно полное представление о судебном процессе. К ним относятся прежде всего прошения в суд от имени Огарева его поверенного И. Т. Гржегелевского и отзывы Панаевой и Шаншиева. Эти документы приводятся целиком — как памятник юридической письменности, с сохранением традиционных обращений, титулов и т. д. Документы, представленные в суд в качестве доказательств (доверенности, счета, заемные письма, расписки, реестры вещей и т. п.) цитируются в комментариях. За пределами публикации остаются сопроводительные бумаги — отношения в различные учреждения с просьбой о наведении справок, о вручении судебных решений, рапорты об исполнении предписаний и т. п.

¹ См.: Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти т., т. XXVI. М., 1962, с. 106.

² ЦГИАМ, ф. 81, оп. 17, ед. хр. 1964.

³ См.: Бессонов Б. Л. К истории «огаревского дела» (по новонайденным материалам). — Русская литература, 1978, № 3, с. 139—144.

**Указ из Московского губернского правления
2-му департаменту Московского надворного суда**

Губернское правление, выслушав: 1-е — предложение г. московского военного генерал-губернатора от 19 сентября сего 1853 года за № 8153-м по делу г-жи Огаревой, 2-е — отношение Лифляндского губернского правления от 15-го того ж сентября за № 4706 и справку, приказали: г. московский генерал-губернатор препроводил на распоряжение губернского правления присланную к его сиятельству г. министром внутренних дел поданную генерал-адъютанту графу Орлову просьбу дворянина Симбирской губернии отставного коллежского регистратора Огарева, в коей сей последний просит поступить по существующим законам с женою его Марьей Львовою Огаревою, которая отправилась за границу в 1846 году и седьмой уже год находится там без дозволения правительства.¹

Губернское правление, получив предварительно от Санкт-Петербургского военного генерал-губернатора и Департамента полиции исполнительной сведения, что у них не было никакой переписки об отсрочке пребывания за границею г. Огаревой, а также не было никакого распоряжения о безвестной ее отлучке,² — признало г-жу Огареву на основании 355 ст<атьи> Улож<ения> о наказ<аниях> безвестно отсутствующею и о взятии на основании правил, прилож<енных> к 3809 ст. X т<ома> Св<ода> Зак<онов> Гражд<анских>, в ведение опеки <на> имения Огаревой, где какое окажется в Московской губернии, предписало 31 августа сего года дворянским опекам здешней губернии и о разыскании и приведении в известность других, могущих оказаться в России, принадлежащих Огаревой имений, и о поступлении с ними на основании приведенного закона, сообщило во все губернские и областные правления с тем, чтобы о последующем уведомили сие правление.³ Затем о вызове г. Огареву в отечество в шестимесячный срок препроводило надлежащие объявления для припечатания в Сенатских ведомостях обеих столиц,⁴ а также к г. одесскому градоначальнику, в Виленское и Лифляндское губернские правления с требованием уведомления о времени, когда в последний раз будут припечатаны те объявления в Ведомостях, о чем представило г. московскому военному генерал-губернатору, и, заимствовав из канцелярской суммы сего правления следующие на припечатание деньги, по 1 руб. 50 коп. за каждую статью, в конторы Санкт-Петербургской и Московской сенатской типографий, к одесскому градоначальнику, в Виленское и Лифляндское губернские правления, всего 7 руб. 68 коп. с пересылочными, отослало в те места с тем, чтобы впоследствии взыскать их с г. Огаревой или с имения ее.

Ныне г. московский генерал-губернатор, уведомляя Правление, что г. министр внутренних дел, уведомляя его сиятельство, что г-жа Огарева умерла в Париже,⁵ препровождает для зависящего распоряжения к выдаче наследникам ее установленным порядком две копии с донесений генерального консула нашего в Париже статского советника Эбелинга о смерти г-жи Огаревой и оставшемся после нее имуществе,⁶ равно и представленный им отчет в издержках на погребение покойной и других расходах из принадлежащих ей денег⁷ и вексель на 3053 руб. 12 коп. сер<ебром> с бланковой подписью Эбелинга.⁸

Октября 26 дня 1853 года.

(ЦГИАМ, ф. 81, оп. 17, ед. хр. 1964, л. 1—1 об.)

2

Прощение И. Т. Гржегелевского от 28 октября 1854 г.

Всепресветлейший державнейший великий государь император Николай Павлович, самодержец всероссийский, государь всемилостивейший!

Просит по доверенности коллежского регистратора Николая Платонова сына Огарева из дворян Игнатий Тимофеев сын Гржегелевский, а в чем мое прошение, тому следуют пункты:

1-е

Московского надворного суда во 2-м департаменте производится дело о наследстве, оставшемся после смерти покойной жены г. Огарева Марьи Львовны, урожденной Рославлевой; наследство это заключается в наличном капитале и разной движимости.

2-е

Права г-на Огарева как мужа — наследника на четвертую часть после покойной жены его доказаны уже востребованными к делу документами чрез Карсунский земский суд.⁹ Выдел супругу четвертой части движимости, определенный 972-й ст<атьей> Св<ода> Зак<онов> Гражд<анских> издания 1842 года, есть бесспорный и не подлежит тем общим правилам, какие определены для наследников, т. е. выдел супругу законной части должен быть сделан, не дожидаясь общего решения дела, частным распоряжением суда. Посему, представляя при сем доверенность с копиею,¹⁰ всеподданнейше прошу:

Дабы повелено было из оставшегося после кончины г. Огаревой капитала причитающуюся мужу ее четвертую часть выдать ныне же мне под мою расписку согласно доверенности, прочее же имущество оставить до окончательного решения дела, потому что в отношении этого наследства следует сделать постановление, каким порядком и кому оное разделить, т. е. в наличности ли или продать оное и выдел учинить выроченными деньгами; подлинную же доверенность мне возвратить.

1854 года октября 28-го дня.

К подаанию надлежит Надворного московского суда во 2-й департамент. Сие прошение с черновой, сочиненной самим просителем, переписывал обер-офицерский сын Иван Федоров Протасов.

Жительство имею в Москве, Тверской части, в доме Чельшева, в гостинице Ольденбург под № 29-м.

(ЦГИАМ, ф. 81, оп. 17, ед. хр. 1964, л. 35—36)

3

Прощение И. Т. Гржегелевского от 14 марта 1855 г.

Всепресветлейший державнейший великий государь император Александр Николаевич, самодержец всероссийский, государь всемилостивейший!

Просит по доверенности коллежского регистратора Николая Платонова сына Огарева из дворян Игнатий Тимофеев сын Гржегелевский, а в чем мое прошение, тому следуют пункты:

1-й

Веритель мой г. Огарев должен был покойной своей жене Марье Львовой, урожденной Рославлевой, по шести заемным письмам,¹¹ засвидетельствованным Московской гражданской палаты во 2-м департаменте 16 октября 1846 года, 85 000 руб. серебром.

2-й

Когда г-жа Огарева выехала за границу,¹² то из Парижа выслала жительствовавшему в г. Санкт-Петербурге подле Владимирской церкви в Колокольном переулке в собственном доме отставному штаб-ротмистру Николаю Самойловичу Шаншину <так!> от 20 ноября (2 декабря) 1850 года доверенность¹³ о взыскании с мужа своего означенной капитальной суммы с тем, чтобы оную передать жительствовавшей в г. Санкт-Петербурге же Авдотье Яковлевне Панаевой, которой сделано словесное распоряжение по доверенности.

3-й

Вся прописанная сумма г. Огаревым уплачена г. Шаншиеву с процентами под распиской на самих заемных письмах, частью наличными деньгами, а частью продажей г. Шаншиеву имени г-а Огарева.¹⁴

4-й

Г. Огарева умерла за границею в 1853 году, после которой осталось всего в наличности 3000 руб. серебром — неимоверно затем, чтобы в течение двух лет истратила 82 000 р. сереб., тем более что известно достаточно, что из числа полученной суммы едва ли выслана малая часть.

5-й

Московского надворного суда во 2-м департаменте производится дело <об> оставшемся после покойной г. Огаревой <наследстве>, из которого следует г. Огареву как мужу четвертая часть. Наследство должно быть раскрыто вполне, и о том наследники имеют право просить и указать, где и что находится или должно находиться, и гг. Шаншиев и Панаева за смертью Огаревой должны оправдать себя пред судом законными актами, куда ими обращена полученная с г. Огарева сумма; в случае же непредставления достаточных доказательств обязаны всю сумму, на которую не имеется доказательств, представить в суд для раздела между наследниками. Посему, ссылаясь на доверенность г. Огарева, находящуюся при деле, и представляя при сем шесть заемных писем и доверенность г. Огаревой, выданную г. Шаншиеву, с копиями, всеподданнейше прошу:

Дабы повелено было: куда обращены г. Шаншиевым полученные от г. Огарева 85 тысяч руб. серебром, потребовать от него достаточных законных доказательств и, буде доказательств не представит, потребовать всю ту сумму, какая у него могла остаться, — в дальнейшем ходе раскрытия сего наследства поступить по законам и во всем ходе дела обращаться в случае надобности в доказательствах или опровержениях ко мне, ныне жительствовавшему в Тамбовской губернии в городе Темникове. 1855 года марта 14 дня. К поданию надлежит в Московский надворный

суд 2-го департамента. Прощение сие набело переписывал коллежский секретарь Александр Алексеев сын Чижов. Прощение сие сочинил сам проситель Гржегелевский.

Жительство имею Тамбовской губернии в г. Темникове.

(ЦГИАМ, ф. 81, оп. 17, ед. хр. 1964, л. 96—96 об.)

4

Отзыв Н. С. Шаншиева от сентября 1855 г.

В управление 1-го квартала Московской части отставного штаб-ротмистра Шаншиева

Объяснение

На предъявленное мне прошение поверенного г-на Огарева по отношению 2-го департамента Московского надворного суда от 23 марта за № 323 честь имею объяснить, что я, согласно данной мне доверенности, обязанности свои исполнил, не преступив ни в чем оную, и ныне по делам Огаревой я более не уполномочен ни в чем.

Отставной штаб-ротмистр Николай Шаншиев.

(ЦГИАМ, ф. 81, оп. 17, ед. хр. 1964, л. 136)

5

Отзыв А. Я. Панаевой от февраля 1856 г.

В управление 1-го квартала 2-й Адмиралтейской части жены коллежского секретаря Авдотьи Яковлевны Панаевой

Отзыв

На объявленное мне прошение поверенного коллежского регистратора Огарева дворянина Гржегелевского отвечаю, что умершая Марья Львовна Огарева представила мне взысканные по шести заемным письмам с мужа ее г-на Огарева деньги получить и употребить по ее назначению, лично мне оказанному, что я исполнила согласно с буквальным смыслом данной мне доверенности.

Жена коллежского секретаря Авдотьи Панаева.

Февраля 1856-го.

(ЦГИАМ, ф. 81, оп. 17, ед. хр. 1964, л. 134)

6

Отзыв И. Т. Гржегелевского от 31 января 1857 г.

Господину темниковскому городничему¹⁵ дворянина Игнатия Тимофеевича Гржегелевского

О т з ы в

На предъявленный мне отзыв коллежской секретарши Панаевой и объяснение штаб-ротмистра Шаншиева имею честь отозваться, что Панаева и Шаншиев согласно 2320<-й> статье Свода Законов Гражданских тома 10-го никаким основательным доказательством не оправдали себя против иска Огарева. Они говорят, что исполнили во всем по доверенности Огаревой, но не объявили, куда они обратили взысканную с Огарева сумму, и не представили должных доказательств на это. Они обязаны дать подробный в том отчет с новыми доказательствами, а не ограничиться краткими неудовлетворительными объяснениями, что исполнили по доверенности, ибо подобные отзывы явно обнаруживают уже, что во взысканных с Огарева деньгах затрудняются Панаева и Шаншиев дать отчет. Панаева сама говорит, что употребила деньги по личному назначению, но было ли таковое ей сделано и в чем оно заключалось, не объяснила и доказательств не представила, а словесные доверенности на подобный случай суть не действительны по 2207<-й> статье того же 10 тома.

Посему я покорнейше прошу Надворный суд, 2-й департамент, не ограничиваясь означенными объяснениями Панаевой и Шаншиева, потребовать от них подробный с доказательствами отчет, куда именно обращена сумма, взысканная ими с Огарева, а между тем по количеству той суммы потребовать от них достаточное обеспечение; если же они за сим не оправдают себя против иску г-на Огарева, то всю сумму взыскать с них и обратить в пользу наследников. Какие будут за сим их объяснения — лишь бы не подобные настоящим, ибо их и принимать не должно, — предъявить мне. Я постараюсь предъявить доказательства, что взысканная с г. Огарева сумма осталась в руках поверенных г. Огаревой Панаевой и Шаншиева, и они по сей-то причине не могут дать не только отчета, но вполне удовлетворительного ответа. Генваря¹⁶ 31 дня 1857 года.

Дворянин Игнатий Тимофеев сын Гржегелевский.
Городничий Тиньков.

(ЦГИАМ, ф. 81, оп. 17, ед. хр. 1964, л. 144—144 об).

7

Объяснение Н. С. Шаншиева от 23 апреля 1857 г.

В управление 1-го квартала Московской части С.-Петербурга штаб-ротмистра Шаншиева

Объяснение

На предъявленное мне предписание 2-го департамента Московского надворного суда от 29 января 1857 за № 533 и отзыва дворянина Игнатия Тимофеевича Гржегелевского честь имею объяснить, что напред сего на таковое же предписание означенного суда вместе с прошением Гржегелевского я дал отзыв, что обязанность свою по доверенности выполнил, то и ныне ничего не могу добавить к первому своему объяснению.

Штаб-ротмистр Николай Шаншиев.

23 апреля 1857. С.-Петербург.

(ЦГИАМ, ф. 81, оп. 17, ед. хр. 1964, л. 193)

8

Отзыв А. Я. Панаевой от августа 1857 г.¹⁷

В управление 1-го квартала 2-й Адмиралтейской части жены коллежского секретаря Авдотьи Яковлевой Панаевой

О т з ы в

На предъявленный мне из 2-й части отзыв от 31 января 1857 года дворянина Игнатия Тимофеева Гржегелевского имею честь объяснить, что по ясному смыслу доверенности, данной мне покойной женой коллежского регистратора Николая Платонова Огарева Марьей Львовою апреля 30-го (мая 12-го) 1849 года и засвидетельствованной Российским Генеральным Консульством в Париже апреля 30-го (12-го мая) 1849 года,¹⁸ я в употреблении взысканных с Огарева в пользу жены его капитала и процентов отчетом никому не обязана.

Заключая же из отзыва господина Гржегелевского, что ему неизвестна сущность данной мне доверенности, имею честь при сем представить оную, как и копию с оной. Копию по сверке ее с подлинной покорнейше прошу засвидетельствовать и предъявить господину Гржегелевскому; подлинную же доверенность возвратить мне.

Жена коллежского секретаря Авдотьи Яковлева Панаева.

(ЦГИАМ, ф. 81, оп. 17, ед. хр. 1964, л. 194—194 об.)

9

Прошение И. Т. Гржегелевского от 14 ноября 1857 г.

Всепресветлейший державнейший великий государь император Александр Николаевич, самодержец всероссийский, государь всемилостивейший!

Просит по доверенности коллежского регистратора Николая Платоновича Огарева из дворян Игнатий Тимофеев сын Гржегелевский, а в чем мое прошение, тому следуют пункты:

1-й

Московского надворного суда во 2-м департаменте производится дело об отыскивании коллежским регистратором Огаревым с штаб-ротмистра Николая Самойловича Шаншиева и коллежской секретарши Авдотьи Яковлевны Панаевой следующих ему, Огареву, по наследству четвертой части денег из взысканных с него Шаншиевым по доверенности жены Огарева Марьи Львовны, должных ей по заемным письмам 85 815 рублей серебром и неизвестно куда обращенных.

2-й

По делу этому гг. Шаншиев и Панаева, в ответах своих не оправдав себя согласно 2320<-й> ст<атье> X т<ома> никакими основательными доказательствами, куда ими обращены взысканные с Огарева деньги, объяснили только, что они исполнили во всем по доверенности Огаревой, но

в чем это исполнение заключается и на каких данных, решительно умолчали. Таковые ответы, неудовлетворительные, бездоказательные и вместе с тем ясно обнаруживающие, что Шаншиев и Панаева удержали у себя взысканные деньги, не могут по сей причине представить в оных не только отчета, но и вполне удовлетворительного ответа, и вынуждали меня отзывом 11 генваря 1857 г. просить Надворный суд потребовать новые и с доказательствами ответы от Шаншиева и Панаевой, но, по-видимому, они и в сем случае придержутся <так!> первым своим объяснением.

3-й

Чтобы прекратить бесполезную переписку и обнаружить совершенную истину, что взысканные с Огарева 85 815 руб. остались в руках Шаншиева и Панаевой, и, чтобы удержать у себя эти деньги, они изобретали все средства с самого взыскания их, я в обязанности нахожусь объяснить 2-му департаменту Московского надворного суда следующее.

а) Огарева, уезжая за границу в 1846 году, выдала экстраординарному профессору императорского Московского университета Тимофею Николаевичу Грановскому доверенность о взыскании с Огарева должных ей по шести заемным письмам 85 815 рубл<ей>¹⁹ и затем не возвращалась более в Россию и умерла в Париже в марте месяце 1853 года.

б) Панаева была тоже за границей в 1847 году и в том же году возвратилась в Россию, но виделась ли она с Огаревой, неизвестно.²⁰

с) В 1849 году, т. е. после трех лет выезда Огаревой за границу и после двух лет, как была Панаева за границей, сия последняя, неизвестно по какому случаю и побуждению, послала Огаревой составленную вчерне доверенность на имя ее, Панаевой, о взыскании с Огарева должных денег с помещением выражений, чтобы деньги употреблялись по словесному назначению,²¹ тогда как сего словесного назначения не могло быть, потому что это время, т. е. в 1849 году, Огарева с Панаевой не виделась, а следовательно, если могло быть какое-то Огаревой назначение, то не иначе как письменное; если же и сего не было, то эти слова есть собственное изобретение Панаевой, заранее придуманное, дабы в отчете по доверенности иметь свои извороты и довести дело до суда.

д) Панаева, видимо, обдумав впоследствии, что взыскивать самой деньги и употреблять оные по словесному назначению может быть делом для ее последствий невыгодным, и войдя в сем предмете в близкие отношения с штаб-ротмистром Николаем Шаншиевым, неизвестным лицом для Огаревой, составили совместно вчерне другую доверенность, на имя уже Шаншиева, с правом брать на свое имя по купчим от Огарева имение и от других лиц заемные обязательства в погашение долгу Огарева и вырученные деньги вручить Панаевой для употребления по словесному Огаревой назначению.²²

е) Такие доверенности, какие составили Панаева и Шаншиев на свое имя, из коих в первой допущено выражение неопределительное и на самом деле не бывшее, а во второй перевести долг на себя покупкой имения полученным обязательством, могут только быть писаны теми, коим выдаются и подписаны только женщинами, не знающими ни закона, ни последствий и слишком доверчивыми ко всем делаемым обманам, чем Панаева и Шаншиев совершенно воспользовались.

ф) Шаншиев, действуя по выданной ему доверенности, все следуемые деньги от Огарева получил 8-го февраля 1851 года под расписки на подлинных заемных письмах, частью наличными деньгами, частью приобретением на свое имя имения и частью заемными письмами, в числе коих есть два заемных письма от коллежского регистратора Николая Михайловича Сатина, выданные в апреле месяце 1851 года, по коим за уплатою ныне считается капитальной суммы 9375 р. сер<ебром>.²³

г) Шаншиев, взыскивая, таким образом, все сполна с Огарева деньги, обязан был согласно доверенности отдать Панаевой и получить от нее в том расписку, но исполнил ли он священный долг доверия и лежащую на нем в том обязанность по закону гражданскому и общественному, на требование Надворного суда не только не представил доказательства, но и удовлетворительного ответа не дал. Надобного с доказательствами ответа едва ли Шаншиев мог дать потому, что определительно можно сомневаться в исполнении доверенности, ибо известно всем, что Шаншиев до взыскания с Огарева денег не был в том состоянии, чтобы пополнить своими деньгами полученную с Огарева сумму 85 815 руб. имением, обязательствами, а частью только капиталом.

h) В бумагах, оставшихся после смерти Огаревой, выданных Огареву из Надворного суда, есть письма, писанные Панаевой к Огаревой,²⁴ которые обнаруживают, что Огарева упрекала Панаеву, что ей не высылаются взысканные с мужа ее деньги, и Панаева в письме от 26 ноября 1852 года писала к Огаревой, чтобы она приезжала за получением капитала и тогда удостоверится, что он весь цел.

i) Сии письма Панаевой ясно доказывают, что Огарева Панаевой никакого словесного поручения не давала, а было поручение определительное на письма, чтобы деньги высылать ей, и что весь капитал, взысканный с Огарева, находится в целости. Но Огарева за получением оного по постигшей ее в марте месяце 1853 года смерти не могла уже прибыть, и посему, а равно по обстоятельствам вышеизложенным, ясно обнаруживается, что капитал находится в руках Шаншиева и Огаревой, но они, пользуясь смертью Огаревой и лаконическим слогом составленных ими доверенностей, предполагали, что могут воспользоваться капиталом без возврата, не подвергая себя никакой ответственности, и посему, вопреки сим доказательствам и собственным убеждениям, дали одни и те же бездоказательные ответы, что исполнили доверенность.

к) Письма Панаевой, обнаруживающие всю истину доказательств, что копии доверенностей были посылаемы от Панаевой, что Огарева упрекает в невысылке денег и что Панаева уверяет, что капитал весь цел и приглашает Огареву приехать за получением оного, как составляющие по 2332<й> ст<атье> X тома совершенные доказательства будут представлены в Надворный суд в непродолжительном времени.

l) Обсуживая предметы, что Шаншиев не был известен Огаревой, что Панаева первая передоверила Шаншиеву свою доверенность от Огаревой Шаншиеву, <что> писанная в Петербурге и посланная к Огаревой от Панаевой <доверенность> была необходима по смыслу ее для того только, чтобы весь долг перевести имением и обязательствами на человека, который в то время не имел собственного соответствующего взысканной сумме состояния, и что неисполнение Шаншиевым и Панаевою доверенностей, составленных ими самими, как им выгодно было, есть предметы, заранее ими обдуманые, ясно обнаруживают, что Шаншиев и Панаева действовали заодно, чтобы воспользоваться доверительницы своей собственностью и довести дело до суда, как настоящие обстоятельства явно обнаружили; но, к несчастью Панаевой и Шаншиева, первая из них всю истину разоблачила письмами, писанными к Огаревой, которые, вероятно, Панаева считала за смертью Огаревой утраченными и не предполагала, что они будут в руках истца и представлены в суд, к изобличению всей неправоты ее и совместника ее Шаншиева.

4-й

Доказательством, что Шаншиев взыскал с Огарева всю сполна сумму 85 815 руб. сереб<ром>, есть расписка Шаншиева на подлинных заемных письмах, представленных уже в Надворный суд; что всю эту сумму

Шаншиев обязан был выдать Панаевой, это ему сказано в доверенности, но исполнил ли он это, доказательств не представлено; что доверенности на имя Панаевой и Шаншиева были написаны в Петербурге и посланы от Огаревой к Панаевой, это доказывается письмами Панаевой; что Панаева не имела никакого словесного поручения Огаревой, это доказывается тем, что во время выдачи доверенности, т. е. в 1849 году, Огарева была в Париже, а Панаева в Петербурге; что от Огаревой было одно назначение, чтобы деньги были отосланы ей, что оные не высланы и что деньги все целы и Огарева была приглашена за получением их, доказывается письмами Панаевой. Объяснив все обстоятельства дела и все доказательства, что Шаншиев и Панаева не исполнили доверенностей и взысканные с Огарева деньги находятся в их руках, и представлены с сего прошения две копии. Всеподданнейше прошу:

Дабы повелено было против сего прошения потребовать от Шаншиева и Панаевой объяснения, и буде они и за сим в противность 2300<-й> и 2320<-й> статьямъ Свода Законовъ Гражданскихъ, томъ 10-й, не доставят подробного и с доказательствами ответа, то постановить решение по имеющимся в деле доказательствам о взыскании с них следующей Огареву четвертой части денег — 21 471 руб. 25 коп. серебромъ и о вручении оных Огареву. Но если они доставят другие ответы и с доказательствами, то сообщить оные мне к опровержению. Между тем в обеспечение иска Огарева наложить на недвижимое и движимое имение Шаншиева и Панаевой повсеместное запрещение, на каковой предмет прилагаю при сем 4 руб. 25 коп. серебромъ, а вместе с тем вытребовать от Шаншиева и заемные письма Сатина или сделать распоряжение о приостановлении по оным взыскания. По окончании Суда гражданского Шаншиева и Панаеву на основании 228<-й> статьи X тома предать уголовному суду для суждения их за все неблагонамеренные поступки, обнаруживающиеся по сему делу. О распоряжении, какое по сему прошению будет учинено, объявить мне чрез темниковского городничего. 1857 года ноября 14 дня. К поданию надлежит Московского надворного суда во 2-й департамент.

Промение сие с черна на белю переписывал писец 2<-го> разряда Александр Ефимов Бутаковский.

(ЦГИАМ, ф. 81, оп. 17, ед. хр. 1964, л. 177—180)

10

Отзыв А. Я. Панаевой от 23 сентября 1858 г.

В Литейную часть С.-Петербурга
жены коллежского секретаря Ивана Иванова Панаева Авдотьи
Яковлевой

От з ы в

На предъявленное мне из Литейной части отношение Московского надворного суда от 21 июля 1858 года за № 3486 с приложениями имею честь отвечать, что при отзыве моем в августе месяце прошлого 1857 года на предъявленный мне отзыв от 31 января 1857 года дворянина Гржегелевского на имя темниковского городничего я представила копию с доверенности, данной мне покойной женой коллежского регистратора Николая Платонова Огарева Марьей Львовою 12 мая (30 апреля) 1849 года, засвидетельствованную императорским Генеральным Консульством в Париже 12 мая (30 апреля) 1849 года. По ясному смыслу этой

доверенности я в употреблении взысканных с Огарева в пользу жены его капитала и процентов отчетом никому не обязана. Поэтому считаю не только своим правом, но и обязанностью не отвечать на оскорбительные и совершенно произвольные предположения, которые в предъявленном мне прошении, поданном во 2-й департамент Московского надворного суда 14 ноября 1857 года, позволил себе изложить, по доверенности коллежского регистратора Огарева, дворянин Игнатий Тимофеев Гржегелевский, тем более неуместные, что г. Гржегелевский знал уже из моих отзывов о существовании законного акта, пред которым всякого рода предположения не могут иметь никакого законного значения. Сентября 23 дня 1858 года. Г. С.-Петербург.

Жена коллежского секретаря Авдотья Яковлева Панаева.

(ЦГИАМ, ф. 81, оп. 17, ед. хр. 1964, л. 248)

11

Отзыв Н. С. Шаншиева от января 1859 г.

В Московскую часть города С.-Петербурга отставного штаб-ротмистра и кавалера Николая Самойлова Шаншиева

О т з ы в

Вследствие предъявленного мне отношения 2-го департамента Московского надворного суда во 2-ю Адмиралтейскую часть от 21 июля 1858 г. за № 3486 и приложенного при оном прошения дворянина Игнатия Тимофеева Гржегелевского, поверенного коллежского регистратора Николая Платонова Огарева, и писем имею честь объяснить, что дело, по которому Надворный суд требует от меня отзыва, «заключается» в том, «что» г-жа Огарева доверенностию, данною 20 ноября (2 декабря) 1850 года, уполномочив меня, Шаншиева, взыскать с мужа ее, Огаревой, коллежского регистратора Николая Платоновича Огарева 85 815 руб. сер«бром», с предоставлением мне, Шаншиеву, входить с должником, между прочим, в мировые сделки и принять домашние расчеты *по собственному моему усмотрению, без всякого отчета и ограничения*, — далее выразилась так: «полученные Вами деньги по судебному решению или мировой сделке и домашнему расчету имеете Вы *вручить* Авдотье Яковлевне Панаевой, которая на сей предмет имеет от меня словесное распоряжение». На основании этой доверенности я, Шаншиев, удовлетворение от Огарева получил в 1851 году, как доказывают надписи мои на представленных от поверенного мужа Огаревой заемных письмах сего последнего, и учинил, согласно доверенности г-жи Огаревой, должное исполнение, чем самым сила и действие доверенности прекратились. После сего, спустя два года, а именно в 1853 году, Огарева умерла и в жизнь свою на неисполнение мною, Шаншиевым, доверенности не претендовала.

Таким образом, из всего этого ясно видно, что я, Шаншиев, не могу быть привлекаем к делу по просьбе поверенного Огарева, потому «что»: 1-е. Я имел доверенность неограниченную и безотчетную от Огаревой взыскать с мужа ее деньги и отдать Панаевой. Эту доверенность я, в жизнь Огаревой, исполнил и затем, по смерти ее, не обязан ныне никакою отчетностью пред ее наследниками, пред которыми я ни в чем не обязывался. 2-е. Представленные наследниками Огаревой письма ее к г-же Панаевой никаким доказательством противу меня служить не

могут, потому что, какие отношения существовали между Панаевой и Огаревой, мне неизвестно, да и надобности входить не имел, и затем Панаева могла писать к Огаревой, что ей угодно, и это нисколько для меня не обязательно. 3-е. Ко мне, Шаншиеву, могли бы иметь какие-либо претензии только Огарева за неисполнение доверенности и Панаева за неотдачу всего того, что следовало по доверенности. Но относительно Огаревой я получил следующее от мужа Огаревой, что доказывается надписями на заемных письмах, представленных от поверенного мужа Огаревой; следовательно, поручение ее я исполнил, и Огарева в жизнь свою никогда никакого требования ко мне не простирала. А относительно Панаевой — она также не спорит на получение ею от меня всего следующего по доверенности Огаревой; следовательно, и здесь я, Шаншиев, не подлежу никакой ответственности.

Затем, не входя ни в какие дальнейшие объяснения, покорнейше прошу Московскую часть сей отзыв мой согласно требованию Московского надворного суда отослать в оный на законное и справедливое рассмотрение.

Штаб-ротмистр Николай Шаншиев.

Января 1959 года.

Жительство имею в С.-Петербурге Московской части 1-го квартала, по Колокольной улице, в собственном доме.

(ЦГИАМ, ф. 81, оп. 17, ед. хр. 1964, л. 249—250)

12

Прошение Я. И. Любимцева в Московский надворный суд от ноября 1860 г.

Всепресветлейший державнейший великий государь император Александр Николаевич, самодержец всероссийский, государь все-милостивейший!

Просит титулярный советник Яков Иванов сын Любимцев, а в чем мое прошение, тому следуют пункты:

1

Московского надворного суда Второй департамент в разрешении поданной мною 19<-го> прошедшего октября просьбы по делу о взыскании с гг. Панаевой и Шаншиева 85 т<ысяч> руб. сер<ебром> в пользу наследников Огаревой благоволил мне объявить чрез московскую полицию, что половина сего взыскания обращена на указанное мною недвижимое имение должника Шаншиева Орловской губернии в Трубчевском уезде с положением на доходы с сего имения ареста. Усматривая из сего распоряжения, что на г. Шаншиева обращена только половина всего присужденного взыскания, я нахожусь в обязанности ходатайствовать, чтоб и другая половина сего взыскания, долженствующая упасть на г. Панаеву, была также законным порядком обеспечена. А как в прежде поданной мною просьбе было уже объяснено, что у г. Панаевой недвижимого имения нигде нет, а потому и руководствуясь Св<о-дом> Зак<онов>, т. X, статьями 82, 2217—2218, всеподданнейше прошу:

Дабы повелено было жену коллежского секретаря Авдотью Яковлевну Панаеву в случае несостоятельности ее к платежу следующих с нее по взысканию 42 500 руб. сер<ебром> подвергнуть личному в отделении несостоятельных должников заключению, о чем и сообщить в С.-Петербургскую управу благочиния; следующие же на пропитание

г. Панаевой в течение первого м-ца ее заключения деньги три руб. 30 коп. и пересылки оных по почте ... при сем представляются. 1860 года поября ... дня. К подаению надлежит Московского надворного суда во Второй департамент. Прошение сие писал набело кашинский мещанин Павел Михайлов Шилов.

⟨К⟩ мною сочиненному прошению титулярный советник Яков Иванов сын Любимцев руку приложил.

Проситель жительство имеет в Москве, Тверской ч., 3 кварт., дом гр. Толстого под № 222.

(ЦГИАМ, ф. 81, оп. 17, ед. хр. 1964, л. 287—287 об.)

Из докладной записки 2-го департамента Московского надворного суда

Рассмотрев обстоятельства сего дела, Надворный суд 20 апреля 1859 г. определил: иск наследников Огаревой признать правильным и на удовлетворение их взыскать с коллежской секретарши Авдотьи Яковлевны Панаевой и штаб-ротмистра Николая Самойловича Шаншиева исковую сумму 85 815 р. сер⟨ебром⟩ со взысканием с виновных со всей суммы штрафа и за негербовую бумагу. Но, не приведя сего решения в исполнение, объявить оное апелляционным порядком тяжущимся, коих на основании 478⟨-й⟩ статьи X тома вызвать чрез ведомости; недовольному решением выдать с оного копию и апелляционное свидетельство; дело же затем представить на ревизию в Гражданскую палату, а здесь почислить решенным, каковое решение поверенные Огарева и Каракозова выслушали и оным остались довольны.

По представлении поверенным Огарева Гржегелевским денег судом заключено: в обеспечение присужденного взыскания наложить на имение Панаевой и Шаншиева запрещение, к выслушанию же решения вызвать их, Панаеву и Шаншиева, чрез ведомости, что исполнено в Сенатской типографии 30 мая.

О вызове Панаевой и Шаншиева припечатано в Сенатских объявлениях: Московских — 25, 29 июля и 1 августа и С.-Петербургских — 6, 10 и 13 августа и Московских губернских ⟨ведомостях⟩ 18 июля 1859 года. На каковой вызов годовой срок уже истек, жалоб на решение суда приносимо не было. Почему о приведении решения суда в исполнение сообщено в С.-Петербургскую управу благочиния 19 августа за № 472.

Титулярный советник Яков Иванов Любимцев при поданном 14 октября 1860 года в суд прошении представил доверенность, данную ему от поверенного г. Каракозова коллежского регистратора Сатина, просил присуждение с гг. Панаевой и Шаншиева взыскания обратить на имение Шаншиева, состоящее Орловской губернии Трубчевского уезда, наложив в то же время арест и на доходы с сего имения, подлинную же доверенность ему возвратить.

По выслушании сего судом 19 октября заключено: так как решение суда о взыскании с Панаевой и Шаншиева денег вошло в окончательную силу, то половину этого взыскания обратить на имение Шаншиева, о чем сообщить в Трубчевский земский суд, а об наложении ареста на доходы с сего имения представить Орловскому губернскому правлению, о чем объявить Любимцеву, что исполнено 26 октября.

(ЦГИАМ, ф. 81, оп. 17, ед. хр. 1964, л. 294 об.—296)

Отзыв А. Я. Панаевой от 29 октября 1860 г.

В управление 4-го квартала Литейной части жены коллежского секретаря Евдокии Яковлевой Панаевой

О т з ы в

В объявленном мне управлением предписании 1-го Департамента С.-Петербургской управы благочиния от 24 октября за № 17537 значится, что управа предписывает немедленно взыскать с меня 85 815 руб. серебром, присужденные 2-м Департаментом Московского надворного суда, если же я этих денег не заплачу, то описать мое имущество.

Не желая допускать до описи моего имущества, я бы и готова была внести присужденные с меня деньги, но не знаю, какую именно сумму должна внести, ибо в отношении Управы предписывает взыскать с одной меня всю присужденную судом сумму, т. е. 85 815 руб., тогда как из приложенного при предписании ее от 11 октября за № 17034 и объявленного мне донесения суда от 1 февраля за № 54 ясно видно, что означенную сумму (85 815 р.) суд присудил к взысканию не с одной меня, но вместе с тем и с Шаншиева. Следовательно, одна я ни в каком случае не обязана вносить всей этой суммы, и, во 2-х, в помянутом донесении 1 февраля за № 54 сказано весьма глухо взыскать с Панаевой (т. е. с меня) и Шаншиева 85 815 р. серебром, но сколько именно каждый из нас должен заплатить, того с точностью не определено. При такой же неясности нельзя даже предположить, чтобы я должна была заплатить половину этой суммы, потому что в таком случае суд положительно сказал бы, что он присудил означенное взыскание с меня и с Шаншиева поровну, а этого в отношении его не сказано.

Таким образом, с одной стороны, Управа требует с меня такую сумму, которая с меня одной не присуждена, тогда как по 1651-й статье Полного Соборания Законов, X тома, полиция обязана исполнять решения судебных мест во всей точности, а по 345-й статье тех же Законов исполнительные места ответственны за неточное исполнение судебных решений. С другой же стороны, требование Надворного суда о взыскании с меня и г. Шаншиева денег представляется в высшей степени неясным, возбуждающим недоумение, а с тем вместе и невозможность исполнить оное. По закону же (4 пункт статьи 636 приведенного тома) в случае недоразумения или невозможности при исполнении судебных решений исполнить указ или требование полиция обязана представить о том на разрешение того судебного места, от которого указание или требование последовало, и, как само собой разумеется, должно остановиться в приведении в исполнение неясного решения. Вследствие всего этого имею честь покорнейше просить настоящий отзыв мой предоставить на благоусмотрение 1-го департамента Управы благочиния и до получения разъяснительного предписания от него остановиться как описью моего имущества, так и взысканием с меня означенных выше денег.

Жена коллежского секретаря Евдокия Яковлева Панаева.
29 октября 1860 года.

(ЦГИАМ, ф. 81, оп. 17, ед. хр. 1964, л. 309—310)

Из приказа 2-го департамента Московского надворного суда от 4 ноября 1860 г.

Из дела этого видно, что поверенные умершей г. Огаревой г. Панаева и г. Шаншиев во исполнение доверенности Огаревой действовали нераздельно, как это доказывается самыми письмами Панаевой к Огаревой, и в какой мере каждый из них не исполнил поручения Огаревой, того ни Шаншиев, ни Панаева не доказали. На этом основании Панаева и Шаншиев и обвинены судом совокупно в иске с них наследников Огаревой, почему и обязаны они отвечать пред наследниками Огаревой нераздельно и поровну, а в случае несостоятельности кого-либо из них один за другого во всей взыскиваемой сумме, и потому Надворный суд определяет о сем донести 1-му департаменту С.-Петербургской управы благочиния, присовокупив при том, что меры ко взысканию с Панаевой и Шаншиева определены 68, 69, 70, 71, 72, 75 и последующих статьях сего отдела, а равно в 635 и 636, 1855, 1854 и последующих статьях сего отдела 2 части X тома Свода Законов, причем с изложением последней просьбы г. Любимцева препроводить и представленные им деньги для надлежащего распоряжения на основании 2217 статьи 2 части X тома Свода Законов. В случае же несостоятельности г. Панаевой о сем заключении объявить Любимцеву чрез полицию.

(ЦГИАМ, ф. 81, оп. 17, ед. хр. 1964, л. 298—298 об.)

Прошение А. Я. Панаевой, Н. С. Шаншиева и Н. С. Сатина от ноября 1860 г.

Всепресветлейший, державнейший великий государь император Александр Николаевич, самодержец всероссийский, государь всемилостивейший!

Просят жена коллежского секретаря Авдотья Яковлева Панаева, отставной штаб-ротмистр Николай Самойлов Шаншиев и поверенный гг. Огарева и Каракозова коллежский регистратор Николай Михайлов Сатин, а в чем наше прошение, тому следуют пункты:

По определению Второго департамента Московского надворного суда, состоявшемуся 1859 года апреля 20 дня на удовлетворение наследников умершей коллежской регистраторши Марьи Львовоы Огаревой, а моих, Сатина, доверителей коллежского регистратора Николая Платонова Огарева и гвардии отставного поручика Михаила Михайлова Каракозова, производится с нас, Панаевой и Шаншиева, взыскание в сумме 85 714 руб. серебром. Ныне, учинив между собою по предмету сего взыскания расчеты, мы по взаимному и добровольному нашему согласию положили дело о сем взыскании кончить навсегда с миром; и потому, представляя у сего мировые пошпины девять копеек и сверх того я, Сатин, подлинныя доверенности, данныя мне Огаревым 12 августа 1855 г. и Каракозовым 3-го февраля 1859 г. и копии с них, всеподданнейше просим:

Дабы повелено было в удостоверение доброй воли нашей к миру отобрать от нас в присутствии Второго департамента Московского надворного суда установленным порядком допросы и затем вышеозначенное дело почестъ навсегда конченным, о чем для прекращения присужден-

ного с нас, Панаевой и Шаншиева, взыскания куда следует сообщить с тем, чтобы расходы, какие могут последовать по случаю окончания нами настоящего дела миром, обращены были на нас, Панаеву и Шаншиева; мне же, Сатину, благоволит оный суд возвратить подлинные мои доверенности по верке с ними предоставленных копий.

1860 года ноября дня.

К поданию надлежит Московского надворного суда во второй департамент.

Прощение сие сочинил и набело писал кашинский мещанин Павел Михайлов Шилов.

А что в сем прощении на второй странице между строк написано «сочинил и», то верно.

К прошению отставной штаб-ротмистр Николай Самойлов сын Шаншиев руку приложил. <К> прошению жена коллежского секретаря Авдотья Яковлева Панаева руку приложила. <К> прошению по доверенности коллежского регистратора Николая Платонова Огарева, отставного гвардии поручика Михаила Михайлова Каракозова коллежский регистратор Николай Михайлов Сатин руку приложил. Временное жительство имеем мы в Москве, Тверской части 5-го квартала, в доме Михайлова № 391; в гостинице Мореля.

(ЦГИАМ, ф. 81, оп. 17, ед. хр. 1964, л. 316—317)

ПРИМЕЧАНИЯ

Принятые сокращения:

- АВПР — Архив внешней политики России.
- ЦГАЛИ — Центральный гос. архив литературы и искусства СССР.
- ЦГАОР — Центральный гос. архив Октябрьской революции.
- ЦГИА — Центральный гос. исторический архив СССР.
- ЦГИАМ — Центральный гос. исторический архив г. Москвы.
- МВД — Министерство внутренних дел.
- МИД — Министерство иностранных дел.

¹ Просьба Огарева была вызвана тем, что его жена, Мария Львовна, проживавшая от него отдельно с начала 1840-х годов, не давала ему развода. Огарев обратился с прошением к начальнику III отделения графу А. Ф. Орлову, по-видимому, в начале 1853 г. 19 марта прошение было препровождено к министру внутренних дел графу В. А. Перовскому и 31 марта отослано московскому военному генерал-губернатору графу А. А. Закревскому — на том основании, что заграничный паспорт Огаревой был выдан по отношению из московской генерал-губернаторской канцелярии. Отсюда прошение поступило в московское губернское правление (ЦГИА, ф. 1286, оп. 14, ед. хр. 1547, л. 1—13). В марте 1853 г. Огарева скончалась. О смерти жены Огарев был оповещен частным лицом лишь в августе (см.: Черняк Я. З. Огарев, Некрасов, Герцен и Чернышевский в споре об огаревском наследстве. М.—Л., 1933, с. 519—520; далее: Черняк). В том же месяце Огарев обратился в департамент внешних сношений Министерства иностранных дел с просьбой о подтверждении известия (АВПР, ф. Гл. арх. II-7, оп. 81, 1853 г., ед. хр. 59, л. 10) и 25 августа получил копию рапорта генерального консула (там же, л. 11). На следующий день он обвенчался с Н. А. Тучковой (ЦГИАМ, ф. 81, оп. 17, ед. хр. 1964, л. 28).

² 6 июня 1853 г. московский гражданский губернатор И. В. Капнист, не зная, что Огарева скончалась, направил в департамент полиции исполнительной Министерства внутренних дел запрос, производилась ли в департаменте переписка об отсрочке пребывания Огаревой за границей. Аналогичный запрос был послан к петербургскому военному генерал-губернатору Д. И. Шульгину (ЦГИА, ф. 1286, оп. 14, 1853 г., ед. хр. 1547, л. 3—4). В ЦГАОР в описях дел III отделения значится несохранившаяся переписка за 1851 г. «Об отсрочке пребывания за границей Огаревой и Шиловой» (ЦГАОР, ф. 109, 3 экзп., 1851 г., № 819). Переписка, по-видимому, относится к однофамилице Огаревой (ср. дело 1852 г. «Об отсрочке пребывания за границей жены штаб-ротмистра Огаревой»: ЦГИА, ф. 1409, оп. 13, ед. хр. 74, л. 76 об.).

³ В извещениях о розыске имени Огаревой, разосланных во все губернские и областные правления, было допущено отступление от правила — не были прило-

жены сыскные статьи. По этому поводу из ряда правлений были присланы отзывы в 1-й департамент Сената, где было начато расследование, закончившееся лишь в мае 1854 г. — на втором году после смерти Огаревой (ЦГИА, ф. 1341, оп. 89, ед. хр. 463).

⁴ В «Сенатских объявлениях по казенным, правительственным и судебным делам» в 1853 г. объявлений о вызове Огаревой в Россию не появлялось.

⁵ Известие о кончине Огаревой было отправлено из парижского Генерального консульства в департамент внешних сношений МИД 31 марта 1853 г. (текст рапорта см. в примеч. 6); 17 апреля об этом была послана информация в департамент полиции исполнительной МВД (АВПР, ф. Гл. арх. II-7, оп. 81, 1853 г., ед. хр. 59, л. 2). Известие, полученное 22 апреля, задержалось в канцелярии этого департамента и не попало в дело о безвестной отлучке (ЦГИА, ф. 1286, оп. 14, 1853 г., ед. хр. 1547, л. 7). 5 августа департамент внешних сношений МИД препроводил в департамент полиции исполнительной МВД еще один рапорт парижского генерального консула (текст рапорта, датированного 21 июля (2 августа) 1853 г. см. в примеч. 6) с векселем и посмертными бумагами Огаревой (там же, л. 9—9 об.). Но и этот рапорт не отразился в деле. 21 августа дело о безвестной отлучке Огаревой было передано из канцелярии в 1-е временное отделение того же департамента (там же, л. 6). Здесь его производство было прекращено, и 28 августа, через четыре месяца после кончины Огаревой, известие об этом было отправлено московскому генерал-губернатору (там же, л. 14). Дальнейший ход дела виден из комментируемого указа из московского губернского правления 2-му департаменту Московского надворного суда.

⁶ Донесения (на французском языке) были адресованы в департамент внешних сношений МИД (см. подлинник: АВПР, ф. Гл. арх. II-7, оп. 81, 1853 г., ед. хр. 59, л. 1, 3—4), где они были переведены на русский язык. В первом рапорте от 31 марта (12 апреля) 1853 г., за № 2976 генеральный консул сообщал: «Чсть имею известить Департамент» внешних сношений о кончине Марьи Львовны Огаревой, последовавшей 28 марта (9 апреля) вследствие болезни легких. Известившись об этом, я отправился по жительству покойной на улице Les Neufes Mathurins в доме под № 49 и там, вместе с мирным судьей 1-го округа, наложил печати на вещи и бумаги г-жи Огаревой. У нее был паспорт из С.-Петербурга от 30 октября 1846 г. за № 903 (2377).

В означенной квартире найдены были только 220 франков деньгами и малоценные вещи для ежедневного употребления. Для покрытия необходимых погребальных и похоронных издержек я должен был обратиться к императорскому посольству, которое и отпустило в мое распоряжение сумму, нужную для умеренных, но приличных расходов по этому предмету, как равно и по другим необходимым.

Печати сняты будут завтра, и в непродолжительном времени мне возможно будет представить подробные сведения, которые мне доставит рассмотрение бумаг, и вместе с тем не замедлю препроводить и свидетельство о смерти г-жи Огаревой» (ЦГИАМ, ф. 81, оп. 17, ед. хр. 1964, л. 11). Другой перевод этого донесения сохранился в бумагах департамента полиции исполнительной МВД (ЦГИА, ф. 1286, оп. 14, 1853 г., ед. хр. 1547, л. 8—8 об.). Здесь же находится подлинный заграничный паспорт Огаревой, выданный 30 октября 1846 г. за подписью В. А. Перовского сроком на шесть месяцев для поездки в Италию для излечения болезни (там же, л. 20—28).

Во втором донесении, за № 3072, датированном 21 июля (2 августа) 1853 г., генеральный консул докладывал: «23 апреля (5 мая) я получил письмо на ее имя, без подписи и заключающее в себе вексель на 15 840 франков на срок 15 июля. Для покрытия уже израсходованных мною вперед издержек похоронных и других, еще не оплаченных, я принужден был променять этот денежный документ на чистые деньги. Банкир мой г. Гомберг и К^о приняли оный на меня как от законного администратора и по вычете процентов и комиссии выдали мне 15 639 франков 35 сантимов, которыми и удовлетворены мною все оставшиеся на покойной денежные претензии. Продав с аукционного торга ее платье, всякую одежду и прочие вещи, я за вычетом издержек комиссионера-оценщика принял сумму 490 фр. Ныне чсть имею представить в Департамент внешних сношений общую ведомость всем принятым и израсходованным мною по этому случаю суммам вместе с удостоверительными документами и препроводить в оный же вексель от 15 (27) июля от г. Гомберга и К^о на имя гг. Штиглиц и К^о и с моею надписью ценностью на сумму 12 365 франков, обращенных в 3053 рубля 12 коп. серебром, которыми департамент и благоволил распорядиться на законном основании.

Представляя департаменту внешних сношений этот окончательный отчет, мне остается только присовокупить, что, не нашедши нужным публично продать некоторые вещи туалетные или на память, музыкальные ноты и предметы, не имеющие ценности для посторонних, буду иметь чсть препроводить их с документами покойной в императорское министерство в особом ящике, который будет отправлен с гаврским пароходом, отходящим будущего 3/15 августа» (ЦГИАМ, ф. 81, оп. 17, ед. хр. 1964, л. 10—10 об.).

⁷ В отчете генерального консула содержатся нигде более не встречаемые сведения об обстоятельствах смерти Огаревой. Отчет интересен и безотносительно

к Огаревой — как документ, содержащий сведения о регистрации акта смерти русских подданных за рубежом, о похоронных распоряжениях при отсутствии родственников и близких, о средствах тогдашней лекарственной медицины. Документы, представленные в отчете, подразделяются на несколько групп. Первая включает в себя суммарные ведомости издержек с 4 апреля по 21 июля 1853 г. в связи с оформлением документов о смерти, аукционной продажей имущества, расчетами по долгам Огаревой, а также с доставкой вещей на хранение (оставшееся имущество Огаревой поместилось в три чемодана). Здесь же отчеты по похоронным расходам и пересылке вещей и векселя в Петербург, в департамент внешних сношений МИД (ЦИАМ, ф. 81, оп. 17, ед. хр. 1964, л. 12). К суммарным ведомостям прилагаются отчетные документы от разных лиц и учреждений. В бумагах из парижской мэрии находится свидетельство о смерти Огаревой, выданное за № 714 из мэрства 1-го округа. Здесь, в частности, сообщается возраст Огаревой — 31 год (там же, л. 14).

В рапорте консула приводятся счета, представленные поверенным и служителем Огаревой Шовеном. Огарева осталась должна разным лицам 1810 франков. Из них за квартиру и стол с 7 января по 7 апреля 1853 г. — 1500 франков (по 500 франков в месяц), остальные же — докторам за визиты, сиделке и за лекарства. Визиты врачей начались за полтора месяца до кончины — 17 визитов доктора Турнье, с 10 февраля по 4 апреля, по 5 франков за визит, и 8 визитов, с 4 по 9 апреля, по той же таксе, включая сюда консультацию и перевязку, — доктора Никола. Сиделка (Раде) была приглашена за два дня до смерти. Лекарства заказывались в аптеке Джонсона (ул. Комаратен, 6), с 15 февраля по 11 марта (главным образом противохолерачные по 2 франка 50 сантимов за упаковку — всего на 29 франков 80 сантимов), затем, по прекращении кредита, после двухнедельного перерыва — в аптеке «Золотая ваза» (Шоссе д'Антен, 65), с 26 марта по 7 апреля, — всего на сумму 18 франков 45 сантимов (алтей, грудной чай, льняное семя, рыбий жир, мед простой и ртутный, различные сиропы и лимонад; за шесть дней до смерти — шпанская мушка) (там же, л. 17, 21). Среди счетов, представленных Шовеном, — квартирная квитанция в получении денег за наем квартиры в доме, принадлежавшем Дэрасу, на бульваре Дю-Тампль, 28 (деньги за домовладельца получил Лакруа).

Особую группу бумаг составляют похоронные документы. Отпевание происходило в часовне Греческой церкви 11 апреля. Похороны по 4-му классу были заказаны похоронной конторе по улице Алибер, 10. Гроб, покрытый черным суконным покровом, усеянным серебристыми звездами, с галунами и серебристой каймой, был установлен на обитых таким же покровом дрогах. Упряжка из двух лошадей, покрытых такой же попоной, с кучером в ливрее, сопровождалась четырьмя траурными служителями. За дрогами следовали две драпированные и две лакированные кареты. Сосновый гроб, изнутри обитый атласом, был помещен в дубовый, обитый свинцом, с выгравированной на медной доске надпись. На Северном кладбище было отведено два метра земли. Через месяц после похорон, 11 мая, поставщик фирмы «Египетская пирамида» (близ кладбища Монмартр, 14) Нотт установил надгробный камень с надписью в 58 букв и железную решетку. Расходы на похороны составили около 2000 франков. 7 июня гроб с телом Огаревой был выкопан — вероятно, для отправки на родину (там же, л. 16—20 об.).

Огарева не выдержала зимы в неотапливаемой квартире, при недостатке в самом необходимом. Обстоятельства ее смерти выяснились впервые. До сих пор считалось, что Огарева «умерла содержаемая Христа ради каким-то крестьянским семейством близ Парижа» (Тучкова (Огарева) Н. А. Воспоминания. М., 1959, с. 285).

Упомянутый в консульском рапорте от 21 июля (2 августа) 1853 г. «особый ящик» с вещами Огаревой был доставлен в петербургскую таможенную во второй половине августа и по распоряжению департамента полиции исполнительный МВД в начале октября был препровожден московскому военному генерал-губернатору для передачи в таможенную, а оттуда — наследникам (АВПР, ф. Гл. арх. II-7, оп. 81, 1853 г., ед. хр. 59, л. 12, 14—17; ЦГИА, ф. 1286, оп. 14, 1853 г., ед. хр. 1547, л. 10, 16). При досмотре ящика в московской таможене 22 августа 1853 г. была составлена опись, в которой значилось: «Мелких бронзовых вещей, в каждой не менее полуфунта, весом налицо тридцать золотников; браслет шелковый с портретом на камне в золотой оправе, весом налицо семь золотников; хрустальных шлифованных изделий без украшений пять штук, весом налицо восемь золотников; одна штука, принадлежащая к кабинетным редкостям, весом четыре золотника; костяных изделий из простой кости, весом пять золотников, две штуки; одна булава с аметистом в золотой оправе, осыпанная камнями, весом полтора золотника; мрамор в деле, одна штука без украшений, весом один фунт четыре золотника; медь в деле без украшений одна штука, весом девять золотников; кольцо золотое с вделанными в него волосами, весом один золотник; стальных вещей без украшений, принадлежащих к женскому рукоделию, три штуки, весом два золотника; пуговиц стеклянных пять штук, весом пять золотников; золотые серьги с алмазом, весом три четверти золотника; деревянный без украшений игольник, весом один золотник; медаль медная с иностранной надписью, весом один золотник;

три дагерротипные портрета без рам; папка с фамильными портретами и гравюрами пейзажей. Сих вещей восемь штук. В сей же папке заключается переписка на иностранном языке. Сверх того запечатаны в особый пакет с приложением печати таможни печатные ноты со словами и рукописи. Пакет сей имеет два фунта шестьдесят пять золотников. В этом же ящике заключается восемь старых различной величины альбомов.

Обозначенные в описи предметы были оценены 18 августа 1855 г. в 11 рублей 28 копеек серебром. 31 октября 1855 г. вещи были получены московским 2-й гильдии купцом А. И. Эйфертом для передачи наследникам (ЦГИАМ, ф. 81, оп. 17, ед. хр. 1964, л. 87—88). Из упомянутых в описи «трех дагерротипных портретов» один, вероятно, изображал Панаеву (см. письмо Панаевой к Огаревой от 16 декабря 1846 г. из Петербурга: «Дагерротип я с большим удовольствием пришлю...» (Черняк, с. 320). В папку, заключающую в себе «переписку на иностранном языке», входили, скорее всего, и письма Огарева к жене, написанные по-французски (опубликовано 11 писем за 1845—1848 гг., см.: Черняк, раздел «Документы и письма»), а в «особый пакет» с рукописями — по-видимому, письма Панаевой к Огаревой (опубликовано 39 писем за 1846—1853 гг., см.: там же; см. также настоящую публикацию, примеч. 24). Из «старых альбомов» известен один (ЦГАЛИ, ф. 359, оп. 1, ед. хр. 169; частично опубликовано: Новые пропилеи, т. 1. М.—Пг., 1923, с. 21—22; см. также: Черняк, с. 317—318).

⁸ Сохранились две копии векселя — на французском (АВВР, ф. Гл. арх. II-7, оп. 81, 1853 г., ед. хр. 59, л. 5) и на русском языке (ЦГИАМ, ф. 81, оп. 17, ед. хр. 1964, л. 13). Подлинный вексель вместе с переводом консульского рапорта и отчета от 21 июля (2 августа) был отослан из департамента полиции исполнительной МВД московскому генерал-губернатору 3 сентября (ЦГИА, ф. 1286, оп. 14, 1853 г., ед. хр. 1547, л. 9, 14).

⁹ 30 июня 1854 г. Огарев представил в Московский надворный суд через пристава 2-го стана Корсунского уезда копии формулярного списка от 1840 г. и свидетельства о браке от 26 августа 1853 г. (ЦГИАМ, ф. 81, оп. 17, ед. хр. 1964, л. 26—29).

¹⁰ Огарев дал доверенность Гржегелевскому от 15 сентября 1854 г. (ЦГИАМ, ф. 81, оп. 17, ед. хр. 1964, л. 35).

¹¹ О заемных письмах см. примеч. 14.

¹² Огарева выехала из Петербурга в Италию в последних числах ноября—начале декабря 1846 г. (Черняк, с. 320; см. также отметки в заграничном паспорте Огаревой: ЦГИА, ф. 1286, оп. 14, 1853 г., ед. хр. 1547, л. 20—28).

¹³ Доверенность Огаревой Шаншиеву явилась результатом переписки между Шаншиевым и Панаевой в ноябре 1850 г. Первоначальный проект доверенности, присланный Шаншиевым к Огаревой (через Панаеву) в июле того же года, существенно отличался от окончательного. По этому проекту Огарева соглашалась удовлетвориться суммой в 50 000 рублей серебром вместо полагавшихся ей 85 750 тысяч (Черняк, с. 502—503). Судя по письму Шаншиева к Панаевой от 11 ноября (ЦГАЛИ, ф. 382, оп. 2, ед. хр. 17, л. 3—3 об.), этот проект не был признан в московской палате гражданского суда достаточно обоснованным для прекращения дела.

Приводим текст доверенности от 20 ноября (2 декабря) 1850 г.: «Милостивый государь Николай Самойлович! В Московской управе благочиния производится дело о взыскании с коллежского регистратора Николая Платоновича Огарева должных им мне по шести заемным письмам, писанных 1846 г. октября 16-го, капитала восемьдесят пять тысяч восемьсот пятнадцать рублей, представленных туда ко взысканию по передоверию от г-жи коллежской секретарши Авдотьи Яковлевой Панаевой; желая ныне уполномочить Вас лично от себя покорнейше Вас прошу принять на себя труд иметь по тому взысканию хождение, подавать от себя во всякое присутственное место к начальствующим лицам от имени моего за Вашею подписью всякого рода прошения, судебные решения слушать, удовольствие и неудовольствие объявлять и переносить частным и апелляционным порядком в высшие судебные места, учинить с должником и его поверенным мировые сделки и домашние расчеты по усмотрению Вашему без всякого ограничения и получить деньги, передать означенные заемные письма, по частям или вместе другим лицам, дозволить должнику Огареву продать часть имущества его, состоящее под запрещением по вышеописанному взысканию, просить о снятии наложенного на его имущества запрещения; так как Вы имеете намерение купить у должника недвижимое его имение, состоящее в Орловской губернии, то на сие изъявляю согласие и дозволяю Вам, вместо следующих от Вас денег, представить в уплату вышеописанные заемные письма, в сумму, какая причитаться будет; полученные Вами деньги по судебному решению или мировой сделке и домашнему расчету имеете Вы вручить Авдотье Яковлевне г-же Панаевой, которая на сей предмет имеет от меня словесное распоряжение; если встретится надобность при мировой сделке или домашнему расчету принять Вам какие-нибудь обязательства, то таковые дозволяется Вам совершить на Ваше имя, и как во всем вышеописанном, так и в тех случаях, которые здесь не объяснены, доверию Вам действовать как бы я сама без отчета и ограничения, и все, что Вы или кому от Вас доверено будет, законно учините, в том Вам верю и впредь спорить и прекословить не буду.

С совершенным почтением честь имею, милостивый государь, готовая к услугам Мария Львова дочь Огарева, жена коллежского регистратора.

Сия доверенность принадлежит отставному штаб-ротмистру Николаю Самойловичу Шаншиеву. Что сию доверенность собственноручно подписала Мария Львова дочь Огарева, в том свидетельствует Российское императорское генеральное консульство.

В Париже ноября 20/декабря 2 1850 года. Генеральный консул Александр Эбелинг.

Что сей документ действительно засвидетельствован Российским императорским генеральным консульством в Париже, в том Департамент внутренних сношений министерства и контрактных дел удостоверяет с приложением печати декабря 21 дня 1850 года» (ЦГИАМ, ф. 81, оп. 17, ед. хр. 1964, л. 52—53).

¹⁴ Из шести идентичных заемных писем, выданных Огаревым жене, с позднейшими расписками Шаншиева в получении денег, приводим одно: «Лета тысяча восемьсот сорок шестого октября в шестнадцатый день из дворян коллежский регистратор Николай Платонов сын Огарев. Занял я у жены своей Марьи Львовны Огаревой денег пятнадцать тысяч рублей серебром за указные проценты сроком впредь на один год, то есть будущего 1847-го октября по вышеписанное число, на которое должен всю ту сумму сполна заплатить; а буде сего не заплачу, то вольна она, жена моя г. Огарева, просить о взыскании и поступлении по законам. К сему заемному письму из дворян коллежский регистратор Николай Платонов сын Огарев, что я денег пятнадцать тысяч рублей серебром за указные проценты до показанного срока занял и руку приложил. У сего заемного письма штаб-лекарь коллежский ассессор Николай Яковлев сын Кетчер свидетелем был и руку приложил. У сего заемного письма из дворян коллежский регистратор Николай Михайлов сын Сатин свидетелем был и руку приложил. Заемное письмо писал Московской палаты Гражданского суда 2-го департамента в крепостной экспедиции коллежский секретарь Мячиков.

1846 года октября в 16 день сие заемное письмо Московской палаты Гражданского суда 2 д-та в крепостной экспедиции писано и в книгу записано <...> По сему заемному письму полное удовлетворение получил по доверенности коллежской регистраторши М. Л. Огаревой, засвидетельствованной в Париже 20 ноября (2 декабря) 1850. Отставной штаб-ротмистр Николай Самойлов сын Шаншиев» (ЦГИАМ, ф. 81, оп. 17, ед. хр. 1964, л. 44—44 об.).

Расписки на следующих пяти векселях несколько отличаются от вышеприведенной. На втором (по последовательности расположения в составе судебного дела) векселе проставлена дата «февраля 8-го 1851». Расписка на четвертом аналогична расписке на втором, но без даты. Пятая расписка — такая же, как и на первом векселе, но с добавлением текста: «8 тыс. руб. серебром», а остальную сумму 31 марта 1851 г.». Из суммы 85 тысяч рублей серебром, причитавшейся по векселям Огарева, Шаншиев приобрел на сумму 25 тысяч принадлежавшее ранее Огареву орловское село Уручье с прилегавшими к нему деревнями; часть денег получил от Огарева наличными за купчую, другую часть векселями на должников Огарева Н. М. Сатина и К. И. Янши (Черняк, с. 534—535).

¹⁵ В январе 1857 г. городничим в Темникове был поручик С. Ф. Тиньков (см.: Адрес-календарь на 1858—1859 годы, ч. II. СПб., с. 192).

¹⁶ В тексте ошибочно: «Декабря». Описка исправлена по тексту выверенной в суде копии (ЦГИАМ, ф. 81, оп. 17, ед. хр. 1964, л. 162).

¹⁷ Датируется по сведениям из отзыва Панаевой от 23 сентября 1858 г. (см. документ № 10).

¹⁸ Проект доверенности составлен неизвестным нам лицом (скорее всего, Шаншиевым); отослан к Огаревой в Париж с письмом от Панаевой (Черняк, с. 375). Доверенность ставила Огареву в полную зависимость от Панаевой. Этому документу суждено было сыграть важнейшую роль в истории «огаревского дела». Приведем текст документа (от 12 мая/13 апреля 1849 г.).

«Милостивая государыня Авдотья Яковлевна! Уезжая из С.-Петербурга за границу ддя излечения болезни в 1846 году, я предоставила состоящему в должности экстраординарного профессора при императорском Московском университете титулярному советнику Тимофею Николаевичу Грановскому получить от мужа моего коллежского регистратора Николая Платоновича Огарева должные мне деньги по выданным им на мое имя шести заемным письмам, из коих пять в пятнадцать тысяч рублей серебром каждое и одно в десять тысяч восемьсот пятнадцать рублей серебром, всего на сумму восемьдесят пять тысяч восемьсот пятнадцать руб. серебром. Ныне известилась я, что означенные деньги не были еще уплачены и что заемные письма не были протестованы, а потому покорнейше прошу Вас, милостивая государыня, принять на себя труд получить от г. Грановского поименованные заемные письма, выданные мне мужем моим, и по оным предоставляю Вам поступить, как Вы признаете нужным, т. е. отсрочить ли уплату или представить их ко взысканию и в сем случае поступить на основании законов. Во всяком случае предоставляю Вам, милостивая государыня, по сему предмету все права, какие имела я, и действовать по своему произволу, как бы я сама во всем, что Вы найдете для меня полезным. Полученные Вами капитал и проценты по-

корнейше прошу употребить, как я лично об этом Вас просила. Коллежская регистраторша Марья Львова дочь Огарева. 12 мая/30 апреля 1849 года.

Что сие верующее письмо собственноручно подписала Марья Львова Огарева, в том свидетельствует Российское императорское генеральное консульство. В Париже. Апр. 30/мая 12 1849. Генеральный консул Шпис.

Сия доверенность принадлежит коллежской секретарше Авдотье Яковлевне Панаевой.

Подпись императорского российского консула в Париже статского советника Шписа действительно учинена, в том департамент внутренних сношений Министерства иностранных дел свидетельствует с приложением печати мая 16 дня 1849 года» (ЦГИАМ, ф. 81, оп. 17, ед. хр. 1964, л. 155—156 об.).

¹⁹ См. об этом в письме Огарева к М. Л. Огаревой от 16 августа 1846 г. (Чернык, с. 314). См. также доверенность Огаревой на имя Панаевой от 12 мая (30 апреля) 1849 г. (примеч. 18).

²⁰ Сведения о пребывании Панаевой в 1847 г. за границей ошибочны. Панаева ездила за границу и виделась с Огаревой в мае—июле 1850 г. (Чернык, с. 174—175, 499).

²¹ Имеется в виду доверенность от 12 мая (20 апреля) 1849 г. (см. примеч. 18). См. также письмо Панаевой к Огаревой от 16 апреля 1849 г. (Чернык, с. 375—376). Это письмо в составе переписки Огаревой перешло к Огареву с бумагами покойной жены и было использовано поверенным в комментируемом прошении.

²² Имеется в виду доверенность от 20 ноября (2 декабря) 1850 г. (см. примеч. 13).

²³ О заемных письмах Сатина Огареву, приобретенных Шаншиевым, см.: Чернык, с. 518—519, 534, 537.

²⁴ Письма, представленные в суд Гржегелевским, определили исход процесса. Суд признал в них неопровержимое доказательство того, что деньги, взятые Шаншиевым по доверенности Панаевой с Огарева для вручения жеке последнего, не были переданы по назначению. Гржегелевский представил в суд четыре письма Панаевой.

Первое из них написано 24 апреля 1851 г.: «Продолжительное и упорное мое молчание происходило от очень уважительной причины. Я лежала в постели с месяц, у меня было воспаление в легких и в животе. Но когда я оправилась, я получила письмо твое, где ты пишешь о том, что я и без тебя знала хорошо; но писать до сего дня не могла. Посылаю тебе 100 рублей серебром, в конце недели вышлется около тысячи франков тебе, а там остальные тысячи четыре франков. Дело твое окончилось, деревня Орловская перешла к Шаншиеву, от них также заемные два письма на купца на срок двух лет. Все эти дразги стоили Шаншиеву 6 тысяч серебром, посуды сама, ведь это 24 тысячи франков. Все дело вели на наши деньги, они прислали доверителя с пустыми руками, да еще торопили нас, говоря, что уж теперь от вас зависит кончить все: они, верно, думали, что мы не извернемся с деньгами, но ошиблись, уж если взялись отстаивать тебя, так отстоим, и скоро, скоро ты увидишь, что мы преград и препятствий сниспровергли для достижения своей цели.

Присылка денег к тебе зависит от получения от них по векселю денег, но они и тут покуралесили, водят нас заверениями «?», однако есть надежда все получить через две недели. Ты не поверишь, как мне самой хочется конца твоих дел, чтоб я получала от тебя письма веселые, не остывшие. Натерпелась ты нужды, бедная, но что горевать о прошлом! Да, я смело могу назвать прошлым, потому что ты скоро в аккуратном доходе отдохнешь от всех тревог. Я желала бы видеть этих меся «?», как бы они наперерыв друг перед другом упрашивали тебя забирать у них товар и робким голосом подносили бы свой счет «?», уверяя, что он ничтожен и он так только занес. А я воображаю, как они теперь важно стучатся к тебе, называя тебя М-е Сгг. Что он живет у тебя: ты мне ничего не пишешь.

Шаншиев будет писать тебе подробное письмо о положении твоих дел. Я получила от него на твои имя заемные письма в ту сумму, в какую окончено твое дело. Через два года ты будешь обладать капиталом очень значительным. Цалую тебя. Не знаю, как делать с письмом, афроншировать, — боюсь, затеряется на почте. А ну, как у тебя нет денег? Некрасов, Сократ тебе кланяются. О Гейне и других тебе знакомых не знаю ровно ничего. Карцова умирала, теперь ей лучше, но все еще плоха. Говорят, так исхудала, что страшно смотреть. Скоро буду писать тебе опять» (ЦГИАМ, ф. 81, оп. 17, ед. хр. 1964, л. 238—238 об., 241—241 об.).

Во втором письме, от 21 апреля 1852 г., Панаева сообщала: «С неописанной радостью посылаю тебе 4 тысячи франков, даже слишком, т. е. 1000 серебром. Летом ты получишь 20 тысяч франков или более в уплату твоего капитала. Не позволяй ли ты уплатить часть из них долгу Сократу, который в очень бедственном положении, в таком, что только и живет ничтожными займами у Некрасова. Мне его жаль ужасно, он совершенно упал духом. Картины его никто не покупает, не потому, что они не нравятся, а потому, что он не умеет продавать их. Винить его нельзя в этом, потому что у него такая уж натура. Пришли мне разрешение. Без тебя я не могу удовлетворить его просьбе. Исключая этих денег, которые ты

получишь, ты должна получить еще проценты за год. На будущий год срок всем твоим векселям, и я не хочу ничего говорить, а самое лучшее, когда ты получишь нынче часть капитала, то увидишь, что об тебе постоянно думали и продолжают так же ревностно думать. О доставке тебе денег твоих не заботься, где бы ты ни была, даже в Мессине (?), и там ты их получишь от меня. Будь покойна, я так рада, так счастлива буду сама, когда ты напишешь мне письмо, что ты совершенно успокоилась и живешь весело и не думаешь, что-то делается в Петербурге с моим делом?

Пожалуйста, пиши аккуратнее твой адрес, если ты поедешь лечиться куда-нибудь; также и уведоми меня в получении денег. Письмо послано в Париж *poste restante*.

Про себя я могу сказать одно, что прозябаю, потому что упала совершенно духом после потери стольких надежд, основанных на моем ребенке. Еду в Ораниенбаум лечиться, т. е. купаться, далее ехать мне не позволяют мои денежные дела, которые пришли в очень жалкое положение вследствие ежегодных болезней, платы докторам и покупки лекарств.

Вот тебе новость: господин Фролов женится вновь. Берет жену на этот раз плотного телосложения, солидных лет и с приличным состоянием. Невеста его родственница Грановскому. Друзья хором поют о величии души Фролова, о его любящей натуре. Умилительно смотреть на все это, и дивисься, как легко и в то же время выгодно быть ловким человеком. Фролов по своей жизни мне очень напоминает Тартюфа, только московского. Насчет бумаж твоих я осведомилась, и они будут стоить до 3-х тысяч серебром. Выгодно ли тебе это будет? Если желаешь, то я приму меры, иначе нечего начинать этого дела. Целую тебя и желаю тебе полечиться хорошенько летом. Дожидаю получить от тебя в скором времени письмо. Прощай, пиши мне почаще. Все тебе посылают искренний поклон» (ЦГИАМ, ф. 81, ед. хр. 1964, л. 244—245 об.).

Третье письмо Панаевой датировано июлем 1852 г.: «Что мне было отвечать на твои письма, тем более что Шаншиева не было в Петербурге. Он возвратился и посылает тебе 1000 рублей серебром в *poste restante*, они ждут тебя. Остальные 5 тысяч он надеется выслать в этом месяце или в августе. Мая 1853 он решительно покончит все счета с тобой (как сказано в его условии со мною).

Я попрошу тебя об одном, погоди давать эпитет тем людям, которые, кроме твоей выгоды, ничего не видали, взявшись за твои дела. Если бы хоть раз имела пустое дело, особенно денежное, то не приписывала «бы» медленности твоего дела каким-то унижительным расчетам. Я одно верно знаю, что, несмотря на твои подозрения, я могу отвечать покойно. Факты тебе докажут противное.

На будущий год, я уверена, ты изменишь мнение о нас...

Что твои здоровье и куда ты намерена переехать? Пожалуйста, пиши тотчас при перемене места. Сумма так значительна, что надо быть осторожной.

Я живу опять в Ораниенбауме, но погода так дурна, что нет средств пользоваться купаньем, и я частенько прихварываю. Прощай, будь здорова и покойна. Твои знакомые тебе все кланяются» (ЦГИАМ, ф. 81, оп. 17, ед. хр. 1964, л. 239—240).

Последнее письмо от ноября 1852 г.: «Аккуратность высылки обещанных тебе денег зависит не от меня. Тот, кто надеялся получить, тоже был обманут. Ты видишь, что я несколько не виновата, одно сделала глупо, что писала тебе свои надежды. В том, что ты, не убив медведя, запрдала шкуру, право, я не понимаю, как можно меня упрекать за это? Ты удивляешься, что я не пишу тебе ничего? Но что писать мне той, которая была так деликатна, что решила меня предупредить, что не позволит себя водить, как дурочку, за нос. Эта фраза взята из письма твоего ко мне, писанного нынче весной. Я молчала, потому что нашла унижительным принимать на свой счет такие грязные выходки от той женщины, для которой я вынесла столько неприятностей и хлопот. Я никогда не сделала бы тебе следующих вопросов, если бы не вызвала бы меня своими письмами. Давала ты хоть грош на процесе? Кто высылал тебе деньги для твоего существования? И кто заботился о сохранении твоих интересов? Просили у тебя денег на бумаги, на совершение купчей? Упрекали тебя в том, что ты требовала и для себя еще денег??

Хоть бы один из твоих родных, зная твоего дела, выслал ли тебе грош, и какое участие показали??

Каким же образом вдруг те люди, которые столько оказали тебе расположения, могли заслужить подозрение. Как решилась ты высказать их. И после этого ты удивляешься моему молчанию!!!

К новому году выслано будет 1000 серебра, т. е. к нашему новому году. Шаншиев уехал из Петербурга, и если вернется с деньгами, то будут высланы и обещанные деньги из капитала.

В 1853 году дела все будут покончены со мной. Не хочешь ли ты приехать сама за получением капитала. Удостоверилась бы лично, как делаются денежные дела, да и в том, что капитал твой весь цел. Если бы я имела наличные твои деньги, то ты могла бы требовать так настойчиво денег. Проценты ты, кажется, получаешь очень аккуратно. Уплаты по векселям ранее не может быть, как в мае

месяце 1853. Это тебе писано сотый раз. За деревню также надо тебе внести в то же самое время. Обещанные деньги выслать тебе из капитала зависело от получения совершенно не по твоим векселям. Позволь мне дать тебе один совет, это никогда так не испытывать ничьей дружбы. Впрочем, другого процесса не будет, значит, тебе более меня не нужно. С твоими наличными деньгами ты найдешь себе друзей, только не заплатишь, в свою очередь, как я заплатилась за свое легкоеверие. Прощай, будь здорова.

Р. S. Если тебе так нужны деньги, то есть средства, может быть, достать, но и это еще не верно. Условия очень обыкновенные для займодавца: на 4 тысячи серебром проценту 2 тысячью серебром, да 1 тысячью серебром неустойки.

Совесть моя не позволяла мне никогда такие делать безрассудства с чужими деньгами. Напиши свое мнение. Будь покойна, твои интересы все тоже останутся для меня святыми до той минуты, как ты получишь последний грош из капитала.

У нас была холера. Теперь последние умирают. К лету ждут еще ее посещения» (ЦГИАМ, ф. 81, оп. 17, ед. хр. 1964, л. 242—243).

Приведенные письма Панаевой требуют некоторых пояснений. В письме от 24 апреля 1851 г. говорится об окончании дела Огаревой с ее мужем. Речь идет о производившемся в Московском надворном суде «деле Огарева, коллежского регистратора, о взыскании с него Огаревой, коллежской регистраторшей, по заемным письмам денег (5 сентября—12 декабря 1849 г.)» (ЦГИАМ, ф. 81, оп. 15, ед. хр. 55; дело не сохранилось). Письмо относится ко времени окончательного расчета между Огаревым и поверенным его жены Шаншиевым. Об орловской деревне, перешедшей к Шаншиеву, и о заемных письмах «на купца» сроком на два года см. документы № 3, 9 и примечания к ним; см. также настоящий выпуск, с. 141—142.

О каком купце идет речь, не установлено (ср. письмо Панаевой к Огаревой от 23 мая 1853 г., где говорится в той же связи о «Купце московском»: Черняк, с. 514). Слова о том, что «эти дрязги стоили Шаншиеву 6 тысяч серебром», — несомненное преувеличение. Шаншиев, пользуясь неведением Огаревой, чрезвычайно высоко оценивал свои расходы и услуги поверенного (там же, с. 381, 501). Упомянутый в письме «доверитель с пустыми руками» был на самом деле поверенным (Панаева допустила опisku). Имеется в виду поверенный Сатина Н. Киреев, которому Шаншиев отказывался заплатить следуемые ему деньги (там же, с. 506—508). Упомянутый в письме Сократ — близкий друг Огаревой художник С. М. Воробьев (1817—1888).

В письме от 21 апреля 1852 г. говорится о Н. Г. Фролове (1812—1855), ученом, переводчике и сотруднике «Современника», потерявшем жену, урожд. Е. П. Галахову, родственницу петербургского обер-полицмейстера, и женившегося на М. В. Станкевич.

В. Е. Евгеньев-Максимов

ИЗ ПРОШЛОГО. ЗАПИСКИ НЕКРАСОВОВЕДА (1902—1921)

ПУБЛИКАЦИЯ Т. С. ЦАРЬКОВОЙ

18 сентября 1983 г. исполняется 100 лет со дня рождения выдающегося советского некрасововеда Владислава Евгеньевича Евгеньева-Максимова. Эту дату мы отмечаем завершением публикации автобиографической книги ученого-литературоведа.¹

ХII

К октябрю 1913 г., работая очень спешно, я закончил свою вторую книгу о Некрасове, которую назвал «сборником статей и материалов».² Этим осторожным названием мне хотелось подчеркнуть, что книга моя не является работой научно-монографического типа. Тем не менее составлявшие ее статьи, частично уже появлявшиеся в печати, а частично заново написанные, преследовали две совершенно определенные цели: во-первых, осветить наиболее темные периоды биографии Некрасова и, во-вторых, выяснить основы его общественного мирозерцания.

В книге моей есть ряд довольно существенных ошибок, преимущественно методологического характера, но, думается мне, те цели, которые я ставил себе, как ее автор, более или менее достигнуты. Я отнюдь не склонен к преувеличенной оценке своих сил и способностей, тем более преувеличенной оценке того, что вышло из-под моего пера, — и все же после выхода моей книги я чувствовал себя более или менее удовлетворенным.

Рецензии на книгу, появившиеся в тогдашней печати, носили в общем очень благожелательный характер, и это укрепляло меня в убеждении, что на этот раз я не потерпел неудачи. Произошло это в значительной мере потому, что почти все главы книги были если не целиком, то в некоторых своих частях основаны на неизданном материале, главным образом на том, который я получил от А. Ф. Кони. Но не только от него: в одной главе я широко использовал картавовские материалы,³ в другой — свои находки в архиве ярославской гимназии. Наконец глава «Некрасов в роли редактора-издателя „Современника“» основывалась на материалах, предоставленных мне С. Н. Кривенко и Б. Л. Модзалевским. О Кривенко я уже говорил. О Борисе Львовиче Модзалевском скажу сейчас.

Умер он сравнительно недавно,⁴ а вспоминаем мы о нем, к стыду нашему, сравнительно редко. Я не буду говорить о высоком достоинстве

¹ Начало публикации см.: Некрасовский сборник, вып. VII. Л., 1980, с. 200—233.

² Евгеньев В. Николай Алексеевич Некрасов. Сборник статей и материалов. М., 1914.

³ См.: Некрасовский сборник, вып. VII, с. 208.

⁴ Б. Л. Модзалевский умер 3 апреля 1928 г.

его научных трудов — оно общеизвестно и ни с чьей стороны, как кажется, сомнений не вызывает. Мне хочется напомнить о его исключительных заслугах как собирателя историко-литературных материалов. Кто из активных историков литературы нашего времени может обойтись без рукописной сокровищницы ИРЛИ (Пушкинского Дома)? А все ли из черпающих оттуда материалы, без которых их работа остановилась бы на месте, знают, что большинство этих материалов было разыскано, собрано и бережно, иногда в течение многих лет, хранимо Модзалевским?

Среди наших архивных работников, «ученых хранителей», как их одно время называли, не редкость встретить оберегающих порученные им материалы не только от мышей, крыс, но и от «профанов». Понятие «профан» обычно трактуется очень широко; в ряды профанов сплошь да рядом зачисляются и серьезные научные работники, особенно если они «другого прихода». К чести Бориса Львовича следует самым решительным образом подчеркнуть, что он отнюдь не принадлежал к породе таких «архивных Плюшкиных».

Я явился к Борису Львовичу совсем еще молодым человеком, неискушенным ни в разыскании рукописного материала, ни в чтении рукописей. Всегда и неизменно я встречал с его стороны самое внимательное, самое доброжелательное отношение. Как только он убедился, что я подхожу к изучению Некрасова серьезно, он не только очень быстро разыскивал и давал мне для изучения те материалы, которые значились в каталоге, но сплошь да рядом, по собственной уже инициативе, сообщал мне о новых, еще не попавших в каталог приобретениях, представлявших интерес и значение для моей работы. Таким именно образом мне удалось, например, использовать ценнейшие письма Некрасова к собственнику «Современника» — П. А. Плетневу.

Благодаря неусыпным и неутомимым трудам Бориса Львовича значенные учреждения, которого он был душою, все возрастало и возрастало. Борис Львович становился «персоной», но его отношение к нам, как молодым, так и старым научным работникам, отнюдь не менялось. Всегда ровный и любезный в обращении, он радушно приветствовал вас уже на пороге своего кабинета. С ним можно было говорить не об одних научных проблемах; не один раз, внимательно и сочувственно он выслушивал меня, когда я начинал разговор с этим глубоко симпатичным мне человеком на личные темы <...>

Летом 1914 г., накануне выхода моей книги, я предпринял, опять-таки в целях углубления моей некрасоведческой работы, поездку в Саратов, где доживала свои дни престарелая подруга поэта — Зинаида Николаевна Некрасова.⁵

Зная из появлявшихся время от времени репортерских заметок, как труден к ней доступ, я прибег к помощи человека, о котором мне говорили, что ему легче, чем кому бы то ни было другому, воздействовать на Зинаиду Николаевну. Это был Иван Степанович Проханов, «председатель ВСЕХ», как значилось на его визитной карточке, т. е. председатель Всероссийского союза евангелических христиан. В качестве члена общины евангелических христиан (баптистов) вдова поэта не только хорошо знала Проханова, но и привыкла видеть в нем высоко авторитетное лицо, просьба которого для нее не могла быть безразлична.

Посетив Проханова, я рассказал ему о своих многолетних занятиях Некрасовым, о затруднениях, которые я встретил при изучении последнего периода его жизни, в частности при изучении его отношений с Зинаидой Николаевной.

⁵ О встречах с З. Н. Некрасовой В. Е. Евгеньев-Максимов рассказал в своих статьях того времени: «З. Н. Некрасова» (Жизнь для всех, 1915, № 2, с. 325—340), «У З. Н. Некрасовой» (Солище России, 1915, № 5, с. 1—3) и «З. Н. Некрасова» (День, 1915, № 27, с. 4).

«Только Зинаида Николаевна, — говорил я, — могла бы прояснить целый ряд интересующих меня вопросов. А между тем она, по слухам, уклоняется от каких бы то ни было разговоров о своем покойном муже. Ваше слово имеет для нее большое значение. Убедительно прошу Вас воздействовать на нее, чтобы она согласилась поделиться со мной своими воспоминаниями. Не праздное любопытство руководит мною в данном случае, а искреннее желание узнать правду и сделать ее достоянием общества».

«Я понимаю Ваши мотивы, — отвечал Проханов, — и сочувствую им. Все, что могу, — сделаю, но за успех не ручаюсь. „Сестра“ Зинаида старательно избегает говорить о прошлом, очевидно, потому, что с этим прошлым у нее связаны тяжелые воспоминания. Во всяком случае, я ей напишу, а когда получу ответ — сообщу Вам».

И, действительно, недели через две Проханов переслал мне адресованное на его имя письмо от Зинаиды Николаевны следующего содержания:

«Многоуважаемый Иван Степанович!

К сожалению, не могу исполнить Вашей просьбы. За последние два года я так много получила писем с желанием мне посочувствовать и поговорить о муже, а главное со мной познакомиться, и это так повлияло мне на нервы, что я до сих пор не могу успокоиться и теперь я избегаю новых знакомств.

Примите мой сердечный привет

Некрасова».

Ответ в достаточной степени неутешительный, но я все же решил попробовать добиться свидания с Зинаидой Николаевной.

28 июня 1914 г. я тчетно звонил у подъезда небольшого, но опрятного домика на Провиантской улице (№ 8), где, как указали мне в редакции «Саратовского вестника», жила вдова Некрасова. Потеряв терпение, я собрался было уходить, как вдруг крайнее оконце приоткрылось и из него выглянуло благообразное старушечье лицо, хранившее следы былой красоты.

— Прислуги дома нет. Вам кого угодно?

— Я бы хотел повидать Зинаиду Николаевну Некрасову.

— Погодите, я сейчас открою.

Через минуту заповедные двери растворились передо мной. Переступив порог, я никак не мог их за собой закрыть. Моя собеседница, оказавшаяся рослой и бодрой старухой, со словами: «позвольте, я сама», решительно отстранила меня от дверей и сильным движением руки разом их захлопнула. Помню, что я тогда же подивился силе этой, на взгляд уже очень пожилой, женщины. Это и была Зинаида Николаевна Некрасова.

Первое наше свидание было непродолжительное. Я просил Зинаиду Николаевну принять от меня только что выпешдую из печати мою книгу о Некрасове и сообщил, что приехал из Петербурга в Саратов главным образом для того, чтобы увидеться с ней.

— Ваше посещение застигло меня врасплох, — сказала Зинаида Николаевна. — Мне надо собраться с мыслями, прежде чем говорить с Вами. Да и книжку Вашу хотелось бы посмотреть. Сделаем мы так: приходите ко мне завтра, в 3 часа; тогда и поговорим». На этом мы и порешили.

На другой день, т. е. 29 июня, ровно в 3 часа я был у подъезда домика на Провиантской. Отворила мне снова Зинаида Николаевна. Через небольшую гостиную мы прошли прямо в ее комнату, довольно поместительную, очень светлую и в высшей степени чисто содержимую. В комнате находилась молоденькая девушка, которую Зинаида Никола-

евна отрекомендовала как свою хорошую знакомую (при начале нашего разговора она присутствовала, а затем вышла). Усевшись и меня пригласив садиться, Зинаида Николаевна начала:

«— Просмотрела я Вашу книгу. Очень она меня заинтересовала. Рада буду, чем могу, послужить Вам: боюсь только, что ничего особенно ценного о муже Вы от меня не услышите. Ведь Вас больше всего, я думаю, его литературная деятельность, литературные знакомства интересуют. А эта-то сторона его жизни для меня, пока я жила с ним, меньше всего доступна была. Сошлась я с Николаем Алексеевичем 19-ти лет; молода, неразвита была в то время, многого не понимала, особенно того, что касалось литературной деятельности мужа. Николай Алексеевич любил меня очень, баловал; как куклолку держал. Платья, театры, совместная охота, всяческие удовольствия — вот в чем жизнь моя состояла. Хорошо жилось тогда, потому что молода, ветрена была, а теперь вот глубоко жалею, что не развивал меня Николай Алексеевич. Единственный упрек, который могу к нему предъявить. Ну, да болезнь мужа за него постаралась. Столько пришлось перенести тогда, что в пять-шесть месяцев на несколько лет серьезней и старше стала. Боже! Как он страдал, какие ни с чем несравненные муки испытывал! Сиделка была при нем, студент-медик неотлучно дежурил, да не умели они его перевязывать, не причиняя боли. „Уберите от меня этих палачей!“ — не своим голосом кричал муж, едва прикасались они к нему. Все самой приходилось делать. Кишка у него последнее время выпала: нужно было в прежнее положение ее возвращать. Вправляю я ее, а сама, чтобы поощрить его среди нечеловеческих страданий, веселые песенки напеваю. Душа от жалости разрывается, а сдерживаю себя, пою да пою... Болезнь Николая Алексеевича открыла мне, какие страдания на свете бывают, а смерть его, что он за человек был, показала. Только на день похорон его поняла я, что сделал он для общества, для народа: видя общее сочувствие и внимание, начала задумываться над вопросом: чем он такую любовь заслужил. Припоминаю один случай, как раз накануне его погребения происшедший. В 3 часа ночи слышу, кто-то зовится. Отворяю. — Господин какой-то. „Можно повидать Николая Алексеевича?“ Я пустила. Он вошел в залу, где стояло тело, упал на пол и так рыдал, так рыдал (сама плачет)...».

Наступила тягостная пауза. Мне неловко было беречь раскрытую рану, и я молчал. Справившись с волнением, Зинаида Николаевна продолжила: «В каком состоянии я была в то время, никакими словами не расскажешь. Ведь целых два года спокойного сна почти не имела. После смерти мужа как в тумане, как в полусне каком-то ходила. Пухнуть стала. Доктора меня осматривали, Склифосовский, Белоголовый; думали, что это водянка. А я просто утомлена свыше сил человеческих была.

Да и потом немало тяжелого пришлось перенести. Вот совсем недавно дела такие случились, что если б не помощь Николая Михайловича (Архангельского) — истинно добрый человек! — христовым именем пришлось бы питаться.

Оставил мне муж кой-какие деньги. Жить можно было. Да все раздала. Просят, то один, то другой — как откажешь? И пришло такое время, что хоть умирай с голоду. Моложе была, работала. А теперь вот сил не стало работать — на милостыню живу (плачет) ... а на милостыню так тяжело жить»...

Напрасно старался я уверить ее, что пенсия Литературного фонда не милостыня, а обязательная дань общественной благодарности за сделанное ее мужем. Она стояла на своем...

«Как улитка в свою скорлупу уединилась и живу тихонько... Никого почти не вижу... Бог с ними, с людьми-то. Много мне от них вытерпеть пришлось. Ах, жестокие, жестокие есть люди. Сколько времени

прошло, а рана в душе не заживает, нет, не заживает. Только здесь утешение и нахожу»...

И Зинаида Николаевна показала мне объемистую Библию в кожаном переплете с застешками.

— А других книг не читаете? — спросил я.

— Нет, и другая дорогая книга у меня есть.

И Зинаида Николаевна положила на стол том сочинений Некрасова с трогательной надписью: «Милому и единственному моему другу Зине. 12 февр. 1874 г.». В устах сдержанного и замкнутого Некрасова эти слова означали очень многое.

Чтобы помочь Зинаиде Николаевне в ее воспоминаниях (во все время разговора она страшно волновалась), я решился предложить ей вопрос о том, в какой мере доступны были ее мужу религиозные настроения, которыми живет теперь она.

«Не знаю, был ли он религиозным, — отвечала она, — но поступал с ближними как милосердный самарянин⁶ (эти слова были произнесены с особым выражением и значительностью). Да, что бы о нем ни говорили, как бы на него ни клеветали, это на редкость добрый и сердечный человек был. Приедем, бывало, в деревню, на охоту — сейчас же со всех сторон начнут сходитьсь крестьяне: кто горем поделиться, кто радостью, кто совета, кто помощи попросить. Всех-то Николай Алексеевич выслушает, всех обласкает, и помогал нуждающимся щедро. И любили же его крестьяне!.. И в городе доброту свою находил случай проявлять — о сотрудниках своих заботился, деньги по первой просьбе им выдавал. Помню я его споры постоянные с Салтыковым и Елисеевым. Они тоже добрые люди были, а все же иной раз возмущались тем, что муж мой чересчур много выдач разрешает.

— Нет, Николай Алексеевич, — говорили они мужу, — так нельзя нерасчетливо деньги раздавать.

— Да как же не выдать, — возражал он, — когда просят; ведь у каждого свои нужды, потребности: волей-неволей надо в них входить.

И много раз так бывало, это я хорошо помню. Что и говорить — было за что любить Николая Алексеевича, а вот не все любили, далеко не все; много у него врагов было. А больше всего огорчало мужа дурное отношение к нему Тургенева. Ведь они прежде большими друзьями были. Николай Алексеевич однажды рассказал мне, как окончательный разрыв между ними произошел. „Прислал мне Тургенев для просмотра роман «Отцы и дети» с просьбой высказать о нем свое мнение. Я прочел и ответил: «Вещь хорошая, но рановременно печатать» (последние слова Зинаида Николаевна произнесла с ударением; очевидно, они твердо врезались ей в память). Тургенев ответил мне запиской: «Не забудь ты меня, а я тебя не забуду». С тех пор мы больше не виделись“...».

«Незадолго до смерти Николая Алексеевича, — продолжала Зинаида Николаевна, — суждено им было увидеться. Узнал Тургенев от общих знакомых, что муж неизлечимо болен и пожелал к нему приехать, чтобы помириться. Но нельзя было допустить его к Николаю Алексеевичу, не подготовив, — слишком он слаб и немощен был. Я сама взялась за это дело. Тургенев уже сидел у нас в передней, а я и говорю Николаю Алексеевичу: — Тургенев желал бы тебя повидать. — Пусть приедет, полюбуется, каков я стал, — с горькой усмешкой отвечал муж. Тут надела я на него халатик и перевела из спальни в столовую — сам уж он не мог ходить. Сел он у стола, высасывает сок из бифштекса — ничего твердого ему тогда не давали. Смотреть на него страшно — такой он бледный, худой и изможденный. Я выглянула в окно, сделала вид, будто увидела Тургенева и говорю: „А вот и Тургенев приехал“. Через

⁶ Самарянин — милосердный человек.

несколько минут Тургенев с цилиндром в руках, бодрый, высокий, предстательный, появился в дверях столовой, которая прилежала у нас к передней. Взглянул на Николая Алексеевича и застыл, пораженный его видом. А у мужа по лицу страдальческая судорога прошла: видимо, невольно ему было бороться с приступом невыразимого душевного волнения. Поднял тонкую исхудалую руку, сделал ею прощальный жест в сторону Тургенева, которым как бы хотел сказать, что не в силах с ним говорить. . . Тургенев, лицо которого было также искажено от волнения, молча благословил мужа и исчез в дверях. Ни слова не было сказано во время этого свидания, а сколько переживали оба» . . .

Зинаида Николаевна остановилась, помолчала, а потом раздумчиво произнесла:

«Да, глубоко чувствовать умел Николай Алексеевич. С какой нежностью, например, мать свою вспоминал. „Ангел, ангел она у меня была, — говорил, — все, что есть у меня хорошего, — от нее“. А отца не любил: крепостник ведь он был закоренелый. Не удивлялся, что пожар усадьбы в Грешневе был торжеством для окрестных крестьян. Никто из них и ложки воды на огонь не вылил» . . .

Затем Зинаида Николаевна показала мне несколько фотографических снимков. На портрет покойного мужа она не могла смотреть без слез. Заметив ее волнение и боясь, что мой затянувшийся визит слишком ее утомит, я стал прощаться. В ответ на изъявление мною горячей благодарности за беседу, она сказала: «Я уж и сама не знаю, как это вышло, что я с Вами разговорилась. Ведь Вы единственный, с кем я о муже так подробно говорила. А все-таки многого еще не сказала. Не соберешься ведь так скоро с мыслями». Я начал убеждать Зинаиду Николаевну продиктовать кому-либо свои воспоминания и сообщил ей некоторые соображения о том, как можно бы организовать это дело. Зинаида Николаевна, по-видимому, согласилась со мною. «Я понимаю, — говорила она, — что я обязана это сделать; в этом мой долг перед почитателями мужа. Постараюсь исполнить Ваше желание».

На этом наша беседа и закончилась.

Заручившись обещанием редактора «Саратовского вестника» Н. М. Архангельского содействовать записи воспоминаний Зинаиды Николаевны, я уехал из Саратова, убежденный, что разговор ее со мною открывает собой как бы первую главу ее мемуаров. Судьба судила иначе. Хотя Н. М. Архангельский и пытался, посещая время от времени Зинаиду Николаевну, наводить ее на воспоминания о муже, однако эти попытки не дали желаемого результата, так как Зинаида Николаевна приходила в такое волнение, что продолжать разговор не было никакой возможности. Следовательно, то немногое, что она сказала мне, приобретает особое значение как единственное свидетельство об умершем поэте столь близкого ему человека, как его жена. И человека к тому же незаурядного. Я обеими руками готов подписаться под следующим определением ее духовного облика, данным хорошо знавшим ее Н. М. Архангельским: «У нее был ясный ум и чистая, глубоко верующая душа. Нас с нею, конечно, разделяли взгляды на многое, но меня к ней влекла именно эта кристально чистая душа и какая-то особая цельность, говорившая о большой моральной силе».⁷

Через какие-нибудь полгода после моего свидания с Зинаидой Николаевной она закрыла свои «утомленные очи» и уснула, но не для того, чтобы отдохнуть (см. в стихотворении Некрасова: «Зина, закрой утомленные очи! Зина, усни!»), а для того, чтобы никогда уже не просыпаться.

⁷ Архангельский Н. З. Н. Некрасова. — Саратовский вестник, 1915, 27 января, № 21.

Во время моего пребывания в Саратове в июне 1914 г. я не мог отказать себе в удовольствии повидать и Ольгу Сократовну Чернышевскую.

Когда я вошел по старенькому крыльцу в дом Чернышевских, расположенный невдалеке от Волги, вблизи самолетской пристани, и меня провели в комнату Ольги Сократовны, меня встретила сравнительно бодрая старушка, с живыми, выразительными глазами, с чертами лица, не утратившими былой привлекательности. Я не буду передавать здесь тех благоговейных отзывов о Николае Гавриловиче, воспоминаниями о котором до сих пор, несмотря на двадцатилетнюю давность, живет Ольга Сократовна, перескажу только в двух словах ее суждение об отношениях Чернышевского и Некрасова, вызванное тем, что я преподнес Ольге Сократовне свою только что вышедшую книгу о поэте.

«Стара теперь, слаба стала, — говорила мне Ольга Сократовна, — многое позабыла, а вот Николая Алексеевича хорошо помню. Бывал ведь он у нас часто, потому что дружил с покойным мужем. И Николай Гаврилович был очень к нему привязан, не только любил, но и уважал. Нечего и говорить о том, что Некрасов вполне заслуживал такое отношение к себе. Сколько небылц о нем сложили, сколько клевет распустили, а между тем он был простой и добрый человек. Да, простой и добрый. . . Много добра делал и бедным литераторам, и студентам. И заметьте, не любил об этом говорить. Мало того, требовал, чтобы и другие не говорили, в особенности те, кому помогал. Николай Гаврилович всегда о нем с неизменной симпатией отзывался. Единственно, чем бывал недоволен, так это некоторыми сторонами в отношениях Некрасова к Авдотье Яковлевне Панаевой. Ведь, и она у нас свой человек была, сына моего Михаила Николаевича крестила. . . С своей стороны, могу сказать, что Некрасов оправдал и впоследствии доверие Николая Гавриловича: если бы не его помощь, мне бы с детьми после ссылки мужа буквально не на что жить было. И жена его, Зинаида Николаевна, ведь она здесь у нас в Саратове живет, добрая, хорошая женщина. Лично я с нею не знакома, а от людей слыхала, что она, пока еще водились деньги, оставленные ей мужем, много добра делала, многим помогала». . .

Приятное впечатление от свидания с Ольгой Сократовной было несколько омрачено сознанием, что обстановка, в которой она доживает свои дни, не удовлетворяет даже элементарным требованиям чистоты и гигиены.

Вернувшись уже осенью 1914 г. в Петербург, я счел своим долгом побывать у Михаила Николаевича Чернышевского и осведомить его о том, в каких условиях живет его мать. Михаил Николаевич дал понять мне, что если кто виноват в создавшемся положении вещей, то сама Ольга Сократовна. Думаю, что он имел достаточные основания ставить вопрос таким именно образом: характер Ольги Сократовны всегда был тяжел, а под старость, по-видимому, стал невыносимо тяжел. Тем не менее раздражение, звучавшее в голосе сына, когда он говорил о своей восьмидесятилетней матери, несколько озадачило меня. С другой стороны, я ощущал, несмотря на то что Михаил Николаевич в отношении меня держался вполне корректно, что мой приход и содержание моего сообщения для него не слишком приятны. Естественно, при таких условиях, что визит не мог быть продолжителен.

Через несколько дней после моего разговора с ним на страницах «Речи» и «Современного слова» (1914 г., от 17 октября) появилась моя статья «На родине Н. Г. Чернышевского».⁸ Хотя от начала до конца

⁸ Евгеньев В. На родине Н. Г. Чернышевского. (К 25-летию со дня смерти писателя). — Речь, 1914, 17 октября, № 280; Современное слово, 1914, 17 октября, № 2429.

она была проникнута теми чувствами любви, уважения, более того — благоговения, которые я питал и поныне питаю к автору «Что делать?», однако в ней содержалось мимоходом брошенное упоминание о том, что часовня на могиле Николая Гавриловича ни в малой степени не напоминает того памятника, какой хотелось бы видеть над местом последнего успокоения деятеля такого масштаба, как он. Это мимолетное упоминание возбудило такой гнев Михаила Николаевича, что он обрушился на меня в газете «День» (1914 г., № 302),⁹ в особом «письме в редакцию», в котором запальчиво упрекал меня в том, что, не похвалив часовни, я тем самым кровно обидел соорудивших ее родственников Чернышевского.

Существо спора, как видит читатель, не заключало в себе ничего серьезного. О нем, пожалуй, не следовало бы и упоминать, если бы Михаил Николаевич не закончил своего письма раскрытием моего литературного псевдонима. «И вот теперь, — писал он, — я могу спросить г. Евгеньева: заслужили ли упреки Максимова мы, родные и близкие Чернышевского?». Я был прямо-таки поражен этою выходкою. Мне и в голову не приходило, что сын Чернышевского, хотя бы под влиянием сильного раздражения, мог пойти на подобное нарушение литературных приличий. Тотчас же я письменно обратился к Михаилу Николаевичу за объяснениями, но на письмо мое так и не получил ответа. Да и что, в сущности, он мог ответить? . . .

Мне грустно упоминать об этом инциденте, но «из песни», как говорится, «слова не выкинешь».

XIII

Налетевшая с осени 1914 г. военная гроза затруднила, но не оборвала моей Некрасоведческой работы.

Затруднила прежде всего психологически. Для научных изысканий требуется в известной мере спокойствие душевное, а о каком спокойствии душевном можно было говорить, когда телеграф изо дня в день приносил потрясающие известия о наших военных неудачах, о гекатомбах жертв. С другой стороны, непрекращавшийся рост цен на предметы первой необходимости требовал повышения заработка и непрерывных забот о куске хлеба насущного. Без этого немислимо было обеспечить сколько-нибудь сносное существование как для себя, так и для семьи. Наконец, журналы и газеты в своем большинстве в такой мере заполнялись материалом, самым непосредственным образом относящимся к войне, что потребность в статьях литературного и тем более историко-литературного содержания заметным образом снизилась.

И все же Некрасова я не бросил. Более того, изучение его поэзии стало казаться мне имеющим еще более актуальное значение, ибо основным героем этой поэзии являлся великий русский народ. А о великом русском народе, его исторических судьбах, его настоящим, его будущем нельзя было не задумываться с особою напряженностью именно в эти годы. На чьи ведь плечи упала страшная тяжесть войны? Чья кровь кровавым потоком лилась и в мазурских болотах, и в августовских лесах,¹⁰ и на плоских берегах Вислы, и на галицийских равнинах, и на отрогах Карпат, как не его кровь? И не было конца краю этому страшному потоку. Нельзя было не вспомнить и при случае не цитировать хотя бы этих, как бы нарочито писанных стихов Некрасова:

⁹ Чернышевский Мих. Могила Н. Г. Чернышевского. — День, 1914, 6 ноября, № 302.

¹⁰ Перечислены районы, где в 1914—1915 гг. развертывались наиболее значительные военные операции. Августовские леса — леса между городами Августовом и Гродно.

Народ-герой! в борьбе суровой
Ты не шатнулся до конца,
Светлее твой венец терновый
Победоносного венца.¹¹

Мучительно хотелось, чтобы военная страда, вскрывшая всю гниль и грязь самодержавного режима, привела к событиям, которые сняли бы с народного чела «терновый венец». Верилось с каждым месяцем все крепче и сильнее в неизбежность этих событий, в неизбежность революционной бури. Но ведь поэзия Некрасова в основном как раз и была призывом к этой буре:

Грянь над лучиною моря,
В поле, в лесу засвищи,
Чашу народного горя
Всю расплещи.....¹²

Несколько раз брался я за перо, чтобы в особой статье высказать волновавшие меня мысли и чувства. Но не один и не два раза откладывал перо в сторону, сознавая, что подобного рода статья окажется решительно неприемлемой для военной цензуры. Наконец, мне удалось «высидеть», буквально «высидеть», статью «Некрасов и современные настроения». Я отдал ее в миролюбивский «Ежемесячный журнал», где она и была напечатана весной 1915 г. («Ежемесячный журнал», 1915 г. № 3). Но увы! в печати я не узнал ее. Наряду с редакторской правкой, имевшей целью смягчить остроту моих высказываний, по ней прошелся красный карандаш военного цензора.

Вот какой вид принял, например, абзац, содержащий руководящие суждения статьи:

«Любовь к народу, вера в него, бьющие ключом в поэзии Некрасова, помогли ему установить глубоко продуманное и единственное, на мой взгляд, правильное отношение к событиям, подобным тем, которые мы переживаем теперь.

Под впечатлением военной грозы его сердце так же, как и наши сердца, содрогалось от ужаса
.
.
разве с наших уст, как и с его не срывались полные тоски и отчаянья вопросы:

О любовь! где все твои усилия?
Разум! где плоды твоих трудов?
.
.
.».¹³

Одним словом, и мой текст и некрасовские стихи подвергались такой цензурной кастрации, которая изуродовала и искажила смысл статьи до крайних пределов.

Естественно, при таких условиях, что у меня в конце концов пропала охота писать на «современные темы», связывая Некрасова с современностью.

Оставалась старая привычная работа — соби́рание неизданных материалов.

Если в 1913—1914 гг. мои усилия были направлены главным образом на изучение «петербургского архива» Некрасова и на тщетные попытки добиться доступа к «карабихскому архиву» его, то в 1915—1916 гг. пре-

¹¹ Цитата из поэмы Некрасова «Тишина».
¹² Цитата из стихотворения Некрасова «Душно! без счастья и воли».
¹³ Цитата из стихотворения Некрасова «Страшный год» (1870).

13 Некрасовский сборник, VIII

имущественное внимание я уделял разысканию и обследованию материалов, относящихся к журнальной деятельности Николая Алексеевича.

Давно уже для меня стало ясно, что журнальная деятельность играла огромную роль при формировании не только его личности, не только его мировоззрения, но и его поэтического метода. Всестороннее прояснение облика Некрасова-человека и Некрасова-поэта представлялось мне совершенно невозможным без прояснения облика Некрасова-журналиста. О журнальной деятельности Некрасова в то давнее время, о котором я говорю, было известно очень мало. Правда, был уже опубликован ряд воспоминаний о ней, как сочувственных, так и несочувственных, но воспоминания всегда представлялись мне, да и теперь представляются, слишком мутным, в силу своей субъективности, источником, чтобы на основании их одних можно было строить изучение той или иной научной проблемы. Документальный материал, по моему глубокому убеждению, несравненно более пригоден для этой цели. Если только он есть, конечно.

И вот я принялся за соби́рание документов, характеризующих Некрасова как журналиста. Прежде всего я сделал все от меня зависящее, чтобы разыскать архивы некрасовских журналов — «Современника» и «Отечественных записок». Затем я стал добиваться разрешения на занятия в архивах цензурного ведомства, где я надеялся найти материалы для цензурной истории тех же журналов.

Должен признаться, что мои усилия если и не сопровождались абсолютным успехом, то во всяком случае не остались и бесплодными.

Найти архив «Отечественных записок» мне так-таки и не удалось; не удалось по той простой причине, что он, как кажется, уже не существовал к тому времени, когда я начал свои поиски.

Я побывал в доме Краевского (на углу Литейного и Бассейной ул., ныне пр. Володарского и ул. Некрасова),¹⁴ был принят наследниками его, занимавшими ту самую квартиру, которую когда-то занимал он. Я видел то место, на котором когда-то стоял объемистый шкаф, заполненный конторскими книгами и пачками денежных и иных документов по «Отечественным запискам» и «Голосу», но этим и ограничились мои достижения. Ни самого шкафа, ни того ценнейшего материала, который в нем хранился, я так и не нашел.

О. Фейгина, одна из наследниц Краевского, по моей усиленной просьбе приложила особые старания к розыску архива «Отечественных записок», но, увы, безуспешно, как я убедился из следующей записки, присланной ею мне:

«10-го декабря.

Милостивый государь Владислав Евгеньевич,

Мой управляющий произвел тщательные розыски, к сожалению, они не привели к желаемому результату.

Ничего, касающегося „Отечественных записок“ (конторские книги, записи и т. д.) не оказалось.

Очень жалею, что не могла быть Вам полезна. О. Фейгина».

Помню, что во время моих бесед с О. Фейгиной и старыми служащими ее дома, кто-то из них обронил фразу: «Уж не отослали ли все эти бумаги на бумажную фабрику? Никто ведь и не думал, что они кому-нибудь понадобятся».

В этом предположении, думается мне, нет ничего невероятного, причем уничтожение архива «Отечественных записок» могло быть результатом не только непонимания ценности его, но и нежелания оставлять

¹⁴ Литейный проспект назывался проспектом Володарского с ноября 1918 по январь 1944 г. Бассейная улица была переименована в улицу Некрасова в 1922 г.

в неприкосновенности документы, подтверждающие ту систему эксплуатации сотрудников, которую из года в год практиковал прижимистый редактор-издатель этого журнала (А. А. Краевский. — Т. Ц.), не делая исключения даже для сотрудников такого масштаба, как Виссарион Григорьевич Белинский.

Несравненно более удачными были мои поиски архива «Современника». В течение последних десяти лет существования этого журнала его конторой, т. е. всей хозяйственной частью, заведовал, как уже упоминалось выше, двоюродный брат Ивана Ивановича Панаева и близкий друг Некрасова Ипполит Александрович Панаев. Застать его в живых мне, к сожалению, уже не пришлось, но, ознакомившись с содержанием его статьи («Новое время»),¹⁵ разоблачавшей с помощью документального и цифрового материала клеветнические обвинения Некрасова Н. В. Успенским в денежной нечистоплотности, — я пришел к убеждению, что он тщательно берег конторские книги «Современника».

Не сохранились ли они у его наследников? — вот вопрос, который встал передо мной.

Вскоре я выяснил, что живы еще и сын Ипполита Александровича Александр Ипполитович Панаев, и дочь его Ольга Ипполитовна Гильдебрандт. Первый занимал какое-то довольно видное место в Министерстве иностранных дел, вторая, вдова, проживала в родительском доме в Павловске (ныне Слуцке).¹⁶ Мне посоветовали обратиться к Александру Ипполитовичу и Ольге Ипполитовне не непосредственно, а через посредство очень близкого им юноши А. Н. Макарова. Макаров, тогда еще студент университета, отнесся к моей просьбе с чрезвычайным вниманием. Ему я обязан не только знакомством с Александром Ипполитовичем и Ольгой Ипполитовной, но, надо думать, тою исключительной любезностью, с которой они приняли меня, совершенно незнакомого им человека.

А. И. Панаев, беседуя со мной, поделился, между прочим, воспоминаниями о частых спорах своего отца с Некрасовым. Ипполит Александрович, по его словам, чрезвычайно близко принимал к сердцу всякие слухи и сплетни, порочившие доброе имя Некрасова, и горячо убеждал последнего не оставлять их без опровержений. В особенности возмущался Ипполит Александрович обвинениями в денежной недобросовестности, в обсчитывании сотрудников.

«Если ты сам не хочешь выступить, — говаривал Ипполит Александрович поэту, волнуясь, кипятясь, нервно бегая по комнате, — то поручи это дело мне! У меня ведь каждая копеечка, выданная из кассы журнала, записана. Достаточно огласить эти записи, и все увидят, как щедро оплачивал „Современник“ своих сотрудников».

Однако Некрасов неизменно отклонял все просьбы и настояния Ипполита Александровича. «Брось, Политишка, — возражал он своему собеседнику, — стоит ли так волноваться» — и повторял слова своего же стихотворения:

Как умрем, —
Кто-нибудь и об нас проболтается
Добрым словом...»¹⁷

Конторские книги «Современника» и еще кой-какие материалы, воссоздававшие картину ведения журнального хозяйства, в частности денежных взаимоотношений с сотрудниками, были найдены довольно быстро. Засев за их разработку, я к весне 1915 г. окончил большую

¹⁵ Панаев Ип. О Некрасове. (По поводу воспоминаний Н. Успенского). — Новое время, 1889, 18 января, № 4630.

¹⁶ Павловск с 1918 по 1944 г. назывался Слуцком.

¹⁷ Цитата из стихотворения Некрасова «Что ты, сердце мое, расходилося...?».

насыщенную цифрами статью «„Практичность“ Некрасова в освещении цифровых и документальных данных», статью, как мне кажется, раз навсегда покончившую с легендой о прижимистости Некрасова, о его эксплуататорских замашках. Статья эта была напечатана в апрельском номере (1915 г.) «Вестника Европы».

В процессе работы над нею я не мог не прийти к заключению, что предоставленные мне наследниками Панаева материалы являются только частью, хотя и очень ценною, архива конторы «Современника». Прийдя же к этому заключению, я стал убеждать А. Н. Макарова поискать остальную часть архива. Макаров, занятый сдачей государственных экзаменов, несколько задержал исполнение моей просьбы. Но в конце концов все же исполнил ее. Результаты получились блестящие, как я убедился из нижеследующего письма Макарова:

«Павловск, 16 Августа 1916 г.

Многоуважаемый Владислав Евгеньевич,

Спешу поделиться с Вами известием о весьма приятной находке, на которую мне посчастливилось напасть вчера при разборке вновь обнаруженной связки бумаг покойного Ипполита Александровича. В этой связке оказались письма Некрасова к Ипполиту Александровичу, письма и записки Чернышевского, Добролюбова, Авдотьи Яковлевны Панаевой и целый ряд других писем, имеющих касательство к хозяйственной стороне „Современника“. Ольга Ипполитовна и Александр Ипполитович выразили готовность передать всю эту связку бумаг и писем в Пушкинский Дом, о чем я в ближайшем будущем извещу Б. Л. Модзалевского. Если же Вам почему-нибудь удобнее было бы ознакомиться с этими документами до передачи их в Академию наук, то они в Павловске к Вашим услугам...

Преданный Вам А. Макаров».

Я, разумеется, не стал откладывать своего ознакомления с «находкой» Макарова, в которой, действительно, содержались очень ценные вещи. А затем и эта «находка» и все прочие материалы конторского архива «Современника» были переданы их владельцами в Пушкинский Дом, где и по сей час усердно изучаются всеми исследователями, интересующимися «Современником», его блестящим штабом и его сотрудниками, среди которых мы находим почти всех наиболее выдающихся русских писателей 1850—1860-х годов, не говоря уже о *deos minores*¹⁸ тогдашнего литературного Олимпа. Что касается меня лично, то обследование архива конторы «Современника» дало мне возможность сильно продвинуть вперед изучение журнальной деятельности Некрасова и существенным образом облегчило работу над трехтомной монографией моей по истории некрасовского «Современника», в особенности над второю («„Современник“ при Чернышевском и Добролюбова», 1936 г.) и третью («Последние годы „Современника“») ее частями.

Как ни интересен архив конторы «Современника», но архив редакции этого журнала представлял бы еще больший интерес. Мне не удалось, несмотря на все мои усилия, найти путей к его разысканию. Несколько лет тому назад до меня дошли смутные слухи, что он долгое время хранился в сундуке под полом какого-то сарая в Коломягах, но теперь на месте этого сарая уже ничего нет, и где был расположен сарай, никто не знает.

Одновременно с разысканием и изучением архива конторы «Современника» я усиленно работал в архивах цензурного ведомства.

Доступ в архив Министерства народного просвещения, где хранились цензурные дела до начала 60-х годов, т. е. до перехода цензуры в Ми-

¹⁸ Младших богах (лат.).

нистерство внутренних дел, получить было сравнительно нетрудно. Обстановка для работы в этом архиве, если не считать ряда внешних неудобств, проистекавших от тесноты и непригодности помещения, в общем была довольно благоприятная. Заведующий Архивом Александр Сергеевич Николаев, правда, не отличался особой любезностью, но и не донимал излишними стеснениями.

Только в 1916 г. он поразил однажды меня и всех работавших в архиве поступком сугубо подхалимского характера.

Середина дня. В маленьком помещении архива мертвая тишина. Только и слышится, что шелест переворачиваемой бумаги и скрип перьев. Вдруг раскрывается дверь, и в комнату буквально влетает Николаев. Всегда медлительный и важный, теперь он весь в движении.

«Господа, — раздается его свистящий, нервный шепот, — прошу Вас немедленно встать!

Общее изумление. Все подняли головы и недоуменно воззрились на Николаева.

— Господа, кто не встает, тот будет лишен права работать в архиве!

Мы, не теряя своего изумленного вида, начинаем приподыматься.

Раздаются чьи-то медленные шаги за дверью. Николаев судорожно метнулся к двери, широко раскрыл ее и застыл около нее, согнувшись вперегиб, в позе неизреченного подобострастия.

В дверях показался невзрачный старик в форменном вицмундире со звездой, — только что назначенный на пост министра народного просвещения Кульчицкий.

«Ваше высокопревосходительство! — уже не свистящим шепотом, а звучным проникновенным голосом заговорил Николаев, — я и собравшиеся здесь деятели русской науки (жест в нашу сторону) считаем своим долгом приветствовать Вас на посту министра народного просвещения. Ваше имя известно каждому русскому как имя мужественного борца за священные устои нашей государственности — православие, самодержавие, народность! Благодаря Вашему твердому руководству эти начала восторжествуют и в учебном ведомстве, к радости всех истинных патриотов, на страх и погибель крамольников».

Старик вяло промямлил: «Благодарю» и пустился в обратное плаванье; мы остались стоять, как оплеванные. . .

Свежо предание, а верится с трудом?

Несравненно труднее было получить доступ к цензурным делам Министерства внутренних дел. Министерство народного просвещения ведь уже перестало быть цензурным ведомством, и об его цензурном прошлом вспоминали только в архиве. Министерство же внутренних дел, в лице Главного управления по делам печати и подчиненных ему Комитетов по делам печати, — в 1915—1916 гг. ведало цензурными делами на тех же почти основаниях, как и пятьдесят лет тому назад. Цензурный архив Министерства считался особо секретным архивом. Если мне и удалось проникнуть в это заповеданное святилище, то благодаря чисто случайному обстоятельству.

Новый начальник Главного управления по делам печати Власий Тимофеевич Судейкин встречался в свое время с моим отцом, и отцу случилось оказать ему какую-то услугу. Вот почему, когда я явился в приемную Главного управления и, получив «аудиенцию» у Судейкина, назвал себя, он принял меня хотя и величественно, но любезно. Впрочем, услышав, что я добиваюсь разрешения работать в цензурном архиве, несколько умерил свою любезность.

— Трудно, очень трудно исполнить мне Вану просьбу. Ведь наш архив секретный. Не было еще прецедентов, чтобы к изучению его допускались посторонние.

Однако в тоне, которым были произнесены эти слова, категорического отказа не звучало. Учтя это, я удвоил свои настояния и в конце концов добился некоего пообещания.

— Приходите через три дня — может быть, что-нибудь и выйдет.

А через три дня Судейкин заявил мне: «Я разрешу Вам заниматься в архиве, если Вы дадите подписку, что ни одной строчки из предоставленных Вам для ознакомления материалов не опубликуете и ни одной из сделанных Вами выписок не унесете с собой, не показав предварительно мне».

Я был совершенно ошарашен этими требованиями. В самом деле, какой был смысл просиживать целые дни в архиве с гнетущим сознанием, что плодами своей работы все равно не удастся воспользоваться?! Не проще ли подняться и уйти, уйти демонстративно, чтобы проклятый «Власий»¹⁹ почувствовал, что я не позволю сделать из себя дурака. Я даже привстал, собираясь откланяться, но в последний момент на меня нашли колебания: «Попытка не пытка, лишь бы получить доступ к цензурным делам, а там видно будет»... И я ответил «Власию», что условия его, хотя и очень стеснительные, принимаю.

Вскоре я убедился, что решение мое было вполне правильно. Черт оказался не таким страшным, как его малюют. В своей работе я преимущественно ограничивался только просмотром цензурных дел и не делал из них никаких выписок, отмечал в своем блокноте наиболее интересовавшие меня страницы. В то же время приглядывался к окружающему меня чиновничьему миру в надежде найти человека, который мог быть мне полезен.

Впечатления в общем были не слишком утешительными. Цензорско-полицейский характер учреждения не мог не наложить отпечатка и на его служащих. Преобладали заскорузлые бюрократы, сплошь реакционно настроенные. Когда они принимались говорить о политике, то хоть уши затыкай: все вариации на темы бессмертных щедринских наук — «патриотистики» и «монархомании».

Больше надежд возбуждала группа новонабранных служащих (мобилизация несколько разрядила основной состав Главного управления по делам печати), среди которых было несколько барышень-машинисток.

Нередко бывало, что, увлеченный работой, я засиживался в архиве и уходил почти что последним. Не один раз я замечал при этом, что одна худенькая, бледная машинистка остается в Управлении и после моего ухода, буквально не давая себе передышки в работе.

— Как Вы не боитесь устать? — как-то спросил я ее, когда кроме нас двоих и сторожа в Управлении уже никого не было.

— Что делать, — вздохнула она, — жалованье нам платят маленькое, а цены, сами знаете, все растут и растут. Вот и надо прирабатывать.

— Но ведь здоровье свое в конец расстроите.

— Когда еще расстрою, а вот у мамы моей оно уже в конец расстроено. Доктор прописал «усиленное питание», а на это нужны деньги и деньги. Бедная моя мамочка!

На глазах моей собеседницы появились прозрачные слезинки.

— А если я Вам буду давать работу, Вы возьмете ее?

— С радостью!..

— Скопируйте из этого дела все страницы, в которых лежат закладки. Только устраивайтесь так, чтобы начальство обо всем этом не узнало.

— Не узнает — твердо заявила она.

И, действительно, начальство ничего не узнало...

Все наладилось как нельзя лучше. Машинисточка моя была в восторге от хорошего заработка (я платил ей вдвое), мама ее, получая

¹⁹ Таково было прозвище Судейкина. (Примеч. В. Е. Евгеньева-Максимова).

«усиленное питание», стала поправляться. А я чувствовал себя буквально на седьмом небе: темпы моей работы благодаря помощи машинистки заметно повысились.

— Что же Вы его высокопревосходительству своих «выписок» на просмотр не приносите? — спросил меня однажды секретарь Власия.

— Да я их вовсе и не делаю, ограничиваюсь пока ознакомлением с делами.

Рассказывая все это, я, пожалуй что, навлеку на себя со стороны чересчур ригористически настроенных читателей обвинение в хитрости и обмане. Однако мне есть что сказать в свое оправдание.

Первое: «с волками жить — по волчьи выть».

Второе: поставленное мне условие я выполнил — ничего не опубликовал из найденного мною в Главном управлении материала... — по крайней мере, до тех пор, пока существовало самое Главное управление. Ждать же того времени, когда это недоброй памяти учреждение прекратило свое существование, мне, к счастью, пришлось недолго.

Любопытный штришок: осенью 1916 г. Судейкин, чувствуя, как трещит старый режим, призвал меня в свой кабинет, стал расспрашивать о моих литературных знакомствах и закончил разговор таким, заставившим меня подскочить на стуле от удивления, предложением:

— Я знаю Вы — либерал, может быть, даже радикал, но Вы любите свою родину. Поступайте ко мне театральным цензором. Освободилась вакансия, и я хочу найти такого цензора, который бы сумел вести примирительную линию. В години войн и народных бедствий власть и общество должны забыть прошлые несогласия и жить мирно. Надеюсь, Вы не откажитесь от моего предложения?

Если бы это последнее исходило не от Власия, то я считал бы себя оскорбленным, но Власий славился своею ограниченностью: обижаться на него не стоило.

— Знаете что, Ваше превосходительство, — отвечал я, — если бы я уже был Вашим служащим, то и в таком случае поторопился бы уйти от Вас.

— Как! Почему?

— По той же причине, по которой крысы бегут с тонущего корабля. А Ваш корабль тонет...

Я мог говорить с Власием так смело и откровенно и потому, что обреченность старого режима чувствовалась всеми, и потому, что моя работа в архиве Главного управления была уже почти закончена. Светлоглазая машинисточка переписала мне несчетное количество архивного материала, и объемистые папки со сделанными ею машинными копиями хранились в надежном месте. Просматривая эти папки, я чувствовал себя «богачом», и не без основания. Настолько обильна была жатва, собранная мной в архиве Главного управления, что и поныне мною использован еще не весь добытый тогда материал.

XIV

К осени 1916 г. относится ряд моих посещений семинара по Некрасову, организованного на Высших женских курсах (Бестужевских) молодым, пользовавшимся широкою популярностью (увы, теперь он уже не молод, но популярность его еще более возросла) профессором Николаем Кириаковичем Пиксановым.

Едва ли я ошибусь, если скажу, что это был первый вузовский семинар по Некрасову. Самый факт его существования представлялся мне (и думаю, не без основания) весьма значительным: я видел в нем не только симптом возросшего интереса к поэту среди широких кругов русской общественности, но и симптом того, что академические круги,

в лице хотя бы некоторых своих представителей, изменили к нему свое пренебрежительно-отрицательное отношение. Давно ли Шляпкин и слышать не хотел о дипломном сочинении, посвященном Некрасову,²⁰ а теперь, употребляя выражение М. Е. Салтыкова-Щедрина, «вот какой, с божьей помощью, поворот» — специальные семинары по Некрасову организуются!

Затем, привлечение меня к участию в занятиях семинара, на ролях своего рода консультанта, воспринималось мною как событие очень и очень небезразличное в моральном и психологическом отношениях. Я рассматривал это привлечение как признание некоторых моих заслуг в деле изучения Некрасова. По милости Шляпкина, высшая школа захлопнула передо мною свои двери, оставлен при университете для подготовки к научному званию я так и не был, а профессор Пиксанов, молодой и передовой ученый, сам приглашает меня участвовать в работе своего семинара!

Теперь несколько слов о самом семинаре: он был очень многочислен по количеству участниц и, как всегда бывает с большими семинарами, разнороден по своему составу: одна часть входивших в него курсисток была достаточно подготовлена к семинарской работе, другую составляли наивные девушки-провинциалки, которые при всем своем желании многого дать не могли. Но работать хотели все и работали, надо им отдать справедливость, очень добросовестно.

Руководитель семинара поразил меня исключительно умелым подходом к делу: ему удавалось сочетать неизменно серьезное отношение к работе с истинно товарищеской манерой держаться. Никакой фамильярности, но в то же время полная готовность просто, откровенно, иногда даже с суровой прямоотой произнести свой суд, сказать свое веское, обоснованное слово по поводу того или другого доклада. А суждения Николая Кириаковича всегда были вескими и обоснованными. Он, разумеется, не был «специалистом по Некрасову» и постоянно подчеркивал это, но с тем большею тщательностью готовился к каждому занятию семинара и прорабатываемый на семинаре материал знал превосходно.

В 1916 г. мне было 33 года — возраст, когда обычно перестают учиться. Однако, присутствуя на занятиях семинара Пиксанова, я не без удовольствия сознавал себя в положении учащегося, и учащегося не без пользы. Конечно, не некрасововедению я, проработавший уже целых 15 лет над Некрасовым, учился; я учился тому, как следует вести вузовскую, в частности семинарскую, работу. Эта наука впоследствии мне очень и очень пригодилась, и я никогда не перестану быть благодарным за нее Пиксанову.

Как опытный и заботливый садовник выращивает растения, так и Николай Кириакович, упорно работая, не жалея сил и времени, выращивал молодых некрасововедов, среди которых назову Е. В. Базилевскую, С. Тер-Микельян, В. Дернову. Базилевская интересовалась вопросами творческой истории поэмы «Кому на Руси жить хорошо». Тер-Микельян и Дернова тяготели к работам библиографического типа, точно так же как и Гобов, студент Психо-неврологического института, также получивший закалку в школе Н. К. Пиксанова.

Мое участие в работе семинара, как я уже сказал, было консультативное; я был как бы присяжным оппонентом на всех докладах, на которых мне доводилось присутствовать. Высказывался я, подобно Н. К. Пиксанову, прямо и откровенно, но энтузиазм, с которым участницы семинара отдавались изучению моего любимого поэта, был настолько мне приятен, что я тщательно выбирал выражения, чтобы моя

²⁰ Об этом эпизоде своей студенческой жизни В. Е. Евгеньев-Максимов рассказывал в III главе своих «Записок некрасововеда» — «Из прошлых лет» (Звезда, 1941, № 4, с. 165—167).

критика не действовала обескураживающе, не производила впечатления ушата холодной воды. А кроме того, я считал своею обязанностью, наряду с недостатками докладов, указывать и разъяснять их достоинства.

Характер ли моих выступлений сыграл здесь свою роль или же те «добрые слова», которые на занятиях семинара говорил иногда по моему адресу Н. К. Пиксанов, но только юные участницы семинара проявляли ко мне очень сочувственное отношение. Несколько раз они конфузили меня своими аплодисментами. Нередко писали мне письма, полные доверия и симпатии.

Вот письмо Александры К. (от 4 ноября 1916 г.). В нем его юный автор, должно быть, наивная и увлекающаяся провинциалочка, в столь превыспренных, хотя и сердечных, выражениях благодарит меня за сочувственный отзыв о ее реферате, а под конец раздражается таким восторженным дифирамбом в честь меня самого, что по прочтении ее письма я чувствовал себя повергнутым в великое смущение.

Вот письмо Зинаиды Ф. от 28 февраля 1917 г., петербуржанки, развитой и сложившейся интеллектуально девушки. Ее обуревают сомнения, способна ли она к литературной работе. Посылая мне свой доклад о Некрасове, которого любит глубоко и искренно, она просит меня разрешить ее сомнения и дает обещание поступить именно так, как я посоветую.

Сколько у меня таких писем и от участниц семинара Пиксанова, и от участников и участниц моих собственных семинаров!

Я берегу эти письма и подчас — в особенности, когда взгрустнется, — по несколько раз их перечитываю.

Кто-то назвал детей «цветами жизни». Мне кажется, что это изречение нуждается в некоторой поправке: дети — это цветы, но нераспустившиеся, скорее бутоны, чем цветы; истинными же «цветами жизни» являются юноши и девушки.

Говоря о юношах и девушках, я, связанный многими годами с педагогической работой сначала в старших классах среднеучебных заведений, затем в вузах, имею в виду прежде всего учащихся юношей и девушек, учащуюся молодежь. Отличная у нас учащаяся молодежь! Умная, способная, работающая, пылкая и самоотверженная!

Поскольку речь идет о молодежи наших дней, — тут и спору быть не может. Но и в дореволюционные времена учащаяся молодежь в массе своей заслуживала такой же оценки. Ошибаются те, кто утверждает, что университеты и высшие женские курсы были до отказа переполнены «буржуазными сынками» и «буржуазными дочками», что эти «сынки» и «дочки» задавали в них тон. Конечно, очень значительное количество студентов и курсисток 90-х и 900-х годов по социальному происхождению принадлежало к буржуазии. Но в университетах, на высших курсах, а иногда еще в средней школе большая часть из них подвергалась процессу быстрой демократизации. За процессом демократизации неизбежно следовал процесс революционизирования. Я совершенно категорически утверждаю, что студенчество последних десятилетий XIX в. и первых десятилетий XX в. было в массе своей и демократически и революционно настроено.

Те симпатии, которые оно неизменно проявляло к Некрасову и которые нашли себе яркое отражение во многих студенческих письмах ко мне, с несомненностью свидетельствовали, что Некрасов привлекал к себе учащуюся молодежь не только как великий художник, но и как революционно-демократический поэт.

Если учащаяся молодежь находила и продолжает находить удовлетворение, занимаясь в некрасовских семинарах, то я, руководя работой этих семинаров, чувствовал и чувствую двойное удовлетворение: удовлетворение от того, что эти занятия посвящены любимому моему поэту, во-первых, и удовлетворение от непосредственного и тесного общения с молодежью — во-вторых. Чем старше я становлюсь, тем сильнее и сильнее

сказывается во мне тяга к молодежи. Я вижу в ней ту силу, которая не только догонит нас, стариков, но и одолеет препоны, заставлявшие нас останавливаться, а то и поворачивать вспять. Я люблю повторять замечательные слова старого писателя, ныне несправедливо забытого: «Стыдно было бы новому поколению не стать выше нас, поколения уже преходящего, потому выше, что оно старше нас, после нас явилось продолжать, что мы начинали» (Н. А. Полевой).

В 1917 г. целый ряд работ некрасовского семинара Н. К. Пиксанова был закончен и, естественно, возник вопрос о печатном использовании, хотя бы некоторых из них. Я в то время принимал участие в делах доживавшего свой век книгоиздательства «Общественная польза», которое мой отец тщетно старался спасти от угрожавшего ему банкротства. Поговорив с отцом, я выяснил, что «Общественная польза» могла бы издать не слишком большой по размерам «Некрасовский сборник», в который вполне возможно было включить и две-три работы участников семинара.

Когда я сообщил об этой возможности Николаю Кириаковичу, он отнесся к ней очень сочувственно и обещал свое полнейшее содействие. Решено было, что сборник выйдет под нашей общей редакцией к концу 1917 г., т. е. к сорокалетию смерти Некрасова.

Февральская революция и сопровождавшие ее события создали, однако, такую обстановку, при которой и выход сборника очень запоздал, и качественная сторона его несколько пострадала.

Я дал для сборника две статьи «Революционная стихия в творчестве Некрасова» и «Некрасов и братья-писатели».²¹

Первая из них представляла посильный отклик на долгожданную и страстно желанную революционную грозу. В первый раз я получил возможность свести воедино накопившиеся у меня за долгие годы работы данные о революционных элементах поэзии Некрасова. Сделанный мною в этой статье подбор цитат и ссылок, биографических и иных данных в подтверждение революционного демократизма Некрасова приобрел в настоящее время широкие права гражданства в том смысле, что им пользуются решительно все, пишущие об идейном содержании поэзии Некрасова.

Я писал эту статью спешно, сильно схематизируя изложение, но испытывал в то же время большое удовлетворение, что вот впервые в своей жизни пишу, не оглядываясь на цензуру. Приятно было также раз навсегда притулиться с псевдонимом или вернее присоединить его к моей фамилии. Псевдоним «Евгеньев», присоединенный к фамилии «Максимов» дал мое теперешнее литературное имя — Евгеньев-Максимов.²²

Вторая моя статья, «Некрасов и братья-писатели», была целиком основана на результатах моей длительной работы по изучению относящихся к Некрасову архивных материалов Литературного фонда (Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым). В этой статье мне удалось сгруппировать немалое количество документов, свидетельствовавших о том, что Некрасов в роли члена Комитета Литературного фонда много потрудился для оказания материальной помощи голодающим и холодающим представителям литературного пролетариата.

Кроме названных статей, я включил в состав «Некрасовского сборника» ряд материалов, а именно писем Некрасова, писем к Некрасову, воспоминаний о Некрасове. Однако комментировать эти материалы, снабдить их соответствующей научной аппаратурой я уже не смог. Не

²¹ Некрасовский сборник. Неизданные письма и воспоминания, статьи, библиография. Пг., изд-во «Общественная польза», 1918.

²² Упоминаю об этом, так как до самого последнего времени мне иногда приходится отвечать на вопрос: «Какова же наконец, Ваша фамилия — Евгеньев или Максимов?» (Примеч. В. Е. Евгеньева-Максимова).

смог потому, что напоенная революционным электричеством атмосфера 1917 г. не оставляла для этого ни достаточного времени, ни должного душевного спокойствия.

Около половины сборника заняли работы участников семинара Н. К. Пиксанова. Все эти работы — и работа Тер-Микельян «Библиография воспоминаний о Некрасове», и работа В. Дерновой «Библиография и хронология сочинений Некрасова», и работа А. Гובה «Библиография и хронология писем Некрасова» — носят чисто библиографический характер. Это, конечно, никоим образом не снижает их значения. Скорее наоборот, увеличивает его, ибо отсутствие библиографических работ по Некрасову в течение долгого времени служило серьезным тормозом к изучению литературного наследия поэта.

К сожалению, названные библиографические работы не свободны от некоторого количества ошибок. Этих ошибок возможно было избежать, если бы работа над сборником протекала в более нормальных условиях.

А условия становились все более и более трудными. К лишениям материального порядка, грозившим ужасами полугодного существования, присоединилась непрестанная душевная тревога. Она происходила от неумения разобраться в хаосе бурных политических событий и от незнания, за какое практическое дело следует взяться. Путь политической борьбы — важнейший из путей того времени — был для меня непривычен; кроме того, мои политические симпатии и антипатии не установились. Прогрессировавшая разруха лишала, с другой стороны, возможности вести серьезную научно-литературную работу, так как печататься все равно было негде, а писать впрямь не позволяла необходимость обеспечить прожиточный минимум для семьи.

В конце концов я пришел к выводу, что наиболее полезным в данный момент могу быть на культурно-просветительном поприще. Практически это значило, что я принял деятельное участие в преобразовании того учебного заведения, в котором работал с 1908 г. (Первое реальное училище), в школу нового типа, в школу советскую, а также отдался лекционной работе в бесчисленных клубах того времени.

Лекционная работа вскоре настолько увлекла меня, что стала на некоторое время главным интересом моей жизни. Нести просвещение в рабочие массы, в те самые массы, которые только что опрокинули гнилое здание старого порядка и с великими усилиями, в кровавой борьбе, в упорном труде, в нечеловеческих лишениях прокладывали себе дорогу к новой жизни, — какая задача могла быть почетнее этой задачи? Она тем более меня привлекала, что я имел твердое намерение в программу своих лекционных выступлений ввести и лекции по Некрасову, которого, как я знал, рабочие массы так ценили и любили.

Вскоре я завязал тесные сношения с Политпросветом и стал деятельным работником лекторского бюро. Служащие Политпросвета — спасибо им! — учитывали мою тягу к Некрасову и нередко снабжали меня нарядами на прочтение лекций именно о Некрасове.

И вот началась моя лекционная страда, захватившая целые полтора года (весь 1918 год и первую половину 1919 г.).

Незабываемое время! С внешней стороны жилось безобразно плохо. Еда — суп из селедочных головок и знаменитая «пшеничка» под гостеприимным кровом столовой Лиги Равноправия женщин, что на углу набережной Невы и 8-й линии (Васильевского острова). Обтрепанное пальтишко, брюки с бахромой, ботинки без подошв, пропускающие воду даже при самом легком дожде. И тем не менее все существо переполняет чувство какого-то непередаваемого энтузиазма. Кажется, вот-вот у тебя вырастут крылья, взмахнешь ими и улетишь куда-то в поднебесную высь и ширь. Источник этого чувства — в сознании, что с проклятым прошлым покончено навек, что оно никогда, никогда не

вернется, что и твой народ и тебя, ничтожный атом в многомиллионном коллективе, ждет светозарное будущее, а также в огромном удовлетворении от работы, которая давала самое ценное, что есть в жизни, — ощущение слияния с массами.

Взглянешь на наряды, выданные лекторским бюро. «Сегодня у меня две лекции: одна у Московской заставы в 6 час., другая на Выборгской стороне в 9 час. Не близкий путь! Хорошо если дадут грузовую машину, а то ведь на своих на двоих придется поспевать...». И бежишь с Московской заставы на Выборгскую сторону, бежишь в весеннюю распутицу, когда в сапогах буквально вода хлюпает, бежишь в осеннюю непогоду, бежишь в зимние морозы. Бежишь и знаешь, придется тебе читать в одном из бесчисленных рабочих клубов; придут в обширное, но нетопленное, дышащее то сыростью, то стужей помещение несколько сот питерских рабочих — такие же полуголодные бедняки, как и ты сам; придут не потому, что обязаны прийти, придут по собственному почину, придут, интересуясь великой русской литературой. И как слушать будут — словечка не проронят! А кончишь читать — на целую тучу вопросов-записочек отвечать придется. И каких записочек?! Подчас коряво, с орфографическими ошибками написанных, но в большинстве своем удивительно содержательных, выявляющих на редкость глубокое понимание предмета. После лекции, по русскому обычаю, «чайком угостят». Что за беда, что в «чайке» ни одной чайинки отродясь не плавало, что за беда, что вместо сахара дается таблетка сахарина, что за беда, что предложенный тебе кусочек кисловатого черного хлеба не в коровий, а в куриный носочек?! Ведь понимаешь, прекрасно понимаешь, что угощают тебя не от избытка, а от бедности, и невольно вспоминаешь некрасовские слова о том, что «иная гривна медная» бывает подчас «дороже ста рублей».

Меня считают не плохим лектором, и, действительно, нередко я сам наблюдаю, что мне удается захватить аудиторию. Но никогда, насколько могу судить, я не читал так хорошо, как в 1918—1919 гг.

Успеху моих лекций, в частности лекций о Некрасове, в значительной степени способствовала моя воспитанница — Катя Семенова. Эта исключительно способная крестьянская девочка, прожившая у меня в доме целых восемь лет, не переставала изумлять и радовать меня своими выдающимися способностями. За что ни возьмется — все ей давалось шутя: гимназическое учение, и иностранные языки, и музыка, и пишущая машинка.

Не без моего, быть может, влияния Катя страстно полюбила стихи и превосходно читала их. Особенно ей удавалось чтение некрасовских стихов. Никогда я не слышал, да, вероятно, и не услышу лучшего исполнения предсмертной поэмы Некрасова «Мать», чем исполняла ее Катя.

Однажды мне пришла в голову благая мысль использовать Катю как художественную иллюстраторшу моих лекций. Катя охотно согласилась: ее юному самолюбию льстило сознание, что она будет выступать публично, как «настоящая артистка».

Успех превзошел мои ожидания.

Наполненный до отказа зал, сотни внимательных глаз.

Охарактеризовав детство Некрасова, я обращаюсь к аудитории и говорю: «А теперь Катя Семенова прочтет вам стихотворение „Мать“».

Выходит Катя. Ей уже 15 лет, но она мала ростом и производит впечатление десяти-одиннадцатилетней девчурки. Зал не может скрыть своего удивления: «зачем понатрудилась эта малютка; какого чтения, кроме ученического, можно от нее ожидать...».

И вдруг эта «малютка» начинает грудным, выразительным, слегка вибрирующим от волнения голосом:

В насмешливом и дерзком нашем веке
 Великое, святое слово «мать»
 Не пробуждает чувства в человеке,
 Но я привык обычай презирать,
 Я не люблю насмешливости модной,
 Такую музу мне дала судьба:
 Она поет по прихоти свободной
 Или молчит, как гордая раба.

Я вижу по выражению глаз слушателей, что они покорены и захвачены. Чувствует это и Катя. Ее голос с каждой строфой крепнет, приобретает все большую гибкость, все большую выразительность. Особенно сильное впечатление производит в ее чтении письмо гордой польской аристократки к своей ослушной дочери.

А когда Катя, взволнованная, раскрасневшаяся, читает знаменитые строки, в которых поэт говорит о чудодейственном влиянии материнской любви и материнского примера:

И если я легко страхнул с годами
 С души моей тлетворные следы
 Поправшей все разумное ногами
 Гордившейся невежеством среды,
 И если я наполнил жизнь борьбою
 За идеал добра и красоты,
 И носит песнь, слагаемая мною,
 Живой любви глубокие черты —
 О мать моя, подвигнут я тобою!
 Во мне спасла живую душу ты! —

зал вскакивает, как наэлектризованный, и оглушительными рукоплесканиями приветствует маленькую чтицу.

«Мала птичка, да коготок востер», — сказал мне про Катю один седобородый путиловец.

Если лекции, о которых я говорю, проходили с успехом и, несомненно, приносили свою долю пользы слушателям, то и для меня, для моего развития они сыграли колоссальную роль. Благодаря им я впервые²³ более или менее близко соприкоснулся с рабочей массой, более или менее узнал ее. А узнав, — не мог не полюбить, не мог не проникнуться убеждением, что в условиях русской жизни нашего времени рабочий класс является самым передовым и вполне заслуживает имени «авангарда революции».

XV

К лету 1919 г. семья моя настолько изголодалась, а я сам в такой мере был измотан непосильной работой, что нужно было принимать какие-то экстренные меры. К тому же и лекционный сезон, — а зарплата за лекции составляла основную часть моего бюджета, — закончился.

После некоторых колебаний я принял предложение Отдела народного образования взять на себя заведование одной из детских колоний, учрежденных в окрестностях Петербурга.

Около семидесяти колонистов и колонисток, в число которых вошли оба мои сынишки, с несколькими воспитателями и воспитательницами были направлены в Любань.

Началась крайне напряженная работа, поглощавшая все мое время без остатка, сначала по устройству временной «летней колонии», затем по преобразованию ее в постоянную «зимнюю колонию» — в новом помещении и на новых основаниях.

²³ Я не совсем точен, употребляя выражение «впервые». Лекции для рабочих я начал читать еще в 1907 г., но они очень быстро были запрещены с.-петербургским градоначальником. (Примеч. В. Е. Евгеньева-Максимова).

Когда организационный период был закончен, выяснилось, что при существовавших тогда условиях обслужить колонию и дровами, и продуктами, и учебными пособиями, и, наконец, персоналом — задача исключительной трудности.

Два с лишним года, с лета 1919 г. по осень 1921 г., я отдавал все свои силы и энергию разрешению этой задачи.

О продолжении научно-литературной работы, в частности о занятиях по Некрасову, вообще говоря, и думать было нечего. Только однажды за все это время я урвал, буквально урвал две-три недели, чтобы исполнить просьбу К. И. Чуковского и написать биографический очерк к редактировавшемуся им «Собранию стихотворений Некрасова» 1920 г. Эта моя работа, выполненная не столько в плане научном, сколько в плане популярном, не заслуживает особого внимания, а о самом издании 1920 г. следует сказать несколько слов.

Подготавливалось оно спешно; напечатано, как и большинство книг той эпохи, неряшливо, с ошибками и опечатками; отличается значительной неполнотой и отсутствием сколько-нибудь удовлетворительных комментариев.

Вот те основания, по которым многие «судьи решительные и строгие» (например, М. К. Лемке)²⁴ готовы были вынести и, действительно, выносили этому изданию безапелляционно обвинительный приговор.

Я ни в каком отношении не несу ответственности за недостатки этого издания, а потому мой голос отнюдь не является голосом заинтересованной стороны. И вот, положив руку на сердце, должен сказать, что никогда не мог согласиться с подобного рода судом. Было бы смешно отрицать недостатки издания 1920 г., они только что указаны мною, — но с другой стороны, лишь при нарочито пристрастном отношении можно замалчивать его достоинства.

Благодаря изданию 1920 г. русский массовый читатель узнал подлинный, не искаженный цензурой, поэтический лик Некрасова, так как К. И. Чуковский ввел в текст издания весь материал, который не входил в дореволюционные издания, частью по цензурной невозможности, частью в угоду цензуре.

Затем, издание 1920 г. было многотиражным изданием, а это дало возможность запастись им не только школам и учреждениям культурно-просветительного типа, но и частным лицам, т. е. в конечном результате способствовало популяризации «музы мести и печали», широчайшему проникновению ее в массы.

И если с точки зрения сухого академизма издание 1920 г. действительно не выдерживает критики, то с точки зрения культурно-просветительной его нельзя было не приветствовать.

Как я уже сказал, административно-педагогическая работа в Любанской детской колонии оторвала меня от занятий Некрасовым на целых два года. Я подчас жалел об этом, но не мог в то же время не сознавать, что иного выхода, чем «любанское заточение», для меня не было: ведь дело шло не более не менее, как о спасении жизни семьи.

Тем не менее осенью 1921 г., в связи с приближающимся 100-летием рождения Некрасова, я почувствовал, что долее сидеть в Любани не в силах.

²⁴ Вероятно, речь идет о рецензии на издание «Стихотворений» Н. А. Некрасова, опубликованной в журнале «Книга и революция» (1920, № 1, с. 33—34; подпись: «А.»). Это указание Евгеньева-Максимова на критический отзыв М. К. Лемке, а также стиль и тон самой рецензии, характер замечаний к изданию, высказанных в ней, обнаруживающий в авторе эрудицию, превосходное знание некрасовской эпохи и текстологии, наряду с тем фактом, что в эти годы Лемке был одним из основных рецензентов по разделам «Беллетристика» и «История русской литературы» в журнале «Книга и революция», позволяют публикатору атрибутировать Лемке эту рецензию.

Первым делом я явился в Петербургский отдел народного образования, чтобы выяснить, как он собирается реагировать на некрасовскую годовщину. Там меня встретили буквально с распростертыми объятиями.

«Вас-то нам и надо! Сколько раз мы посылали на Вашу квартиру, но увы, Вас там не было. Есть ли у Вас план празднования некрасовского юбилея?».

Плана у меня не было, но я обещался составить его в кратчайший срок и сдержал свое обещание.

План этот тотчас же был рассмотрен и утвержден Наробразом, а мне было предложено взять председательство в особо учрежденной Политпросветской комиссии, на которую была возложена детализация плана и проведение его в жизнь. В состав комиссии были введены Э. В. Краснуха, Н. В. Яковлев и Т. Н. Черепнина.

Здесь не место излагать в подробности то, что было сделано комиссией в эти горячие дни конца 1921 г. и начала 1922 г., не место, прежде всего, потому, что я уже имел случай подвести некоторые печатные итоги нашей работе.²⁵ Однако, охарактеризовать общее направление деятельности комиссии и крупнейшие из осуществленных ею начинаний не будет излишним.

Основная цель работ комиссии состояла в том, чтобы «пустить Некрасова в массы». Для достижения этой цели комиссия озаботилась, во-первых, изданием соответствующей многотиражной литературы; во-вторых, инструктажем тех учреждений, которые были привлечены к непосредственному участию в проведении Некрасовской кампании; в-третьих, подготовкой кадров достаточно квалифицированных работников по осуществлению различных мероприятий, связанных с этой кампанией; в-четвертых, устройством большой Некрасовской выставки и, наконец, в-пятых, организация самого чествования поэта в юбилейные дни.

По части издания литературы удалось сговориться с Ленгизом, который согласился новым тиражом выпустить издание стихотворений Некрасова 1920 г., а также издать целый ряд брошюр, из которых две были составлены мною: одна, совсем маленькая, предназначенная для широких масс, — «Жизнь и поэзия Некрасова»,²⁶ другая, значительно больше, — «Некрасов».²⁷ В нее вошли характеристика жизни, творчества, революционных мотивов и поэзии Некрасова, примерные программы, посвященные Некрасову утр и вечеров, а также текст избранных произведений Некрасова. Кроме того, Ленгиз выпустил под моей редакцией «Некрасовский альбом» с богатым иконографическим и иллюстративным материалом²⁸ и «Памятку» о Некрасове, т. е. небольшой сборничек статей о поэте.²⁹

Едва ли не самым ценным изданием Ленгиза явился юбилейный номер журнала «Книга и революция» (№ 2/14, 1921), фактическим редактором которого был также я. Он был довольно велик по размерам и интересен по содержанию. Сравнительно высокий уровень «Памятки» и особенно юбилейного номера «Книги и революции» был обусловлен тем, что мне удалось привлечь к сотрудничеству в них крупные литературные силы. Из «маститых» в них приняли участие А. Ф. Кони, И. И. Ясинский, Л. Г. Дейч; из литературоведов, кроме меня и Чуковского, В. Ф. Бодяновский, Н. В. Яковлев, А. Л. Слонимский, П. Н. Столянский, И. А. Оксенов, А. Л. Липовский, Г. Альмединген; из артистов — П. П. Гайдебуров; из искусствоведов — Игорь Глебов (Б. В. Асафьев, — Т. Ц.) и Э. Ф. Голлербах и т. д.

²⁵ См., например, «Некрасов. Памятка ко двю столетия рождения» (Пб., 1921, с. 31—35).

²⁶ Евгеньев-Максимов В. Жизнь и поэзия Н. А. Некрасова. Пг., 1921.

²⁷ Евгеньев-Максимов В. Некрасов. Пб., 1921.

²⁸ Некрасовский альбом. Пб., 1921.

²⁹ Некрасов. Памятка ко двю столетия рождения. Пб., 1921.

Хотя в списке сотрудников и не числился ответственный редактор «Книги и революции» Константин Александрович Федин, но дружеское содействие его чувствовалось мною постоянно. В те дни я имел случай узнать и оценить этого превосходного человека, исключительно талантливого, европейски образованного, а в то же время на редкость скромного, доступного и простого. . .

Большое значение комиссия по проведению Некрасовской годовщины придавала инструктажам соответствующих учреждений. Работая в недрах Политпросвета, комиссия сравнительно легко и на широких началах смогла осуществить инструктаж всей сети политпросветских учреждений, начиная от библиотек, продолжая домами просвещения и клубами и т. д. Что касается соцвос,³⁰ к которому комиссия обратилась за содействием, то и он охотно пошел ей навстречу. Вскоре в «некрасовскую кампанию» оказались втянутыми сотни петербургских, а отчасти и провинциальных школ: и они получили от комиссии подробную инструкцию о том, что делать, как делать, когда делать и т. д.

В результате вся почти культурно-просветительная и школьная общественность нашего города приняла участие в проведении «некрасовских дней». Число лекций о Некрасове, экскурсий на Некрасовскую выставку исчислялось сотнями; число книжных и школьных выставок было немногим меньше.

Предвидя широкий размах некрасовского чествования, комиссия пришла к мысли об организации трех семинаров по Некрасову, участники которых получили бы некоторую некрасоведческую квалификацию, т. е. могли бы, если понадобится, прочесть лекцию, провести беседу или экскурсию по Некрасову, устроить Некрасовскую выставку, или Некрасовский уголок. Начинание это оказалось весьма жизненным, и все три семинара, функционировавшие в период с сентября по декабрь 1921 г., привлекли довольно значительное количество участников, главным образом из рядов педагогов, политпросветских работников и вузовского студенчества. Успеху семинаров не в малой степени способствовал и состав лекторов. Нам посчастливилось завербовать в лекторы двоих академиков — Кони и Н. А. Котляревского, а также К. И. Чуковского. Академик Кони выступал с личными воспоминаниями о Некрасове и его современниках, академик Котляревский — с лекцией об историческом значении поэзии Некрасова, К. И. Чуковский — с лекциями о художественном мастерстве Некрасова и личности поэта. Известный библиограф А. Г. Фомин знакомил участников семинара с библиографией по Некрасову. Сестра А. Ф. Кони А. Ф. Грамматчикова с присущим ей талантом вела занятия по выразительному чтению. Мне пришлось взять на себя основной курс «Жизнь и деятельность Некрасова».

Четвертым важным мероприятием комиссии явилось устройство совместно с Пушкинским Домом Академии наук большой Некрасовской выставки, которая вобрала в себя массу и книжного, и рукописного, и иллюстративного, и иконографического материала. Это, бесспорно, лучшая из когда-либо существовавших Некрасовских выставок. Над устройством ее, кроме нас, членов комиссии, немало потрудились работники Пушкинского Дома — Б. Л. Модзалевский и М. Д. Беляев.

Теперь перехожу собственно к некрасовским дням, под которыми разумею 4, 5 и 6 декабря 1921 г.

Первый из этих дней ознаменовался постановкой составленного П. П. Гайдебуровым сценария «Зеленый шум».

Небольшой, уютный зал мастерской Передвижного театра. Ни в убранстве, ни в обстановке ничего кричащего, мишурно-роскошного, бьющего на эффект. . . Все места заняты. Среди присутствующих — представители государственных учреждений, несколько литераторов, много ответствен-

³⁰ Подотдел социального воспитания Отдела народного образования.

ных работников Губнаробраза, целый ряд выдающихся представителей педагогического мира, учащиеся, работники и работницы. В 2¹/₂ часа поднимается занавес. . .

Автор сценария «Зеленого шума» — П. П. Гайдебуров — несомненно имел в виду выявить две наиболее характерные стихии Некрасовской поэзии — интеллигентскую и народную.

Первое отделение воспроизводит типично интеллигентскую вечеринку. Собравшиеся, преимущественно молодежь, говорят и спорят о Некрасове, декламируют его стихи, поют их хором и соло. В результате этих разговоров, споров, декламации, пения, музыки Некрасов обрисовывается теми сторонами своей души, которые особенно близки интеллигентской России, — Некрасов с его народолюбием («Мороз, Красный нос», «Несжатая полоса», «В полном разгаре страда деревенская»), с его революционной настроенностью («Я сбросила мертвящие оковы»), с его покаянными воплями («Неизвестному другу»), Некрасов с его общеинтеллигентской скорбью о роковом противоречии слова и дела, напедшею столь яркое выражение в словах «Суждены нам благие порывы, но свершить ничего не дано» («Рыцарь на час»).

Из артистов, выступавших в первом отделении, наиболее сильное впечатление произвели П. П. Гайдебуров (читал «Рыцаря на час»), З. А. Топоркова («Что думает старуха, когда ей не спится»), В. Н. Беседова («Несжатая полоса») и А. С. Белогорский («Неизвестному другу»). Хорошо пела В. И. Павловская-Боровик и прекрасно вел свою роль С. И. Клеманский («Слово о Некрасове»).

Не в меньшей мере удовлетворило своим заданием и второе отделение. Оно, перенеся зрителей на деревенскую улицу, выявило крестьянскую стихию некрасовского творчества. Перед зрителями прошли и Касьяновна («В деревне»), и замужняя Катерина («Вянет, пропадает красота моя»), и Катерина-девушка (из «Коробейников»), и дядюшка Яков, и состарившийся огородник («Не гулял с кистенем»), и Калистрат («Надо мной пела матушка»), и оба коробейника: Ванька и Тихоныч, и многие другие некрасовские персонажи.

Во втором отделении выдвинулись в качестве исполнителей К. А. Золотарев, А. Е. Прокофьев и П. Т. Митрофанова.

Несравненно более импозантным характером отличалось общегородское чествование памяти Некрасова вечером 6 декабря.

С 5-ти часов огромный Оперный театр в Народном доме начинает наполняться. . . Приходят целые группы учащихся различных школ со своими педагогами; многочисленные представители рабочих организаций, красноармейцы. К 7-ми часам и партер и амфитеатр представляют сплошное море голов. В начале 8-го митинг открывает заведующий Губнаробразом т. Н. Н. Кузьмин. По его предложению в президиум избраны академик Н. А. Котляревский и представители литературных и общественных организаций. Председательствует Н. А. Котляревский, секретарствует А. С. Поляков. Завеса, скрывавшая бюст-памятник, падает, и перед зрителями появляются строгие черты «печальника горя народного», изваянные мастерским резцом профессора Академии художеств В. В. Лишева. Председатель возглашает славу почившему поэту и приглашает присутствующих почтить память его вставанием. Весь зал поднимается и, стоя, слушает некрасовскую «Русь» («Ты и убогая, ты и обильная»), исполняемую хором <А. А.> Архангельского. Настроение торжественное и приподнятое.

Митинговое отделение началось моею речью.

«Душою Некрасова, — говорил я, — владели преимущественно два чувства: великая любовь и великая ненависть. „Кипящую лавою“ проходят они чрез всю его поэзию. Страстно любя одних, поэт не менее страстно ненавидел других. И его любовь и его ненависть имели свои законные, как общественные, так и психологические, основания.

Сегодняшний праздник есть праздник любви, ибо любовь к почившему поэту собрала сюда всех нас, любовью взволнованы были наши сердца, когда мы первые всматривались в черты его лица, так мастерски воспроизведенные на этом бюсте-памятнике, любовь говорила нашими устами, когда мы возглашали ему славу —

Ему, навек уснушему,
Ему, в земле зарытому,
Страдальцу и печальнику
Земли своей родной.

Вот почему не о тех, кого он ненавидел, может быть, вполне заслуженно, хочется мне говорить сегодня, а о тех, кого он любил.

Больше всего и сильнее всего любил Некрасов русский народ.

Уже в 40-х годах, в начале своей серьезной литературной деятельности, устами героя своего романа „Три страны света“ Каютина Некрасов категорически заявляет: „я много люблю русского крестьянина, потому что хорошо его знаю“. И этой любви он остался верен в течение всей своей жизни.

В покаянном экстазе, оплакивая свои нравственные падения, свою приверженность к минутным благам жизни, Некрасов в одном не хочет признать себя виновным: от своей любви к народу он не отрекался, ей он не изменял. А если так, то не потеряна и надежда на прощение.

За то, что я, черствея с каждым годом,
Ее умел в душе моей спасти,
За каплю крови, общую с народом,
Мои вины, о родина! прости...³¹

В последнее десятилетие жизни Некрасова, в 70-е годы, любовь его к народу, не без влияния, конечно, той общественной атмосферы, которая в это время господствовала, достигает своего апогея.

Народ! Народ! Мне не дано геройства
Служить тебе, плохой я гражданин,
Но жгучее, святое беспокойство
За жребий твой донес я до седин!
Люблю тебя, пою твои страданья...³²

— читаем в стихотворении 1874 г.

Несколько позднее, перед лицом „зовущей, идущей смерти“, поэт восклицает:

Верь, что во мне необъятно безмерная
Крылась к народу любовь...³³

Да, „необъятно безмерная“, Некрасов доказал это всей своей жизнью и поэзией.

Пламенный народолюбец в стихах, Некрасов был народолюбцем на деле. Это подтверждается многочисленными фактами из его биографии, в частности — отзывами о нем его друзей-крестьян.

Замечательно, что любовь Некрасова к народу не была слепой любовью, которая заставляет в своем объекте видеть одни достоинства и закрывать глаза на недостатки. И алчность отдельных представителей народной среды (Влас, староста Глеб из «Кому на Руси жить хорошо»), и веками выработавшееся холопство (дворовый Ипат, Яков Верный из той же поэмы), и беспробудное народное пьянство — все эти и еще некоторые другие глубоко отрицательные явления народной жизни подме-

³¹ Цитата из стихотворения Некрасова «Умру я скоро...».

³² Цитата из стихотворения Некрасова «Уныние».

³³ Цитата из стихотворения Некрасова «Угомонись, моя Муза задорная...».

чены и художественно изображены Некрасовым. И тем не менее, сопоставляя недостатки с достоинствами, минусы с плюсами, Некрасов ни минуты не сомневался, что вторые перевешивают первые. Народ рисовался Некрасову богатырем и тела и духа. Его выносливость в работе, как бы тяжелы ни были условия ее, его непритязательность в еде и жизненном обиходе, наконец, его историческая, так сказать, живучесть, пред которой оказались бессильны все испытания, посылаемые ему судьбой в течение долгих веков, побудили Некрасова создать такой титанический образ:

Цепями руки кручены,
Железом ноги кованы,
Спина... леса дремучие
Прошли по ней — сломались.
А грудь? Илья-пророк
По пей гремит-катается
На колеснице огненной...
Все терпит богатырь!
И гнется, да не ломится,
Не ломится, не валится...
Ужли не богатырь?³⁴

Если велика и неизбывна, таким образом, физическая мощь русского народа, то не меньше ее и нравственная:

В рабстве спасенное
Сердце свободное —
Золото, золото,
Сердце народное!
Сила народная,
Сила могучая —
Совесть спокойная,
Правда живучая!³⁵

С любовью к народу у Некрасова тесно связана вера в его лучшее будущее. Поэт глубоко убежден в том,

... что ни работою
Ни вечною заботою,
Ни игом рабства долгого,
Ни кабаком самим
Еще народу русскому
Пределы не поставлены:
Пред ним широкий путь!³⁶

Как бы ни были ужасны невзгоды того или другого исторического момента, не следует „робеть за отчизну любезную“, ибо

Вынес достаточно русский народ,
Вынес и эту дорогу железную —
Вынесет все, что господь ни пошлет!
Вынесет все — и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе.³⁷

Великою любовью была также любовь Некрасова к русской интеллигенции. Поэт не замалчивал ее грехов. Кому, как ни ему, принадлежат горькие слова о либерале-идеалисте 40-х годов, который

Сам на душе ничего не имеет,
Что вчера сжал, то сегодня и сеет:
Нынче не знает, что завтра сожнет,
Только наверное сеять пойдет...³⁸

³⁴ Цитата из поэмы «Кому на Руси жить хорошо».

³⁵ Цитата из поэмы «Кому на Руси жить хорошо».

³⁶ Цитата из поэмы «Кому на Руси жить хорошо».

³⁷ Цитата из стихотворения Некрасова «Железная дорога».

³⁸ Цитата из поэмы Некрасова «Саша».

Кто с бóльшим осуждением отзывался о неспособности многих интеллигентов согласовать слово с делом?

Суждены нам благие порывы,
Но свершить ничего не дано...³⁹

Однако Некрасов знал и в русском прошлом, и в русской современности другую демократическую интеллигенцию, ту, которая умела не оставаться перед свершениями, которая претворяла в жизнь свои мечты и верования. Поэзия Некрасова временами превращается в пламенный дифирамб этой интеллигенции.

Героическим ореолом окружает он образы первых русских революционеров — декабристов и их жен.

А лучшие представители поколения 40-х годов, а прежде всего Белинский, в ком, как ни в Некрасове, нашли своего восторженного певца?! Певца, гордившегося честью быть их учеником! —

Учитель! перед именем твоим
Позволь смиренно преклонить колени!⁴⁰

А суровые разночинцы-шестидесятники, Чернышевский, Добролюбов, Писарев, с их неукротимой жаждою ниспровергать авторитеты, ломать гниль и ветость, в которых коснела русская мысль, с их действенным, революционным порывом, — разве не Некрасов был и выразителем их дум, и искренним их панегиристом?!

Наконец, самоотверженная, вся проникнутая альтруистическими настроениями, молодежь 70-х годов в пламенных стихах воспета была Некрасовым. Ему же выпала на долю грустная миссия оплакивать ее неудачи и поражения в борьбе с грузным колоссом самодержавия («Смолкли честные, доблестно павшие»).

Две великих любви Некрасова — к народу и к интеллигенции — вызвали неодинаковое отношение к себе со стороны тех, к кому относились. Любовь к народу была любовью неразделенною, ибо Некрасов, конечно, был прав, когда писал: „песнь моя... до народа не дошла“,⁴¹ „я настолько же чуждым народу умираю, как жить начинал...“⁴² В любви к себе интеллигенции Некрасов с его болезненной скромностью и склонностью к самоуничижению временами сильно сомневался. Но в годы его болезни и умирания интеллигенция, в лице как раз той ее части, мнение которой особенно ценил Некрасов, дала ему такие яркие доказательства (адреса студентов, письмо Чернышевского и проч.) своей любви к нему, что поэт сходил в могилу с радостным убеждением в прочности тех связей, которые установились „меж ним и честными сердцами“.⁴³

Около полувека прошло со дня смерти Некрасова и целый век со дня рождения. Нынешние некрасовские дни всколыхнули весь трудящийся Петербург. Впечатления от работы в Комиссии по организации Некрасовских празднеств, с одной стороны, состав настоящего многолюдного собрания, где, наряду с представителями государственной власти, науки, литературы, искусства, педагогического мира, учащейся молодежи, мы видим и подлинных представителей народа — рабочих, крестьян, красноармейцев, убеждают меня как в том, что интеллигенция не разучилась любить Некрасова, так и в том, что народ научился его любить. Если еще не наступило то время, о котором в предсмертной тоске мечтал Некрасов, время, когда „его песенка зазвучит над Волгой, над Окой, над Камой“,

³⁹ Цитата из стихотворения Некрасова «Рыцарь на час».

⁴⁰ Цитата из «Медвежьей охоты» Некрасова.

⁴¹ Цитата из стихотворения Некрасова «Умру я скоро. Жалкое наследство...».

⁴² Цитата из стихотворения Некрасова «Скоро стану добычею тления...».

⁴³ Искаженная цитата из некрасовского стихотворения «О муза! я у двери гроба!...».

то оно очень и очень приблизилось. По крайней мере, над Невой песенка Некрасова звучит и звучит громко. И под звуки ее да будет позволено мне от лица собравшихся здесь представителей народа и интеллигенции провозгласить вечную славу великому народному поэту Н. А. Некрасову!».

Я позволил себе, может быть, гораздо подробнее, чем следовало, изложить содержание своей речи потому, что она являлась для меня декларацией тех взглядов на социальный смысл поэзии Некрасова, к которым я пришел после двадцатилетнего ее изучения и которым я остался верен и по сию пору. Публика, переполнявшая театр, устроила мне такую овацию, что я растерялся и истуканом стоял на сцене, не зная, что делать.

«Да, кланяйтесь же! Ведь это Вам хлопают», — смеясь крикнул мне Нестор Александрович Котляревский.

6 декабря днем состоялось торжественное открытие Некрасовской выставки. Председательствовал тот же академик Котляревский, а гвоздем открытия было выступление К. И. Чуковского, который прочел интересные выдержки из своей только что вышедшей брошюры «Некрасов как художник». Выдержки эти касались особенностей поэтического языка и стиля Некрасова, его стихотворной техники и обнаружили в авторе не только вдумчивое и серьезное отношение к темам его исследования, но и способность к смелым и новым построениям.

Наконец, 6-го же декабря вечером отмечал столетие со дня рождения Некрасова Лиговский Народный дом, только что переименованный в Дом просвещения имени Некрасова. Сначала состоялся митинг, на котором пришлось выступать и мне, а затем артистами Лиговского театра была разыграна мелодрама Некрасова «Материнское благословение».

Таким образом, в чествовании Некрасова приняли участие только два сравнительно небольших театра. Что же касается академических театров, в том числе и Александринского, на котором когда-то с таким успехом шли водевили Некрасова-Перепельского, то все наши попытки раскачать их и заставить принять хоть какое-либо участие в некрасовских днях оказались совершенно безуспешными.

До сих пор не понимаю, что здесь сыграло решающую роль — бюрократическая ли рутинка, которою славились тогдашние академические театры, или нежелание путаться с нами, «политпросветчиками»? Нельзя отрицать, что некоторая часть тогдашней буржуазной интеллигенции чуждалась «политпросветчиков», прежде всего потому, что не сочувствовала направлению их работы.

Поскольку я честно и безотговорочно примкнул к «политпросветчикам», мне очень скоро пришлось ощутить в отношении себя некий холодок, веявший со стороны буржуазно-интеллигентских кругов.

Помню, как после моего выступления на митинге в Народном доме ко мне подошла одна небезызвестная литературоведка и буквально прошипела по моему адресу: «Не удержались таки: в угоду своим „большевикам“ ругнули русскую интеллигенцию». А я в своей речи лишь подчеркнул, что отношение Некрасова к дворянским либералам было отрицательное, в то время как демократическую интеллигенцию он ставил очень высоко.

Еще пример. В Петербурге в то время существовали два журнала — «Летопись Дома литераторов» и «Литературный вестник», — тесно связанные с буржуазно-интеллигентскими кругами. Будучи заинтересован в том, чтобы и они откликнулись на некрасовские дни, я счел необходимым побывать в их редакциях, но встретил в них не слишком любезный прием.

В редакции «Летописи Дома литераторов» мне прямо сказали: «В Ваших напоминаниях не нуждаемся. Откликнемся, как сочтем нужным по своему, а не по-вашему — политпросветскому».

В редакции «Вестника литературы» ответ был более дипломатичен: «Как же, как же! Мы имеем в виду приближающуюся годовщину. Запасли кой-какой материал. Может быть, и Вы что-нибудь дадите?..».

Последнее предложение было сделано со столь кислым видом, что я, не задумываясь, отклонил его.

Отголоском пренебрежительного отношения к «политпросветчику» явилось и соболезнование, высказанное мне в лицо одним видным литератором: «Вы подавали надежды стать настоящим научным работником, а теперь в популяризаторскую деятельность ударились, под политпросветским знаменем выступаете». Сказано это было с определенной целью уязвить меня, но уязвленным я все же себя не почувствовал, не почувствовал, отчасти потому, что два начинания, осуществленные мною в том же 1922 г., — создание Некрасовского музея и Некрасовского общества, имели не только популяризационное, но и научное значение, а главным образом потому, что в годы, когда власть перешла в руки крестьян и рабочих, приблизить к массам такого поэта, каким был Некрасов, являлось, с моей точки зрения, делом первой необходимости. Я это сознавал и в этом направлении работал, не покладая рук.

В этом же направлении работали и члены той политпросветской комиссии, которую я возглавлял. Мне всегда не хватало того, что называют «административным талантом», и это весьма ощутительно могло сказаться на деятельности комиссии. Однако двое из членов ее — Николай Васильевич Яковлев, пользующийся в наше время известностью как выдающийся исследователь Щедрина, и Татьяна Николаевна Черепнина — были людьми с ярко выраженной административной жилкой. Они поспевали всюду, где нужно было распорядиться, приказать, нажать. Николай Васильевич, кроме того, являлся непревзойденным мастером по части добывания кредитов. Благодаря его неусыпной и неутомимой деятельности комиссия наша и финансируемые ею мероприятия всегда были обеспечены в денежном отношении.

Эмма Васильевна Краснуха, старая партийная деятельница, играла в нашей комиссии роль «мужа разума и совета». Ее веское, рассудительное слово, ее связи с ответственными кругами не раз выводили нас из затруднений.

Может быть, я несколько увлекся, уделив так много внимания «некрасовским дням» 1921 г. Некоторым оправданием мне может однако служить то обстоятельство, что это был первый большой литературный юбилей, отпразднованный такой еще молодой по возрасту советской общественностью в теснейшем единении с органами не менее молодой советской власти. В этом — несомненное историческое и историко-политическое значение «некрасовских дней». Я горжусь тем, что мне удалось принять в их проведении деятельное участие.

На этом машинопись книги «Из прошлого. Записки некрасововеда» обрывается. Сохранился план второй части книги, написанный, вероятно, до окончания работы над первой частью, что ясно из несовпадения нумерации глав. Приводим его.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

XII. Революция. Моя брошюра «Некрасов — певец русской революции».

Посвященный Некрасову сборник издательства «Общественная польза».

Совместная с Н. К. Пиксановым работа над его составлением. Сорокалетие смерти Некрасова.

XIII. К. И. Чуковский редактирует первое советское издание стихов Некрасова. (1920 г.). Мое участие в этом издании.

Празднование столетия рождения Некрасова в Петербурге (1921 г.).

Популяризация Некрасова в массах.

XIV. Организация Некрасовского музея. Приобретение для него значительной части петербургского архива Некрасова. Распределение заказов на картины-иллюстрации к произведениям Некрасова среди петербургских художников. Б. М. Кустодиев как иллюстратор Некрасова.

XV. Славная история и горестная судьба Некрасовского музея. Организация научно-исследовательского «Некрасовского общества», академики А. Ф. Кони и Н. А. Котляревский, К. И. Чуковский и я в качестве его руководящих участников.

История и судьба Общества.

XVI. Мои курсы и семинары по Некрасову в ленинградских вузах — в Университете, ЛИФЛИ¹ и пединститутах. Отношение к Некрасову учащейся молодежи прежде и теперь.

Моя работа по Некрасову в научно-исследовательских институтах: ИРК,² ИЛИ АН СССР³ и ГАИС⁴ (ГИИС⁵).

XVII. Вторая поездка в некрасовские места — Ярославль и Карабиху (1927 г.). Знакомство с племянницами и невесткой поэта Н. П. Некрасовой. Их рассказы о прошлом.

XVIII. Пятидесятилетие смерти Некрасова (1928 г.) и отношение к нему советской общественности. Советские критики и поэты о Некрасове. Мои статьи о нем и третья, посвященная ему книга — «Некрасов как человек, журналист и поэт».

XIX. К. И. Чуковский и я возбуждаем вопрос об издании полного собрания сочинений Некрасова (в стихах и прозе). Госиздат вместо проектированных нами 10 томов, соглашается выпустить только 5 томов. . .

Находка рукописи романа «Жизнь и похождения Тихона Тросникова».

XX. Третья поездка в некрасовские места. Занятия в ярославском архиве и их результаты.

Четвертая книга о Некрасове — «Некрасов и его современники», 1930 г.

Демьян Бедный открывает «новую» поэму Некрасова («Светочи»). Переписка с ним об этой поэме.

XXI. Шестидесятилетие смерти Некрасова (1938 г.). Пятая книга о Некрасове — «Некрасов в кругу современников». «Некрасовский альбом», выпущенный под моей редакцией Учпедгизом.

XXII. Борьба за передачу Институту литературы АН СССР Некрасовской квартиры. Бюрократы в течение двух лет саботируют постановление Ленсовета.

Участие в редакции Полного собрания сочинений Некрасова. В течение четырех лет не вышло ни одного тома. Попытки активизировать работу редакции.

¹ ЛИФЛИ — Ленинградский институт истории философии и литературы.

² ИРК — Институт речевой культуры.

³ ИЛИ АН СССР — Институт литературы Академии наук СССР, теперь ИРЛИ АН СССР — Институт русской литературы АН СССР.

⁴ ГАИС — Государственная академия искусствознания.

⁵ ГИИС — Государственный институт искусствознания.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абаза Н. С. 133, 134, 153
 Абрамов Ф. А. 89
 Авсеенко В. Г. 112
 Азадовский М. К. 73
 Аксаков И. С. 95
 Аксаков К. С. 34, 40, 43, 44, 49—51, 53
 Александр II 136, 156, 160, 165, 168
 Александра К. 193
 Алексеев М. П. 72
 Альмединген Г. 199
 Алябьев А. А. 106
 Аникин В. П. 125, 128, 130, 131, 138
 Аникина А. С. 119
 Анненков П. В. 29, 35, 50, 61, 69, 71, 147
 Анненский И. Ф. 75
 Антонович М. А. 55, 57, 58
 Антонович-Мижужева О. М. 55—58
 Арлев, помещик 114, 115
 Арнольди Л. И. 33
 Архангельский А. А. 201
 Архангельский Н. М. 180, 181
 Астафьев Б. В. (псевд. — Игорь Глебов)
 199
 Астафьев В. П. 89
 Ахматова А. А. 74—86
 Ахматова И. Э. 75
 Ашукин Н. С. 29, 151
- Базилевская Е. В. 192
 Бальмонт К. Д. 93
 Басалаев И. М. 82
 Басихин Ю. Ф. 122
 Батюто А. И. 120
 Батюшков К. Н. 13
 Беглов В. А. 128
 Бедняк (псевд.) 113, 115
 Бекетов В. Н. 49, 146, 149, 151
 Белинский В. Г. 11, 14, 25—27, 30, 35,
 60, 61, 63, 108, 117, 118, 122, 187
 Белов В. И. 89
 Белоголовый Н. А. 180
 Белогорский А. С. 201
 Беляев М. Д. 200
 Березин И. Н. 151
 Беседина Т. А. 130, 131, 137
 Беседова В. Н. 201
 Бессонов Б. Л. 120, 140, 142—144, 154
 Бессонов И. А. 69
 Билинкис Я. С. 128, 130
 Бирилева М. Ф. 39
 Благоволина Ю. П. 147
 Благой Д. Д. 39, 43, 50—52
 Благосветлов Г. Е. 91, 152
 Ближневская М. Я. 146, 147, 152
 Боград В. Э. 58, 150, 152
 Бордюгов И. И. 57—59, 65
 Боткин В. П. 35, 146, 147
 Бояновский В. Ф. 199
- Бочаров С. Г. 28
 Брант Л. В. 110
 Брокгауз Ф. А. 67
 Брюсов В. Я. 53
 Булгаков М. А. 83
 Булгарин Ф. В. 15, 26, 61, 109—111
 Бутаковский А. Е. 163
 Буткевич А. А. 88, 133—137
 Бутузов В. В. 68
 Бухштаб Б. Я. 25, 33, 98, 100, 101, 119,
 124, 138
 Быков П. В. 53, 59
- Валуев П. А. 95
 Варламов А. Е. 106
 Васильев С. 88
 Вацуро В. Э. 121, 122
 Веневитинов Д. В. 98
 Верховский Г. П. 119
 Веселовский Б. Б. 95
 Винардо-Гарсиа П. 72
 Вильчинский В. П. 70
 Водовозов Е. Н. 4
 Воробьев С. М. 176
 Воскобойников Н. Н. 116
 Вьялицина Н. В. 75
 Вяземский П. А. 34, 38, 49, 54
- Гагарин И. С. 37, 40, 49
 Гаевский В. П. 67—73
 Гаевский П. И. 67, 69
 Гайдебуров П. П. 199—201
 Галахов А. П. 176
 Галахова Е. П. см. Фролова Е. П.
 Гаркави А. М. 25, 94, 101, 109, 110, 117,
 130, 146, 147, 151, 152
 Гастфрейнд Н. А. 69
 Гейне, подруга М. Л. Огаревой 174
 Гейне Г. 47
 Георгиевский А. И. 39, 42
 Гербель Н. В. 91
 Герцен А. И. 7, 23, 68, 69, 95, 140, 142—
 144, 152, 154, 169
 Гете И. В. 122
 Гильдебрант О. И. 187, 188
 Гин М. М. 25, 28, 31, 34, 94, 95, 124, 130
 Гиппиус В. В. 131, 132
 Гиппиус З. Н. 80
 Гладков Ф. В. 3
 Глебов Игорь см. Астафьев Б. В.
 Глушицкий Н. И. 70, 71
 Гобов А. С. 192, 195
 Гоголь Н. В. 25—35, 37, 67, 110
 Голлербах Э. Ф. 199
 Гомберг, банкир 170
 Гончаров И. А. 29
 Горелов А. А. 89
 Горький М. 3, 89, 139

- Грамматчикова А. Ф. 200
 Грановский Т. Н. 161, 173, 175, 176
 Греч Н. И. 148
 Гржегелевский И. Т. 144, 154, 156, 158—
 160, 163, 164, 166, 172, 174
 Григорович Д. В. 11, 15, 29, 68, 120
 Григорьев А. А. 10, 90
 Григорьев П. В. 62, 68
 Груздев А. И. 126, 129, 133, 136, 137
 Гурилев А. Л. 102
 Гусев Н. Н. 147
- Даль В. И. 33
 Данненберг К. А. 119, 121, 122
 Дашков П. Я. 92
 Дейч Л. Г. 199
 Дельвиг А. А. 67, 69
 Дементьев А. Г. 140, 141, 143—145
 Денисьева Е. А. 39, 42, 43
 Державин Г. Р. 75
 Дернова В. П. 192, 195
 Джаншиев Г. А. 73
 Джонсон, аптекарь 171
 Добровольский Л. М. 95
 Добролюбов Н. А. 4, 19, 23, 35, 56—59,
 61—63, 65, 66, 90, 91, 100, 113, 146, 147,
 149, 188, 204
 Долгих У. М. 97
 Достоевский Ф. М. 28
 Дроздов В., помещик 115
 Дружинин А. В. 25, 29, 31, 32, 35, 54,
 68—71, 147
 Дудышкин С. С. 59, 60, 91
 Дэрас, домовладелец 171
- Евгеньев-Максимов В. Е. 19, 25, 35, 55,
 56, 87—89, 96, 97, 149, 177—207
 Евнин Ф. И. 56, 58, 63
 Евстигнеева Л. А. 124—126, 130, 131
 Еленев Ф. П. 151, 152
 Елисейев Г. З. 133, 181
 Ераков А. Н. 67, 69
 Есенин С. А. 46
 Ефремов П. А. 92, 93, 96
 Ефрон И. А. 67
- Жданов В. В. 55, 56, 87, 138, 142, 143
 Жуковский В. А. 31, 38, 44, 49, 60, 98
- Заборова Р. Б. 67, 149, 151
 Закревский А. А. 169, 170, 172
 Зинаида Ф. 193
 Золотарев К. А. 201
 Золотусский И. П. 30
- Иванов Ан. С. 89
 Измайлов А. А. 111
 Исаев Е. А. 3
 Исаковский М. В. 89
 Ишимова А. О. 116
- Кантемир А. Д. 4
 Капнист И. В. 169
 Каракозов М. М. 166, 168, 169
 Карамзин Н. М. 13
 Карлейль Т. 146, 147
 Картавов П. А. 177
 Карташева К. С. 152
 Карцова, подруга М. Л. Огаревой 174
 Катков М. Н. 113
 Кауфман И. И. 96
 Кетчер Н. Я. 173
- Киреев Н. 176
 Киреевский И. В. 77
 Клеманский С. И. 201
 Ковалевский Ег. П. 150, 151
 Ковалевский П. М. 53
 Козлов И. И. 98
 Кокорев В. А. 147
 Кольцов А. В. 3, 8, 9, 12, 102, 103
 Комаров А. А. 29, 30
 Кони А. Ф. 94, 177, 199, 200, 207
 Конкин С. С. 141
 Костров Н. А. 67
 Котляревский Н. А. 200, 201, 205, 207
 Краевский А. А. 36, 95, 111, 186, 187
 Кралин М. М. 74
 Краснов Г. В. 72, 128, 132
 Краснуха Э. В. 199, 206
 Крестовский В. 90
 Кривенко С. Н. 177
 Кривцов С. И. 68
 Кронеберг А. И. 110
 Крошкин А. Ф. 25
 Крылов И. А. 7—9, 68
 Кубиков И. Н. 3, 16
 Кузьмин Н. Н. 201
 Кукольник Н. В. 109—111
 Кулиш П. А. 31, 34
 Кульчицкий 189
 Куприяновский В. А. 87
 Кустодиев Б. М. 207
- Лаврецкий А. 43
 Лазаревский В. М. 67—69
 Лазурский В. Ф. 54
 Лакруа 171
 Ламартин А.-М.-Л., де 44
 Лебедев Ю. В. 112
 Лемке М. К. 94, 198
 Ленин В. И. 14, 139
 Лермонтов М. Ю. 75, 98, 101, 122
 Лесков Н. С. 120
 Липовский А. Л. 199
 Литвинова Е. Ф. 59
 Лишин О. В. 152
 Лишина А. К. 152
 Ломан О. В. 88, 121
 Ломоносов М. В. 4, 5
 Лукиан 105
 Любимцев Я. И. 165, 166, 168
 Лютый 105
 Ляцкий Е. А. 153
- Мазур Т. П. 90
 Майков А. Н. 100, 105
 Майков В. Н. 37
 Макаров А. Н. 187, 188
 Макаров Н. П. 146—148
 Максимович А. Я. 55
 Мар Анна 77
 Марков Г. М. 89
 Маслов В. С. 63
 Мезенцев 153
 Мей Л. Я. 91
 Мельгунов Б. В. 44
 Менцов Ф. Н. 119, 121, 122
 Меньшиков М. О. 76
 Мечников Л. И. 146, 152
 Минин-Сухорук К. З. 147
 Митрофанова П. Т. 201
 Михайлов М. Л. 147, 169
 Михайловский Н. К. 133
 Мицкевич А. 151

Модзалевский Б. Л. 177, 178, 188, 200
 Морель, хозяин гостиницы 169
 Мостовская Н. Н. 25
 Мусин-Пушкин М. Н. 146
 Мышкин И. 153
 Мячиков, чиновник 173

Наполеон Бонапарт 48
 Некрасов А. С. 182
 Некрасов Н. К. 87, 88
 Некрасов Ф. А. 83
 Некрасова Е. А. 182
 Некрасова З. Н. 178—182
 Некрасова Н. П. 207
 Нерон 105
 Нессельроде К. В. 44
 Никола́, доктор 171
 Николаев А. А. 36, 38
 Николаев А. С. 189
 Николай I 44, 156
 Новиков Н. И. 5

Оберт К. С. 148
 Оболенский Д. А. 33
 Огарев Н. П. 62, 140, 141, 144, 154—166,
 169, 172—174, 176
 Огарева 169
 Огарева М. Л. 140—143, 145, 154—160,
 163—166, 168—171, 174, 175
 Одревский В. Ф. 33
 Оксенов И. А. 199
 Оленины 111
 Орлов А. Ф. 155, 169
 Осповат А. Л. 54
 Островский А. Н. 71, 147

Павлова К. К. 99
 Павловская-Боровик А. С. 201
 Павловский А. И. 80
 Пажитнов К. А. 95
 Панаев А. И. 187, 188
 Панаев В. А. 121
 Панаев И. А. 58, 187, 188
 Панаев И. И. 29, 30, 54, 67, 97, 147, 163,
 187, 188
 Панаева А. Я. 140—145, 154, 157—169,
 172—176, 183, 188
 Пастернак Б. Л. 107
 Перепельский Н. (псевд. Н. А. Некрасова)
 205
 Перовский В. А. 169, 170
 Перпер М. И. 152, 153
 Петр I 4, 8
 Петр III 5
 Пигарев К. В. 38—43
 Пиксанов Н. К. 191—195, 206
 Пиотровский А. Р. 150, 151
 Писарев Д. И. 204
 Писемский А. Ф. 25, 34, 35, 71
 Плетнев П. А. 30, 34, 37, 54, 178
 Плеханов Г. В. 20, 64—66
 Плещеев А. Н. 37, 65
 Погодин М. П. 34
 Погоцкий А. Д. 71
 Полевой Н. А. 194
 Полонский Я. П. 92
 Поляков А. С. 201
 Пономарева С. Д. 68
 Попов А. В. 88, 124
 Потанин Г. Н. 148—150
 Потанин П. Н. 149
 Потапов А. Л. 153

Прац Э. 49
 Прийма Ф. Я. 3, 82, 128
 Прокопович Н. Я. 30
 Прокофьев А. А. 3
 Прокофьев А. Е. 201
 Прокшин В. Г. 123—125, 128—130
 Протасов И. Ф. 156
 Проханов И. С. 178, 179
 Пушкин А. С. 7, 12, 31, 37, 38, 44, 49,
 67—69, 72, 75, 77, 82, 83, 100, 101, 106,
 111, 122
 Пыпин А. Н. 63, 96, 153
 Пыпина В. А. 153

Раде, сиделка 171
 Радищев А. Н. 5—9, 23, 24
 Райч С. Е. 40
 Распутин В. Г. 89
 Рахманинов Ф. И. 149
 Рейсер С. А. 73, 121
 Розанов Л. А. 130
 Рольстон В. Р. 72
 Ростопчина Е. П. 40
 Рубцов Н. М. 89
 Рудакова А. Ф. 83
 Ручьев Б. А. 3
 Рыленков Н. И. 89

Сакулин П. Н. 130, 137
 Салгас-де-Турнемир Е. А. 111
 Салтыков-Щедрин М. Е. 8, 67, 69, 72—
 74, 109, 132—137, 181, 192, 206
 Сатин Н. М. 161, 163, 166, 168, 169, 173,
 175
 Сахновский В. Г. 77
 Селезнев А. И. 69
 Семевский М. И. 91
 Семенова К. Е. 196, 197
 Сенека 105
 Сенковский О. И. 119
 Сераковский С. 90, 91
 Сергеев-Ценский С. Н. 3
 Скотов Н. Н. 88
 Склифосовский Н. В. 180
 Слонимский А. Л. 199
 Случевский К. К. 90—93, 103, 104
 Смеляков Я. В. 3
 Смирнов В. А. 67, 69
 Смирнова А. О. 30
 Смирнова Е. А. 32
 Смит Адам 18
 Соколов-Микитов И. С. 89
 Сократ см. Воробьев С. М.
 Соловьев-Андреевич Е. А. 17
 Станкевич М. В. см. Фролова М. В.
 Стасюлевич М. М. 72, 134—137
 Столпянский П. Н. 199
 Стромиллов С. Н. 106, 107
 Суворин А. С. 29
 Судейкин В. Т. 189—191
 Сумароков А. П. 5, 67, 70
 Сушков Н. В. 39—41, 43, 45, 46, 52, 53
 Сушкова Д. И. 39, 41

Тарасов А. Ф. 87, 88
 Твардовский А. Т. 3, 89, 138
 Теплинский М. В. 123, 136, 137
 Тер-Микельян С. Г. 192, 195
 Тяньков С. Ф. 159, 173
 Толстой Л. Н. 54, 113, 147, 166
 Топоркова З. А. 201

- Трофимов И. В. 128
Трушковский Н. П. 34
Турбин С. И. 70, 71
Тургенев И. С. 11, 15, 25, 29, 30, 32, 33, 35, 39, 43, 44, 46, 50—54, 59, 61, 63, 68, 69, 71, 72, 90, 92, 93, 106, 108, 117, 120, 122, 144, 147, 154, 181, 182
Турнье 171
Тучкова Н. А. 169, 171
Тынянов Ю. Н. 47, 48
Тютчев Ф. И. 36—54
Тютчева А. Ф. 40
Тютчева Д. Ф. 40
Тютчева Э. Ф. 39, 40
- Ульянов А. И. 65
Ульянов И. Н. 65
Ульянова М. И. 65
Ульянова-Елизарова А. И. 65
Унковский А. М. 67, 72, 73
Урбан А. А. 75, 76
Успенский Г. И. 8
Успенский Н. В. 121, 187
Ушинский К. Д. 4, 16
- Федин К. А. 200
Федоров А. В. 90
Федоров В. Д. 3
Фейгина О. 186
Фермор В. Ф. 120
Фермор М. 120
Фермор Н. Ф. 119—122
Фет А. А. 43, 51, 53, 72, 105, 106
Филипченко И. Ф. 81
Фокина О. А. 89
Фомин А. Г. 3, 200
Фрейганг А. П. 146
Фролов Н. Г. 175, 176
Фролова Е. П. (урожд. Галахова) 176
Фролова М. В. (урожд. Станкевич) 175, 176
Фурье Ш. 11
- Хомяков А. С. 100
Царькова Т. С. 177
- Цветаева М. И. 86, 107, 108
- Челышев, домовладелец 156
Червяковский С. А. 131, 138
Черепнина Т. Н. 199, 206
Чернышевская О. С. 183
Чернышевский М. Н. 153, 183, 184
Чернышевский Н. Г. 4, 18, 23, 25, 30—32, 34, 35, 56, 62—64, 142—144, 147, 149, 151, 153, 169, 183, 184, 204
Черняк Я. З. 142—144, 169, 172—175
Чижов А. А. 158
Чистяков М. Н. 116
Чичерин А. В. 139
Чуковский К. И. 25, 31, 33, 75, 77, 84, 100, 101, 124, 128, 137, 138, 188, 198—200, 205—207
Чулков Г. И. 50, 51
Чуриловский 111
- Шамориков И. В. 132
Шаншиев Н. С. 141—144, 154, 157—169, 172, 174—176
Шевырев С. П. 34
Шигин И. А. 23
Шилов П. М. 166, 169
Шилова 169
Шляпкин И. А. 192
Шовен, слуга 171
Шпис В. И. 174
Штиглиц 170
Штукарев В. А. 147
Шульгин Д. И. 169
- Эбелинг А. К. 155, 170, 173
Эйдельман Н. Я. 91
Эйферт А. И. 172
Эйхенбаум Б. М. 147
Эльзон М. Д. 109
- Языков Н. М. 30
Яковлев Н. В. 199, 206
Ямпольский И. Г. 90
Яниш К. И. 173
Ясинский И. И. 199

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Н. А. НЕКРАСОВА

- «Актер» 121
 «Блажен незлобивый поэт...» 25, 31, 32
 «В альбом Марии Фермор» 120
 «В деревне» 11, 107, 201
 «В дороге» 10, 11, 30, 103, 118, 122
 «В неведомой глуши, в деревне полудикой...» 11
 «В полном разгаре страда деревенская...» 201
 «В столицах шум, гремят витки...» 81
 «Весна» 9
 «Влас» 11, 77, 84
 «Вчерашний день, часу в шестом...» 11
 «Герои времени» («Современники», 2) 135
 «Говоруны» 10
 «День рождения» 119
 «Деревенские новости» 14
 «Дума» («О чем тоска и сокрушенье...») 119
 «Дума» («Сторона наша убогая...») 102
 «Душно! без счастья и воли...» 185
 «Железная дорога» 19, 20, 85, 203
 «Жизнь» 9, 119
 «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» 25—29, 117, 207
 «Забятая деревня» 11
 Заметка о «литературном сборнике» 96, 97
 «Заметки о журналах за октябрь 1855 года» 34
 «Зине» 13
 «Знахарка» 14
 «И немного уже остается...» 83
 «Из поэмы „Мать“» 81, 196, 197
 «Извозчик» 11
 «Изгнанник» 120
 «Испанка» (либретто оперы, неосуществленный замысел) 121
 «Истинная мудрость» 121
 «Калистрат» 201
 «Катерина» («Песни», II) 201
 «Колыбельная песня» 58, 60, 118
 «Кому на Руси жить хорошо» 15, 20—24, 58, 66, 88, 105, 123—139, 192, 201—203
 «Коробейники» 14, 15, 17, 105, 106, 201
 «Крестьянка» («Кому на Руси жить хорошо», III) 127, 128, 131, 132, 135, 138
 «Крестьянские дети» 16, 112—116
 «Материнское благословение» 205
 «Мелодия» 121
 «Мечты и звуки» (сборник) 9, 117, 119—121
 «Мне жаль, что нет теперь поэтов...» 106
 «Мороз, Красный нос» 17, 18, 75, 82—84, 86, 103—105, 107, 111, 201
 «Мужичок с ноготок» («Крестьянские дети») 16, 116
 «Муза» («Нет, Музы ласково поющей и прекрасной...») 11, 12, 100
 «На Волге» 14, 22
 «На псарне» 15
 «На родине» 11
 «Накануне светлого праздника» («Стихотворения, посвященные русским детям», VI) 23
 «Недавнее время» 100
 «Несжатая полоса» 11, 201
 «Несчастные» 8, 9, 12
 «Новое издание Сочинений Гоголя» (заметка) 34
 «Ночь. Успели мы всем насладиться...» 13
 «О Муза! я у двери гроба!...» 204
 «О погоде» 16
 «Огородник» 10, 103, 201
 «Он у нас осьмое чудо...» 109—111
 «Осипу Ивановичу Комиссарову» 137
 «Осторожность» 94
 «Отрывки из путевых записок графа Гаранского» 11
 «Отрывок» («Родился я в губернии...») 10
 «Отчеты по поводу нового года» 117
 «Очерки литературной жизни» 118
 «Песни» 78, 201
 «Песни о свободном слове» 94
 «Песня Еремущке» 14, 55—66
 «Песня убогого странника» («Коробейники») 15
 «Пир на весь мир» («Кому на Руси жить хорошо», IV) 22—24, 66, 126, 127, 131—139
 «Плач детей» 16
 «Последние песни» 58, 85, 134
 «Последыш» («Кому на Руси жить хорошо», II) 21, 126, 128, 131, 132, 135, 136
 «Поэт» 94
 «Поэт и гражданин» 13, 63, 64
 «Праздник жизни — молодости годы...» 12
 «Признания труженика» 98, 100
 «Приятно встретиться в столице шумной с другом...» 17
 «Провинциальный подьячий в Петербурге» 9
 «Пролог» («Кому на Руси жить хорошо») 123—125, 129, 130
 «Пропала книга» 94
 «Пророк» 77
 «Псовая охота» 10, 11

- «Пьяная ночь» («Кому на Руси жить хорошо», I) 126, 127
«Пьяница» 118
«Размышления у парадного подъезда» 14, 22, 65
«Раут на 1852 год» (рецензия) 43
«Родина» 11, 30, 60, 122
«Русские второстепенные поэты» 37
«Русскому писателю» 13
«Русь» («Кому на Руси жить хорошо», IV) 58, 201
«Рыцарь на час» 201, 204
«Саша» 12, 62, 63, 203
«Секрет» 10
«Скоро стану добычею тленья...» 204
«Современники» 134, 135
«Стихотворения, посвященные русским детям» 23
«Стишки! стихки! давно ль и я был гений?..» 13, 117—122
«Страшный год» 185
«Суд» 98
«Сцены из лирической комедии „Медвежья охота“» 61, 63, 95, 108, 204
«Счастливые» («Кому на Руси жить хорошо», I) 126, 127
«Тишина» 185
«Тот не поэт...» 121
«Три страны света» 202
«Три элегии» (I) 101
«Тройка» 11
«Угомонись, моя Муза зазорная...» 202
«Умру я скоро. Жалкое наследство...» 201, 202, 204
«Уныние» 27, 134, 135, 202
«Утро» 107
«Утро в редакции» 121
«Филантроп» 25, 33, 34
«Чиновник» 10
«Что думает старуха, когда ей не спится» 201
«Что ты, сердце мое, расходилось?..» 187
«Эй, Иван!» 15
«Экспромт на лекции И. И. Кауфмана» 96

СОДЕРЖАНИЕ

I. СТАТЬИ

Ф. Я. Прийма. Тема труда в творчестве Некрасова	3
Н. Н. Мостовская. Гоголь в восприятии Некрасова	25
А. А. Николаев. К истории подготовки сборника стихотворений Ф. И. Тютчева (1854), изданного редакцией некрасовского «Современника» . . .	36
В. А. Громов. К истории создания и восприятия «Песни Еремушке» . . .	55
В. А. Смирнов. В. П. Гаевский — современник Некрасова	67
М. М. Кралин. Некрасовская традиция у Анны Ахматовой	74
В. А. Куприяновский. О краеведческом аспекте изучения Некрасова	87

II. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Т. П. Мазур. Некрасов и К. К. Случевский	90
М. М. Гин. Текстологические заметки	94
Б. Я. Бухштаб. Чужие строки в стихах Некрасова	98
М. Д. Эльзон. Об эпиграмме «Он у нас осьмое чудо...»	109
Ю. В. Лебедев. О полемическом подтексте поэмы «Крестьянские дети» . .	112
<u>А. М. Гаркави.</u> Малоизвестная эстетическая декларация Некрасова . . .	117

III. ПОЛЕМИКА

М. В. Теплинский. Изучение авторского замысла поэмы «Кому на Руси жить хорошо» в современном литературоведении	123
Б. Л. Бессонов. По поводу одной публикации	140

IV. ПУБЛИКАЦИИ

Из переписки Некрасова. Публикация М. Я. Блинчевской	146
Документы «огаревского дела». Публикация Б. Л. Бессонова	154
В. Е. Евгеньев-Максимов. Из прошлого. Записки некрасововеда (продолжение). Публикация Т. С. Царьковой	177
Указатель имен	208
Указатель произведений Н. А. Некрасова	212

**КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»
МОЖНО ПРЕДВАРИТЕЛЬНО ЗАКАЗАТЬ
В МАГАЗИНАХ КОНТОРЫ «АКАДЕМКНИГА»**

*Для получения книг почтой
заказы просим направлять по адресу:*

**117192 Москва, В-192, Мичуринский пр., 12.
Магазин «Книга — почтой»
Центральной конторы «Академкнига»;**

**197345 Ленинград, П-345, Петрозаводская ул., 7.
Магазин «Книга — почтой»
Северо-Западной конторы «Академкнига»**

- 480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);**
370005 Баку, ул. Джапаридзе, 13;
320093 Днепропетровск, пр. Гагарина, 24 («Книга — почтой»);
734001 Душанбе, пр. Ленина, 95 («Книга — почтой»);
375002 Ереван, ул. Туманяна, 31;
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289;
252030 Киев, ул. Ленина, 42;
252030 Киев, ул. Пирогова, 2;
252142 Киев, пр. Вернадского, 79;
252030 Киев, ул. Пирогова, 4 («Книга — почтой»);
277012 Кишинев, пр. Ленина, 148 («Книга — почтой»);
343900 Краматорск Донецкой обл., ул. Марата, 1;
660049 Красноярск, пр. Мира, 84;
443002 Куйбышев, пр. Ленина, 2 («Книга — почтой»);
191104 Ленинград, Литейный пр., 57;
199164 Ленинград, Таможенный пер., 2;

**КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»
МОЖНО ПРЕДВАРИТЕЛЬНО ЗАКАЗАТЬ
В МАГАЗИНАХ КОНТОРЫ «АКАДЕМКНИГА»**

*Для получения книг почтой
заказы просим направлять по адресу:*

**117192 Москва, В-192, Мичуринский пр., 12.
Магазин «Книга — почтой»
Центральной конторы «Академкнига»;**

**197345 Ленинград, П-345, Петрозаводская ул., 7.
Магазин «Книга — почтой»
Северо-Западной конторы «Академкнига»**

- 199034 Ленинград, 9 линия, 16;**
220012 Минск, Ленинский пр., 72 («Книга — почтой»);
103009 Москва, ул. Горького, 8;
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;
630076 Новосибирск, Красный пр., 51;
630090 Новосибирск, Академгородок, Морской пр., 22 («Книга — почтой»);
142292 Пушкино Московской обл., МР «В», 1;
620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
700029 Ташкент, ул. Ленина, 73;
700100 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;
700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6 («Книга — почтой»);
634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18;
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
450025 Уфа, Коммунистическая ул., 49;
720001 Фрунзе, бульв. Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);
310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87 («Книга — почтой»).